УДК 80
ББК 81.2 Фр.-5
К 32

Составитель *П. Серио*
Переводы с французского и португальского
Редактор *В.Д. Мазо*
Художник *В.К. Кузнецов*

К 32 **Квадратура смысла:** Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. — М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. — 416 с.

Книга представляет собой сборник статей ведущих представителей современной французской лингвистической школы, объединенных наиболее актуальной в наши дни тематикой — анализом дискурса. Сборник охватывает все основные аспекты этой тематики — от собственно лингвистического анализа до направлений, близких к психоанализу. Составитель сборника — профессор Лозаннского университета П. Серио, автор большого количества научных работ и, в частности, широко известной книги «Анализ советского политического дискурса» (на фр. яз.).

Книга рекомендуется лингвистам всех специальностей, психологам, социологам.

Это издание осуществлено при финансовой поддержке парижского Института наук о человеке (Maison des sciences de l'Homme). Издательство благодарит директора Института господина *М. Эмара* за содействие.

Издательство выражает признательность институту «Открытое общество» (Фонд Сороса) за помощь, оказанную в процессе работы над книгой.

Издательство благодарно авторам статей, включенных в эту книгу, вдове господина М. Пешё госпоже М.-Ж. Пешё и издательству Presses Universitaires de France за любезно предоставленные права на издание.

В оформлении переплета использована картина художника Бенжамина Вотье (Бэна) «Анализ» (1971)

УДК 80 ББК 81.2 Фр.-5

ISBN 5-01-004414—5

ПАРИЖ — МОСКВА, ВЕСНОЙ И УТРОМ...

Эта книга выйдет в свет весной, даже если выйдет осенью. Она несет в себе дух «майской революции 1968 года», воздух весеннего Парижа.

«Эта книга должна была бы прийти к российскому читателю двадцать лет назад», — говорит ее составитель Патрик Серио (по-русски, с веселым марсельским акцентом). «Эта книга пришла сейчас и все еще вовремя», — говорит он же. И между этими двумя утверждениями нет противоречия. Почему это так, — об этом следует сказать несколько слов.

Собственно говоря, Франция ждала революции. Мне даже кажется, что Франция всегда ждет революции. Другое дело — какой. Художественной, технической, сексуальной... Когда после настоящей революции 1848 года тогдашний префект барон Оссман прорубал в гуще старинных домов Парижа Большие бульвары, то он планировал их так, чтобы можно было простреливать полгорода прямой артиллерийской наводкой. Он ждал кровопролития. Реконструкция была закончена в 1870 году. В марте следующего года разразилась Парижская коммуна и пушки Оссмана заговорили... Весной 1968 года никто, конечно, не ждал ничего подобного. И вдруг... В одно прекрасное майское утро Латинский квартал, Сорбонну, Большие бульвары — всё затопили тысячные толпы веселой, орущей, потрясающей плакатами молодежи. Они бесновались, разбивали витрины, поджигали пустые автомашины. Они протестовали! Против чего? — Против архаичной системы образования, против старых ж... — профессоров, против воинской повинности, против бесполезного изобилия, — короче, против государства потребления!

В Нантерре в университете они ввели в актовый зал на втором этаже коня и единогласно выбрали его деканом. В соборе Парижской Богоматери во время службы архиепископа с его зычным оперным голосом они кричали: «Убавь-

те звук и прибавьте света!» В каком-то другом университете они явились на ученый совет голыми, — Сартр в печати восторженно приветствовал этот акт нудизма и революции (что привлекало его больше?) Весь Париж, как известно, уже сто лет кишит официальными надписями «Запрещается клеить афиши и плакаты» («Défense d'afficher») — они писали поверх этого свои метровые резолюции «Запрещается запрещать!» («Défense de défendre!») И потом — обобщенно «Il est interdit d'interdire!» Они не называли того, что они делали, — революцией «Революции происходят обычно в октябре!» — писали они на стенах А ведь был только май

«В самом деле, что за революция! Тысячи листовок и ни капли пролитой крови!» (Рэмон Арон «La révolution introuvable»)

* * *

Я приехал в Нантерр чуть меньше года спустя, ранней весной 1969-го Университет был все еще полон переживаниями и вещественными следами прошедших бурь В моей профессорской квартире, как и во всех входах, администрация установила стальные двери из танковой брони (тогда для москвича это было диковиной), листовки нет-нет да и падали, и в иной день в коридорах между аудиториями ноги ступали по ним, как по опавшим осенним листьям... Но горячее интеллектуальное общение продолжалось Все, с кем я тогда встречался, — Юлия Кристева, Филипп Соллерс, Ролан Барт, Мишель Фуко, говорили легко и охотно Я поехал в Париж увидеться с Роланом Бартом и Мишелем Фуко Барт принял меня в своей уютной «мальчишнице» — garçonnière, холостяцкой комнате в мансарде, у церкви Сент-Эсташ Он улыбался Мы быстро «расставили вехи» и условились поговорить подробно во время его поездки в Москву, которая тогда планировалась по приглашению Союза писателей (она не состоялась) С Фуко мы встретились в его странной аскетической квартире на бульваре Распай В комнате не было никаких предметов, посредине стоял один стул, Фуко вышел и принес еще один для меня Он сел как теперь Петр I на статуе Шемякина, с прямой спиной, положив левую руку на левое, правую на правое колено Я уселся как в Москве — задом наперед, примостив подбородок на высокую спинку. Говорить было легко. И тут опять мы быстро нашли общий научный язык, мы согласились, что «Археология знания» (эту книгу Фуко тогда выпустил в свет) и семиотика культуры, которой занимался

я, имеют, в сущности, один и тот же предмет Но мысли моего собеседника витали где-то далеко .. Мне казалось, что я уже видел или знал нечто подобное — эту атмосферу, это отсутствие вещей и парение концептов... Потом я вспомнил — это у Мандельштама..

«Да, старый мир — "не от мира сего", но он жив более чем когда-либо, — писал О Мандельштам в 1921-м, голодном в России году — Культура стала военным лагерем у нас не еда, а трапеза; не комната, а келья; не одежда, а одеяние Наконец мы обрели внутреннюю свободу, настоящее внутреннее веселье Воду в глиняных кувшинах пьем как вино, и солнцу больше нравится в монастырской столовой, чем в ресторане Яблоки, хлеб, картофель — отныне утоляют не только физический, но и духовный голод (Конечно: уже давно написаны «Едоки картофеля» Ван-Гога [1885] и вскоре будет написана «Редиска» Машкова [1924] — *Ю.С*) Современник не знает только физического голода, только духовной пищи Для него и слово — плоть, и простой хлеб — веселье и тайна»* Россия уже пережила нечто подобное тому, что переживала Франция. Россия пережила — и забыла. Франция этой книги возвращает нас к забытому.

* * *

Книга овеяна «духом Франции» — это бесспорно. Но каково же то особое с о д е р ж а н и е, которое она несет в себе? Разумеется, чтобы ответить на этот вопрос, нужно прочитать всю книгу, но одна черта, может быть определяющая, бросается в глаза с самого начала: невозможно сказать, «к какой области или к какой науке она принадлежит» К лингвистике? к психоанализу? к эпистемологии? к истории? к философии языка? к философии? к политологии? к истории идеологий? к культурологии? — Нет. Но ко всем им одновременно. (Когда мы вслед за французскими исследователями будем читать Маркса в свете психоанализа, то пребываем ли мы как исследователи в рамках истории? политэкономии? психоанализа? культурологии?) И в этом стирании границ и пределов знания — ее величайшее достоинство, в этом прежде всего ее новаторство, в этом — революционный «дух Франции»

Традиционалист, взглянув на эту особенность, сказал бы (как все еще выражаются в различных классификаторах

---

* О М а н д е л ь ш т а м Слово и культура — В его кн Слово и культура М Сов писатель, 1980, с 40

России — в номенклатуре ВАК'а — Высшей аттестационной комиссии, в классификаторах различных «фондов» финансовой поддержки и т.п.), что содержание этой книги лежит «на стыке наук» или «на границах разных наук». Но это архаическая точка зрения. Книга подводит к другому выводу, к которому со своей стороны уже пришли некоторые русские исследователи: нет «стыков границ наук», ибо нет «границ наук». Творческая деятельность ученого протекает не в «рамках той или иной дисциплины или науки», а в иной системе членения знания — в рамках «п р о б л е м н о й с и т у а ц и и». «Проблемная ситуация» — вот классификационная единица современного научного знания (если уж непременно желать классифицировать).

«Проблемная ситуация» не позволяет говорить о «принадлежности к той или иной науке», но требует говорить о «центре» проблемной ситуации. Я полагаю, что центром той проблемной ситуации, которой посвящена данная книга, является п р о б л е м а с у б ъ е к т а. Именно она объединяет в наши дни лингвистику, психоанализ, эпистемологию, логику, философию, историю, политологию.

И конечно, далеко не случайно, что именно во Франции эта проблема была осознана со всей остротой. Еще в 1968 году (опять революционный 1968 год!) Ролан Барт опубликовал свой «революционный этюд» «Смерть автора» («Mort de l'auteur»)*. Но в настоящее время мы видим, что речь идет одновременно и о «смерти субъекта» — субъекта высказывания («Я»), субъекта художественного творчества, наконец — субъекта как предмета философии. Именно так и стала называться вся эта проблема во французской школе анализа дискурса — «la mort du sujet».

В этюде Барта есть примечательные слова: «Пруст... создал эпопею современного письма. Он совершил коренной переворот, вместо того, чтобы описать в романе свою жизнь, как это часто говорят, он самую свою жизнь сделал литературным произведением по образцу своей книги...», и открытую им особенность Пруста Барт обобщает на всю литературу новой эпохи. «...жизнь лишь подражает книге, а книга сама соткана из знаков, сама подражает чему-то уже забытому, и так до бесконечности» (с. 386 и 389). Патрик Серио в своей «Вступительной статье» (см. ниже) проницательно поставил проблему «смерти субъекта» в связь с

---

* Смерть автора. — Ролан Б а р т. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. М.: Прогресс, 1989.

самой ситуацией «событий 1968 года» во Франции. Но я думаю, что в этой аналогии между жизнью и книгой есть и нечто большее: кажется, что французские философы этой эпохи «подходили к жизни как к книге», между их восприятием происходящего, жизни вообще, и ими самими как «субъектами» стоял посредником некий «текст».

«Проблема субъекта» была, конечно, осознана и в других местах, — но в других традициях и в другом освещении. В России — в духе российской традиции — мы связывали ее с новаторским художественным творчеством — от М. Горького до Б. Брехта*. Своеобразный вариант был представлен в англосаксонских странах**.

В последние годы проблема сместилась в более спокойную область — в эпистемологию и философскую, или математическую, логику, где у нее нашлись и собственно логические, более ранние основания (первая книга Я. Хинтикки, относящаяся к этой теме, «Знание и вера» была опубликована [по-английски] в 1962 году). В дальнейшем с развитием по этой линии так называемой «модельной семантики» оказался связанным целый ряд логико-философских новшеств: пересмотр классического разделения, по Г. Фреге, «смысла» и «значения», возможности осуществлять «индивидуализацию без референции» и «референцию без индивидуализации» и т.д.***.

Оригинальный вариант развития философской логики в этом направлении, основанный на сохранении и модернизации классической логики предикатов, представлен в недавней работе В.В. Петрова и В.Н. Переверзева****. (Одной из центральных идей этих русских авторов является как раз создание логико-математической модели интеллектуального субъекта, пользователя языка, — все та же «проблема субъекта».)

Как должны мы перед лицом этого «плюрализма» сходных идей отнестись к оригинальности французской

---

* См.: Ю.С. Степанов. В поисках прагматики (Проблема субъекта). М.: Изв. АН СССР. Серия литер. и яз. Т. 40, № 4, 1981.

** См.: R. Coward, J. Ellis. Language and Materialism. Developments in Semiology and the Theory of the Subject. London — Boston — Henley: Routledge, 1977; G. Kress, R. Hodge. Language as Ideology. London: Routledge and Kegan Paul, 1979.

*** См.: Я. Хинтикка. Логико-эпистемологические исследования. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1980, с. 68, 80, 95 и др.

**** В.В. Петров, В.Н. Переверзев. Обработка языка и логика предикатов. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993.

школы? Это интересный вопрос, и мы вынесем его в отдельный пункт.

Составитель этой книги Патрик Серио, чуткий к «месту и времени», каким и должен быть составитель подобных книг, дал пример ответа на такие вопросы, на другом материале, рассматривая историю и современную роль европейского структурализма. «Мы показали, — писал Серио, — что структурализм русских пражан (т.е. русских эмигрантов в Праге, С.Н. Трубецкого и Р.О. Якобсона — *Ю.С.*), полностью вписываясь в *атмосферу эпохи*, в то же время небезразличен и к *атмосфере места*, к интеллектуальной атмосфере России. Весьма расплывчатое понятие *атмосферы места*, места, которое находится одновременно в Европе и вне ее, позволяет верно поставить вопрос о соотношении частей и целого в европейской науке. Ведь пражский структурализм вовсе не находится на периферии европейской науки, наоборот, он находится в самом ее центре»*.

Должны ли мы отнестись к «французской школе» — в том ее разрезе и объеме, в каких она представлена в этой книге, — как к в а р и а н т у какого-то более общего мирового течения мысли, варианту, окрашенному «атмосферой места и времени»? Я думаю — да. Но вместе с тем и еще иначе, как к чему-то более значительному, чем просто «вариант чего-то». Различие между этими двумя взглядами довольно существенно.

При первом из возможных ответов «плюрализм школ» должен считаться излишним, некоей чрезмерной роскошью, и от него следует, наверное, избавляться (чем меньше вариантов решения, тем лучше для инварианта, ибо только он один и важен для существа дела). Но мы ответим на этот вопрос в духе Нового российского реализма. При таком взгляде «плюрализм школ» не только естествен, но и необходим: «инвариант» не является чем-то цельным, он имеет мозаичное строение и каждый фрагмент этой мозаики оказывается преимущественным объектом какой-либо одной школы. Эта мысль предельно четко выражена В.В. Петровым и В.Н. Переверзевым в указанной работе: «Современное “плюралистическое” положение дел в логике свидетельствует не о том, что единой и универсальной логики не существует, а лишь о том, что исследователи располагают

---

* П. С е р и о. Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологическая дискуссия в России. — В сб.: Язык и наука конца 20 века. Под ред. акад. Ю.С. Степанова. М.: Изд-во РГГУ, 1995, с. 338.

пока только отдельными, разрозненными фрагментами универсальной логики, не связанными в единое целое» (с. 22).

Итак, в предлагаемой читателю книге французская школа предстает перед нами и как яркий национальный вариант общемирового течения мысли, и одновременно как неповторимая ценность, не являющаяся никаким «вариантом» чего бы то ни было в мире мысли, а представляющая — сама по себе и одна во всем этом мире — то, что не только не было исследовано, но зачастую даже и не было замечено никакой другой школой

Поскольку речь зашла об интеллектуальном мире, я хочу перенести на него характеристику, данную Паскалем миру материальному Представляя мир в виде окружности бесконечного диаметра или, лучше, бесконечного по объему шара, Паскаль говорит: «Центр мира — везде, а его граница — нигде». Центр интеллектуального мира везде — там, где мы как исследователи действуем в нем Поэтому сейчас перед нами центр мира — французская школа анализа дискурса.

* * *

И вот настоящая книга, отражающая «ментальный мир» мыслящего француза, отмеченный «событиями 1968 года», прибыла в нашу страну...

В странную страну, где (если взять только контрастные с Францией черты) никто не протестует против изобилия. Но где изобилие крепчаст. Где еще лет семь назад дети в детских садах ели из пустых консервных баночек — за неимением посуды. Где еще лет шесть назад знаменитый певец Дмитрий Хворостовский на вопрос интервьюера, почему он так часто ездит за границу, отвечал: «Потому что там я нормально питаюсь». Где еще три-четыре года назад молодые ученые «с периферии» — не все, конечно, — с энтузиазмом читали европейского уровня доклады «О духовном в искусстве», «О харизматической личности», а их начищенные ботинки были только декорацией, без подметок, и они ступали по полу — а также по снегу — ногами в носках; где... и т.д. Да, вот еще, где лет сто тридцать назад у Салтыкова-Щедрина разговаривали два мальчика — «мальчик в штанах» (из Западной Европы) и «мальчик без штанов» (из России), и «мальчик в штанах», гордясь, говорил: «У нас сытнее», а «мальчик без штанов», гордясь, говорил: «А у нас — занятнее».

В странную страну, где нет цензуры, где можно говорить и писать все, но где для защиты диссертации все еще нужно, как и «при Сталине», представить в ученый совет «характеристику с места работы» (поскольку многие аспиранты работают дворниками, у мусорного ящика, — то «с какого места? От мусорного ящика?»).

В странную страну, где — пожалуй, побольше, чем во Франции, — кипит духовная жизнь, где одновременно выходят новые энергичные, напряженные внутренним ментальным напряжением журналы, множество журналов (упомяну только те — едва ли половину всех, — которые у меня сейчас перед глазами). «Логос» (Москва), «Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем» (Москва), «Волшебная гора» (Москва), «Риторика» (Москва). «Атлантика. Atlantica. Записки по исторической поэтике» (Москва), «НЛО» («Новое литературное обозрение») (Москва), «ХЖ» («Художественный журнал») (Москва), «Место печати» (Москва), «Начала. Религиозно-философский журнал» (Москва). «Philologica. Двуязычный журнал по русской и теоретической филологии» (Москва — Лондон), «Русский текст. Российско-американский журнал по русской филологии» (С.-Петербург — Lawrence, Kansas, USA), «Дом бытия. Альманах по антропологической лингвистике» (Саратов), «Говор» (Сыктывкар), а также, рядом: «Философия языка: в границах и вне границ» (Украина, Харьков). «Collegium. Международный научно-художественный журнал» (Украина, Киев). «Диалог. Карнавал. Хронотопы. Журнал исследований о М.М. Бахтине» (Беларусь, Витебск) и мн. др. ...

В странную страну, где ученый-«психолингвист» (странная специальность для наших дней) ставит психологический тест среди женщин: «Какие ассоциации-слова вызывает в вашем сознании слово "мужчина"?» и получает ответ — в Германии: секс, борода, щекотка. . Он возвращается с тем же экспериментом в Россию и получает ответ: сынок, кормилец, Чечня...

И вот настоящая книга прибыла в эту страну... Из этого контакта идей непременно произойдет что-то очень важное.

Со времени великого француза Декарта мы знали: «Я мыслю, следовательно, — я существую». Мы знали это даже во времена сталинского террора. Вместе с французами этой книги мы знаем теперь: «Я говорю, следовательно, — я существую». Кажется, что драма превратилась в водевиль. Говорить — вот все, что они умеют делать. С одной сторо-

ны, так оно и есть: «История смеясь расстается со своим прошлым». Но мы видим теперь, что «История также смеясь встречает свое будущее». Мы поняли теперь, что человек — автор событий, даже если эти события заключаются — до поры — только в говорении.

* * *

...Я возвращался от Фуко в свой Нантерр. Снова был май, день «Muguet» («Праздник ландыша»). В электричке было много продавцов-добровольцев, которые в этот день весело бродят повсюду с букетиками ландышей, перевязанными трехцветной ленточкой — цветами национального флага (или иногда ленточка синяя и красная, а белый цвет — сам ландыш). Двадцатилетняя пара целовалась, не глядя ни на кого вокруг и отставив по одной руке с букетиками далеко в сторону. Кто хотел, вынимал по букетику из этих отставленных рук и вкладывал взамен монетки. Рабочий лет сорока, навеселе от красного вина, предлагал букетики из кепки, держа ее, как корзину, в одной руке и бутыль в другой... Вот и станция Нантерра с официальным названием La Folie («Безумство»). Как обычно, весь вагон захохотал, — все помнили «студенческие безумства». «Muguet! Muguet!» («Ландыш! Ландыш!») — заорал рабочий. Пара, не размыкаясь, замахала своими двумя руками, как крыльями... Был месяц май. Франция.

Отсюда прибыла к нам эта книга.

Ю. Степанов (академик с шестидесяти лет)*

КАК ЧИТАЮТ ТЕКСТЫ ВО ФРАНЦИИ*

ПОЧЕМУ ПУБЛИКУЕТСЯ ЭТОТ СБОРНИК В РОССИИ СЕЙЧАС?

Это представление русскому читателю работ французских ученых по анализу дискурса должно было бы произойти лет двадцать назад, тем не менее и теперь не поздно связать заново нить оборванного или растянутого по времени диалога и восстановить контакт между французскими и русскими исследователями, лингвистами, философами и историками, которые равным образом задумываются о том, как истолковывать прочитываемые тексты.

Препятствия на пути к этому диалогу велики. Еще двадцать лет назад вера французской левой интеллигенции в неизбежность социальной революции любопытным образом сочеталась с полным незнанием вопросов, которые задавали себе их советские коллеги. С другой стороны, значительные потрясения французской интеллектуальной жизни после «событий» мая 1968 года, в которой все более важное место занимали психоанализ, лингвистика и тема «смерти субъекта», практически обходились молчанием в советских публикациях. Что касается неофициальных, личных контактов между исследователями, находящимися по разные стороны уродливого и оскорбительного «железного занавеса», то они были весьма ограниченными.

Чтобы возобновить этот надолго прерванный диалог, необходимо напомнить русскому читателю об одном этапе французской интеллектуальной жизни, который, как нам

Patrick S é r i o t. Comment on lit les textes en France. Эта вступительная статья написана специально для настоящего сборника и публикуется впервые.

* Заглавие данной книги: *Квадратура смысла* – повторяет заглавие сборника *La quadrature du sens*, опубликованного в 1990 году в Париже в издательстве PUF под редакцией Клодины Норман, которая любезно позволила использовать это название. Выражаем ей нашу благодарность. Публикуемая здесь статья Ж. Гийому и Д. Мальдидье взята из указанного сборника.

думается, имеет не столько исторический интерес, сколько может навести на актуальные размышления о контрастах, расхождениях и схождениях среди гуманитарных и общественных наук в обеих странах.

Теперь, когда только от нас, французских и русских исследователей, зависит, сумеем ли мы найти слова, чтобы снова разговáривать друг с другом, выясняется, что трудности на пути к диалогу тем не менее остаются.

Возникает проблема языка. Если раньше в России, как и в других странах, французский язык имел репутацию «языка ясности», то следует признать, что ситуация усложнилась за пятнадцатилетие, следующее за 1968 годом. Стиль французской интеллигенции 70-х годов трудный, витиеватый. Вторжение психоанализа в культурную жизнь Франции, его быстрое «освоение» приучили людей к тому, что они должны уделять большое внимание словам, «играть» со словами, предполагать в них постоянно какой-то скрытый смысл; многие были настолько зачарованы стилем Ж. Лакана, что имитировали его языковые особенности. Этот стиль практически непереводим на иностранный язык, поскольку все его размышления основаны именно на непрозрачности языка. С другой стороны, это время во Франции характеризуется головокружительным изобретением неологизмов. Теоретические дискуссии воспламеняли интеллигенцию. Лекции Р. Барта, М. Фуко собирали толпы слушателей в прокуренных аудиториях, где часами дебатировались вопросы семиотики, эпистемологии или дискурса. Язык текстов, представленных в данном сборнике, несет отпечаток этих страстных поисков; их чтение поэтому оказывается нелегким, а их перевод потребовал длительного времени и напряжения.

Возникает также проблема уместности политической рефлексии. Русские читатели могут отнестись по-разному к отдельным утверждениям, которые в настоящее время кажутся устаревшими. Естественно, мало кто в сегодняшней Франции рискнет писать о «классовой борьбе в теории», используя выражение философа Альтюссера. Но если русский читатель согласится оставить без внимания такого рода безапелляционные формулировки, он найдет новый подход к проблеме смысла и прочтения, пересмотр многих устоявшихся идей о прозрачности языка. Он найдет также выход из оптимистической, но наивной альтернативы между истиной и ложью, которая как будто состоит в том, что достаточно «сказать правду», и все политические проблемы исчезнут как по мановению волшебной палочки.

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Анализ дискурса (далее — А.Д.) во Франции зародился в 60-е годы под знаком соединения лингвистики, марксистской философии Луи Альтюссера и психоанализа. Уже одно это обстоятельство показывает, насколько отношения между различными научными дисциплинами во Франции отличались от положения в СССР.

ТЕОРИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: «Я» И «ДРУГОЙ»

В середине 50-х годов языковед Э. Бенвенист, известный до того времени своими трудами по индоевропеистике, опубликовал серию статей, которые затем были сгруппированы под общим названием «Человек в языке». Он показал, например, что система времен французского глагола пересекается демаркационной линией, противопоставляющей времена «повествования» (récit), абсолютно независимые от пространственно-временных координат говорящего, и времена «речи» (discours), которые интерпретируются только в соответствии с этими координатами. В повествовании, по сути дела, нет «лица», в то время как речь целиком включена в отношения между первым лицом, которое производит высказывание, вторым лицом, которому адресовано сообщение, и третьим лицом, которое, не участвуя в самом акте говорения, тем не менее присутствует. Говорящий *субъект* был, таким образом, введен непосредственно в язык благодаря конкретным, материальным показателям его присутствия. Следует отметить, что это различие наблюдается особенно четко именно во французском языке. Ему соответствует, по выражению Бенвениста, чрезвычайно развитой «формальный аппарат»*. Систематическое разграничение дейктических и анафорических элементов прослеживается в значительно большей степени, чем в русском языке. Например, во французском языке существует систематическая оппозиция обозначений «предыдущего дня» в речи: «вчера» (hier) — и в повествовании: «накануне» (la veille); то же самое для парных обозначений «завтра / на следующий день» (demain / le lendemain), «сегодня / в тот день» (maintenant / ce jour-là). В пространственных координатах также противопоставляются «здесь / там» (ici / là). Для

---

* См.: E. B e n v e n i s t e. L'appareil formel de l'énonciation. *Langages*, 1970, № 17, p. 12—18; рус. пер.: Формальный аппарат высказывания В сб.: Э. Б е н в е н и с т. Общая лингвистика (под ред. и со вступит. статьей Ю.С. Степанова). М.: Прогресс, 1974, с. 311—319.

обозначения этого явления Бенвенист ввел термин *énonciation*. По-русски принято его переводить как «акт высказывания» или просто «высказывание», что ведет за собой немало трудностей, когда его приходится противопоставлять термину *énoncé*, который тоже переводится как «высказывание» или «высказывание-результат».

Характерным для теории высказывания является то, что центральное место в лингвистическом размышлении занимает *субъект* в языке, в отличие от прагматической теории, где рассматривается лишь только отправитель речи в его отношении к получателю или к ситуации речи.

Данная теория основывается на различении высказывания как реализованного объекта, высказывания-результата (énoncé) и высказывания как акта производства (énonciation). Основной интерес этой теории заключается в самом процессе высказывания, а именно, каким образом проявляет себя субъект в том, чтó он говорит.

Показатели указанного проявления имеют разную природу: это главным образом такие слова, как «я», «здесь», «сейчас», «клянусь», «обещаю». Бенвенист называет их *показателями дейксиса*, они «прицепляют» высказывание-результат ко времени, к месту, к обстоятельствам акта высказывания.

Исследования показателей высказывания установили, что существуют некоторые языковые формы, которые могут быть определены только через их употребление субъектом акта высказывания. Эти исследования положили начало теоретическому, эксплицитному и систематическому размышлению о *субъективности* в языке*. Языковая коммуникация определяется, исходя из этого, только как следствие основного свойства языка: свойства формирования субъекта высказывания. Это свойство показывает способность говорящего конституироваться как субъект**. Следует подчеркнуть, что *говорящий* (locuteur) существует реально, как таковой, и при этом он говорит. *Субъект же высказывания* (énonciateur) приобретает существование только по-

* Отметим, однако, что Бенвенист разрабатывал понятие высказывания только применительно к французскому языку. Сравнение с русским языком могло бы довольно быстро показать, что языки по-разному организуют свой «формальный аппарат» высказывания. В частности, в русском языке значительно большее количество элементов, чем во французском, могут быть одновременно и дейктическими и анафорическими. Изучение этого различия ждет своего исследователя.

** См.: Э. Бенвенист. О субъективности в языке. — В сб.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974, с. 293.

тому и только тогда, когда он говорит. Он образуется в акте высказывания и не существует до этого акта. Он представляет собой категорию дискурса, «реальность речи»* в отличие от говорящего индивидуума из плоти и крови.

Именно из этого свойства субъекта вытекает категория «лица». Говорящий во время акта говорения присваивает себе формы, которыми располагает его родной язык, и соотносит эти формы с собственным лицом, определяя самого себя (как «я») и своего собеседника (как «ты»). Это соотношение между участниками речевой коммуникации составляет языковую основу субъективности.

Таким образом, язык не только средство общения и средство выражения мысли, он также играет решающую роль в формировании лица.

Так после эпохи чистого структурализма в 60-е годы во Франции благодаря работам Бенвениста и отчасти работам Якобсона** возникает теория высказывания. Проблематику этой теории составляет вопрос о производстве высказывания-результата субъектом акта высказывания. Именно в этом смысле данная проблематика занимает главное место в исследованиях по дискурсу.

Однако теория высказывания неоднозначна, она может быть понята как новое утверждение картезианского субъекта, субъекта психологического, субъекта неразделенного, целиком владеющего своим языком и своими коммуникативными намерениями и тем самым абсолютного хозяина над смыслом, который он хочет придать своим словам. Именно этот последний постулат оспаривается А.Д.: нельзя быть абсолютным хозяином смысла высказывания, история и бессознательное вносят свою непрозрачность в наивное представление о прозрачности смысла для говорящего субъекта.

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ А.Д. ВО ФРАНЦИИ

«Французская школа А.Д.» возникла в 60-е годы, в первую очередь как попытка устранить недостатки «контент-анализа», применявшегося в то время в гуманитар-

---

* См.: Э. Бенвенист. Природа местоимений. – В сб.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974, с. 293.

** См.: Р.О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. – В сб.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972, с. 95–113.

ных науках, особенно распространенного в Соединенных Штатах*

Являясь методом обработки информации, контент-анализ предполагает упорядочивание поверхностного разнообразия текстов, открывая тем самым возможность их сравнения и исчисления. Содержание документов при контент-анализе распределяется по схеме, узловые элементы которой, как правило, не имеют соотношения с собственно текстовыми и языковыми моментами. Исходя из этого, особую важность приобретает операция трансформации, которая позволяет представить по чисто дистрибутивным признакам вывод о том, что синтаксические структуры, которые на первый взгляд кажутся различными, могут обладать глубинным родством. Таким образом достигается преодоление буквального восприятия текста. Исчисление и упорядочение данных связываются при этом с необходимостью обработки многочисленных сведений, определяемых как показатели для некоторой социальной реальности: это могут быть газетные подборки, опросы общественного мнения и др. В отличие от контент-анализа А.Д. не изучает словесные материалы только как средства передачи информации. А.Д. ставит целью воспринимать эти материалы как *тексты*. Таким образом, если при контент-анализе тексты являются прозрачными для представлений людей, которые они призваны отражать, то А.Д., напротив, принимает к сведению их непрозрачность, отказываясь от их непосредственного проецирования на недискурсную реальность. Интерпретация текста в А.Д. должна принимать во внимание способ функционирования дискурсов, никогда не отвлекаясь от точки зрения, которая выбирается за исходную. Отсюда вытекает основное противопоставление между контент-анализом, который утверждает себя как совокупность *второстепенных технических приемов* для общественных наук, и А.Д., который стремится превращаться в подлинную *дисциплину текстового анализа*.

С другой стороны, следует учитывать культурные корни дисциплины, которая является результатом соединения в рамках определенной традиции дидактической практики и интеллектуальной обстановки.

Под *традицией* мы здесь имеем в виду ту общую для Западной Европы и России традицию, которая постоянно

---

* О контент-анализе см., в частности: B. Berelson. Content analysis in communication research. Glencoe: The Free Press, 1952; критику контент-анализа с позиций А.Д. см. у Р. Робен: R. Robin. Histoire et linguistique. Paris: A. Colin, 1973, chap. III.

сочетала историю с размышлением над текстами. Отчетливое проявление этого находим в формулировке *филологического проекта* в начале XIX века·

Филологию назвали «самым трудным из искусств чтения» Иначе говоря, филология призвана определить содержание документа, написанного на естественном языке Филолог стремится познать, какой смысл хотел передать или какое намерение хотел высказать тот, чье слово сохранилось в письменном виде Он стремится также проникнуть в культуру и в среду, в которых появился изучаемый текст, и понять условия, которые предопределили его появление Чаще всего речь идет о древних письменных памятниках, хотя филологический метод может быть применен и для интерпретации современных текстов Наука о языке в строгом смысле этого слова [.] для филолога есть не что иное, как совокупность приемов для выяснения смысла, который скрывает написанное или сказанное слово, т е филология – только служанка других наук Она обслуживает историков права, религии, литературы, а также философов, которые хотят интерпретировать тексты*.

С иными предпосылками, но А.Д. занял значительную часть территории, не занятой этой традиционной филологией.

Дидактическая практика, на которую опирался А Д., — это разбор текстов, представленный во Франции совокупностью приемов школьных и университетских методик. Франция является страной, в которой литература и ее преподавание играли большую роль, именно поэтому во Франции А.Д. требовал искусства чтения, сходного с разбором текста, практикуемым преподавателями французского языка в старших классах школ. Разумеется, А.Д. не явился простым продолжением этого школьного упражнения, но он неоспоримо уходит в него своими корнями.

Интеллектуальной средой, в которой сформировался А.Д., послужило структуралистское направление 60-х годов И здесь следует особо отметить роль в литературе структурализма, который находился тогда в своем зените.

Ссылаясь на наследие русских формалистов** в рассмотрении текстов в их имманентности, это движение действительно подготовило почву для изучения «дискурса», которое порывало с традиционной филологией. Вокруг структурализма сформировалось новое размышление над «письмом» (l'écriture), которое объединяло *лингвистику, психоана-*

---

* B. M a l m b e r g. Les nouvelles tendances de la linguistique. Paris. PUF., 1966, p. 9.

** На французском языке справочным изданием является антология, опубликованная в 1965 г. Цв. Тодоровым под названием: Théorie de la littérature. Paris: Seuil

лиз Лакана и философию Альтюссера Психоанализ позволяет избежать ловушки кажущихся неопровержимыми фактов социальной психологии. По этой именно причине, наряду с другими, марксистские философы школы Альтюссера выступали за теоретическое сближение с психоанализом в противоположность его извечному осуждению в качестве «реакционной идеологии» Французской компартией

Альтюссер читал «Капитал», используя методы фрейдовской интерпретации снов

Только со времени Фрейда мы начали подозревать, что «слушать», соответственно, «говорить» (а также «молчать») может означать, мы начали предполагать, что это «может означать» при говорении и слушании вскрывает под невинной формой глубину двойного дна, особое «может означать» в дискурсе бессознательного, формальные проявления этого двойного дна и изучаются современной лингвистикой в механизмах речевого общения*

А.Д развивался в среде исследователей (историков, лингвистов и, в меньшей степени, психологов и социологов), охваченных указанной тройной сферой влияния, для которых идеи Альтюссера играли определяющую роль.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ФОН: Л. АЛЬТЮССЕР, Ж. ЛАКАН, М. ФУКО

Трудно было бы объяснить возникновение А.Д. во Франции, ссылаясь только на веяние времени. Чтобы такого рода явление приняло характер закономерного, должны быть известная доля мечты и властное ощущение неотложности, которые по необходимости исходят из интеллектуального начинания, обладающего двигательной силой, эти качества были присущи альтюссеризму, занимавшему господствующее положение во Франции после 1968 года.

Л. Альтюссер ставил задачей придать марксизму твердую основу, соединяя его с французской эпистемологической традицией и со структурализмом При этом, чтобы не основывать марксизм на сознании людей, он пытался заменить постгегельянскую философию «праксиса» эпистемологией, и эта замена принимала окраску «антигуманизма» (напомним, сколь актуальной для этого времени была тема «смерти субъекта»)**

---

* L. Althusser. Lire le Capital Paris: Maspéro, 1975, p. 14- 15.

** О теме «смерти субъекта» см., например: Р. Барт. Смерть автора. — В сб.: Р. Барт. Избранные работы. М.: Прогресс, 1989, с. 384—391.

Альтюссер утверждал тем самым непримиримый характер разрыва между наукой и идеологией. Диалектическому материализму надлежало создать условия научного дискурса, свободного от идеологии, эпистемология которого должна была бы совпадать с марксистской философией. Для Альтюссера эта эпистемология уже нашла свое воплощение в «Капитале», который следовало *читать*, т.е. интерпретировать как особое событие в истории наук. В своем «Капитале» Маркс, по утверждению Альтюссера, уже осуществил «эпистемологический перелом»*, даже если его эксплицитное мышление в некоторых аспектах еще оставалось пропитанным историцизмом, гуманизмом и гегельянством, т.е. идеологией. Указанное несоответствие между философией и научной практикой требовало адекватного прочтения текста Маркса, которое способно было бы отделить новую науку от «эпистемологических помех».

Возникла потребность *определить науку об идеологии, основной составляющей которой должен был стать А.Д.* Теории Альтюссера надлежало изучить «воображаемую деформацию»**, которую претерпевают «реальные отношения» между людьми и их положением в обществе, когда эти отношения превращаются в идеологические представления. Эта теория исходила из того, что указанная деформация вытекает из некоторых постоянных процессов, функционирование которых предстояло выяснить.

Следует отметить, что во Франции слово «идеология» имеет множество значений, которые могут указывать на разнообразные и весьма непохожие друг на друга явления. В самом широком смысле «идеология» обозначает любой языковой и — еще шире — любой семиотический факт, который интерпретируется в свете социальных интересов и в котором узакониваются социальные значимости в их исторической обусловленности, — имеется в виду, таким образом, рассмотрение фактов, в которых наблюдается их *неадекватность* эмпирическому миру в силу их искажения или упущения, в которых усматривается ложный, необъективный и / или химерический характер и в которых устанавли-

* Термины «эпистемологический перелом» и «эпистемологическая помеха» принадлежат Г. Башляру. Он понимает под этим «момент, в который наука порывает со своей предысторией и со своим идеологическим окружением», когда она осознает свой предмет, свои принципы и свои методы путем радикальных отрицаний, часто отрицая свое время и свою среду. См.: G. B a c h e l a r d. La formation de l'esprit scientifique. Paris: Vrin, 1938; см. также: Le rationalisme appliqué. Paris: PUF, 1949; Г. Б а ш л я р. Философское отрицание. Харьков: Фолио, 1995.

** L. A l t h u s s e r. Positions. Paris: Editions sociales, 1976, p. 4.

вается тем самым ложность, иными словами — «ненаучность», для приверженцев сциентистской идеологии.

Это определение восходит к «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса, в которой идеология определяется как «воображаемое отношение людей к условиям их существования». Не следует, таким образом, понимать это слово в том значении, в котором оно имеет наибольшее распространение в русском языке, а именно как «организованная система идей».

Во Франции 60-х и 70-х годов исследователи «эры подозрения» (выражение Натали Саррот) были единодушны в том, что социальные дискурсы, «высказываемое» (les choses dites), никогда не бывают нейтральными или «невинными»* и какое-нибудь высказывание литературного характера, например «Маркиза вышла в пять часов», не менее *идеологично*, чем высказывание «Франция французам». Не существует высказывания (ни символа, ни общественного поступка), в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения.

И здесь вступает в действие лингвистика. Обращение к лингвистике обусловлено двумя причинами. Прежде всего относительная независимость, которую структурализм признавал за языком, предполагала подчинение языковым законам вместо непосредственного обращения к социально-экономическим инстанциям. Кроме того, среди гуманитарных наук лингвистика имела репутацию науки, которая самым решительным образом осуществила «эпистемологический перелом», то есть отрыв от собственной идеологии, что в конечном итоге и определяет подлинную научность. И тем самым лингвистика могла способствовать образованию подлинно научного Анализа дискурса

Но для того, чтобы понять генезис А.Д., следует также учитывать другой фактор, в равной степени основополагающий, а именно фактор психоанализа, рассматриваемого как «возвращение к Фрейду» в том смысле, в каком определял его в то время Лакан. В альтюссеризме идеология действительно заняла то место, которое в психоанализе отводилось иллюзии независимости и нерасщепленности сознания.

---

* Слово «невинный» здесь всюду является скорее галлицизмом, то есть употребляется в значении «простодушный, не ведающий сложности жизни, не подозревающий зла, безвредный». — *Прим ред.*

Принято считать, что идеология принадлежит области «сознания» [ ] На самом деле идеология имеет весьма мало общего с «сознанием», даже если предположить, что данный термин понимается однозначно Идеология является в глубинном понимании *бессознательной*, даже когда она представляется (как это было в домарксистской «философии») в эксплицитной форме*

Со времени Маркса мы знаем, что человек-субъект, экономическое, политическое или философское эго не является «центром» истории, мы знаем также, что, вопреки мнению философов Просвещения и Гегеля, история не имеет «центра», но обладает структурой, которая обнаруживает необходимый ей центр только в идеологическом незнании Фрейд в свою очередь открыл нам, что реальный субъект, индивидуум в его особом существовании, не имеет облика эго, центрированного «на себя», на «сознание», на «существование» будь то существование для себя, телесное существование или «поведенческое» существование, человек-субъект децентрирован, он формируется в структуре, «центром» которой является только воображаемое незнание «себя» Субъект формируется в идеологических формациях, с которыми он себя «отождествляет»**

Из сказанного вытекает, что в альтюссеризме явственным образом соединились психоанализ, марксизм и структурализм через тезис о ложном сознании

Не следует поэтому, как это часто все еще делается в школьном и университетском преподавании, ставить целью анализа определение *подлинного, единственного* значения, надо научиться читать множествениость и разнообразие значений Однозначность текста и зеркальное отношение «означающее / означаемое» одновременно подвергаются сомнению Процесс чтения не является, таким образом, как это слишком часто думают, пассивным или невинным, он составляет активный фактор динамики смысла

Формально название «анализ дискурса» — это перенос на французский язык термина discourse analysis, который обозначает метод, примененный американским лингвистом З Харрисом для распространения дистрибутивного подхода на сверхфразовые единицы*** Но мало сказать, что это так, чтобы объяснить, почему данное наименование сразу же получило поддержку и широкую популярность Много спорилось об обоснованности понятия «дискурс», но почти не говорилось о понятии «анализ», которое в целом было

---

* L Althusser Marxisme et humanisme, oct 1963, переиздано в сб Pour Marx Paris Maspero, 1968, p 239

** L Althusser Freud et Lacan, 1964, переиздано в сб Positions Paris Editions Sociales, 1976, p 33—34

*** Статья Харриса «Discourse analysis» опубликована в 1952 г Она была переведена на французский язык в 1969 г в журнале «Langages», № 13

воспринято как некий вариант термина «изучение» На самом деле данный анализ вполне соответствует своему обозначению Во-первых, потому, что «анализ» Харриса, основанный на так называемом «т к » — тесте коммутации, вписывается в структуралистские рамки *разложения* дискурса на части, во-вторых, потому что в этом эпистемологическом контексте А Д утверждает себя именно как *анализ* (=психоанализ), применяемый по отношению к текстам Один и тот же термин «анализ» распространяется таким образом, на лингвистический, текстовой и психоаналитический уровни

Чтобы «вскрыть невскрытое в самом тексте», надо было «соотнести его с *другим текстом*, присутствующим в нем через необходимое отсутствие», а именно с идеологией Такая двойственность является привычной для психоанализа, который умеет раскрыть «под невинностью говорения и слушания скрытую глубинность [ ] иного, *совершенно другого дискурса*, дискурса бессознательного»* В конце своей статьи «Фрейд и Лакан» Альтюссер призывал, таким образом, к «лучшему пониманию указанной *структуры незнания*, которая должна интересовать в первую очередь любое исследование по идеологии»** Опираясь на научность лингвистики и на менее твердую научность исторического материализма, следовало раскрыть фундаментальную неустойчивость текстов, которые являются продуктами идеологической *работы* так же, как сон является продуктом психической *работы*, подчиняющейся определенным законам Идет ли речь о неосознанных интересах *желания* или об интересах какого-либо социального класса, в обоих случаях «аналитик» должен был иметь в качестве предмета своего исследования процесс формирования иллюзии

В этой связи А Д во Франции стремился создать технику чтения текста, приспособленную для указанной задачи Социально-политическая активность и научный интерес слились здесь воедино изучение процесса идеологической «деформации» в дискурсе означало работу по осуществлению демистификации, которая в свою очередь является началом преобразования общества Много размышлялось о том, что при своем зарождении французская школа была почти целиком повернута на политические тексты Но сле-

---

* L. Althusser Lire le Capital, I Paris Maspero, 1965, p 12

** L. Althusser Positions, p 34

дует правильно понимать, что в рамках альтюссерианской школы выражение «анализ политического дискурса» является в известной степени избыточным: поскольку дискурсность определяется внутри идеологии, всякий дискурс, взятый за предмет анализа, должен по сути своей входить в область политики.

Период, непосредственно следующий за «событиями мая 1968 года», становится ключевым моментом для развития А.Д. Следует отметить при этом три основных исследовательских центра кафедру лингвистики Университета Париж-X-Нантерр, возглавляемую Жаном Дюбуа, Центр политической лексикометрии в Высшей Школе Сен-Клу*, исследование «автоматического анализа дискурса», предпринятое Мишелем Пеше в лаборатории социальной психологии Университета Париж-VII, объединенного с Государственным центром научных исследований (CNRS)** К этим трем центрам надо прибавить работу более индивидуального характера Жана-Пьера Фая, касающуюся соседней теоретической области, в которой марксизм и лингвистика объединялись в размышлении о политической власти дискурса***.

В то время как группа Сен-Клу разрабатывает аппарат информатики для изучения лексики листовок студенческих движений мая 1968 года, исследователи в Нантерре обращаются к политическому дискурсу с помощью метода, который получил неточное название «анализа по Харрису» В свою очередь М. Пешё обращает информатику на службу дискурсиой семантике, опираясь на определенные положения психоанализа Лакана. В тесном сотрудничестве с Альтюссером деятельность М. Пешё оказывается одновременно направленной против позитивизма, доминирующего в социальной психологии, и внутри своего лагеря против тех коммунистов, которые по тем или иным причинам отвергают психоанализ В 1969 году выходит в свет 13-й номер журнала «Langages»****, под заголовком «Анализ дискурса», подготовленный к публикации в Нантеррском университете; в это же время издается книга М Пешё

---

* Наиболее престижный вуз во Франции Сен-Клу - пригород Парижа

** Centre National de la Recherche Scientifique, приблизительный эквивалент Российской Академии Наук.

*** См.: Jean-Pierre F a y e. Langages totalitaires. Paris: Hermann, 1972

**** Paris: Larousse.

«Автоматический анализ дискурса»*. Две эти публикации обозначают в некотором смысле официальный акт рождения новой дисциплины

1969 год является также годом выхода в свет «Археологии знания» Мишеля Фуко, которая открывает для А.Д. пути, отличные от направления альтюссеризма. Совпадение в датах не случайно. Если остается бесспорным, что альтюссерианское движение дало решительный импульс для А.Д. настолько, что для некоторых исследователей оно казалось его единственным законным проявлением, то на самом деле этим не ограничивается размышление о дискурсе. Оно позволяет также осознать, каким образом А.Д. послужил оттеснению альтюссерианской проблематики. Но если влияние Фуко и было значительным, оно оставалось тем не менее в определенной степени подспудным, поскольку автор «Археологии» не позаботился о разработке эксплицитных методологических приемов.

В то время как альтюссерианское направление стремится выловить скрытые силы, заложенные в текстах, Фуко скорее отстаивает концепцию дискурса как механизма высказывания и как институционного механизма, что отвергает всякий поиск скрытого смысла. К этому прибавляется расхождение, касающееся типов текстовых корпусов, служащих отправными точками исследования: «Археологию знания» интересуют не высказывания политического характера, а скорее высказывания «научного» (медицина, экономика) или «институционного» характера (внутренние режимы больниц, протоколы судебных процессов и т.д.). Развитие исследований по высказыванию и прагматике сопровождалось все более нарастающим интересом к теории Фуко, что закономерным образом сочеталось с определенным ослаблением внимания к теории психоанализа.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ И РАЗНООБРАЗИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА «ДИСКУРС»

С конца 60-х годов ситуация значительным образом изменилась. В то время как А.Д. в этот период, опираясь на лингвистику и психоанализ Лакана, борется за внедрение новой проблематики на территории, которая еще в широком масштабе подвластна контент-анализу и филологии, в начале 90-х годов наблюдается быстрый рост исследований, относящих себя к «анализу дискурса», что затрудняет уста-

* Paris: Dunod

новление границ между А.Д. и другими научными подходами с тем же названием.

Следует признать при этом, что сам термин *дискурс* получает множество применений*. Он означает, в частности:

1° эквивалент понятия «речь» в соссюровском смысле, т.е. любое конкретное высказывание;

2° единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле; то, что является предметом исследования «грамматики текста», которая изучает последовательность отдельных высказываний.

3° в рамках теорий высказывания или прагматики «дискурсом» называют воздействие высказывания на его получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания);

4° при специализации значения 3 «дискурс» обозначает *беседу*, рассматриваемую как основной тип высказывания,

5° у Бенвениста «дискурсом» называется речь, присваиваемая говорящим, в противоположность «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания;

6° иногда противопоставляются *язык* и *речь* (langue / discours) как, с одной стороны, система мало дифференцированных виртуальных значимостей и, с другой, как диверсификация на поверхностном уровне, связанная с разнообразием употреблений, присущих языковым единицам. Различается, таким образом, исследование элемента «в языке» и его исследование «в речи»;

7° термин «дискурс» часто употребляется также для обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции. Так, когда речь идет о «феминистском дискурсе» или об «административном дискурсе», рассматривается не отдельный частный корпус, а определенный тип высказывания, который предполагается вообще присущим феминисткам или администрации.

---

* Мы воспроизводим здесь представление значений слова «дискурс», которое дается в книге: Dominique M a i n g u e n e a u. L'analyse du discours. Introduction aux lectures de l'archive. Paris: Hachette, 1991, p. 15. Можно также сослаться на различные определения слова «дискурс» во французском структурализме, приводимые в словаре И.П. Ильина, см. сб.: Структурализм, за и против. М.: Прогресс, 1975, с. 453—454. См. также статью «Дискурс» в Лингвистическом энциклопедическом словаре (М.: Советская энциклопедия, 1990), где даются 2-е, 3-е и 5-е значения.

8° по традиции А Д. определяет свой предмет исследования, разграничивая *высказывание* и *дискурс*:

Высказывание - это последовательность фраз, заключенных между двумя семантическими пробелами, двумя остановками в коммуникации, *дискурс* — это высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет. Таким образом, взгляд на текст с позиции его структурирования «в языке» определяет данный текст как высказывание; лингвистическое исследование условий производства текста определяет его как «дискурс»*

В силу этого дискурс для А.Д. отнюдь не является первичным и эмпирическим объектом: имеется в виду теоретический (конструированный) объект, который побуждает к размышлению об отношении между языком и идеологией. Понятие дискурса открывает трудный путь между чисто лингвистическим подходом, который основывается на признанном забвении истории, и подходом, который растворяет язык в идеологии.

СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ А.Д.

А.Д оказывается в ситуации значительно менее комфортной, чем в начале своего существования, когда развитие исследований по прагматике и грамматике текста было еще столь ограниченным, что А Д. мог действовать на территории, почти незанятой. А теперь, когда эта территория стала одной из самых популярных для гуманитарных наук во Франции, А.Д. вынужден точнее эксплицировать границы своего распространения

Предмет исследования А.Д. составляют, таким образом, в основном высказывания, т.е *тексты* в полном смысле этого термина:

— произведенные в институционных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания;

— наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью.

Имеются в виду, следовательно, высказывания, сложный и относительно устойчивый способ структурирования которых обладает *значимостью* для определенного коллектива, т.е анализируются тексты, которые содержат разделяемые убеждения, вызываемые или усиливаемые ими,

---

* L. G u e s p i n. Problématique des travaux sur le discours politique, *Langages*, 1971, № 23, p. 10.

иными словами, тексты, которые предполагают *позицию* в дискурсном поле. Корпус текстов при этом рассматривается не сам по себе, а как одна из частей признанного социального института, который «определяет для данной социальной, экономической, географической или лингвистической сферы условия действия актов высказывания»*.

Основной метод А.Д. имеет целью привести к позиционному единству рассеянное множество высказываний При этом А.Д. отличается от других дисциплин характером принципа, который кладется в основу этой перегруппировки. Для А.Д. действенным является не формальный критерий, в частности типологического порядка, но отношение к *месту* акта высказывания, позволяющее выявить то, что вслед за «археологией знания» М. Фуко получило название «дискурсной формации». Не проповеди как проповеди и не политические листовки как политические листовки интересуют А.Д. В А.Д. исследуется совокупность проповедей или листовок в том смысле, в котором они указывают в социальном плане на определенную идентичность в процессе высказывания, исторически очерчиваемую. Чаще всего дискурсная формация соответствует не одному-единственному жанру, а объединяет несколько жанров (листовки, манифесты, газетные статьи...).

Перегруппировка высказываний, производимая А.Д., соответствует определенной концепции «точки зарождения» акта высказывания. Эта точка понимается не как субъективная форма, а как *позиция*, в которой на уровне, интересующем А.Д., субъекты высказывания могут быть взаимозаменяемы. Фуко объясняет данное положение следующим образом:

Описать высказывание — не означает анализировать отношения между автором высказывания и тем, что он сказал (или хотел сказать, или сказал, не желая); это означает определить, какова позиция, которую может и должен занять любой индивид, чтобы быть субъектом данного высказывания**.

Постулировать, что высказыватель дискурсной формации не говорит «от своего имени», что он не может основывать свою речь на субъективности, — это означает предполагать, что он имеет статус субъекта высказывания, который определяется той дискурсной формацией, в которую он попадает. Сказанное не означает, что для каждой дискурс-

* M. F o u c a u l t. L'Archéologie du savoir. Paris: Gallimard, 1969, p. 153.

** M. F o u c a u l t. Op. cit., p. 126.

ной формации должна была бы существовать одна, и только одна, законная позиция в процессе высказывания, поскольку совокупность высказываний, соотносимых с одной и той же позицией, может распределяться по нескольким дискурсным жанрам. Но если аналитик должен принимать во внимание это разнообразие, он обязан понимать его следующим образом: разнообразие жанров дискурсной формации отнюдь не является случайным возникновением при наличии ядра с устойчивым смыслом, оно способствует определению его характеристики.

Указанные положения предполагают наличие специфических институтов производства и распространения дискурсов. Под «институтами» надо понимать не только такие наиболее типичные структуры, каковыми являются армия или Церковь, но и любой организм, который накладывает ограничения на действие высказывательной функции; это может быть статус субъекта высказывания и статус адресата, это могут быть типы содержания того, что можно и должно говорить, а также обстоятельства акта высказывания, законные для той или иной позиции.

ИНТЕРДИСКУРС

В проблематике А.Д. дискурсная формация тем не менее не занимает всеобъемлющую часть исследовательского поля. Сторонники этого положения утверждают примат *интердискурсности*, отвергая тем самым другой научный подход, рассматривающий дискурсную формацию как совершенно замкнутое целое.

Формулировать указанный принцип не просто, ибо за утверждением его неизменности скрываются различные толкования. Очевидно одно, данный принцип исключает непригодную для интердискурсности форму, каковой является сравнение, т.е. контрастное соположение дискурсных формаций, рассматриваемых независимо одна от другой. Предметом исследования А.Д. служит не столько сама по себе дискурсная формация, сколько границы ее образования. Идентификация дискурсных формаций не является заданной, она образуется в процессе, осуществление которого происходит одновременно с возникновением и стабилизацией некоего очертания высказывания. Процесс высказывания не развивается по линии намерения, замкнутого на своем собственном желании, как это утверждалось бы в прагматике или в персоналистском толковании высказывания, он насквозь пронизан угрозой смещения смысла. И это

невидимое и одновременно назойливое присутствие постоянно удваивает нормальное высказывание с самого момента его возникновения Невозможно было бы, таким образом, отделить интрадискурсность от интердискурсности, поскольку отношение к «другому» является разновидностью отиошения к самому себе, которое иикогда не может быть абсолютно замкнутым

Отсюда возникает определенная концепция смысла Семантическая единица не может образовываться как постоянная и однородная проекция «коммуникативного намерения», она образуется скорее как некий узел в конфликтном пространстве, как некоторая, всегда неокончательная стабилизация в игре разнообразных сил За определенной семантической единицей необходимо восстанавливать движение высказываиия, которое под двойным нажимом уже сказанного и говоримого должно учитывать требования и языка и интердискурса В то время как лингвистика имеет дело с неговоримым (l'indicible) в форме невозможного (неграмматического), А Д имеет дело с невысказываемым (l'inénonçable), с тем, что не может быть высказано в определенной высказывательной позиции Речь идет о специфических ограничениях, которые уменьшают выбор того, что можно сказать С учетом примата интердискурса невысказываемое определяется как то, что постоянно отсутствует в дискурсной формации и позволяет при этом очертить ее границы, то, что отделяет в воображении данную дискурсную формацию от целого

А.Д., ИСТОРИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Социальная история в концепции школы Анналов, занимавшая почти господствующее положение в конце 60-х годов, сильной стороной которой был количественный анализ, не выдвигала тем не менее проблемы собственно текстуализации, которую она *создавала*, и еще меньше ее заботило значимое измерение корпусов исследования Эта история была слепа к непрозрачности языка

Начиная с 1968 года некоторые историки, как, например, Режин Робен, обратились к поискам новых приемов чтения текстов, позволявших охватить большое количество документов, среди которых можно было бы вычленить повторяемость, вариантность, сходство и т д Эти историки пытались найти у лингвистов методы работы с текстами, способные дать ответы на поставленные ими вопросы

Несмотря на активное сопротивление со стороны профессиональных историков, исследователи, занимающиеся формами мышления и формами представления, в частности Роже Шартье, Робер Мандру, Мишель Вовель, а также исследователи политической истории, как, например, Антуан Прост, стали мало-помалу проявлять интерес к работам по политическому дискурсу Становилось все более очевидным, что при анализе дискурса следовало принимать во внимание фактор материальности языка

Вот почему А Д постоянно определял свой метод исследования со ссылкой на лингвистику Методологический аппарат А Д обогатился благодаря знакомству с трудами Ролана Барта, Эмиля Бенвениста и Жерара Женетта еще до расцвета эпохи теории высказывания в середине 70-х годов Стало понятным, что в дискурсе представляет большой интерес изучение «цитации», повторяемости чужой речи, ее отклонения, ее изменения, равно как и изучение аргументационных стратегий эксплицитного или имплицитного характера

Однако недостаточно констатировать, что некий текст состоит из слов, чтобы из этого сделать вывод о том, что изучение текста в первую очередь имеет отношение к лингвистике, а не к какой-либо другой дисциплине

Для А Д всегда существует опасность обращения к социальным и психологическим категориям, непосредственно извлекаемым из интерпретации текстов, минуя хитроумный анализ различных тонкостей языка Обращение к лингвистике означало, что с ее помощью можно лучше воспринимать дискурсные процессы в соответствии с целями, которые ставил перед собой А Д Таким образом, если в момент становления А Д обращение к лингвистике казалось очевидным (разве лингвистика не играла в то время роль «ведущей науки»?), то впоследствии возникла необходимость уточнений, ибо задачи А Д стали намного превосходить задачи лингвистики Как это справедливо подчеркивал Ж -Ж Куртин, в А Д «надо быть лингвистом и одновременно перестать им быть»*

С одной стороны, дискурсность архива определяет «собственный порядок, отличный от материальности языка», с другой стороны, этот порядок «реализуется в языке»** Нестабильная ситуация, которая не позволяет А Д покинуть пространство лингвистики, не позволяет ему

---

* *Шапка Клементиса* — *Le Discours psychanalytique*, 1981, № 2, с 13 (см в наст изд, с 98)

** Там же

и замкнуться в тех или иных собственных пределах Эта ситуация имеет несколько парадоксальные последствия в то время как А Д никогда, по сути дела, не вторгается в поле лингвистики, он в то же время требует от занимающихся им разнообразных и довольно точных знаний функционирования языка в массиве текстов, которые предполагается исследовать

В А Д невозможно механически «применять» лингвистические понятия и методы Изучая тексты, аналитик не имеет никаких оснований для преимущественного рассмотрения одного явления в ущерб какому-либо другому Если аналитик изучает определенный способ именной суффиксации, или определенную синтаксическую операцию, или определенный лексический корпус, то он исходит при этом только из гипотез, основанных одновременно на точном знании особенностей своего предмета и возможностей, которые, по его мнению, a priori может предоставить рассмотрение данных элементов языка Чтобы быть эффективной конкретная процедура анализа в А Д предполагает выработку строго определенных гипотез, которые последующее исследование позволит подтвердить или отвергнуть В противном случае возникнет риск получить ничего не значащий вывод слепо применяя какой-либо лингвистический метод анализа к различным текстам, исследователь достигает результата, о котором можно сказать только, что это результат применения данного анализа к данным текстам Лингвистика привлекается в таком случае только как доказательство научности исследования, с ее помощью не создается реальных знаний о предмете

Этот опосредованный характер отношения исследователя к своему предмету проявляется через не-эмпирическую трактовку предполагаемых текстуальных «данных» Установление границ архивного документа не происходит, разумеется, само по себе, оно требует дискурсного и экстрадискурсного знания В зависимости от поставленных целей исследователь может извлечь различные *корпусы* из дискурсной поверхности (корпус слов, корпус фраз того или иного типа и т д) и подвергнуть их определенным манипуляциям и обработке Расчленение этих корпусов на части зависит от выбранного метода анализа Постепенно все большую значимость для определения этих методов в А Д стали приобретать критерии, являющиеся внутренними по отношению к дискурсу Элементы, казавшиеся a priori важными по

причинам социоисторического характера, оказывались на самом деле незначимыми для изучаемого текста Отнюдь не выступая последовательно одно за другим, различные знания о тексте, на которые опирается А Д , должны быть соединены, взаимно корректируя друг друга, по мере развития исследования При отсутствии этого результат анализа может оказаться простой проекцией изначальных экстрадискурсных гипотез

Как бы то ни было, существенными при этом остались два момента интерес к языковым проявлениям субъективности, который был отодвинут на второй план в исследовании Соссюра, а также критика языковой семантики с ее универсалистскими тенденциями

2. А.Д. В ШКОЛЕ МИШЕЛЯ ПЕШЁ И РАБОТЫ ДАННОГО СБОРНИКА*

Вопрос о дискурсе явился подлинным узловым пунктом сплетения фундаментальных вопросов об отношениях между языком, историей и субъектом

Попытаемся представить движение теоретической мысли, которая зародилась во Франции в обстановке 60-х годов под знаком «стыковки», как это тогда называлось, трех «китов» Лингвистики, Исторического материализма и Психоанализа Смелые дерзания мысли, великие интеллектуальные замыслы казались возможными в эпоху, когда структурализм торжествовал, когда лингвистическая «наука» добилась решительных успехов, когда альтюссерианский марксизм потрясал тяжеловесные основы коммунистической ортодоксальности, обновив размышление об идеологии, и «позволял» открыть выход на психоанализ (см статью Альтюссера «Фрейд и Лакан», 1964) Понятие дискурса и связанный с этим понятием анализ зародились в обстановке теоретической мысли собственно французского содержания и создали условия для возникновения как бы «поперечного» по отношению к общему направлению научного подхода

Опишем это интеллектуальное созидание со всеми его переделками, изгибами, критическими поправками и с его

---

* Здесь многие конкретные данные об А Д взяты из статьи Д Мальдидье Denise M a l d i d i e r (Re) lire Michel Pêcheux aujourd'hui — В сб M P ê c h e u x L'inquietude du discours Paris Editions des Cendres, 1990, p 7 91

наивысшей точкой, которой стала книга Мишеля Пешё «Les vérités de La Palice» («Прописные истины»), вышедшая в свет в 1975 году.

Интеллектуальное движение, о котором идет речь, на полном ходу столкнулось с крутым переломом в теоретической мысли Франции (ее зарождение следует отнести к 1975 году), который в свою очередь связан с разрывом единой программы левых сил. Этот перелом тесно сочетался с обесценением политической сферы, с отступлением в сферу частного, с возвращением субъекта.

В книге «Прописные истины» М. Пешё, опираясь на работу Альтюссера, затрагивал параллелизм между очевидностью смысла и очевидностью субъекта. Вопрос о субъекте дискурса оказался связанным с вопросом об *обращении* субъекта в идеологии и с настойчивым поиском соотношения с субъектом бессознательного. Теория дискурса в рамках теории идеологий формировалась так же, как теория материальности смысла, которая стремилась обосновать феномен необходимой иллюзии субъекта, воображающего (себе), что он является властелином своей речи и источником того, что он говорит.

В трудах М. Пешё и его группы постепенно пересматривалась идея полного, без срывов и осечек, подчинения субъекта: если субъект так сильно подчинен, если «это всегда так», то как следует представлять «подавляемые идеологии» и сопротивление?

В исходных позициях этого подхода главное было сохранено: три основных понятия — интердискурс, преконструкт и интрадискурс, — которые утверждали мысль о том, что дискурс образуется из дискурсного всегда-уже-здесь существовавшего, что «оно говорит» всегда «до, вне, независимым образом» и что «неутвержденная предикация предшествует и господствует над утвержденной предикацией».

М. Пешё в строгом смысле слова не создал школы. Однако он способствовал выработке понятий и процедуры анализа новой дисциплины во Франции и в других странах, в частности в Латинской Америке. Парадоксально, что при этом впоследствии во Франции А.Д. стал чем-то обыденным, он утратил значение взрыва, которым обладал при своем возникновении. Тем не менее осталась проблематика, которая при дальнейшем разрабатывании с позиций М. Пешё направлялась на создание дискурсных объектов под тройным напряжением: системности языка, историч-

ности и интердискурсности В более глубоком смысле М. Пешё был по своей исследовательской манере современником М. Фуко, Ж. Лакана и Ж. Деррида. Его труд отражал идеи всех тех ученых, которые занимались речевой деятельностью и проблемой языка в его отношении к субъекту и истории.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ А.Д. ВО ФРАНЦИИ

В 1969 году выходит в свет книга М. Пешё с провокационным названием: «Автоматический анализ дискурса». Речь идет о первоначальном наброске фундаментальной работы над текстами, их прочтением и смыслом. Размышляя, как и философы Г. Кангилем и Л Альтюссер, над вопросами истории наук и идеологии, М. Пешё разрабатывает критику гуманитарных и общественных наук. Деятельность Пешё проходит в эпоху широкого распространения наук, которые называют гуманитарными, особенно социальной психологии. М. Пешё главным образом оспаривает право называть *наукой* дисциплины, которые, будучи сосредоточены на психологическом субъекте, не признают или не хотят признавать их связи с идеологией и которые к тому же претендуют на прерогативы научности, заимствуя методики у статистики и лингвистики. Введение в книгу Пешё открывается критикой указанных методик, имеются в виду подсчеты частотности и варианты контент-анализа, в нем же подвергается критике применение структурализма в самых разнообразных областях знаний В противовес всему этому предлагаемое исследование М. Пешё должно стать, по мнению автора, «машиной для чтения», которая освободит процесс чтения от субъективности. Разрабатывается, таким образом, теория дискурса, способная стать общей теорией производства эффектов значения, связанной с теорией идеологии и с теорией бессознательного.

Три имени появляются с этого момента в работе Пешё, объединяемых под шутливым названием «Тройственное согласие»: Маркс, Фрейд и Соссюр

И с этого времени *дискурс* определяется как понятие, которое нельзя смешивать ни с эмпирической речью, производимой субъектом, ни с текстом: это понятие ниспровергает всякую узкокоммуникативную концепцию языка. Становится понятным при этом, почему так важно отношение А.Д. к Соссюру. В отличие от социолингвистических проблематик *дискурс*, созданный Пешё, ни в коей мере не является «преодолением» соссюровской дихотомии язык / речь.

Основа положения, которое в терминах эпистемологии того времени Пешё называет «соссюровским переломом», кроется в представлении языка как системы И когда он излагает свою концепцию значения, он имеет в виду соссюровскую значимость. Но симметрия соссюровской дихотомии язык / речь, по мнению Пеше, является ложной «Все происходит, — пишет он, — как если бы научная лингвистика (имея своим предметом язык) отбрасывала в качестве ненужного остатка научное понятие свободного субъекта, мыслимого в качестве обязательной изнаночной стороны, необходимого коррелята системы» Пешё представляет *дискурс* как новое формулирование соссюровской речи, освобожденное от субъективных импликаций С этого момента вырабатывается основное положение, которое не будет подвергаться изменениям· следует постоянно придерживаться точки пересечения *языка*, рассматриваемого в строго соссюровском понимании системы и ограничений, несводимых к лингвистическому порядку, как и к психологическому, картезианскому, свободному субъекту

Ограничением при производстве дискурса является все то, что помимо языка делает некий дискурс определенным дискурсом; таким образом, имеется в виду формирующая дискурс социально-историческая ткань. Текст, целостность которого отсылает к элементу, связанному с одним какимлибо субъектом или с одним каким-либо институциональным организмом, оказывается распыленным. Текст обладает значением только в соответствии с условиями его производства, а также и в соответствии с условиями его толкования. Текст, вопреки обычным представлениям, не формируется связующими его элементами. Здесь, таким образом, впервые формулируется мысль, которая станет центральной в развитии А.Д., мысль о том, что не-высказанное, имплицитное является составным во всяком дискурсе. Эта мысль приведет к выработке понятия «интердискурс».

К началу 70-х годов становится очевидным, что проблематику высказывания уже нельзя игнорировать Речь идет не о той ее психологизирующей форме, которая преобладала в прагматике, при которой «субъект» считался властелином своих коммуникативных намерений, вступающим в контакт с другими субъектами при вербальном взаимодействии, имелось в виду, напротив, рассуждение о *стирании* субъекта высказывания. Это рассуждение противостояло любой возможной типологии, поскольку оно вскрывало способность идеологических дискурсов к подражанию научному дискурсу. В это время также выдвигается тезис об

оппозиции утвержденной и неутвержденной предикации, которая лежит в основе главного положения о примате интердискурса над интрадискурсом.

В 1971 году в статье «Семантика и соссюровский перелом: язык, речевая деятельность, речь» Пешё совместно с Кл. Арош и П. Анри вступает в область лингвистики, в частности посредством критики наивных очевидных истин семантики, будто бы находящейся внутри системы языка. Он также задается вопросом о неоднозначной роли ведущей науки, которую играет лингвистика для ряда других дисциплин. Предположение о неоправданности и метафоричности расширения лингвистических понятий на другие науки делает закономерным обращение к работе Соссюра, а именно к фундаментальному вопросу о том, что́ *может* дать лингвистика, когда речь идет о *значении*?

Пешё полагал, что основой «соссюровского эпистемологического перелома» является подчинение значения значимости. Из двух терминов, соотношение между которыми не очень ясно представлено у Соссюра, Пеше связывает первый, *значение*, с речью и с субъектом, а второй, *значимость*, — с языком. Вопреки привычному для того времени прочтению Соссюра Пешё выделяет понятие *значимости*. Это прочтение отрывает язык от субъективных проблематик. Тем не менее текст «Курса общей лингвистики» позволяет в силу своей неоднозначности вернуться назад; в частности, например, когда речь идет о роли *аналогии*, которая, несмотря на усилия Соссюра соединить ее с языком, возвращает назад к речи и к индивидуальному субъекту

Критикуя распространение структурализма на всю совокупность гуманитарных и общественных наук, Пешё отвергает универсальный метод «всестороннего анализа человеческого духа», Науку наук, которая игнорирует главное: общественные отношения. Взамен этому предлагается *дискурсная семантика*. Значение, предмет семантики, превосходит компетенции лингвистики, науки о языке. Семантика не выводится только из лингвистики. Новое понимание основывается на глубинном интуитивном представлении о том, что системность в языке нельзя представлять как непрерывную совокупность разных уровней. За пределами фонологического, морфологического и синтаксического уровней, описание которых позволяет соссюровская теория, семантика не является еще одним уровнем, аналогичным предыдущим. Это объясняется тем, что «связь, которая существует между "значениями", присущими данному тексту, и социально-историческими условиями возникновения

этого текста, является отнюдь не второстепенной, а составляющей сами эти значения» Теория Пеше направлена одновременно и против постсоссюровской структуральной семантики, перенесшей фонологическую модель в область смысла, и против универсальных семантик, основанных на генеративной теории Таким образом, *дискурс* эксплицитно связывается с *идеологией* «Идеологические формации [ ] содержат по необходимости в качестве своих составных частей одну или несколько взаимосвязанных дискурсных формаций, которые определяют то, что может и должно быть сказано (в форме наставления, проповеди, памфлета, доклада, программы и т д) в соответствии с определенной позицией и при определенных обстоятельствах» (процитированная статья)

Здесь следует отметить, что в июне 1970 года в журнале «La Pensée» публикуется статья Л Альтюссера «Идеология и государственные идеологические аппараты»* Статья имела особое значение для интеллектуального мира Франции Она снабдила новым интеллектуальным инструментарием всех тех, кто занимался изучением социальных отношений С одной стороны, идеологический аппарат рассматривался как средство, способствующее воспроизводству производственных отношений в руках господствующего класса и тем самым позволяющее представить материальность идеологий внутри самого функционирования институционных организмов С другой стороны, Альтюссер с помощью теории «обращения» выдвинул новую категорию категорию субъекта идеологии

Напомним русскому читателю, что французское слово *sujet* переводится на русский язык как «сюжет», «субъект», «подлежащее» и «подданный»** Три последних значения взаимно налагаются друг на друга при употреблении Альтюссером слова *sujet*

Вернемся к теории М Пеше Рассуждения Пеше о дискурсе подводили его непосредственно к точке пересечения языка и идеологии, при этом идеология образовывала «посреднический уровень между индивидуальным своеобразием и универсальностью» Исследователи, занимающиеся дискурсом, все без исключения утверждали самостоятельное существование дискурсного уровня, в противоположность исследованиям, которые признавали только существование языка или смешивали дискурс с идеологией Ранее,

---

* *La Pensee* Juin, 1970, p 3 38

** В подлиннике на русском языке — *Прим перев*

разрабатывая понятие дискурса, Пеше отвергал все, что возвращало к субъекту, все практические исследования и теории, которые принимали индивидуального субъекта за чистую монету В своем аппарате автоматического анализа дискурса он предложил методику прочтения текста, взрывавшую целостность пишущего или читающего субъекта Вопрос о субъекте в его работах был основанием для критики, некой навязчивой идеей

Статья Альтюссера с его тезисом о том, что «идеология превращает индивидов в субъектов», давала Пеше возможность провести параллель между очевидностью смысла текста и очевидностью субъекта Сравните «Как все очевидные истины, например "Слово обозначает предмет" или "Слово обладает значением" (включая, таким образом, очевидные истины, вытекающие из "прозрачности" языка), — очевидная истина, заключающаяся в том, что "Вы и я являемся субъектами" — и что это само собой разумеется, — представляет собой элементарный идеологический эффект» (Альтюссер)

Со стороны языка оставалось еще одно важное недостающее звено, которое позволило бы теории дискурса опираться на языковые явления Таким недостающим звеном оказался вопрос о *преконструкте*, который в свою очередь связывался с концептом *интердискурса* Уже в своих первых трудах Пеше отмечал значение понятий пресуппозиции и импликации, разрабатываемых во Франции лингвистом Освальдом Дюкро Тем самым закладывался первый камень в фундамент будущей теории, имелось в виду отношение дискурса к «уже услышанному», «уже имеющемуся» Именно понятие пресуппозиции послужило источником возникновения преконструкта М Пеше и Поля Анри Концепт преконструкта образовался из критического прочтения Г Фреге и О Дюкро Пеше в книге «Прописные истины» (1975) и Поль Анри в книге «Плохой инструментарий язык, субъект и дискурс» (1977)* оспаривают позицию О Дюкро по фундаментальным вопросам субъекта и значения Перенося на лингвистическую почву проблему пресуппозиции у логика Фреге, Дюкро затрагивал важнейший момент дискурса Рассматриваемый с точки зрения логики, вопрос о пресуппозиции касался несовершенства естественных языков, в их отношении к референту определенные конструкции, дозво-

---

* Paul H e n r y Le Mauvais Outil langue, sujet et discours Paris Klincksieck, 1977 Вопрос о пресуппозиции является в этой книге отправной точкой для размышления над отношениями между языком и бессознательным, языком и идеологиями, а также для размышления об «эпистемическом статусе лингвистики»

ляемые синтаксисом естественных языков, «предполагают» наличие референта независимо от утверждения субъекта На основе данного явления Дюкро, с учетом некоторых изменений, предлагает интерпретацию, которую можно было бы определить как логико-прагматическую и которая соединяет определенное прочтение Фреге с отдельными положениями англосаксонской философии, в частности философии Стросона. Элементы пресуппозиции определяют рамку, в которой должен разворачиваться любой диалог Они занимают место, согласно рассуждениям Дюкро, среди иллокутивных актов, с помощью которых говорящий, используя силовые отношения, образуемые языковой игрой, расставляет ловушку для получателя своей речи. Таким образом, они включаются в теорию речевых актов.

Для Мишеля Пешё и Поля Анри, напротив, вопрос о пресуппозиции касается непосредственно отношений синтаксиса и семантики, он находится именно в той точке, в которой дискурс соединяется с языком. Не имея ничего общего с логистической интерпретацией, синтаксические структуры, допускающие присутствие определенных элементов, вне эксплицитного утверждения субъекта, трактуются как *следы предшествующих конструкций*, как комбинации языковых элементов, уже сформулированные в прошлых дискурсах и которые в них и черпают свой эффект очевидного присутствия. Исходя из этого, философский и логический термин пресуппозиции должен был быть заменен. Новое понятие преконструкта, не имеющее никакого логического значения, представляло собой переформулирование понятия «пресуппозиция» на основе теории дискурса*. Оно позволяло осмыслить и представить понятие *интердискурса*, которое стало основным концептом всех теоретических положений М. Пешё.

Эти теоретические поиски не были абстрактными, оторванными от жизни; во французской лингвистике на рубеже 70-х годов А.Д. утвердился целиком и полностью. В то время как Пешё оттачивал свой автоматический анализ дискурса, лингвист Жан Дюбуа проводил междисциплинарные исследования политического дискурса. В скором времени А.Д., таким образом, дал название предмету этих двух направлений. Исходила ли исследовательская практика А.Д. от Ж. Дюбуа или от Пешё, она заключалась в наложении методов лингвистического анализа на дискурсный кор-

---

* Во французском языке слово *préconstruit* 'преконструкт' входит в синонимический ряд слов со значением 'полуфабрикат, предварительная заготовка, деталь-заготовка' и т.п., например une maison préconstruite' блочное домостроительство' *Прим. ред.*

пус. Использование процедурных методик, называемых харрисовскими, позволяло в обоих случаях перенести «дискурсную поверхность» на исследовательские антиподы семантической структуры текстов. Итак, быстрое развитие анализа дискурса, который может быть определен как «французский», занимало лингвистическое поле в первую половину 70-х годов. В то же самое время это поле стало местом весьма резких теоретических столкновений. Основное расслоение происходило между теми, кто в рамках теории дискурса пытался «соединить» язык, идеологию и дискурс, и теми, кто, будучи близок к социолингвистике, занимался исследованием лингвистического различия разнообразных социальных групп.

В марте 1975 года в статье, написанной совместно с К. Фукс, Пешё продолжил работу над проблемой производства смысла и производства субъекта «Теория двух забвений» представляла собой попытку поставить данную проблему.

Для выработки ясного концептуального положения оказалось недостаточным введения понятия *дискурсной* формации по модели общественной и идеологической формации. Пешё предложил в качестве примера рассмотреть дискурсные формации, связанные с религиозной идеологией при феодальном способе производства. В тексте, не всегда достаточно ясно отражающем мысль в ее становлении, отдельные ремарки позволяют представить понятие *дискурсной формации* Пешё описывает *преконструкт* как след в самом дискурсе предшествующих дискурсов, поставляющих своего рода «заготовку», «сырье» для дискурсной формации, с которым для субъекта связан эффект очевидности И здесь следует установить связь между эффектом субъективности, диктуемым языком, и производством значения внутри дискурсной формации. Порождение эффекта значения внутри дискурсной формации приводит к такому положению по отношению к субъекту, которое является главным в рассуждении об иллюзии субъективности, т.е. иллюзии того, что субъект и есть «источник смысла». Это явление будет названо в «Прописных истинах» «эффектом Мюнхгаузена». Оно вызывает необходимость возвращения к лингвистике, а именно к проблеме акта высказывания. Речь идет о феномене *преконструкта*.

Среди лингвистических структур, рассматриваемых в плане преконструкта, центральное место в рефлексии о дискурсе стало занимать относительное предложение. Об этом свидетельствует опубликованная в том же номере журнала

«Langages» статья Поля Анри «Относительные конструкции как связующие элементы дискурса». Возможность интерпретации отдельных относительных конструкций как детерминативных («определяющих», «выделяющих» объект) или как аппозитивных («добавляющих еще один признак» объекта) свидетельствовала о лингвистическом явлении, находящемся на стыке синтаксиса и семантики. Этот факт побуждал к пересмотру понятия независимости синтаксического уровня, что в свою очередь предварило разработку новой концепции, выдвинутой Пешё уже во введении к указанному сборнику, которую он охарактеризовал следующим образом: «Граница, отделяющая лингвистику от дискурсности, в ходе любой дискурсной практики постоянно подвергается пересмотру в силу того, что системные образования, о которых только что шла речь (и в первую очередь синтаксические образования), не существуют в форме однородной совокупности правил, организованных по принципу действия логической машины».

В этом позиция Пешё противопоставлялась эмпирическим интерпретациям высказывания или «антропоцентрическим» концепциям, которые отождествляли языковые отпечатки высказывания с образом субъекта, являющегося для них центром и источником смысла. Все происходит таким образом, как если бы язык сам по себе поставлял элементы, требуемые для создания «необходимой формирующей иллюзии субъекта», и как если бы, добавляет Пешё, критикуя одновременно Балли, Якобсона и Бенвениста, лингвистические теории должны были бы лишь воспроизводить эту иллюзию. Именно в этом плане следует понимать «теорию двух забвений». Под термином «забвение», который Пешё лишает его психологического значения, понимается иллюзия, образующая эффект смысла, т.е. иллюзия того, что субъект является источником смысла высказывания, «собственного» смысла. В «забвении № 1» субъект «забывает», иначе говоря, отторгает тот факт, что смысл формируется в процессе, являющемся для него внешним: зона «забвения № 1», по определению, оказывается недоступной для субъекта. «Забвение № 2» обозначает зону, в которой субъект акта высказывания приходит в движение, он формирует свое высказывание, устанавливая границы между «высказанным» и отброшенным, «невысказанным». В то время как второе забвение отсылает к механизмам высказывания, анализируемым на поверхности дискурса, первое забвение устанавливает отношение с рядами парафраз, составляющими эффекты смысла. Здесь можно увидеть, каким образом исследование Пешё оставляет позади и нис-

провергает теорию высказывания в трактовке Эмиля Бенвениста: для Пешё нельзя сказать всего и никогда не говорится все, что угодно. Формообразующий контур дискурсной формации, ее обрамление и детерминация «не должны ни в коем случае смешиваться *с субъективным пространством акта производства высказывания*, воображаемым пространством, которое обеспечивает субъекту возможность *перемещения внутри системы переформулирования*» (см. статью «Итоги и перспективы...» в наст. сб., с. 118).

«Воображаемое» принимается в данном случае в техническом смысле, восходящем к психоанализу Лакана*. И здесь следует отметить все то, чем теория «двух забвений» обязана психоанализу. Это оппозиция двух «забвений» и оппозиция зон, в которых они проявляются: предсознательное для «забвения № 2», бессознательное — для «забвения № 1». В этом проявляется первое соотношение высказывания с воображаемым.

В мае 1975 года выходят в свет «Прописные истины» («Истины Ля Палиса»). Книга написана в форме дерзкой загадки (г-н Ля Палис используется в качестве «покровителя семантиков»), подзаголовок книги — «Лингвистика, семантика, философия». Это — произведение философа, занимающегося лингвистикой.

И вновь отправной точкой книги служит размышление о *семантике*. Но речь идет о новом взгляде на семантику, который сразу же выступает под знаком *очевидности*. С первых же страниц книги в ироничном тоне Пешё перечисляет некоторые очевидные истины, составляющие основу семантики: слова имеют значение, различаются имена одушевленные (лица) и имена неодушевленные (вещи), есть понятия субъективного и объективного, эмоционального (риторика) и когнитивного (логика)... Критика семантики носит резкий характер, она основана на двух моментах: 1) семантика является местом скрещения основных противоречий лингвистики (ее направлений, школ и т.д.), 2) семантика служит тем пунктом, в котором лингвистика выходит на философию и на науку об общественных формациях, как правило не признавая этого положения.

Предлагая новое прочтение Фреге, Пешё, в свою очередь, как и Поль Анри, рассматривает в логико-лингвистическом плане вопрос об относительных конструкциях. Новое прочтение основывается на двух фундаментальных

---

* Ср. определение трех основных терминов Лакана: реальное, символическое и воображаемое в комментариях к книге: Р. Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика (под ред. и со вступит. статьей Г.К. Косикова). М.: Прогресс, 1989, с. 588—591.

для теории дискурса понятиях: понятии *преконструкта*, о котором мы уже говорили, и понятии *стыковки высказываний*. Эти ключевые понятия позволяют перейти от логико-лингвистической теории к теории дискурса.

Преконструкт связан с функционированием *детерминативных* относительных предложений; функционирование относительных предложений, называемых *изъяснительными*, является источником того, что Поль Анри в статье, опубликованной в журнале «Langages», № 37, и воспроизводимой в данном сборнике, определил как «стыковку высказываний». Текст «Прописных истин» углубляет данный вопрос. Эффект преконструкта, связанный с синтаксическим вставлением, заключается в несовпадении между тем, «что мыслилось до, вне и независимо от данного высказывания, и тем, что содержится в глобальном утверждении данной фразы». Стыковка высказываний, осуществляемая «изъяснительным» относительным предложением, соединяет два утверждения, одним из которых служит «побочное напоминание того, что уж и так известно». Не поддающиеся логико-лингвистическим функционированиям, преконструкт и стыковка высказываний являются результатами собственно дискурсных эффектов. Развиваясь на лингвистической основе, они тем не менее возникли из несовпадения между актуальным дискурсом и дискурсом «уже всегда имеющимся», который предшествует и главенствует над всяким актом высказывания, производимым его субъектом.

В память о «бессмертном бароне, который поднимался в воздух, вытягивая себя за свои собственные волосы», Пешё иронически назвал субъективную иллюзию, этот эффект субъекта, «эффектом Мюнхгаузена». Для Пешё псевдоочевидность значения неразрывно связана с псевдоочевидностью субъекта (вновь тема *смерти субъекта*). В основе рассуждений Пешё содержится, таким образом, аналогия между идеологией и бессознательным. Идеология и бессознательное имеют общую способность «скрывать собственное существование непосредственно внутри своего функционирования, вплетая его в ткань из субъективных очевидных истин».

М. Пешё, будучи философом, близким Альтюссеру, поднял в своей книге вопросы, до того неизвестные лингвистам. «Эффектом Мюнхгаузена» он назвал опасность рассмотрения «субъекта дискурса в качестве источника субъекта дискурса» и создания тем самым рефлексии по кругу. Понятию прозрачности, которая на самом деле является иллюзорной, Пешё противопоставил то, что он назвал

«материальным характером смысла»: так же как и субъект дискурса, смысл не является фиксированным данным. Значение и субъект, по мнению М. Пешё, производятся в истории, иначе говоря, они детерминированы. Из этого вырабатывается понятие *интердискурса*.

Дискурс всегда соотносится с «уже сказанным» и «уже услышанным». Все исследования преконструкта, проводимые совместно с Полем Анри, показывали присутствие *в любом дискурсе следов дискурсных элементов предшествующих дискурсов, субъекты которых забыты*. Эти исследования сформировали идею о том, что дискурс составляется из элементов уже существующих; таким образом, они сформировали понятие интердискурса, «материальная объективность [...] которого заключается в том, что "оно говорит" всегда "до, вне и независимо" (от конкретного высказывания)». Но интердискурс не является ни банальным обозначением дискурсов, которые существовали раньше, ни общей для всех дискурсов идеей. Вопреки этой наивно единодушно принимаемой концепции интердискурс представляет собой дискурсное и идеологическое пространство, в котором разворачиваются дискурсные формации с их отношениями господства, подчинения и противоречия. Он освещает то, что подсказывается опытом: в политической борьбе, например, нельзя выбрать свое собственное поле деятельности, свои собственные темы и даже свои собственные слова.

Понятие «дискурсная формация» было использовано впервые М. Фуко в 1969 году в «Археологии знания». Пешё заимствовал это понятие, чтобы соотнести его с альтюссерианскими терминами «общественная формация» и «идеологическая формация». В работе Пешё и его коллег данное понятие формулируется как более жесткое, чем, например, понятие «дискурсная практика». Связанная с идеологией «дискурсная формация» целиком определяется историческими условиями. Дискурсная формация базируется на силовых отношениях и принадлежит определенной конъюнктуре; она, таким образом, не поддается типологическому рассмотрению. Текст «Прописных истин» восстанавливает первоначальную дефиницию: дискурсной формацией называется «то, что может и должно быть сказано (в форме торжественной речи, проповеди, памфлета, программы и т.д.) в определенной идеологической формации. Понятие обращения, с одной стороны, и разработка понятия интердискурса — с другой, приводят к пересмотру концепта «дискурс-

ной формации». В связи с понятием «обращение» выдвигается тезис о становлении смысла *внутри* дискурсной формации; понятие «интердискурс» делает акцент на понятия неравенства, противоречия и подчинения и тем самым отодвигает опасность таксономической классификации. С этого момента Пешё начинает говорить о «вплетении» дискурсных формаций в идеологические формации. Из такого рассуждения рождается очень важная мысль о непременной *гетерогенности* дискурсных формаций.

Разработка понятия интердискурса оказывается решающей и для определения субъекта. Механизм, описанный Пешё, определяет очевидность смысла для субъекта дискурса. «Отличительной чертой любой дискурсной формации является свойство, которое позволяет скрывать за прозрачностью образуемого в ней смысла материальную противоречивую объективность интердискурса». Интердискурс, вплетаясь в комплекс идеологических формаций, «сообщает каждому субъекту свою “реальность” в качестве системы очевидных истин, а также воспринятых, допущенных и испытанных на себе значений». Интердискурс детерминирует субъекта, «навязывая и одновременно скрывая его подчинение под видимостью независимости».

Таким образом вырабатывается теория дискурса. Она приводит к рассмотрению дискурсных свойств формы-субъекта «Обращение индивида в субъекта своего дискурса осуществляется путем идентификации (субъекта) в дискурсной формации, доминирующей над ним (т.е. формации, в которой он формируется в качестве субъекта): эта идентификация, образующая (воображаемое) единство субъекта, основывается на том, что элементы интердискурса, формирующие в дискурсе субъекта черты, которые его определяют, вписаны непосредственно в сам данный дискурс». Наряду с концептами «преконструкта» и «стыковки» (или «опорного процесса») возникает понятие «поперечный дискурс», который «осуществляет синтагматические связи» между субституируемыми элементами.

В «Прописных истинах» вводится еще одно фундаментальное понятие. Имеется в виду «интрадискурс», определяемый как «функционирование дискурса по отношению к нему самому (то, что я говорю теперь, по отношению к тому, что я говорил раньше, и к тому, что я скажу позже), т.е. совокупность явлений “кореференции”, которые обеспечивают то, что можно назвать “нитью дискурса”, рассмат-

риваемого в качестве дискурса субъекта». *Интрадискурс* может быть понят только в соотношении с *интердискурсом*. Интрадискурс не указывает на эмпирическую реальность дискурсной цепи. Он осуществляет концептуальное начало этой реальности. Интрадискурс мыслится как пространство, в котором форма-субъект забывает, что в ее дискурсе присутствует интердискурс.

«Прописные истины» публикуются в исторически важный для интеллектуальной и политической жизни Франции момент: это поворотный момент развития теоретической мысли, приведший к становлению новой парадигмы.

В семинаре, проводимом Пешё совместно с Полем Анри и Мишелем Плоном в 1976—1979 годы, обсуждались вопросы, находящиеся на стыке языка, психоанализа и политики. Дискуссии по преимуществу касались лингвистики, ее истории и ее кризиса, приближение которого ощущалось в то время. В 1977 году Пешё выступил с докладом на тему: «Есть ли для лингвистики другой путь, кроме логистического и крайне социологического?» Естественно, что путь, по которому Пешё предлагал вести исследования, пролегал между двумя рифами — рифом «логистики» и рифом «социологизма», — это был путь «дискурса». Доклад вызвал бурное обсуждение. Он содержал в своей основе анализ «кризиса лингвистики» — к тому времени данный термин начинал укореняться и вокруг него начинали вырисовываться основные расслоения в среде «марксистских» лингвистов. Анализ кризиса лингвистики обнажил расхождения по проблемам языка и субъекта. То, что формальная лингвистика подошла к концу своего пути, то, что назревал конец структурализма, его завершение, столь часто оплакиваемое, но наступившее, — все это не вызывало особых сожалений у французских лингвистов марксистского толка, ориентировавшихся на «социальную» лингвистику. Пешё, напротив, хотя и анализировал угрозу, которую представлял для синтаксиса формалистский наплыв, тем не менее характеризовал изобилие социолингвистических исследований как непосредственный симптом кризиса. В это время в журнале «Dialectique» (№ 20, июнь 1977 г.) появилась провокационная статья Франсуазы Гаде «Социолингвистики не существует, я ее встретила». Для Франсуазы Гаде, как и для Пешё, социолингвистика является «местом, в котором психология скрывает, покрывает собой политику», местом, в котором постоянно используются «очевидные истины», некогда развенчанные Пешё: индивидуальный и коллективный субъект, межсубъектная коммуникация... Пешё всегда

также отказывался помещать А.Д., инициатором которого он являлся, в рамки социолингвистики*.

В 1978 году на семинаре Пешё состоялись дебаты, которые особенно ярко осветили размежевания внутри А.Д. во Франции. Разногласия возникли по поводу советского лингвиста В.Н. Волошинова, книга которого «Марксизм и философия языка» в это время была переведена на французский язык**.

Приведем в этой связи некоторые необходимые уточнения, касающиеся истории знакомства с этой книгой во Франции. В 1968 году в статье под названием «Слово, диалог и роман» (воспроизведена в 1969 году в «Recherches pour une Sémanalyse» («Исследования по семанализу)) Юлия Кристева впервые знакомит французских читателей с Бахтиным; это первое знакомство происходит главным образом на почве литературы, семиотики литературы и в различных сферах значимой практической деятельности, где семиотика релевантна. В 1968 г. Ролан Барт публикует в журнале «Langages» (№ 12), озаглавленном «Лингвистика и литература», статью Бахтина «Высказывание в романе». На рубеже 80-х годов начинается второй период в открытии творчества Бахтина—Волошинова, сопровождаемый многочисленными переводами и исследованиями (Ts. Todorov. Mikhail Bakhtine. Le principe dialogique, 1981), а также умножение ссылок на него в различных областях науки, в частности лингвистики. Статья Жаклин Отье-Ревю, публикуемая в настоящем сборнике, дает представление об этом периоде открытия во Франции многогранного творчества М Бахтина. Следует отметить, однако, что восприятие Бахтина и Волошинова французскими читателями 70-х годов. пронизанными идеями Бенвениста (теория высказывания) и Лакана (теория психоанализа), значительным образом от-

---

* Поскольку французские специалисты А.Д. не знали русского языка, они никогда не задавались вопросом о возможном отличии от советской социолингвистики, которая изучала в значительно меньшей степени собственно лингвистический материал и в значительно большей «отражение» действительности в языке. В советской социолингвистике не ставился вопрос о смысле, исследовались данные, свидетельствующие о том, как употребляется «русский литературный язык». См. об этом P. Sériot. La socio-linguistique soviétique est-elle néo-marriste? (Является ли неомарристской советская социолингвистика?) - *Archives et documents de la Societe d'histoire et d'épistemologie des sciences du langage*, 1982, № 2, p. 62-84.

** M. Bakhtine (V. Volochinov). Le marxisme et la philosophie du langage. Paris: Ed. de Minuit, 1977, traduit par M. Yaguello, avec une préface de R.O. Jakobson. Пер. М. Ягелло, предисловие Р.О. Якобсона. Автор предисловия и переводчица предполагают авторство М. Бахтина.

личалось от их восприятия в СССР и в означенное время, и в более позднюю эпоху.

Книга, изданная в Ленинграде в 1929 году и долгое время не переиздававшаяся в СССР*, получила известность во Франции после 1972 года благодаря переводу с английского языка, предпринятому по инициативе Р. Якобсона. В связи с появлением книги социолингвист-марксист Бернар Гарден на семинаре М. Пешё представляет доклад на тему «Читать Волошинова», в котором выражает надежду, что чтение Волошинова позволит осуществить тот самый «эпистемологический перелом», о котором так часто говорилось в связи с работой Соссюра. «Скажем со всей прямотой, — утверждает он, — что теперь нужно будет исходить из Волошинова»** Книга Волошинова оказалась в центре проблем, обсуждаемых марксистскими лингвистами во Франции. В ней анализировалось отношение между языком и идеологией, а языковой знак уподоблялся идеологическому объекту. Как известно, В.Н. Волошинов пытался представить единство языка в рамках классовой борьбы и ставил перед марксистской теорией задачу исследования идеологических явлений путем исследования форм языка и дискурса. Дебаты, возникшие на семинаре Пешё, показали, какое значение приобретал В.Н. Волошинов, зачастую смешиваемый с М. Бахтиным, для развития лингвистики во Франции. Однако для Пешё, который в книге «La langue introuvable» («Неуловимый язык»), написанной в соавторстве с Франсуазой Гаде в 1981 году, подчеркивал близость теории Волошинова с социальной психологией Плеханова, Волошинов не мог служить ориентиром. Правда, Волошинов придерживается критического подхода к социальной психологии, он доказывал, что «социальная психология» в случае ее отделения от речевого взаимодействия, т.е. взаимодействия людей посредством слов, рискует быть связанной с метафизическими и мифическими понятиями «коллективной души» или «духа народа», которые уже со времен романтизма и славянофильства имели определенный успех в русской культуре. Для Пешё работа «Марксизм и философия языка» являлась шагом назад, а не перспективой, открывающейся перед лингвистами, занимающимися отношением «язык и общество», в силу расхождения по главному вопро-

* Она была переиздана в России только в 1994 г. в издательстве «Лабиринт».

** Это утверждение стало отправной точкой статьи, опубликованной в *La Pensee*, 1978, № 17, под названием. «Лингвистическая хроника. Волошинов или Бахтин?».

су — вопросу о Соссюре и о языке Критикой «абстрактного объективизма» Соссюра Волошинов, по мнению Пешё, уничтожал значимость самого языка· противопоставляя «абстрактной системе языковых форм» Соссюра «общественное явление взаимодействия людей посредством слов, реализуемое в высказывании в широком смысле и в конкретных высказываниях», Волошинов как бы ведет к растворению лингвистики в более широком пространстве семиологии*

Таким образом, для Пешё подлинный эпистемологический перелом, которому, как известно, постоянно угрожает затушевывание, по-прежнему связан с Соссюром. Вокруг соссюровского перелома завязываются отношения между формальным и субъективным в лингвистике; эта же дихотомия определяет возможность осмысления особенности субъекта в языке, равно как и стыковку между языком и бессознательным

Разногласия по поводу Волошинова выявили антагонизм, который уже давно имел место между различными течениями А.Д. Они показали отличие А.Д. Пешё от других направлений, свойственных социологии языка В этих направлениях преобладало тяготение к Волошинову, тяготение, которое позволяло вернуться к «отрыву языка от социального», оно предполагало глобальный обзор языковых явлений — их производство, их динамику, их смысловые эффекты — через призму общественной формации Социология языка, как мы видим, была далека от направления М Пешё, который стремился *выстроить* «дискурс» как объект науки Поворот в теоретико-политических дебатах, происходящих между лингвистами, занимающимися А Д., позволяет, таким образом, понять скрывающиеся за этими дебатами положения собственно теоретического характера. Политика долгое время смешивала карты, она служила связующим звеном для многих представителей интеллигенции, ставших коммунистами и перешедших «на позиции рабоче-

---

* *Диалогизм* в школе Бахтина, таким образом, значительно отличается от понятия *интердискурса* в А Д , и вновь пунктом расхождения служит понятие «субъект», субъект в А Д рассматривается не как отправная точка, что характерно для прагматической позиции словесного взаимодействия, а как *результат*, или *продукт* Отметим, однако, справедливости ради момент сходства между Волошиновым и А Д. сходство это заключается в том, что в обеих теориях придается значение пересказанной речи, *высказыванию внутри высказывания* Различие же состоит в том, что, исходя из А.Д , это пересказанное высказывание может пересказываться бессознательно: оно принадлежит области идеологии или того, что Р Барт определял как *докса*

го класса». Все подлежало перераспределению ввиду изменения политической и теоретической ситуации. Одни лингвисты марксистского толка во имя марксизма готовы были пойти по пути, открытому Волошиновым в 1929 году. Позже, в конце 70-х годов, они любопытным образом, если принять во внимание фундаментальное различие исходных точек, сблизились с англосаксонской философией и прагматикой. Это уже тогда стало называться «взаимодействием», «диалогизмом». Пешё, однако, в это время уже стремился отделиться от прагматической проблематики: для него и для близких ему коллег вопрос смысла не мог быть решен в сфере межличностных отношений, не мог он быть решен и в сфере общественных отношений, рассматриваемых в плане взаимодействия между разными социальными группами.

Постепенно вопрос об определении границ дискурсных формаций начал вызывать трудности. Дискурсная формация не менее, чем идеологическая формация, не могла мыслиться как «целостный блок». Эта формация оказывалась «делимой», нетождественной самой себе. Такие рассуждения позволяли представить в новом свете проблему доминируемых идеологий. В противовес традиционной концепции, которая противопоставляла доминирующую и доминируемую идеологии, устанавливая между ними отношение внешнего характера, Пеше делал акцент на «внутреннем доминировании» доминирующей идеологии по отношению к доминируемой идеологии. Пешё выражал тем самым в абстрактной форме мысль о том, что внутри самого дискурса доминируемой идеологии, *в самом способе его организации* следует читать характер ее идеологического доминирования.

Пешё скончался в 1983 году. В предлагаемом сборнике содержится ряд статей с близким его идеям содержанием.

А.Д. СЕГОДНЯ

В настоящее время идея дискурса получила на Западе широкое распространение в трудах историков. Положение о том, что тексты не служат простыми инструментами для изучения событий, а сами являются событиями, получает все большее признание. Многие историки проводят исследования непосредственно на материале языка, открывая тем самым для себя такую область реальности, которая до сих пор от них ускользала. Доказательством тому служит, например, недавняя книга Жака Рансьера «Les mots de l'his-

toire» («Слова истории») вышедшая в 1992 году В гуманитарных науках Франции отныне укоренилась, став центральной и устойчивой, мысль о непрозрачности языка, и эта непрозрачность отнюдь не является недостатком, a priori подлежащим уничтожению напротив, эта непрозрачность служит непосредственной составляющей всякой языковой деятельности

Таким образом, в А Д произошло размежевание но он сохранил свою изначальную связь с материальностью языка Сфера действия А Д теперь расширилась, так как он соединился с другими направлениями, которым, как и ему свойственно особое внимание к специфическим особенностям текстов А Д разработал новый, свободный подход к материалу, способность прочитывать тексты, «зная, что читаешь», способность, позволяющую не стать жертвой иллюзии прозрачности, непосредственности и очевидности смысла За пределами легких, доступных, не вызывающих споров способов описания универсальных семантик и лексических семантик, внутренне присущих системе определенного языка, А Д учит нас, что слова могут изменять значение в соответствии с позициями, занимаемыми теми, кто их употребляет

Мы надеемся, что А Д найдет в России позитивный отклик Время для этого, во всяком случае, весьма благоприятное

Во-первых, появилась возможность начать диалог между русской и французской научными культурами, которые достаточно различны, чтобы поучиться друг у друга, и достаточно близки, чтобы суметь понять друг друга

Во-вторых, преодолевая проклятия и ностальгические сожаления, следует заново пересмотреть политический дискурс советской эпохи Материал для исследования огромен — речь идет о полном объеме исторической памяти за семьдесят последних лет Этот материал ждет новых методов исследования

Но исследователей ожидает и новое пространство исследования Необходимо выяснить, существовало ли специфическое отношение между языком и политикой в такой стране, как Советский Союз Является ли модель «новояза» Дж Оруэлла, языка ухищрений и лжи, достаточной для того, чтобы составить представление о поведении получателей политического дискурса? Может ли упрощенная концепция «дискурса, говорящего о вещах, которых не существует», дать представление о столь длительном существова-

нии определенной политической системы, каковой являлся советский строй?

И наконец, следует рассмотреть *дискурсы* новой эпохи, открывшейся в посткоммунистической России Способы анализа, предлагаемые в данном сборнике, не являются панацеей, они должны быть приспособлены к особой дискурсной ситуации, сложившейся в современной России Можно быть, однако, уверенным в том, что указанные способы позволят обрести необходимую отстраненность от сложной ситуации, которая еще ожидает детального анализа

Патрик Серио

Май 1995 г

P S Выношу особую благодарность французским коллегам, которые помогли мне в подборке материалов сборника, русским коллегам, поддержавшим инициативу его создания, и переводчикам, чья задача при работе над сборником была особенно трудной

Ж Отье-Ревю

ЯВНАЯ И КОНСТИТУТИВНАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ *ДРУГОГО* В ДИСКУРСЕ

Памяти Р Л Вагнера

1. ЭКСПЛИЦИТНЫЕ ФОРМЫ НЕОДНОРОДНОСТИ

В речевой цепочке, которую материально производит один говорящий, ряд явных языковых средств указывает (на уровне предложения или дискурса) на присутствие *другого*

1 1 Это «другой» пересказанной речи синтаксические формы косвенной и прямой речи однозначно обозначают в рамках предложения другой акт высказывания[1] В косвенной речи говорящий предстает как «переводчик» пользуясь своими собственными словами, он отсылает к другому как к источнику «смысла» передаваемого текста В прямой речи сами слова другого занимают время (или пространство), четко обозначенное в рамках предложения как цитата, тогда как говорящий выступает простым «рупором»[2] Такими двумя различными способами говорящий эксплицитно *обозначает в своей речи* место речи *другого*

1 2

1 2 1 Более сложная форма неоднородности возникает в различных *маркированных формах автонимной коннотации*[3] в речь говорящего встроены слова[4] (без разрыва, характерного для автонимного употребления), и одновременно говорящий их показывает Тем самым говорящий как пользователь слов на мгновение раздваивается, за ним возникает *другая фигура*, фигура наблюдателя, следящего за используемыми словами, а фрагмент, выделенный таким образом — отмеченный кавычками, курсивом, интонацией[5]

Jacqueline A u t i e r - R e v u z Héterogenéite montree et heterogeneite constitutive elements pour une approche de l'autre dans le discours. — *DRLAV*, 1982, № 26, p 91 151 Перевод дается с сокращениями

и / или каким-либо комментарием, — приобретает по отношению к остальному дискурсу особый, *иной статус*

Конкретные проявления этой инаковости могут быть многообразны исследователи часто пытались определить в рамках какого-либо литературного произведения (Флобера, Стендаля, Пруста, например) значение фрагментов, выделенных кавычками или курсивом[6] В исследовании, посвященном функции кавычек в целом (A u t h i e r 1980), я попыталась представить гамму возможных толкований этого иного статуса, придаваемого слову кавычками[7] Помимо этого, мне кажется особо интересной благодаря своей эксплицитности и доступности для лингвистического анализа другая, в изобилии представленная, область это *комментарий*, глосса, поправка, уточнение, которыми говорящий может сопровождать некоторые элементы своей речи

1 2 2 Сопровождая процесс слушания — или чтения, который синхронен речи — или письму — и отражается на их линейном развитии, видоизменяя последний, — эти формулы представляют собой что-то вроде *наивного метадискурса* который уточняет и объясняет другой статус соответствующего элемента

Действительно, эти формулы вплетаются в ход дискурса как показатели деятельности по контролю / регулированию процесса коммуникации и специфицируют отрицательно, в форме сигнала нарушения или операции поправки, различные условия, которые говорящий считает необходимыми для «нормального» речевого взаимодействия и которые тем самым имплицитно присутствуют как «сами собой разумеющиеся» в остальной части дискурса

Подробное описание всех этих форм[8] не входит в задачи этой статьи Я хотела бы только схематично показать некоторые из этих «нормальных механизмов» коммуникации, параметров или точек зрения — часто тесно переплетенных, — в соответствии с которыми эти формы эксплицитно обозначают определенный фрагмент как точку неоднородности

1 2 2 1 Реализация дискурса в языке или в каком-либо варианте языка (техническом, местном, фамильярном, «стандартном»), адекватная с точки зрения собеседников в рамках определенной ситуации в глоссах, которые называют другого — чужого — (а) и / или часто его выявляют (b) с помощью «нормальных» слов дискурса, осуществляя в случае (b) «установление контакта» в дискурсе[9].

(а) — Зеленая фасоль, al dente, как говорят итальянцы

— Тон снисходительного презрения по отношению к правильному количеству слогов [...], как мне кажется, часто основан на непонимании «диалектики» (если быть педантом) дирижерской палочки и ритма (B. de Cornulier. — In: *Francais moderne*, 1980, № 2, p. 168).

— Действительно, сегодня, выражаясь словами молодого поколения, некоторые предприниматели «тащатся» от политики, но... (J. Delors, ministre de l'Economie — R.T.L., перепечатано в *Le Monde*, 1.12.1981, p. 39).

(b) — Таков метод датировки «варвов», слово, которое в скандинавских языках означает «осадочные слои» (*Science et Avenir*, fev. 1981, p. 39).

— Хиазм, которому часто дают выразительное имя «устерон-постерон» (*греч.* второй-первый) [...] (F. Roustand. Du style de Freud. — In: Elle ne le lâche plus. P.: Ed. de Minuit, 1980, p. 24).

— [...] хорошее основание для защиты генной инженерии, то есть прямого вмешательства в гены [...] (*Science et Vie*, 1962, № 7, p. 55).

1.2.2.2. Договор двух собеседников в отношении соответствия слова[10] предмету и ситуации: в оборотах, выражающих сомнение, оговорку (*X* в некотором смысле, образно выражаясь, (не) в прямом смысле...): сомнение (*X*, ну, в общем, *X*, если хотите, если так можно сказать, если можно говорить об *X* в...); поправку, уточнение (*X* или скорее *Y*; *X*, я должен был бы сказать *Y*; *X*, что я говорю, *Y*) в сочетании с тонкой игрой (*X*, я чуть не сказал *Y*) или с уточнением (*X*, я хотел сказать именно *X*); призыв к согласию собеседника (*X*, если вы позволите, если вы мне простите это выражение, если пожелаете; положим, *X*; *X*, извиняюсь за выражение...). Например:

— [...] область, покрываемая тем, что, правильно или неправильно, принято называть «гуманитарные науки» или «общественные науки» (P. Henry. Le mauvais outil. P.: Klincksieck, 1977, p. 90).

— [Предприниматели в области производства шелка] создают целиком зависимый от них пролетариат: это девушки, которых держат взаперти — и это вовсе не метафора [...] (J. Rancière. Les maillons de la Chaîne. — *Révoltes logiques*, 1970, № 2, 1976).

— «Корсиканская триглоссия», если можно так выразиться, принимая во внимание еще присутствующий призрак тосканского (частная беседа лингвистов, 1980).

— Сегодня вечером мы отмечаем событие, счастливое событие, если вы мне позволите такую формулу выход в этом году собрания работ [...] (F. L a z a r d Речь, напечатанная в *l'Humanité*, 22.5.1980)

1.2.2.3. Значение слова, которое «в норме» само собой разумеется: в бесконечно разнообразных инструкциях по толкованию какого-либо элемента *(X* в смысле *p*; не в смысле *p*, но...)

— [...] что следует признать противоречием в материалистическом смысле слова (P. H e n r y Op. cit., p. 4).

— [...] каждый шаг, совершаемый в этой книге, — это одновременно скачок в сторону (так говорят о лошади, когда она прыгает в сторону) по сравнению со спонтанным представлением речевой деятельности (F. F l a h a u l t La parole intermédiaire. Seuil, 1978, p. 12).

— [...] она скрывается в «романтических» местах в том смысле, в котором это слово понимали тогда, то есть как синоним чего-то живописного и дикого (B. D i d i e r L'écriture-femme. PUF, 1981, p. 114)

— [...] не изобрести совершенно ни на что не похожий вид письма [...], а взорвать Письмо — во всех смыслах, которые придает слову заглавная буква (B. D i d i e r. Op. cit., p. 39).

— Я чувствую себя «побитой» во всех смыслах слова (из беседы, 1981).

1.2.2.4. Принадлежность слов или цепочек слов к данному дискурсу в процессе его производства: во всех случаях отсылки к другому, уже существующему, дискурсу. Это большая область встроенных цитат, аллюзий, стереотипов, реминисценций, когда эти фрагменты обозначаются как «взятые из другого источника» (*X*, как говорит *x*, повторяя выражение *x*... называемое *X* *x*-м, то, что *x* называет *X*..[11] Например:

— [Поэт] — это, по выражению Бодрияра, которое мы лишаем его язвительности, «ускоритель частиц языка» (F. G a d e t, M. P ê c h e u x. La langue introuvable. P.: Maspéro, 1981, p. 57).

— Бриллианты были венцом этих коллекций [...], «осколками вечности», говоря словами индусов, или этими «непокорными», как их называли греки.. (V. C o r b u l. Tempête sur Byzance, 1981, p. 357).

— [...] может показаться, таким образом, что высказывания всегда уже стоят (как говорится) в кавычках, что хорошо согласуется с идеей обобщенной непрозрачности

языка (F. Recanati. La transparence et l'énonciation. Seuil. 1979, p. 134)

— Мне кажется, что это так называемое предварительное удовольствие основывается у нее на трех моментах (P. Aulagnier. La féminité. — In: Le désir et la perversion. Seuil — Points, 1967, p. 65)

1.3. В формах автонимной коннотации, упоминавшихся выше, игра с *другим* сложнее, чем автонимное употребление с его кажущейся простотой линейного разделения на «одно» и «другое» — как, например, в прямой речи, но она (эта игра) остается все же в области маркированного и эксплицитного.

Напротив, в случае несобственно прямой речи, иронии, антифразы, подражания, аллюзии, реминисценции, стереотипа и т. п., т. е. дискурсных форм, которые, я полагаю, могут рассматриваться аналогично высказываниям с автонимной коннотацией, наличие другого никак эксплицитно и однозначно в предложении не маркируется: «упоминание», которое накладывается на «употребление» слов, может быть узнано, истолковано на основании признаков, выявляемых в дискурсе в зависимости от внешних условий[12].

Этот вид «игры с другим» в дискурсе происходит в пространстве неэксплицитного, «полускрытого», «намекаемого», а не явного и высказанного. именно на этой игре строятся риторические эффекты иронических дискурсов, антифраз, несобственно прямой речи, когда присутствие другого тем более явно, что оно проявляется без помощи «высказанного», именно из этой игры «на границах» проистекает удовольствие — и неудачи — расшифровки вышеупомянутых форм[13]. И именно это явление устанавливает вместо порогов и границ континуум, постепенный переход[14] от самых подчеркнутых форм (в условиях имплицитности) до самых неясных форм присутствия *другого*, так что на горизонте появляется удаляющаяся точка, в которой уже возможности лингвистического восприятия исчерпываются, уступая место признанию — полному очарования или разочарования — повсеместного растворенного присутствия *другого* в дискурсе.

1.4. Другой тип неоднородности может вписываться в явном виде в линию дискурса: это неоднородность *других* слов, засловесная, внутри-словесная. Здесь невозможно всерьез углубляться в эту многообразную область, где сближаются материальные параметры знака (включая омонимию,

паронимию, полисемию и пр.) и многочисленные фигуры или тропы, которые позволяют их обыгрывать (от метафоры и метонимии до двусмысленностей, каламбуров, приблизительности, ребусов и т.д.)[15]

Я хочу только отметить очень схематично некоторые из способов эксплицитно маркировать присутствие в цепочке другого означающего, заставляющих собеседника учитывать присутствие этого другого, в том числе и при помощи прямой инструкции к его обнаружению. Это может быть:

— эксплицитная отсылка цепочки к одной из классических «форм-жанров», шифрующих двойное прочтение: палиндром[16], акростих, например, или акрофоническая перестановка, эта «преднамеренная оговорка», которую Люк Этьен, исследуя ее «правила игры» с «другой» цепочкой, анализирует в терминах диалогизма[17, 18];

— построение одной цепочки, которая может приобрести определенный смысл только в тот момент, когда собеседник решится увидеть в ней два смысла: «Et comme il n'avait pas de veine, elles ont éclaté», — говорит Реймон Девос[19], у которого дискурс постоянно «продвигается» через такие резкие перепады смысла внутри одного слова;

— соположение в цепочке «одного» и «другого» в жесткой форме стихов holorimes[20], например, или в гибкой форме «Глоссария», в котором Мишель Лейрис «сжимает глоссы» и выстраивает слова в алфавитном порядке, как шкатулки, из которых он вытаскивает и разворачивает по воле своей фантазии слова, упрятанные внутрь[21];

— соположение-наложение телескопных слов «accumonceler» или «amoncumuler» *;

— прямая реализация игровой изнанки слов, на которую с помощью явного приема заменяется их «лицо», в текстах, претерпевших «трансформацию», как в верлане (verlan), при метатезах, акрофонических перестановках[22].

Отмечая существование этих маркированных, эксплицитных форм присутствия «другого означающего», я вновь обнаруживаю тот же прием, что и раньше (в 1.1. и 1.2.); так же как в случае цепочек, в которых присутствие *другого* указано / узнаваемо только имплицитно, т.е. предположительно — даже если эта имплицитность навязывается со всей силой очевидности[23], — мы снова вступаем на путь, который без резко проведенных границ ведет туда, где каж-

---

* Образовано наложением двух глаголов accumuler («накапливать») и amonceler («нагромождать»). Ср. «буржон» и «пижуй». *Прим. перев.*

дая цепочка может рассматриваться как потенциально скрывающая любые игры с другими означающими, туда, где разворачивается «парадигматическое прочтение», туда, где коренилась тревога Соссюра относительно «реальности» его анаграмм

1.5. К КОНСТИТУТИВНОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ

1 5 1 Если отправной точкой служат маркированные формы, которые отводят *другому* определенное, поддающееся лингвистическому описанию место, то, пройдя через континуум выявляемых в дискурсе форм присутствия *другого*, мы в конечном счете вынуждены констатировать, что *другой* — слова других, другие слова — присутствует повсюду, постоянно в дискурсе, но так что это присутствие не поддается лингвистическому анализу

Классический путь, который я только что бегло прошла, обманчив, если мы хотим показать отношение между неоднородностью явной и неоднородностью конститутивной, отношение, которое подобно линейной прогрессии (с порогами и последовательностями) осуществляло бы переход от явных форм неоднородности в пограничную точку неоднородности конститутивной, т е в точку, где исчерпываются возможности лингвистического описания Эта пограничная точка может рассматриваться как конечный пункт дрейфа или неотвратимого падения, в котором лингвистика как бы растворяется Это точка, за которой якобы начинается внешняя по отношению к лингвистике область, которую лингвистика не может познать, но от которой она может в буквальном смысле слова отмежеваться, оставшись по эту сторону Или иначе можно рассматривать эту точку как предел «истины» для дискурса, предел, недостижимый для лингвистики, который вроде бы делает в чем-то смешным собственно лингвистическое описание явных форм присутствия *другого*, поскольку такое описание выглядит грубым в свете постоянного и вездесущего присутствия *другого* Это два противоположных способа отказа от сопоставления лингвистической реальности явных (или «намекаемых») форм неоднородности с реальностью конститутивной неоднородности

1 5 2 Учет конститутивной неоднородности в лингвистическом описании явных форм неоднородности, по моему мнению, — это не момент разрушения и не свет за горизон-

том, а необходимая опора на область, лежащую за пределами лингвистического Это верно не только для форм, которые легко выпадают из лингвистического из-за ненадежных условий их обнаружения, но принципиально важно для самых эксплицитных, самых явных, самых определенных форм присутствия *другого* в дискурсе

Именно с этой, лингвистической точки зрения я и ищу опору в двух нелингвистических подходах к конститутивной неоднородности речи и дискурса в диалогизме кружка Бахтина и в психоанализе (на основании прочтения Лаканом текстов Фрейда) Работы Бахтина прочно вошли в область классических семиотических и филологических исследований Психоанализ имеет дело с бессознательным Речь, язык, дискурс, говорящий субъект не являются или — для Бахтина — лишь частично являются объектом изучения этих направлений, зато это необходимый материал, без которого невозможен анализ их собственного объекта Я полагаю, что, оставаясь целиком на своей собственной почве, не теряясь и не растворяясь в этих внешних по отношению к ней областях, лингвистика должна их учитывать и принимать во внимание релевантные для нее результаты, в них достигнутые

1.5.3. Форма последующего изложения объясняется именно таким подходом

— Представление этих неспецифически лингвистических областей будет сознательно сконцентрировано на том, что, как мне кажется, согласуется с проблемами, которые я сама решаю в лингвистике, наверняка при этом, уже неосознанно, я покажусь в чем-то наивной, что характерно для стороннего наблюдателя.

— С другой стороны, это представление будет элементарным и дидактичным: мы откажемся от изящных отсылок, например к «тому, что, как известно каждому, привнес психоанализ. .», поскольку такие намеки, очевидно, не работают в случае, если это «то» вовсе не известно К тому же, независимо от того, известно оно или нет, они рискуют успокоить адресата — а иногда и говорящего — в мысли, что речь идет о маргинальном явлении, которое с лингвистической точки зрения достойно только упоминания, пусть и почтительного, но что учитывать его в своих исследованиях необязательно Для читателя, которому эти страницы могут показаться утомительным повтором, в пункте 4 1 дано очень сжатое резюме основных положений, позволяю-

щее пропустить части 2 и 3 и перейти сразу к продолжению, где схематично излагаются некоторые моменты, дающие возможность согласовать эти две реальности: конститутивную неоднородность дискурса и формы явной неоднородности в дискурсе.

2. ДИАЛОГИЗМ КРУЖКА БАХТИНА

2.1.

2.1.1. Глядя на то, сколько в последнее время во Франции появилось новых переводов[24], работ, посвященных кружку в целом или в отдельности Бахтину и Волошинову[25], на количество ссылок в лингвистических, семиотических или литературоведческих работах, начиная с текста Ю. К р и с т е в о й 1966 «Слово, диалог, роман»[26], становится ясно, что работы «постформалистического»[27] кружка 20—30-х годов, которые Бахтин продолжал до 1975 г., уже после исчезновения Медведева и Волошинова, стали широко известны не только в кругах славистов или специалистов по Рабле и, можно даже сказать, вошли в моду.

Это неудивительно, если принять во внимание, что размышления этого кружка о «диалогичности» имеют не собственно лингвистическую, а семиотическую и литературоведческую перспективу и сосредоточиваются в областях, к которым относятся и в которых сталкиваются анализ дискурса, социолингвистика, теории процесса высказывания, прагматика...

Но эти богатые размышления сложны и перегружены различными формулировками, не лишены противоречий, а иногда и колебаний, которые трудности перевода только обостряют; мы еще далеко не располагаем, ни во Франции, ни даже в СССР, всеми текстами; кроме того, было бы важно уточнить место этого явления в контексте советской культуры 1920—1975 гг.

В связи со всем вышесказанным не составляет никакого труда «растягивать» Бахтина в самых разных направлениях, и существует опасность, особенно для лингвистов, превратить Бахтина в «испанский трактир», куда каждый приносит что имеет. Предлагаемое мной изложение идей Бахтина, которые меня привлекли своей плодотворностью и актуальностью, не избежало ни одной из перечисленных трудностей, сохранив следы колебаний и сомнений — не знаю, принадлежат ли они самим текстам или лично мне. Единственная принятая мной «предосторожность» — это попытка не отделять элементы, относящиеся к дискурсу, к

смыслу и т.п., от тех связей, которые их объединяют у Бахтина с литературными жанрами, а именно на этом поле — поле жанров, построенных на определенных свойствах языка и дискурса, — мысль Бахтина находит, вероятно, самые сильные и в своей силе наименее поддающиеся «манипуляции» формулировки.

2.1.2. Через понятия «разноречие» и «границы», «полифония» и «точки зрения», «многоакцентность», «двуголосость», «речевое взаимодействие» одновременно строятся исторически обусловленный анализ литературных форм и жанров (смеховая культура, роман) и теория осуществления дискурса и смысла, материализующихся в первых. Одна парадигма последовательно пронизывает различные области, рассматриваемые на протяжении обоих периодов творчества Бахтина: периода кружка[28] и позднее[29]:

диалог / монолог
множественное / единичное
другое в одном / одно и другое
границы в неоднородном / однородное
конфликт / неподвижность
относительное / абсолютное, центр
незавершенное / завершенное, догматичное
и даже
жизнь / смерть; человек / Бог и т.д.

Множество точек зрения сопровождается некоторым словесным изобилием в этих текстах. Во всей этой сети противопоставлений устойчиво прослеживается место, отведенное *другому* в диалогической перспективе, но этот другой не двойник, не отражение, не даже «иной», но другой, постоянно присущий одному. Это и есть основополагающий принцип (или его надлежит признать таковым) субъективности, литературной критики, гуманитарных наук вообще...[30] Ср.:

«У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе; смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого»[31].

И делает это прежде всего через «слова другого»:

«Все до меня касающееся приходит в мое сознание, начиная с моего имени, из внешнего мира через уста других (матери и т.п.), с их интонацией [...]»[31, 32].

Критика должна избежать двух угрожающих ей упрощений: свести все к собственной точке зрения или, наоборот, самоустраниться в полном слиянии с автором:

«Творческое понимание не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает. Великое дело понимания — это вненаходимость понимающего — во времени, в пространстве, в культуре — по отношению к тому, чтó он хочет творчески понять»[33].

Смысл текста, таким образом, никогда не бывает завершен, поскольку он производится в неограниченном количестве диалогических ситуаций, которые обусловливают его возможное прочтение: речь идет, очевидно, о «множественном прочтении»[34].

Естественным и точным наукам, которым Бахтин придает статус монологического «пугала»:

«Точные науки — это монологическая форма знания интеллект созерцает вещь и высказывается о ней; [направленная на] безгласную вещь, [научно-монологическая речь] предстает как последнее слово»[35], он противопоставляет приемы гуманитарных наук, их объект, т.е. прежде всего «текст» и «знак»:

«Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный)»[36].

Это обязывает к диалогическому способу познания.

2.1.3. Фундаментальный принцип, согласно которому отношение к другому — это внутренняя граница, представляет собой как закон дискурса (слова, высказывания, знака...), так и закон литературных форм и жанров, к которым благоволит кружок Бахтина (карнавальный смех, полифонический роман, бесконечное многообразие текстов, передающих другие дискурсы). Дискурсная и литературная семиотика оказываются тесно переплетены при попытке характеризовать жанры как исторически обусловленную стилизацию-усиление свойств, присущих дискурсу. Поэтому, отдавая предпочтение в своем дальнейшем изложении всему, что имеет отношение прежде всего к дискурсу, я не стала отделять от этого схематическое представление жанров, которые строятся на некоторых из его свойств.

Замечание. Заявляя (в 1.5.) о взгляде на лингвистику извне, который последнюю, однако, затрагивает, я следовала точке зрения, выраженной самим Бахтиным[37]. Бахтин помещает свое исследование в область значимой литератур-

ной практики: если металингвистика, которую он пытается разработать, и затрагивает критически понятие языка в структурной лингвистике, поскольку последнее не соотносится с историей, с субъектом, с конкретной социальной практикой, то из многочисленных текстов создается впечатление, что Бахтин не намерен занимать территорию лингвистики, но признает существование обеих областей, отличных друг от друга, но взаимодействующих, и при этом его объектом является только одна область — область «конкретной речи, конкретного слова»

«Мы имеем в виду слово, то есть язык в его конкретной и живой целокупности, а не язык как специфический предмет лингвистики, полученный путем совершенно правомерного и необходимого отвлечения от некоторых сторон конкретной жизни слова. Но как раз эти стороны жизни слова, от которых отвлекается лингвистика, имеют для наших целей первостепенное значение. Поэтому наши последующие анализы не являются лингвистическими в строгом смысле слова. Их можно отнести к металингвистике [...].

Диалогические отношения (в том числе и диалогические отношения говорящего к собственному слову) — предмет металингвистики [...]. В языке как предмете лингвистики нет и не может быть никаких диалогических отношений».

«[Лингвистика и металингвистика] должны дополнять друг друга, но не смешиваться. На практике же границы между ними очень часто нарушаются»[38].

Соотношение лингвистического и экстралингвистического, которое обсуждается в работах, посвященных высказыванию, прагматике, дискурсу, тексту, оказывается, таким образом, четко и многократно сформулированным у Бахтина.

Похоже, однако, что подход автора книги «Марксизм и философия языка» существенно иной: «Только на почве речевого общения возможна разработка и более элементарных проблем синтаксиса»[39].

Безоговорочное осуждение «абстрактного объективизма» Соссюра, унаследовавшего у филологии отношение к языку как к мертвому предмету, системе, состоящей из знаков, монологизм, не знающий «живой речи», кажется, имеет целью не соединить одно с другим, а заменить одно другим:

«Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм [...], а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями»[40]

Отношение между языком и речевым актом, между лингвистическим и идеологическим в книге «Марксизм и философия языка», похоже, приближается к уподоблению одного другому. Отличие этого текста, и в частности предисловия и двух первых частей (по многим существенным пунктам), от наиболее известных текстов Бахтина кажется очевидным[41]. Но не менее явной предстает и общность интересов (дискурс, литературные формы в связи с историей, диалогическая перспектива), что допускает ссылки на работы «кружка» совокупно, как это сделано, например, в Peytard 1980 и Todorov 1981.

2.2. СМЕХ И МНОГОЯЗЫЧИЕ

2.2.1. Термин «разноречие», или «многоязычие», не должен смущать: тема разнообразия в языке, «расслоения» — это для Бахтина, несомненно, частый предлог для инвентаризации «жанров» и «видов», которую он производит с явным наслаждением.

«Внутренняя расслоенность единого национального языка на социальные диалекты, групповые манеры, профессиональные жаргоны, жанровые языки, языки поколений и возрастов, языки направлений, языки авторитетов, языки кружков и мимолетных мод, языки социально-политических дней и даже часов (у каждого дня свой лозунг, свой словарь, свои акценты) [...]»[42]

Это «наслаждение составлением инвентаря» не останавливается на наблюдении за «слоями языка» или за разновидностями кодов, на которые якобы разделен язык, «так же как» общество делится на жанры, прослойки, виды... Язык един. Бахтин часто и недвусмысленно об этом напоминает[43]:

«Живая социальная жизнь и историческое становление создают в пределах абстрактно единого национального языка множественность конкретных миров, замкнутых словесно-идеологических и социальных кругозоров»[44]

«Социальные языки» в «недрах одного национального языка»[45] не сосуществуют в виде статичного соположения, но сложно переплетены между собой, и Бахтин подчеркивает нестабильный, подвижный характер их соотношения:

«Поэтому языки не исключают друг друга и многообразно пересекаются [ ], все они могут быть сопоставлены, могут взаимно дополнять друг друга, могут противоречить друг другу, могут быть соотнесены диалогически [...].

[Они] многообразно скрещиваются между собой, образуя новые социально-типические "языки"»[46]

Сложная игра подвижных границ, которые образуют и пронизывают эти «языки», — это и есть виды языковой практики, социально разнообразные и противоречивые, исторически вписанные в один язык:

«Все языки разноречия [...] являются специфическими точками зрения на мир»[47].

«Языки — это мировоззрения, притом не отвлеченные, а конкретные, социальные, пронизанные системой оценок, неотделимые от жизненной практики и классовой борьбы Поэтому каждый предмет, каждое понятие, каждая точка зрения, каждая оценка, каждая интонация оказались в точке пересечения рубежей языков-мировоззрений, оказались вовлеченными в напряженную идеологическую борьбу»[48].

Признание диалогичного функционирования дискурса — это решение идеологическое: «лингвистический догматизм» признает только один из видов практики и навязывает его как собственно язык. Опираясь на «языковую наивность» и культивируя последнюю, монологизация является носителем интересов господствующих слоев общества, поскольку она не позволяет ставить под сомнение дискурс и его «смысл», не допускает релятивизации, присущей диалогичности (которая за счет классически понимаемого многоязычия или многоязычия в смысле «социальных говоров» Бахтина воспроизводит в языке неустойчивые и конфликтные социальные отношения)[49].

2.2.2 Таким образом, литературные диалогические жанры, т.е. те, которые опираются на внутреннюю диалогичность дискурса, придавая последней стилизованную, усиленную литературную форму, не могут возникнуть в политически застывшем, неподвижном обществе; они предполагают процессы изменения в общественной структуре, в которых на идеологическом уровне они активно участвуют:

«Но стать такой существенной формотворческой силой внутренняя диалогичность может лишь там, где [...] диалог голосов непосредственно возникает из социального диалога "языков", где чужое высказывание начинает звучать как со-

циально чужой язык, где ориентация слова [...] переходит в ориентацию его среди социально чужих языков в пределах того же национального языка»[50].

«Творческому сознанию» в жанре юмористического романа, как у Рабле[51], свойственно опираться на разноречие, реально существующее в исторической и социальной среде

«[...] расслоение литературного языка, разноречивость его есть необходимая предпосылка юмористического стиля»[52].

«Художественная проза предполагает нарочитое ощущение исторической и социальной конкретности и относительности живого слова, его причастности историческому становлению и социальной борьбе»[53]

Всем известно фантастическое лингвистическое обжорство Рабле, распространяющееся не только на современное ему национальное географическое пространство, но и за его пределы, не говоря уже о вымышленных языках Для романа, особенно юмористического, согласно Бахтину, характерно создание «энциклопедии» говоров своей эпохи

«В английском юмористическом романе мы найдем юмористико-пародийное воспроизведение почти всех слоев современного ему разговорно-письменного литературного языка [...], энциклопедию всех слоев и форм литературного языка рассказ [...] пародийно воспроизводит то формы парламентского красноречия, то красноречия судебного, то специфические формы парламентского протокола, то протокола судебного, то формы газетного репортерского осведомления, то сухой деловой язык Сити, то пересуды сплетников, то педантическую ученую речь, то высокий эпический стиль или стиль библейский, то стиль ханжеской моральной проповеди, то, наконец, речевую манеру того или иного конкретного и социально определенного персонажа [...]»[54].

Эти литературные формы, конечно, стремятся не к «коллекционированию», а к заострению «многообразной игры границами речей, языков и кругозоров»[55], «авторские интенции, преломляясь сквозь все эти плоскости, могут не отдавать себя до конца ни одной из них»[56]

Значит, в пространстве текста все относительно, и эта относительность создается разноречием эта релятивизация не только не растворяет идеологическое значение произведения, а является его главным элементом[57]. Эта работа с языком проявляет и усиливает полный разрыв с монологиз-

мом, с языковой наивностью: внутренняя диалогичность прозы свидетельствует о том, что́ Бахтин называл «галилеевское релятивизованное сознание языка», противопоставляя его птолемеевскому языку, впрямую выражающему намерения автора, категоричному, монологичному и однородному[58].

2.2.3. Таким образом, подрывная сила смеха Рабле, весело демонстрирующая границы всего серьезного, даже если речь идет о наиболее дорогих ему идеях, прямо связана с радикальным многоязычием, которое накладывает запрет на любую языковую изоляцию: прекрасные последние страницы книги о Франсуа Рабле принципиально объединяют эти два плана.

Смех средневековой карнавальной культуры, который Рабле воплотил в литературе, повторяет, на манер пародии и «перевертышей», все, что только принадлежит серьезному миру (ритуалы, культ, общественные установления, иерархию, языковую правильность и др.). Настоящее «ви́дение мира» не щадит ничего, в том числе и самого смеющегося; этот смех, по сути, есть диалог, и в нем основное значение творчества Рабле. Рабле, «серьезно и искренне» занимавший «в борьбе, которую вели различные силы его эпохи», «более передовые и прогрессивные позиции», чем любой другой великий передовой гуманист, выделяется именно этой диалогической силой смеха, заимствованной из народной культуры:

«Последнее слово эпохи, искренне и серьезно утверждаемое, все же не было еще последним словом самого Рабле [...], хотя он произносил последнее слово своей эпохи серьезно — он знал меру этой серьезности. Действительно, последнее слово самого Рабле — это веселое, вольное и абсолютно трезвое народное слово, которое нельзя было подкупить той ограниченной мерой прогрессивности и правды, которая была доступна эпохе»[59].

«Как бы ни был Рабле серьезен [...] в своих прямых высказываниях, он всегда оставляет веселую лазейку в более далекое будущее, которое сделает смешным относительную прогрессивность и относительную правду, доступные его эпохе [...]»[60].

«Относительный», одно из главных слов Бахтина, вовсе не равняется ироничному скепсису, что и понятно: в атмосфере смеха и народного праздника творчество Рабле видится ему «освобожденным от всех узких и догматических

смысловых связей»[61]. Именно в этом проявляется бьющее через край многоязычие Рабле. Сказав об интенсивных изменениях, происходивших в языковой области в эпоху Возрождения, Бахтин заключает:

«Мы видим, в каком сложном пересечении рубежей языков, диалектов, наречий, жаргонов формировалось литературно-языковое сознание эпохи. Наивное и темное сосуществование языков и диалектов кончилось, и литературно-языковое сознание оказалось не в упроченной системе своего единого и бесспорного языка, а на меже многих языков, в точке их напряженной взаимоориентации борьбы»[62].

Там, «где творящее сознание живет в одном и единственном языке», рождается монологичность и догматизм; напротив:

«Литературно-языковое сознание эпохи умело [...] видеть его [язык] извне, в свете других языков, ощущать его границы, видеть его как специфический и ограниченный образ во всей его относительности»[63].

Именно из этого нарождающегося «многоязычного» лингвистического сознания Рабле и смастерил себе могучий и ликующий резонатор.

В одной из формул, твердо отменяющей устаревшее различие формы и содержания[64], Бахтин представляет связь между диалогичностью смеха и диалогичностью многоязычия как один из основных принципов силы творчества Рабле:

«В творчестве Рабле вольность смеха, освещенная традицией народно-праздничных форм, возведена на более высокую ступень идеологического сознания благодаря преодолению языкового догматизма»[65, 66]

2.3. ПОЛИФОНИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И ЖАНРЫ И МНОГОАКЦЕНТНОСТЬ «СЛОВА»

2.3.1. Концепции «сплошь разноречивого» языка «в каждый данный момент своего исторического существования»[67] соответствует, полностью с ней согласуясь, теория построения смысла в дискурсе.

2.3.1.1. За основное и фундаментальное отличие понятий *лингвистика / транслингвистика* принимается различие между абстрактными, повторяющимися элементами языка — словами и предложениями, носителями «значения» в рамках языковой системы, — и конкретными, еди-

ничными элементами, которыми являются высказывания, получаемые при взаимодействии языка и ситуации в акте «речевого взаимодействия», и которые в качестве таковых являются носителями «темы» («контекстуальное значение данного слова в условиях конкретного высказывания»[68] и неизбежно «оценочного акцента» или «суждения...» («аксиологического»), вписанного в «[противоречивую] систему социальных оценок», образующую дискурсное поле).

2.3.1.2. «Только мифический Адам, подошедший с первым словом к еще не оговоренному девственному миру»[69], мог бы избежать неизбежного диалогического столкновения с «уже сказанным» в чужой речи.

«Слово противостоит говорящему на родном языке — не как слово словаря »[70]

«В результате работы всех этих расслаивающих сил в языке не остается никаких нейтральных, "ничьих" слов и форм он весь оказывается расхищенным, пронизанным интенциями, проакцентуированным»[71].

Всякое слово «пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило своею социально напряженной жизнью»[72], его «приходится брать из чужого контекста и делать своим»[73]. Слова «нагружены», «населены», «перенаселены», «пронизаны» дискурсом, это то, что Бахтин называет «социально-значимым насыщением [...] языка определенными [...] интенциями и акцентами»[74]

2.3.1 3. Диалогизм, таким образом, оказывается условием формирования смысла: «многоакцентность» слова — это не коннотативный меняющийся ореол вокруг смыслового ядра, а «противоречивые акценты, которые пересекаются внутри каждого слова», смысл, который образуется в и при пересечении дискурсов.

2.3.1 4 Точно так же, только в отношении к другим дискурсам, в «среде», которую они образуют, и с их «помощью» строится любой дискурс; другие дискурсы, если можно так выразиться, образуют его «внешнюю конституирующую среду».

«Всякое конкретное слово (высказывание) находит тот предмет, на который оно направлено, всегда, так сказать, уже оговоренным, оспоренным, оцененным, окутанным затемняющею его дымкою или, напротив, светом уже сказанных чужих слов о нем. Он опутан и пронизан общими мыслями, точками зрения, чужими оценками, акцентами. На-

правленное на свой предмет слово входит в эту диалогически взволнованную и напряженную среду чужих слов, оценок и акцентов, вплетается в их сложные взаимоотношения, сливается с одними, отталкивается от других, пересекается с третьими [...]. Живое высказывание, осмысленно возникшее в определенный исторический момент в социально определенной среде, не может не задеть тысячи живых диалогических нитей, сотканных социально-идеологическим сознанием вокруг данного предмета высказывания [...]. Если мы представим себе интенцию, т.е. направленность на предмет, такого слова в виде луча, то живая и неповторимая игра цветов и света в гранях построенного им образа объясняется преломлением луча-слова [...] в той среде чужих слов, оценок и акцентов, через которую проходит луч, направляясь к предмету»[75, 76].

2.3.2. Место «другого дискурса» не рядом с дискурсом, а внутри самого дискурса. Поскольку это положение представляется законом построения ткани любого дискурса, неудивительно, что особый интерес группы Бахтина был направлен на одну область: на формы, которые на синтаксическом, дискурсном и литературном уровнях выражают в дискурсе чужой дискурс. Эта область занимала и формалистов[77], но именно диалогический подход сделал ее центральной темой, начиная с изучения передаваемой речи в МФЯ[78] вплоть до исследования типологии «двуголосого слова» в ППД[79], продолженного тщательным описанием «двуголосых гибридов» в «Слове о романе»[80], и до характеристики в последних двух работах романа как «полифонического жанра».

2.3.2.1. Однозначно помещая проблему передаваемой (чужой) речи, «речи в речи» и «в то же время речи о речи» на уровень отношений между двумя высказываниями, из которых одно «зависит» от другого, диалогический подход пролил новый свет на синтаксические формы чужой речи в их традиционном описании.

Прямая и косвенная речь прямо противопоставлены друг другу как способы выявления и представления чужой речи: прямая речь «опредмечивает» выделенное «строго изолированное, компактное и инертное» высказывание, а косвенная речь гибко присваивает себе чужое высказывание. Бахтин это связывает с двумя способами идеологического внушения: «авторитарное слово» и «внутренне убедительное слово»[81].

Но в МФЯ особое внимание сосредоточено на несобственно прямой речи, «совершенно новой тенденции [...] активного выявления чужого высказывания [...], взаимоотношения авторской и чужой речи»[82] Отвергая анализ, при котором несобственно прямая речь признается смесью прямой и косвенной речи, и анализ, который представляет ее как «загадку» на тему «кто говорит, один или другой?», Волошинов утверждает, что «specificum ее [несобственно прямой речи] именно в том, что здесь говорит и герой и автор сразу, что здесь в пределах одной языковой конструкции сохраняются акценты двух разнонаправленных голосов»[83] Так он открывает серию исследований, оставляющих за своими рамками «грамматические трафареты», по выражению Бахтина, прямой и косвенной речи и посвященных гибридным формам и жанрам, в которых они систематически используются[84]

2.3.2.2. Особенность речевого жанра романа (поскольку он дает представление о функционировании языка) как раз заключается в том, что ненамеренная речевая гибридизация приобретает стилизованные формы гибридизации намеренной и становится одной из его излюбленных форм.

«Ненамеренная бессознательная [органичная] гибридизация — один из важнейших модусов исторической жизни и становления языков»[85], как «двуголосость», которая «преобразована в самом языке (как и подлинная метафора)»[86]

В отличие от эпопеи, «которая имеет единый и единственный кругозор», — «идеологическая позиция эпического героя общезначима для всего эпического мира» — специфика романа заключается в показе через персонажей различных кругозоров, различных идеологических точек зрения. Это обязательно осуществляется через слово персонажа, которое только и «может быть действительно адекватным для изображения своеобразного идеологического мира»[87]

«Основной, "специфицирующий" предмет романного жанра, создающий его стилистическое своеобразие, — говорящий человек и его слово»[88], и в конечном счете роман — это «художественный образ языка»[89], в той мере, в какой последний есть «многоязычное мнение о мире»

Герой романа может, конечно, молчать: представление речи персонажа не ограничивается «внешними диалогами», речевыми фрагментами, заключенными в письмах или дневниках, включенными в повествование. Представление его

действий, мыслей и т д , если оно «содержательно и адекватно» жанру романа, должно обязательно заставить «вместе с авторской речью зазвучать чужое слово, слово самого героя»[90]

Таким образом, «намеренная [ ] гибридизация — один из существеннейших приемов построения образа языка»[91]

«Благодаря этой способности языка, изображающего другой язык, звучать одновременно и вне его и в нем, говорить о нем и в то же время говорить на нем и с ним и, с другой стороны, способности изображаемого языка служить одновременно объектом изображения и говорить самому — благодаря этой способности и могут быть созданы специфические романные образы языков»[92]

В отличие от органичной, смутной и бессознательной гибридизации, являющейся стилизацией, «романный гибрид — художественно организованная система сочетания языков, система, имеющая своей целью с помощью одного языка осветить другой язык, вылепить живой образ другого языка»[93] и тем самым осветить одно мировоззрение с помощью другого

Именно с этой точки зрения Бахтин (тонко, но не пользуясь настоящими рабочими критериями) составляет инвентарь двуголосых литературных форм пародии, подражания, юмористического или полемического остранения, скрытой или полускрытой передачи чужой речи (т е речи персонажей, «общественного мнения» и т д), игры «автор-рассказчик» и т д В заключение краткого анализа романа Диккенса Бахтин пишет «В общем, мы могли бы весь текст испещрить кавычками»[94]

2 3 2 3 Здесь опять видно, как в романе (в том виде, как Бахтин воспринимает этот свой любимый жанр) стилизованные формы «внутренней диалогичности» дискурса смешиваются с ее идеологическим содержанием идеологически новая полифоническая структура романа, блестяще проиллюстрированная Достоевским, представляет собой речь, постоянно перебиваемую игрой многих голосов Голоса переплетаются между собой, дополняют друг друга, спорят, противоречат друг другу, при этом ни один из них не одерживает верх Вместо того чтобы поместить героев «в единый объективный мир в свете единого авторского сознания», полифонический роман подает сознание героя как «другое, чужое сознание», но не «опредмеченное», не становящееся «простым объектом авторского сознания» Голос

персонажа «звучит как бы рядом»[95] с автором Мир завершенных объектов, помещенных в речь их создателя, заменяется незавершенностью равноправного диалога точек зрения

2.4. РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ФАКТОР ДИАЛОГИЗАЦИИ РЕЧИ

2 4 1 Ничего удивительного, что отношение речевого общения (интерлокуции — interlocution) находится в центре внимания теории, которая выражаясь метафорически, уходит корнями в *диа*-лог Но надо отметить, что внимание Бахтина сосредоточено не на тех формах, которые он называет «внешним диалогом» (вопросы-ответы, беседа, театральные реплики, диалоги в романе), но на том, как происходит интерлокуция при внутренней диалогичности дискурса вообще и прозы романа в частности

2 4 2 Любая речь адресована собеседнику Ориентация на собеседника при этом не вписывается в рамки «телефонного разговора», когда обмен информацией происходит между двумя симметричными полюсами «Эта схема в корне не верна», — утверждает Медведев

«Не бывает готового сообщения», «передаваемого от *А* к *В*» «Оно образуется в процессе общения *А* и *В* Затем оно не передается от одного к другому, а строится между ними, как идеологический мост»[96]

Это означает, что слушатель не является внешней «целью» речи, но его присутствие, а точнее, ориентация на его возможное понимание включена в процесс производства речи

«Слово (вообще всякий знак) межиндивидуально [ ] Слово нельзя отдать одному говорящему [ ] Всякое высказывание всегда имеет адресата [ ], ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает»[97]

Так же как ориентация во «внешней» среде других дискурсов — это процесс, конституирующий дискурс, так и ориентация на адресата отмечается в ткани дискурса при его становлении Другой в любом случае воспринимается говорящим как дискурс[98], а точнее, понимание мыслится не как процесс «расшифровки»[99], а как активный процесс «ответа», диалогичный по своей сути, выражающийся в «противослове»

Иными словами, любая речь понимается в терминах внутреннего диалога, который устанавливается между этой речью и речью воспринимающего, собеседник понимает речь через свою собственную Стремясь достичь понимания со стороны собеседника, говорящий включает при производстве своей речи образ «другой речи», той, которую он приписывает своему собеседнику

Это и есть двойная диалогичность[100], получаемая не путем сложения, но за счет взаимозависимости, постулируемой в речи диалогическая ориентация любой речи среди «других слов» имеет в свою очередь собственную диалогическую ориентацию, обусловленную «данным другим словом» адресата, как его себе представляет говорящий, что является условием понимания первого

Ориентация на собеседника как конституирующий фактор речи добавляет в область интердискурсного, таким образом, еще один параметр, учет которого необходим при производстве дискурса, но она не вводит никакого элемента, который был бы принципиально чужд этой области

2 4 3 Быть может, именно в этой «однородно» интердискурсной точке зрения и таится препятствие, мешающее зайти слишком далеко в сближениях, которым легко поддаются тексты, сближениях, чей несовместимый характер побуждает локализовать зоны диссонанса между диалогичностью и отзвуками, ею вызываемыми

2 4 3 1 «Стиль — это человек, но мы можем сказать, что это как минимум два человека», — говорит Бахтин Эта формула откликается эхом у Лакана «Стиль — это человек к которому мы обращаемся»[101] — или у Барта «Человек говорящий [ ] говорит то, что, как он полагает, слышат другие в его речи»[102] Но этому не самому поверхностному сближению мешает одно серьезное обстоятельство *другой* Бахтина — *другой* других слов, другой-собеседник, принадлежит к области дискурса, т е смысла, построенного, сколь бы это ни было противоречивым, с помощью слов, «полных истории», *другой* же бессознательного, т е непредвиденного смысла, смысла, «разобранного» при автономном функционировании означающего, открывающего в дискурсе другую разнородность — разнородность другой природы, чем та, которая работает в дискурсном поле у Бахтина, — этот *другой* для Бахтина отсутствует Здесь уже имеет место радикальная неоднородность[103], ко-

торая, похоже, не признается в той теории неоднородности, которая называет себя диалогичностью[104]

2 4 3 2 Возможно, эта «закрытость» диалогизма по отношению к такого рода неоднородности даст основание для интерпретации некоторых формулировок Бахтина в том смысле, который, если его довести до логического конца, приведет к тому, что я называю родом «блокировки диалогизма» Так, разве следующие утверждения стоящие рядом с упомянутыми выше

«Всякое слово направлено на ответ и не может избежать глубокого влияния предвосхищаемого ответного слова [ ] Слагаясь в атмосфере уже сказанного, слово в то же время определяется еще не сказанным, но вынужденным и уже предвосхищаемым ответным словом»[105], — не позволяют плавно перейти

— от «дискурса собеседника», являющегося полем интерпретации, восприятия речи говорящего в рамках внутренней диалогичности (дискурс, который говорящий хотя и представляет себе по-разному в зависимости от конкретной ситуации речевого взаимодействия, но который зависит от «жанров-языков-представлений о мире»),

— к «речи собеседника», которая станет настоящим высказыванием-ответом *В*, и последний будет предвосхищен высказыванием *А* во внешнем диалоге?

Переходя от внутренней диалогичности дискурса, включающего понимание самого себя другим дискурсом, а значит, настроенного на то, что его услышит другой, к настоящим «репликам», ожидаемым и предвосхищенным говорящим, мы переходим скорее к «стратегиям взаимодействия», которые, при всей их реальной сложности, остаются в рамках механизма движения между двумя зеркальными полюсами, в своей симметрии внешними по отношению друг к другу[106] Области взаимного программирования в речевом поведении, выявляемые на основании формулировок Бахтина, представляют, по-моему, как раз то, что отвергалось диалогизмом и его основополагающими противопоставлениями, а именно замкнутое, завершенное, зеркальное, одно и другое[107]

Место, которое Бахтин отводит формам внешнего диалога в своем основном объекте — языке художественной литературы, — указывает к тому же на то, что, какой бы хрупкой и противоречивой при попытках ее интерпретации ни была в данной области его мысль, узко «интеракцио-

нистское» прочтение не согласуется с тем, что составляет в моем представлении ее основные линии Действительно, Бахтин неоднократно противопоставляет внутреннюю диалогичность, форму, на которой, по его мнению, строится роман (напомним, что это жанр, изображающий диалогизм в языке), внешней форме диалога, которая вполне может использоваться в монологических литературных жанрах

«Эта прозаическая двуголосость предобразована в самом языке (как и подлинная метафора) [ ] [Она] черпает свою энергию [ ] не из индивидуальных разноголосий, недоразумений и противоречий (хотя бы и трагических и глубоко обоснованных в индивидуальных судьбах) [...]. Правда, и в романе разноречие в основном всегда персонифицировано, воплощено в индивидуальные образы людей с индивидуализованными разногласиями и противоречиями [...] Противоречие индивидов здесь только поднявшиеся гребни стихии социального разноречия, стихии, которая играет и властно делает их противоречивыми»[108]

Как и «метафорическая энергия языка», внутренняя двуголосость не может быть «исчерпана», «до конца развернута в прямой диалог», который бы представил ее в литературном произведении в виде «отчетливо разграниченных реплик» Если, напротив, в некоторых жанрах «двуголосость [.] может быть адекватно развернута в индивидуальный диалог, индивидуальный спор и беседу двух лиц», разделима на отчетливо «разграниченные реплики», то это потому, что в них двуголосость является «риторической», «имманентной одному и единому языку»; она, какие бы противоречия в ней ни являлись, «никогда не может быть существенной, это — игра, это — буря в стакане воды»[109]

2 5 *Другой* в диалогизме Бахтина не является ни внешним объектом речи (речи о чужой речи), ни двойником также внешним по отношению к говорящему[110]; он — необходимое условие речи, а конститутивное отношение с *другим* отмечается в дискурсе внутренней границей. Эта точка зрения, очень последовательно проводимая Бахтиным при рассмотрении всех вопросов «металингвистики», литературы, эпистемологии[111], которые он затрагивает, мне кажется чрезвычайно актуальной

2 5 *1* Действительно, она смыкается с новейшими работами, такими, как работы Ф Жака, в которых исследуется процесс языкового взаимодействия (interlocution)[112]; взаи-

мопроникновение *другого* и *одного* в процессе интерлокуции более сложное, чем отношение в паре источник—цель, к которой сводятся различные «стратегии», не нарушающие противопоставления *одного* и *другого*, это один из основополагающих принципов данного исследования, где в связи со специфической проблемой референции углубляется положение о том, что всякий акт высказывания «двуголосо» затрагивает говорящего и адресата

Точка зрения Бахтина близка также и современному, обновленному анализу дискурса[113], который «теоретически ставит под сомнение всякий подход к дискурсу, представляющий его как нечто однородное», что имплицитно следует из процедур Харриса или автоматического анализа дискурса[114], и противопоставляет последним признание «структурной неоднородности любых форм дискурса» важно не «[упустить] неоднородность как конститутивный элемент конкретной дискурсной практики, когда одно подчиняется другому, сталкивается или согласуется с ним при определенной идеологической и политической борьбе в рамках некоторой общественной формации и в данных условиях», и выявить в формах «неплотной дискурсной формации» «эффект интердискурса во внешнем интрадискурсе, присущем последнему»[113]

2.5.2. Кроме того, актуальность взгляда Бахтина заключается, по моему мнению, в последовательности, с которой он объединяет области, остающиеся и до сих пор достаточно разъединенными.

Так, изучение речевого взаимодействия, часто связываемого с «внешними» диалогами, оказалось прежде всего предметом прагматики, которая интересуется в основном «стратегиями взаимодействия» с точки зрения интенциональности и в целом равнодушна к условиям формирования ткани дискурса[115].

Наоборот, работы по анализу дискурса, насколько мне известно, в своем подходе к явлениям интер- и интрадискурса не уделяли достаточного внимания этому другому дискурсу среди других дискурсов, т.е предполагаемому дискурсу собеседника[116]

В связи с этим, даже если работы, исследующие соответственно интерлокуцию и интердискурсность, предложили более строгий и последовательный анализ и понятия, по сравнению с которыми порой многословная страсть Бахтина к диалогу может показаться устаревшей, я полагаю, что

нельзя не признать силу и актуальность его точки зрения, и в частности его предложения постоянно разделять «другие слова» и «слова другого-собеседника», несмотря на колебания, относящиеся к этому пункту Возможности которые несет в себе это противопоставление для лингвистического описания, еще далеко не изучены и по сей день

3. ПСИХОАНАЛИЗ*

В другой перспективе теория бессознательного, т е психоанализ в том виде, как он эксплицируется с опорой на лакановское прочтение Фрейда[117], порождает двойную концепцию *принципиально неоднородной речи* и *разделенного субъекта*

Когда человек говорит, что сквозь ткань его собственных слов всегда проскальзывают «другие», «чужие» слова, всегда имеется в виду, что сама материальная структура языка позволяет, чтобы в линейности речевой цепочки слышалась непредумышленная полифония всякого дискурса, через которую анализ и может пытаться выявить следы бессознательного

В кажущемся единстве знака кристалл значения играет всеми гранями — полисемия, омонимия, омография, анаграммы, каламбуры — которые придает ему язык, понимаемый как «поразительный способ создания двусмысленности» (M i l n e r 1983) Таким образом, когда мы говорим, «всегда говорится что-нибудь дополнительное и непрошеное» (ibid), и не только в случаях оговорок, когда «другое слово» занимает в цепочке место запланированного, а постоянно, за счет избытка смысла по сравнению с тем, что мы хотели сказать, так что «ни одно говорящее существо не может похвастаться, будто имеет власть над многочисленными отзвуками того, что оно говорит» (ibid) и это свойство акта речи можно считать «неизбежным и позитивным» «Говорить больше, чем знаешь, не знать, что говоришь, говорить не то, что говоришь» (M i l l e r 1975, 16—34)

---

* Третий раздел настоящей статьи, посвященный психоаналитическому (в духе Фрейда и Лакана) подходу к изучению субъекта и его отношения к речевой деятельности и к смыслу, заменен здесь с согласия автора кратким изложением, взятым преимущественно из статьи Ж Отье Hétérogénéités enonciatives — *Langages*, mars 1984, № 73, p 98 111 Эту часть статьи перевел И Б Иткин

Эта концепция дискурса, пронизанного бессознательным, базируется на концепции субъекта, который является не однородной сущностью, внешней по отношению к речевой деятельности, но комплексной структурой, порождаемой ею субъект *децентрализован*, разделен — неважно, какой термин мы употребим, лишь бы подчеркнуть *структурный, конституирующий* характер этой *разделенности* и исключить мысль о том, что раздвоение, или разделенность, субъекта[118] — всего лишь следствие его столкновения с внешним миром, ибо такую разделенность можно было бы попытаться преодолеть в ходе работы по восстановлению единства личности

Именно в этом и заключается суть «ущемленности нарциссова комплекса», приписанного Фрейдом после открытия бессознательного субъекту, который «больше не хозяин в своем доме», и именно это, вследствие данного факта, постоянно находится на грани забвения Итак, можно сказать, что, несмотря на противоположную политическую ориентацию, антипсихиатрия Р Лэнга, который осуждает порабощающую роль социального окружения в происхождении «разделенного Я», и, с другой стороны, адаптационная эго-психология, стремящаяся построить автономное «сильное Я», которое бы «вытеснило Это»[119], в действительности объединяются[120] как братья-враги в непонимании фрейдовского бессознательного и децентрализованного субъекта, которого оно структурирует

В действительности Фрейд утверждает, что для субъекта *нет центра* за пределами иллюзий и вымыслов, но что функция этой *реализации субъекта, которым является Я*, — быть носительницей этой необходимой иллюзии, *функции непонимания Я*, которая восстанавливает образ автономного субъекта, преодолевая в воображении разделенность

В разрыве с Я, основой классической субъективности, понимаемой как внутреннее пространство в противоположность внешнему миру, здесь основа субъекта смещена, вытеснена «в сферу множественного, принципиально разнородного, где внешний мир находится внутри субъекта» (C l é m e n t 1972, 172—175)

Точка, где сходятся эти концепции дискурса, идеологии, бессознательного, которые теории высказывания не могут игнорировать без риска для лингвистики, — это утверждение, что *структурно внутри* субъекта, в его дискурсе, принципиально *имеется Другой*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср. Banfield 1973; Authier 1978; Rey-Debove 1978

[2] Цитируя, говорящий совершает чисто «фатический», а не «ретический» акт (терминология Остина, ср. его анализ и обсуждение в Récanati 1980).

[3] Ср Rey-Debove 1971, 1978; Authier 1978, 1980

[4] Собственно слова или выражение какой угодно длины.

[5] Этот показатель устной речи при всей возможной выразительности ставит проблему «недискретности», свойственной интонации Во всех случаях, когда интонация не сопровождается каким-либо комментарием, мы оказываемся перед необходимостью анализировать континуум, о котором речь пойдет ниже (1 3)

[6] Ср прекрасную статью Ф. Дюбуа, посвященную употреблению курсива у Регифа де ла Бретона, в которой он пишет: «Наклонный шрифт [курсив — *Ж.О.*] всегда оказывается показателем Другого» (Dubois 1977, 247).

[7] Ср также Fouquier 1981, chap 7, «La distance entre guillemets», общее исследование по кавычкам, в котором используются некоторые положения моей работы в прагматических целях

[8] Соответствующее исследование появится в сериях Langages и DRLAV.

[9] Эти формы «установления контакта» в большом количестве присутствуют в научной речи и в языке научно-популярной речи. Ср Authier 1982, Mortureux 1982
Интересной с этой точки зрения представляется ситуация двуязычия. Ср., например, корпус разговорного гасконского, собранный в работе: B. Besche-Commenge. Le savoir des bergers de Casabède. Université de Toulouse Le Mirail, 2 vol., 1977, а также работу Ж.-Л. Фосса по «двуязычным функциям» кавычек и метаязыковых элементов в рамках «естественной языковой деятельности *A*, контролируемой другой культурной деятельностью в другой языковой системе» (в печати, личное сообщение).

[10] Здесь опять имеется в виду собственно слово или выражение любой длины.

[11] Такие фрагменты, очевидно, могут также:
— быть взяты в кавычки без какого-либо комментария или уточнения;
— никак не помечаться в речевой цепочке: эти заимствования, обломки чужой речи, используются ли они говорящим намерен-

но или нет, воспринимаются ли или нет слушателем, так или иначе вводят в область конститутивной неоднородности дискурса Ср.:

«Игра желания и случая приводит к тому, что для субъекта неудавшийся акт высказывания становится успешным дискурсом [...]» (R o u d i n e s c o. Un discours au réel. P.: Mame, 1973, p 112) У Ж. Руссо-Дюжарден (J. R o u s s e a u - D u j a r d i n. Couché par écrit. Galilée, 1980, p. 167) мы читаем «В этом смысле и в той степени, в которой я дочь Фрейда, я не чувствую себя усталой». Это высказывание не помечено как цитата, но совершенно очевидно является репликой и ответом на название кн. К. К л е м а н. Сыновья Фрейда устали (C. C l e m e n t Les fils de Freud sont fatigués. P · Grasset. 1978)

12 О несобственно прямой речи ср A u t h i e r 1978, 1979

13 К вопросу об иронии ср K e r b r a t 1978.

14 В связи с этим по поводу несобственно прямой речи ср. H i r s c h 1980.

15 Отсылаю, например, к библиографии и к многочисленным примерам, приведенным К. Кербра относительно коннотации (C. K e r b r a t 1977), а также к обзору и к библиографии, приведенной М А. Морель (M.A. M o r e l) в ее выступлениях в DRLAV, которым я обязана рядом ссылок

16 Ср. примеры типа «élu par cette crapule» [ср. классический палиндром типа «а роза упала на лапу Азора». — *Прим. перев*]: «другое» обнаруживается при чтении справа налево и при этом обязательно оказывается «тем же».

17 «Каждая акрофоническая перестановка имеет две стороны: первая, которую мы называем тема (sujet), совершенно безобидна; другая — или ответ (réponse) — позволяет проницательному любителю в качестве вознаграждения открыть некий пикантный смысл, который, согласно многовековой традиции, должен быть предпочтительно непристойным» (L. E t i e n n e. L'art de contrepet. P : J.C. Simoën, 1979).

18 Одним из вариантов «правильно сделанной оговорки» типа акрофонической перестановки являются запрограммированные ошибки на фонологическом уровне во фразах-ловушках (встречающихся в самых различных цивилизациях; ср. J.L. C a l v e t. Langue, corps, société. P · Payot, 1979), когда при многократном повторе автоматически возникают непристойности вместо изначально произнесенных слов.

[19] [Ср «И поскольку это было ему не в жилу, она лопнула» — *Прим перев*] (Цит по K e r b r a t 1977) Ср также «mes deux L ne battaient que d'une» (J L a c a n Préface à Lemaire, 1977)

[20] Ср классический пример
Gal, amant de la reine, alla, tour magnanime
Galamment de l'arene à la tour Magne, à Nîmes
[В русском языке трудно найти полный аналог Ср , однако «Однажды медник, таз куя,/ Сказал жене тоскуя / Задам же детям таску я/ И облегчу тоску я» (Минаев) — *Прим перев*]

[21] «Academie macadam pour les mites — Accouplement poulpe d'amants en coupe — Ambivalence les envies en balances — Moraines Marraines des glaciers, leurs reines mortes — Nevrose rose vaine du cerveau — Pensée s'épand sans cesse ou bien s'empèse — Psychanalyse lapsus canalisés par un canapé-lit» (M L e i r i s Glossaire, j'y serre mes glose — In Mot sans mémoire P Gallimard, 1939)
[Ср что-то вроде «Академия медь для моли — Аккумуляция кульминация акул — Амбивалентность леность воли — Морены арены ледников, их мертвые моря — Невроз роза вен мозга — Поэзия поза и я — Психоанализ — ляпсус, синхронизированный кроватью — Совокупление — вопль лона» — *Прим перев*]

[22] Ср «Metathese un juor vres mnid sru la paltefrome aierre d'un aubutos »
«Contrepeterie un mour vers jidi sur la fate-plome autiere d'un arrobus » In R Q u e n e a u Exercices de style
[Ср примерный «перевод»
Метатеза « зар он лопдню ан аздней налт фроме вабутоса »
Акрофоническая перестановка « паз по ролудню на авдней флатпорме задтобуса» Ср также шуточный вариант известной песенки «В кузне травел сидечек, в кузне гравел сидечек, огсем как совуречик белененький он зил» и т д — *Прим перев*]
Или «Allo, le copissaire de molice? Allo, au secours, venez vite, il n'y a pas une pinute a merdre Je suis assiégé par les mots» (Tocnurne — In G A r m a n d A la façon de Leon Paul Fargue Masson, 1949)
[Ср «Алло, кониссар молиции? Алло! На помощь! Скорее! Нельзя мерять ни тинуты, на меня напали слова!» — *Прим перев*]

[23] Можно привести следующие примеры случаев, когда говорящий (1) интенционально (2) вынужден учитывать два наложенных друг на друга означающих
— «Un petit coût de blanc» или «Chut! des prix» — находки рекламы, где (безусловно, намеренная) игра на омонимии, поддержанная стереотипами восприятия, имеет все шансы быть разгаданной [В первом случае фраза может быть понята как «Немного

белой краски» или «Белая краска недорого», что определяется омофонией слов «coût» («цена») и «coup» («мазок»), вторая фраза может быть прочитана как «Тише! Цены» или «Падают! Цены», в зависимости от понимания слова «chut» — *Прим перев*]

— Языковая игра, построенная на полисемии, которая не может быть понята тем, кто не обладает достаточными экстралингвистическими знаниями.

Giscard aux jeunes «Il faut supprimer les classes»

Beullac «C'est déjà fait» (*Le Canard Enchaîné*, 2 4 1980)

(Жискар д'Эстен обращается к молодежи «Надо упразднить классы» Бёлак «Уже сделано») [Белак — тогдашний министр образования Франции, в тот момент, когда правительство сокращало число классов в средних школах, из экономии средств — *Прим ред*]

24 Из последних. Esthétique et théorie du roman P Gallimard, 1978 (Вопросы литературы и эстетики М , 1975) В приложении к книге Тодорова — Todorov 1981,
Esthétique de la création verbale (М Бахтин Эстетика словесного творчества М , 1979), Paris Gallimard, 1984 [См Ts Todorov Mikhail Bakhtine Le principe dialogique, suivi de Ecrits du cercle de Bakhtine Paris Seuil, 1981]

25 Отметим среди прочего, кроме уже упомянутого общего обзора Тодорова (Todorov 1981)
H Meschonnic La poétique et l'histoire chez Bakhtine — In «Pour la poétique» II P Gallimard, 1973, отрывки, посвященные Волошинову, см в кн JL Calvet Pour ou contre Saussure P Payot, 1975, Marcellesi et Gardin Introduction à la Sociolinguistique P. Larousse, 1974, JL Houdebine Langage et Marxisme P Klincksieck, 1977, J Peytard Sur quelques relations de la linguistique à la semiotique littéraire — *La Pensée*, 1980, № 215

26 См Kristeva 1969

27 «Пост» не в строгом смысле слова, если речь идет о датах, но в смысле критического преодоления формализма, постановки в центр внимания истории, и это в противовес «марксистскому» упрощению в «социологическом» или «идеологическом» анализе литературных произведений как прямого отражения действительности

28 Волошинов 1929 (Марксизм и философия языка), Медведев 1928 (Формальный метод в литературоведении), Волошинов 1929 (Проблемы творчества Достоевского)

29 Бахтин 1963 (Проблемы поэтики Достоевского 2-е, измененное изд., 1929), Бахтин 1965 (Творчество Франсуа Рабле и на-

родная культура средневековья и Ренессанса (написано в 1940 г)), Бахтин 1975 (Вопросы литературы и эстетики (глава «Слово в романе», написанная в 1934—1935 гг))

30 Ср обзор Тодорова (Todorov 1981), у которого я заимствовала нижеследующие цитаты и отдельные моменты их интерпретации [В переводе цитируется по русским оригиналам — *Прим перев*]

31 Бахтин К переработке книги о Достоевском — В кн Бахтин 1979, 312

32 Бахтин Из записей 1970—1971 гг — В кн Бахтин 1979, 342 Чрезвычайно трудно оценить истинное значение сближений, которые возникают между формулировками и анализом кружка Бахтина, с одной стороны, и различными направлениями экзистенциализма, марксизма, психоанализа и социальной психологии — с другой Необходимо глубоко изучить советское культурное поле, чтобы отличить случайное, поверхностное сходство от глубокого родства и выявить отношения зависимости, прямой или косвенной преемственности, точно так же необходимо проанализировать всю совокупность работ о диалогизме как в синхронном для кружка плане (дает ли право общность работ Волошинова и Бахтина считать их идентичными?), так и в плане диахроническом (не отразился ли какими-нибудь противоречиями на внутренней последовательности мысли Бахтина, которую так принято подчеркивать, 55-летний «диалог» с меняющимся культурным контекстом?)

33 Бахтин Ответ на вопрос редакции «Нового мира» — В кн Бахтин 1979, 334

34 Ср C Britton The dialogic text and the text pluriel, occasional papers, № 14, 8—1974, University of Essex, p 52—68, где автор сопоставляет Бахтина с Кристевой и особенно с Бартом

35 Бахтин К методологии гуманитарных наук — В кн Бахтин 1979, 363

36 Бахтин Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках — В кн Бахтин 1979, 285

37 Ниже я использую материалы двух дискуссий секции лингвистики Научно-исследовательского центра марксизма

38 Бахтин 1963, цит по Бахтин Проблемы поэтики Достоевского М , 1972, с 309—311

39 Волошинов 1929, с 132

40 В о л о ш и н о в, цит пр , с 113 Осуждение «субъективного идеализма» Гумбольдта, Фосслера, Шпитцера, Лерча, у которых речь занимает центральное место, гораздо менее категорично, поскольку для того, чтобы сделать речевой акт частью социального процесса взаимодействия, достаточно устранить узкие рамки индивидуального события, которыми ограничен речевой акт у этих исследований

41 Если одни ставят это в заслугу Волошинову, как Б Гарден, который видит в нем основателя новой, марксистской, лингвистики, по-настоящему порывающей с предшествующим структурализмом, то другие, как С Ростан, наоборот, считают, что именно Бахтин заложил фундамент новой науки, семиотики, не отрицая при этом специфичности объекта-языка, тогда как в «Марксизме и философии языка» проявляется «радикализм» скорее «до-теоретический» из-за характерного для него смешения понятий
Я не буду здесь углубляться в дискуссию о полном или частичном авторстве Волошинова по отношению к «Марксизму и »
Эта дискуссия, по моему мнению, остается открытой и не позволяет идти дальше утверждения об отличии этого произведения от других произведений Бахтина
Ср также, кроме неопубликованных текстов CERM, упомянутых выше B G a r d i n Volochinov ou Bakhtine — *La Pensee*, № 197, 1978

42 Б а х т и н Слово в романе — В кн Б а х т и н 1975, 76

43 Нужно подчеркнуть, что сложность текстов Бахтина из-за колебаний в его формулировках и терминах, быть может усугубленных переводом — распределение терминов «язык», «речь», «говор» (langue, langage, parler) часто кажется случайным, — может свести их понимание к «социологической» стороне

44 Б а х т и н Слово в романе, с 101

45 Там же, с 99

46 Там же, с 104

47 Там же

48 Б а х т и н Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса М , 1990, с 521 (по изд М , 1965)

49 Ср глубокое родство (за видимым различием формулировок) между анализом Бахтина и Бурдье (B o u r d i e u 1975, 1977, 1979) Кстати, в B o u r d i e u 1977 имеется эксплицитная ссылка на Бахтина Так

«Социальные пользователи языка стремятся организоваться в оппозиционные структуры, воспроизводящие на символическом уровне структуру соотношения классов как область дифференциальных позиций и в рамках которых каждый из них получает (положительный или отрицательный) смыслоразличительный признак (valeur de distinction)» (B o u r d i e u 1975, 15).

Можно сопоставить «границы», «пересечения», «релятивизация» / «структура противопоставления», «смыслоразличение», «языковая наивность» / «иллюзия коммунизма языка»; «лингвистический догматизм», «монологизация» / «объединенное языковое поле», «навязанная законность»

[50] Б а х т и н. Слово в романе, с. 97—98.

[51] Ср. «Разноречие в романе». — В кн.: Б а х т и н 1975 по поводу Филдинга, Смолетта, Стерна, Диккенса, Теккерея, Жан-Поля Рихтера.

[52] Б а х т и н. Слово в романе, с. 124.

[53] Там же, с. 144.

[54] Там же, с. 114.

[55] Там же, с. 121.

[56] Там же, с. 124.

[57] Так, «полное отсутствие прямого, до конца своего слова, нисколько не понижает, конечно, общей глубокой интенциональности, т.е. идеологической осмысленности, всего произведения» (Б а х т и н. Слово в романе, с. 125)

[58] Ему в большей или меньшей мере соответствуют: догматизм авторитарной идеологии некоторых речей (политических, религиозных...), монологичный язык наук и для Бахтина в равной мере «язык поэзии», поскольку он не знает дистанции («язык поэта — его язык» [...] так сказать, «без кавычек») (Б а х т и н. Слово в романе, с. 98).

[59] Б а х т и н. Творчество Франсуа Рабле..., с. 501.

[60] Бахтин, цит. пр., с. 502.

[61] Там же.

[62] Там же, с. 520—521.

[63] Там же, с. 521.

[64] Все творчество Бахтина направлено на «преодоление разрыва между отвлеченным “формализмом” и отвлеченным же “идеологизмом” в изучении художественного слова. Форма и содержа-

ние едины в слове, понятом как социальное явление» (Б а х т и н. Слово в романе, с. 72).

65 Б а х т и н. Творчество Франсуа Рабле..., с. 523

66 Тема замкнутости в одной языковой форме, разрушаемой, оспариваемой диалогичностью, релятивизацией, соотношением с множественным, встречается в посланиях Джойса к «языку своего изгнания», как их описывает М. Бютор в недавней прекрасной статье: Джойс, будучи «отрезанным от своего идеального родного языка», находясь «в изгнании» в английском, «должен погрузить английский во все другие языки и постепенно, переходя от близкого к близкому [...], создать на основе навязанного ему английского другой язык, в котором все бы говорило [...] Нужно сделать так, чтобы [языки] больше не были островами, чтобы можно было каждый язык пропустить через другой», и «тот, кто говорит "изгнание", говорит "грусть" [...], но совершенно удивительно в его творчестве то, как его постепенно захватывает смех, самый великодушный на свете смех». «Сарказм», «мстительный смех», но и «смех опьянения», тот, что сопровождает, как у Рабле, великое «брожение» слов (см.: La langue de l'exil. — *Le Monde*, 5.2.1982).

67 Б а х т и н. Слово в романе, с. 104.

68 В о л о ш и н о в 1929.

69 Б а х т и н, цит. пр., с. 92.

70 В о л о ш и н о в 1929, 112.

71 Б а х т и н. Слово в романе, с. 106.

72 Там же.

73 Там же. Ср. также:
«Каждое слово [...] является маленькою ареной скрещения и борьбы разнонаправленных социальных акцентов» (В о л о ш и н о в 1929, 52).

74 Б а х т и н. Слово в романе, с. 106. Это, похоже, вполне соответствует «конфликтному насыщению», исследованному Л. Альтюссером:
«Всякая классовая борьба может иногда сводиться к борьбе за слово или против слова. Некоторые слова борются друг с другом, как враги. Другие сохраняют двусмысленность: это заложники решающей, но нерешительной схватки.
Пример: коммунисты борются за уничтожение классов и за коммунистическое общество, где в один прекрасный день все люди станут свободны и будут братьями. Но в марксистской традиции не принято говорить, что марксизм — это Гуманизм. Почему?

Потому что на деле слово "Гуманизм" эксплуатируется буржуазной идеологией, которая с его помощью хочет уничтожить другие, настоящие и жизненно важные для пролетариата слова "классовая борьба"» (La philosophie comme arme de la révolution — *La Pensee*, 1968, № 138, перепеч в Positions, Paris Ed Sociales, 1976, p 46)

75 Бахтин Слово в романе, с 89—91

76 Неизбежно возникает искушение, несмотря на различный стиль и концептуальный аппарат, соотнести тексты, которые мы процитировали в предыдущих трех параграфах, с анализом образования смысла в дискурсном образовании, например у Пеше (Pêcheux 1975) При этом схематичном сопоставлении наряду с созвучием можно услышать и диссонанс в том, что касается «намеренной направленности» у Бахтина

«Смысл слова, выражения, предложения и т д не существует "сам по себе" (т е в прозрачном соотношении с буквальным значением означающего) Он определяется идеологическими позициями в социально-историческом процессе, в котором слова, выражения и предложения производятся (т е воспроизводятся) [ ], слова, выражения, предложения получают свой смысл от дискурсного образования, в котором они участвуют В то же время прозрачность смысла, формирующегося в дискурсном образовании, маскирует зависимость последнего от интердискурса [ ] свойство всякого дискурсного образования — скрывать за прозрачностью образующегося в нем смысла противоречивую материальную объективность интердискурса, определяющую это дискурсное образование в качестве такового, — материальную объективность, которая заключается в том, что "нечто говорит" всегда "раньше, в другом месте и независимо"» (Pêcheux 1975, Chap Discours et Ideologie(s), p 144—147)

77 Ср Эйхенбаум и Тынянов о «голосе рассказчика» и о «диалоге текстов»

78 Волошинов 1929, гл 9 Экспозиция проблемы чужой речи, гл 10 Косвенная речь, прямая речь и их модификации, гл 11 Несобственно прямая речь во французском, немецком и русском языках

79 Бахтин Типы прозаического слова Слово у Достоевского, гл 5 — В кн Бахтин 1963, 309—350

80 В частности, гл 3 Разноречие в романе, гл 4 Говорящий человек в романе

81 Бахтин Слово в романе, с 154

82 Волошинов 1929, 167—168

[83] В о л о ш и н о в 1929, 170

[84] «Мы называем гибридной конструкцией такое высказывание, которое по своим грамматическим (синтаксическим) и композиционным признакам принадлежит одному говорящему, но в котором в действительности смешаны два высказывания, две речевые манеры, два стиля, два "языка", два смысловых и ценностных кругозора [ ] Между этими высказываниями, стилями [ ] нет никакой формальной — композиционной и синтаксической — границы» (Б а х т и н Слово в романе, с 118)

[85] Б а х т и н Слово в романе, с 170

[86] Б а х т и н, цит пр , с 139

[87] Б а х т и н, цит пр , с 147—148

[88] Б а х т и н, цит пр , с 145

[89] Б а х т и н, цит пр , с 177

[90] Б а х т и н, цит пр , с 148

[91] Б а х т и н, цит пр , с 173

[92] Б а х т и н, цит пр , с 170

[93] Б а х т и н, цит пр , с 173

[94] Темы, близкие к «многоакцентности слова», к формам «представления» языка, к «относительности языкового сознания», противопоставленного «языковой наивности», мы находим у Барта «Терпеть только те языки (langages), которые, хотя бы незначительно, способны к смещению смысла пародия, амфибология, скрытая цитата Как только язык начинает размышлять сам о себе, он становится разъедающим Если только он не перестает это делать бесконечно [ ], так разрушается благодушие языка» «При вибрации смысла [ ] "естественное" начинает волноваться, означать (вновь становиться относительным, историческим, идиоматическим), (отвратительная) иллюзия само собой разумеющегося трещит и распадается, машина языков сдвигается с места "Природа" вибрирует всей заключенной в ней усыпленной социальностью [ ], этот идеально вибрирующий смысл был бы безжалостно присвоен застывшим смыслом (смыслом доксы)» (Le second degre et les autres — et le frisson du sens — In R B a r t h e s, par Barthes Ecrivains de toujours P Seuil, 1975, p 71, 101—102)

[95] Б а х т и н 1963 (1972), 7—8

[96] М е д в е д е в 1928 Цит по T o d o r o v 1981, 88 [в обратном переводе — *Прим перев*] Ср также сравнение, предложенное

Тодоровым (р 85—88), со схемой коммуникации Якобсона, которую Медведев критикует «за тридцать лет до того, как она была сформулирована»

97 Бахтин Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках — В кн Бахтин 1979, 301, 305

98 Ср 2 1 2 «Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека и др)» (Бахтин 1979, 285)

99 Ср Волошинов 1929, гл 6 «Всякое понимание диалогично Понимание противостоит высказыванию, как реплика противостоит реплике в диалоге Понимание подыскивает слову говорящего противослово»

100 Бахтин говорит о «трио» (говорящий, слушающий, другие «наслоения» голосов в слове) «Слово — это драма, в которой участвуют три персонажа (это не дуэт, а трио) Она разыгрывается вне автора» (Бахтин 1979, 301)

101 К этому можно добавить следующее рассуждение «Человеческий язык — [это] коммуникация, при которой говорящий (émetteur) получает от адресата (récepteur) свое собственное сообщение в инверсированном виде [ ], всякая речь всегда субъективно включает в себя ответ» (Lacan 1953, 180) Рудинеско (Roudinesco 1973, 103) сближает его со следующим замечанием М Сафуана «Это разделение на [ ] говорящего и адресата не всегда распределяется между двумя лицами [ ] Оно прежде всего интрасубъективно и только потом интерсубъективно» (M Safouan — In Qu'est ce que le structuralisme P Seuil, 1968, p 250) Ср также «Мы как бы забываем, что человеческая речь включает много другого, что передатчик всегда одновременно и получатель, что мы слышим звук собственной речи Можно не обращать на это внимание, но слышим мы его точно» (J Lacan Le seminaire, livre 3, Les Psychoses P Seuil)

102 R Barthe Preface a F Flahault «La parole intermediaire» P Seuil, 1978

103 У Бахтина другое (собеседник, речь) — это всегда «другое другого» (собеседник, речь) там, где можно было сказать «Нет другого, относящегося к Другому» (бессознательное)

104 Резкое осуждение фрейдизма, приписываемое Волошинову («Фрейдизм», 1927) (эту работу я не читала), не может, по-моему, закрыть тему наличия или отсутствия соотношения диалогизма с психоанализом, независимо от решения вопроса об авторстве и датировке этой работы

105 Б а х т и н Слово в романе, с 93

106 Этот механизм исследуется, в частности, в рамках общей прагматики Грюниг (G r u n i g 1979) или, более конкретно, при описании «процессов планирования речевого взаимодействия» в D W e l k e Sequentialite et succes des actes de langage — *DRLAV*, 1980, № 22/23

107 Ср 2 1 2

108 Б а х т и н Слово в романе, с 139

109 Б а х т и н Слово в романе, с 138—139 Примером «монологичных», принципиально «замкнутых», по Бахтину, диалогов может служить обмен репликами между Доном Гормасом и Родриго в «Сиде», многие диалоги Бомарше, какими бы внешне оживленными они ни казались

110 Во всяком случае, как мне кажется, можно вполне законно избежать такой интерпретации речевого взаимодействия у Бахтина

111 Так, Бахтин, выделяющий как главное в дискурсе позицию метаязыкового дистанцирования говорящего, утверждает в то же время, что не существует метаязыковой позиции, настолько внешней по отношению к языку, чтобы превратить его в объект Птолемеевская позиция языка состоит в том, чтобы производить (или считать, что производить?) монологические дискурсы, игнорируя дистанцию и внутреннюю относительность Галилеевское сознание, проявляющееся в любимых жанрах Бахтина, создает условия для внутренней метаязыковой игры в дискурсе Бахтин осуждает фантастический, внешний взгляд на язык, на дискурс, на текст в этом пространстве, в действительности, всякое мета-*X* подчиняется диалогическому отношению интер-*X* Ср тексты, цит в кн T o d o r o v 1981, chap 2
Эти прозрения Бахтина можно сравнить с теоретической разработкой Витгенштейна

112 F J a c q u e s Dialogiques Recherches logiques sur le dialogue PUF, 1979

113 Ср, в частности C o u r t i n e 1981, P ê c h e u x 1981, C o u r t i n e et M a r a n d i n 1981, C o n e i n et a l i i 1981, 199—202

114 P ê c h e u x 1969 a

115 Очень интересная дискуссия П Анри и О Дюкро о понятии пресуппозиции (H e n r y 1977), состоявшаяся до значительного пересмотра этого понятия у Дюкро, с одной стороны, отражает этот разрыв, а с другой — является попыткой установить контакт между этими подходами

[116] Внимание, обращенное в последнее время на неоднородность (ср. предыдущий параграф), открывает, однако, путь к ее признанию и учету; ср.: Courtine 1981 — A propos du discours communiste adressé aux chrétiens.

[117] Источник, присутствующий, разумеется, во множестве работ, посвященных дискурсу, см. особенно: Henry 1977.

[118] Ср. дофрейдовские (Жане, Брейер) описания второй личности, связанные со «слабостью психологического синтеза» (ср., например, статьи «Расщепление Я» и «Подсознательное» в Laplanche et Pontalis 1968).

[119] Ср. работы Анны Фрейд и особенно Г. Хартманна.

[120] И это — вопреки различиям в декларируемом ими отношении к Фрейду: Р. Лэнг отрицает психоанализ и обращается к экзистенциальной философии, тогда как теории «автономного Я» объявляют себя «подпорками» фрейдовской концепции.

ШАПКА КЛЕМЕНТИСА (ЗАМЕТКИ О ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ)

В начале своей «Книги о смехе и забвении» Милан Кундера рассказывает историю, которую я хотел бы привести. Февраль 1948 г. Лидер чехословацких коммунистов Клемент Готвальд произносит речь с барочного балкона в Праге перед многочисленной толпой слушателей. С этого балкона начинается история коммунистической Чехии...

«С обеих сторон Готвальда окружали его соратники, Клементис находился непосредственно рядом с ним. Шел снег, было холодно, Готвальд стоял с непокрытой головой. Клементис в порыве участия снял свою меховую шапку и надел на Готвальда. Отдел пропаганды воспроизвел в сотнях тысяч экземпляров фотографию Готвальда, который с балкона произносит речь перед народом. [...] Готвальд окружен своими соратниками, и на нем надета меховая шапка. Все дети знают эту фотографию, поскольку видели ее на плакатах, в учебниках или в музеях.

Четыре года спустя Клементис был обвинен в измене и повешен. Отдел пропаганды тотчас изъял его из истории и, разумеется, из всех фотодокументов. С этого времени Готвальд стоит на балконе один. На том месте, где был Клементис, теперь есть только голая стена дворца. От Клементиса осталась только меховая шапка на голове у Готвальда».

Я хотел бы, исходя из этого примера, представить некоторые соображения о статусе памяти в поле политического дискурса. Необходимо иметь в виду, что, хотя процесс уничтожения Клементиса, утеря референции, вытеснение, вычеркивание из исторической памяти, оставляющей узкий пробел как след своего исчезновения, происходит в матери-

Jean-Jacques Courtine. La toque de Clementis. *Le Discours psychanalytique*, janvier 1981, № 9, p. 12— 14.

альной, неязыковой сфере фотографического документа, на самом деле этот процесс осуществляется прежде всего *в порядке дискурса*. Речь идет о порядке дискурса «государственных языков», процеживающих воспоминания об исторических событиях и наполняющих коллективную память определенными высказываниями, которым они обеспечивают повторяемость, при том что другие высказывания обрекаются ими на уничтожение или забвение

Это память с перегрузкой и с пробелами, «память с затмениями»[1]. Память политических пропагандистских языков, так называемых langues de bois (деревянных языков), приглушенные отголоски которых доносят до нас ветры с Востока, языков, пронизанных холодом. например, «dretwa mowa» в Польше, что буквально означает. окоченевший язык, как будто бы застывший от холода; или же «nowomowa», вариант от «Newspeak», «новояза» Старшего Брата романа Дж. Оруэлла «1984».

В другой стране, Советском Союзе, это язык, который диссиденты определяют как «суконный язык», т е. жесткий, шершавый, корявый, или же вязкий язык, который вяжет рот, т.е. наполняет его целиком и создает ощущение тяжести[2]. Это тяжеловесные языки, они созданы в единой массе (может быть, в массах?), они отлиты из единой формы, это языки из мрамора, языки из железа. А поближе к нам, в теплой гавани нашей западной демократии, возникают «ветряные языки» (ср: D e b r a y 1978), хрупкие и летучие, они рождаются в речи Хозяина, который не осмеливается назвать свое имя.

На самом деле, и это следует подчеркнуть, имеется в виду не язык, а дискурс, т.е. особый порядок, отличный от субстанции языка в том значении, в котором определяют понятие языка лингвисты, но который реализуется в языке. речь идет, таким образом. не о порядке *грамматическом*, а о порядке *высказываемого*, порядке того, что делает говорящего субъекта субъектом его дискурса. и того, что в свою очередь подчиняет его себе в качестве зависимого субъекта Каким образом эта специфическая субстанция дискурса, исторически связанная с существованием идеологических аппаратов, составляет специфическую разновидность существования исторической памяти? Этот вопрос порождает другие вопросы, более конкретные: каким образом политический дискурс становится эффективным? Что значит высказывать, держать нить речи, *повторять, вспоминать, забывать* для субъекта акта высказывания, захваченного противоречиями истории и политики?

Постараемся представить некоторые слагаемые ответа на серию поставленных вопросов. Для этого в первую очередь схематически представим теоретическую базу, которая дает возможность рассмотрения этих вопросов, а затем опишем отдельные черты одного из наших политических пропагандистских языков, а именно коммунистического дискурса[3].

В качестве первого замечания следует отметить, что предлагаемый анализ является точкой зрения лингвиста и как таковой накладывает определенные ограничения; данный анализ не предполагает междисциплинарного синтеза, столь лакомого для академических исследований. Этот синтез на самом деле служит лишь для прикрытия раздробленности знания, когда на экуменически-общинном уровне соединяются воедино лингвистика, психоанализ и история. Данное исследование основывается на новом, побочном в лингвистике направлении, появившемся в конце 60-х годов, — на *анализе дискурса*. Интерес к дискурсу, однако, являет собой парадокс в лингвистике: быть лингвистом по сути своей не предполагает необходимости говорить о дискурсе, совсем наоборот. Причина этого явления понятна: разрыв между системой языка и говорящим субъектом, порожденный соссюровской дихотомией, нашедшей свое развитие в трудах Н. Хомского, придал особую форму научному предмету современной лингвистики, которая заключается в отделении порядка языка от порядка дискурса; дискурс выступает только в роли некоего отброса, объекта, лишенного гражданства; ценой потери дискурса заплачено за основательность в теориях языка.

Нелегко было признать эту потерю, тем более что выведенное на периферию всегда присутствовало, функционируя скрытно за пределами языка (см.: Gadet, Pêcheux 1981): развитие внутри лингвистики разных направлений теории высказывания, представленной как «субъективное усвоение языка в акте индивидуального использования» (Бенвенист), оказалось в этом смысле симптоматично. Лингвистические концепции высказывания, наследующие традиции «лингвистики речи», пытающиеся охарактеризовать разные формы присутствия говорящего субъекта в дискурсе, опираясь на определенные лингвистические признаки (пресуппозицию, дейксис, указатели лица, перформативы, шифтеры...), обеспечили на самом деле линейный и последовательный переход от порядка языка к порядку дискурса; переход осуществился через представление субъекта высказывания в качестве источника, первопричины и психологи-

ческого оператора дискурса. Эти лингвистические концепции исключают, таким образом, размышление о специфике дискурсного, исключают также вопрос о подчинении субъекта дискурса, переводя эти рассуждения в инструментальную проблематику языкового употребления

Назревала необходимость поворота в развитии лингвистики, который и обусловил парадокс, названный раньше: чтобы разрабатывать понятие дискурса, надо быть лингвистом и одновременно перестать им быть. Указанный поворот для некоторых лингвистов принял форму «перехода» к учению Л. Альтюссера об идеологии. Это учение было развито и переработано в анализ дискурса в исследовании М. Пешё (Pêcheux 1975). Лингвистам, которые считают, что говорящий субъект порождает свою речь сам, будучи субъектом-источником, нерасщепленным субъектом, лишенным дискурсной памяти, учение об историческом и материальном существовании идеологий напоминало, что «дискурс уже и всегда существовал», т.е. что *высказываемое является внешним по отношению к субъекту акта высказывания.*

Другой разновидностью закономерного перехода оказался предпринятый М. Фуко в «Археологии знания» анализ понятия высказывания (не в лингвистическом значении данного термина) как высказывания-результата, отличного от акта высказывания. Если нейтрализовать акт высказывания, его время и место, нейтрализовать субъекта, который его производит, и операциональные средства, которые он использует, то «из него выделяется форма, которая подлежит *бесконечному повторению* и позволяет строить самые разнообразные высказывания». Существование понятия высказывания-результата связано, таким образом, с понятием повторяемости, которое «соотносится по принципу *вертикальности* с возможностью проявления различных блоков означающих» (Foucault 1969, 134).

Из этих нескольких замечаний следует вывод: чтобы представить, каким образом происходит подчинение субъекта высказывания в порядке дискурса, необходимо различать и вместе с тем объединять два уровня описания: 1) *уровень высказывания-акта*, производимого субъектом высказывания-акта в конкретной ситуации высказывания-акта («я», «здесь», «в данный момент» дискурсов); 2) *уровень высказывания-результата*, когда подчинение субъекта проявляется в вертикальном, слоистом и ступенчатом пространстве, которое я предложил бы назвать интердискурсом серии формулировок, вытекающих из различных и оторван-

ных друг от друга высказываний, объединяемых между собой в определенные лингвистические формы (эти формы обладают взаимоцитированностью, взаимоповторяемостью, взаимопарафразированием, они противопоставляются друг другу и преобразовываются друг в друга...). Именно в этом интердискурсном пространстве, которое вслед за М. Фуко можно было бы назвать «областью памяти», проявляется внешний характер высказываемого по отношению к субъекту акта высказывания, когда субъект акта высказывания присваивает в момент говорения уже существующие высказывания-«преконструкты» И здесь следует сразу же отметить, что в интердискурсе субъект не имеет никакого специально отведенного для него места, в области памяти раздается только *голос, не имеющий имени*

Выше я предлагал рассмотреть порядок политического дискурса как одну из разновидностей существования исторической памяти. Что представляет собой в свете изложенных теоретических положений взятый в качестве примера коммунистический дискурс?

Прежде всего следует ответить на вопросы: как конструируются в интердискурсе серии формулировок; каким образом пространство повторения вписывается в ступенчатое пространство дискурса?

Ответ на эти вопросы предполагает рассмотрение всех видов пересказанной речи, через которые проявляются отсылки от одного дискурса к другому, и в первую очередь *цитирование и соотнесение с первичным текстом*. В коммунистическом дискурсе, обращенном к христианам, можно обнаружить формулы—источники исторической памяти типа «религия — опиум для народа», «критика религии является предварительным условием любой критики», которые принадлежат классикам марксизма, и дискурсы, которые передают эти формулы. При этом незамедлительность напоминания и отсутствие интердискурсных дистанций, вызываемых эффектами воображения, свойственными прямой речи, создают плотное пространство образуемых цитированием и отсылками дискурсных пластов, которые накладываются друг на друга от первичного текста к тексту, который его воспроизводит Формулы-источники дрейфуют, таким образом, в плотном, слоистом пространстве дискурсов. Дрейфуя в этом пространстве, они подвергаются изменениям (так, формула «классовая борьба является движущей силой истории» трансформируется при обращении к христианам в формулу «социальная борьба является движущей силой прогресса»). Формулы усекаются, скрываются.

затем вновь всплывают на поверхность, уже на более отдаленном участке своего пути; они стушевываются или исчезают, создавая запутанное смешение памяти и забвения (так, определение религии в качестве «опиума для народа» уступает место определению религии в качестве «вздоха угнетенного существа»).

Конструирование пространства повторяемости принимает также форму *дословного воспроизводства* от дискурса к дискурсу многочисленных формулировок («существует непреодолимое противоречие между материалистической философией и *религиозным принципом любого толка*», «только сами христиане могут решить, какими христианами они хотят быть»). Такого рода повторы, сочетаясь с исчезновением синтаксических признаков передаваемой речи типа: *X* говорит, что *p*; *X* говорит: (цитата), — стирают следы какой бы то ни было интердискурсной разноуровневости. То, что в стиле художественной литературы выглядело бы как плагиат, здесь напоминает скорее школьную практику чтения наизусть и низводит, таким образом, доктринерский порядок политического дискурса к эпистолярному и школьному порядку. Воспроизведение формулы высказывания, факт повторного цитирования при таком повторении не имеет никакого иного смысла, кроме самого факта повторения.

Интерес к лингвистическим формам, посредством которых повторяемость вписывается в порядок дискурса, в конечном итоге приводит к анализу формирования преконструкта в интердискурсном разноуровневом пространстве — процесса, при котором создается база для конструирования определенных серий из формул высказывания. Так, в последующем примере предварительная формула, «уже высказанная», вставляется в качестве преконструкта в номинализированной форме (в нашем примере преконструкт заключается в квадратные скобки) в последующую формулу; создается эффект цепи в серии определенных формул-высказываний: «Коммунисты являются материалистами по своей философии» → «[Материализм коммунистов] отстоит далеко от христианской веры католиков» → «Тем не менее мы можем прекрасно сотрудничать все вместе, несмотря на [наши философские расхождения]».

С помощью цитирования, повторного цитирования и образования преконструкта объекты дискурса, которыми овладевает высказывание, приписывая их субъекту акта высказывания, обретают референтную стабильность в области памяти, создаваемой пространством рекурентных формул.

Я указывал выше, что в интердискурсе нет субъекта если только не называть субъектом нечто, не имеющее наименования; однако, напротив, в интердискурсе большая роль отводится *субъектным позициям*, которые регулируют самый акт высказывания: интердискурс, как это было показано, поставляет в цитированной, повторно цитированной и преконструированной форме объекты дискурса, которыми поддерживается высказывание; *одновременно* с этим интердискурс организует локализацию высказывания (за счет регулирования маркеров лица, времени, видов, модальностей), являющуюся конструктивной для образования формул высказывания субъектом акта высказывания. Интердискурс, таким образом, окончательно вытесняет с поля зрения лицо, произносящее высказывание, обеспечивая наличием элементов «я», «здесь», «теперь» его эффективное подчинение.

Одним из примеров данного положения служит выражение времени в дискурсе коммунистов. По мере развертывания дискурса в нем действительно можно обнаружить формулы, конструирующие первоначальный, воображаемый дискурс, относящийся к области памяти; это проявляется, например, в том, что я обозначу *дискурсными ритуалами* непрерывности, которые перекраивают время, соединяя настоящее время высказывания с дискурсным прошедшим, а также с дискурсным будущим. При этом происходит как бы воображаемое аннулирование исторического процесса с присущими ему длительностью и противоречивостью, которые, однако, являются непосредственными составляющими самого интердискурса. Эти формулы вносят, таким образом, в разворачиваемый субъектом дискурс линейную непрерывность движения времени: прошедшее — настоящее — будущее (последовательная смена временны́х маркеров осуществляет, таким образом, синтагматизацию временно́й протяженности, что достигается повторением одного и того же глагола, использованием наречий времени с повторным значением (*еще, снова*), а также установлением эквивалентности между различными временны́ми шифтерами, отсылающими к различным временам высказывания):

«Но, как и всегда, идея, провозглашенная коммунистами, пробила себе дорогу. Она укоренилась. Она укореняется и будет укореняться все более и более...»; «Мы снова оказались правы...»; «...наша коммунистическая партия завтра, как и вчера, имеет намерение...»; «А завтра? Завтра,

как и сегодня, мы приложим усилия...», «Будущее будет таким, каким мы его сделаем сообща сегодня...».

Коммунистический дискурс является продуктом реальной истории, но одновременно он является и продуктом фиктивной истории: «эффекты памяти», которые он вызывает в приводимом примере, создают иллюзию застывшей истории, истории неподвижного времени, которое стоит на месте; происходит *замораживание* исторического времени, в котором формируется дискурсность. Возникает фикция неподвижной, вечной истории: *религиозность в этой истории подчиняет себе политичность.*

Формулы повторяемости, суммарно перечисленные выше, можно в целом отнести к явлению, определенному Ж.-М. Маранденом и мною (см.: C o u r t i n e, M a r a n d i n 1981) как «расширительная повторяемость элементов дискурса». «Имеется в виду повторяемость элементов, которые вычленяются при рассмотрении фрагмента дискурса, заключенного в определенном высказывании, и которые составляют это же определенное высказывание», т.е. имеется в виду повторяемость в дискурсе *наполненной, насыщенной памяти.* Действие механизма подчинения в политическом дискурсе предполагает выработку концептуального представления о другой разновидности повторяемости: *вертикальной повторяемости.* Вертикальная повторяемость не предполагает повторяемости серий формул, образующих высказывание; это то, исходя из чего повторяется неизвестное, неопознанное, передвигаемое и передвигающееся по ходу высказывания. Повторяемость как свойство оказывается одновременно и присутствующим и отсутствующим в серии формул; отсутствующим — поскольку оно функционирует под формой «незнания», и присутствующим — поскольку оно обязано иметь форму проявления, таким образом, речь идет в данном случае о повторяемости в порядке *памяти, содержащей пробелы, дырявой памяти.*

Пример коммунистического дискурса, приводимый в данной статье, выбран мною из серии аналогичных примеров в силу его дискурсной эквивалентности рассказу, переданному Миланом Кундерой.

Имеются в виду формулы и воспроизведения этих формул во всех их разновидностях с момента зарождения и в процессе переформулирования: «Мы не требуем от католиков отказа от веры в Бога / мы сами также не отрекаемся от своих материалистических концепций».

В серии указанных формул появляется смещение, связанное с новым этапом формулирования в коммунистичес-

ком дискурсе, смещение появляется в связи с XIX съездом ФКП (в феврале 1970 г.), — съездом, на котором был исключен Роже Гароди, что в свою очередь явилось одним из следствий вторжения в Чехословакию; цитирую: «Таким образом, согласуясь с нашей политикой протянутой руки, *мы не стремимся решить за христиан, какими христианами им предстоит быть.* В противоположность Р. Гароди мы не отдаем предпочтения одним христианам в ущерб другим».

С этого момента в дискурсный процесс внедряется новая формула повторения: «Только сами христиане должны решить, какими христианами им предстоит быть». Эта формула становится отпечатком разрыва в цепи непрерывности формулировок. За разрывом следует пробел. Повторение фрагмента, куска, за которым следует разрыв, повторение «крупиц прошлого» с последующим пробелом начинает функционировать в дискурсе как возмещение пробела за отсутствием реального возмещения (исчезновение-уничтожение собственного имени: Р. Гароди).

Анализ процесса дискурсного подчинения приводит, таким образом, к обнаружению двух взаимосвязанных способов детерминированности акта высказывания тем, что находится вне высказываемого, или интердискурсом: интердискурс как наполнение, как образование эффекта сгущения внутри формулируемого и интердискурс как формирование пустоты, полости, смещения в высказывании; обращение к последнему создает эффект ломкости (обрыв, прерывание, разрыв) в цепи речевого воспроизводства.

Память и забвение, таким образом, нерасторжимы в практике политического дискурса. Они нерасторжимы до такой степени, что могут исказить до полной противоположности реальный порядок вещей: по воле истории шапка Клементиса отныне принадлежит Готвальду.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Как писал М. Фенто по поводу «дела Форисона» (см.: Fennetaux 1981. — Un trou dans notre génération. — *Le Discours psychanalytique*, oct. 1981, № 1 [Пробел в нашем поколении. — *Прим. перев.*]). [Форисон — самый известный из группы историков, отрицающих реальное существование концлагерей, построенных нацистами во время второй мировой войны. — *Прим. составителя.*]

2 Эти уточнения сделаны П. Серио.

[3] Специфический аспект «дискурсной памяти» был изучен мною в другой работе на примере коммунистического дискурса, представляющего собой обращение коммунистов к христианам во времена политики «протянутой руки» — 1936—1976 гг. Теоретические и дескриптивные элементы, представленные в данной статье, подвергнуты более детальному рассмотрению. Примеры взяты из работы: J.-J. C o u r t i n e: Analyse du discours politique. — *Langages*, juin 1981, № 62.

М. Пешё, К. Фукс

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПО ПОВОДУ АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА

ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ, ЯЗЫК, ДИСКУРС

1. ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ, ИДЕОЛОГИЯ, ДИСКУРС

В основе организации этой части работы лежат отношения между тремя сферами, которые мы определили ранее и которые вынесены в общее заглавие первой части. Сразу же заметим, что в современных условиях академической работы теоретическое разграничение этих сфер становится очень затруднительным. Это связано с тем, что помимо того, что попытка такого рода разграничения может кому-то показаться теоретически сомнительного свойства, даже вооружившись наилучшими теоретическими и политическими намерениями, исследователь стоит перед очень трудной проблемой преодоления организационных и эпистемологических препятствий, связанных с раздробленностью знаний, а особенно с принятым в академической практике вытеснением и замаскировыванием исторического материализма. Мы на опыте убедились, как трудно, оказывается, избежать спонтанных подмен, приводящих к тому, что исторический материализм становится «социологией»; при этом теория дискурса оставляет себе «социальный аспект языка» и т.д. Даже с исследователями-марксистами случается, что они способны трезво и критически относиться к науке, которой они занимаются, и часто оказываются настолько слепы к некоторым академически-идеалистическим аспектам смежных дисциплин, что полагают возможным в своей практике заимствовать у них некоторые полезные «инструменты» непосредственно, включая и критическую деятельность.

Предлагая свою концепцию такого разграничения, мы, очевидно, сами не избегаем опасности, о которой сигнали-

---

Michel P ê c h e u x, Catherine F u c h s. Mises au point et perspectives à propos de l'analyse automatique du discours. — *Langages*, 1975, № 37, p. 9—22. Здесь дается лишь первая, теоретическая часть статьи.

зируем, так как эта опасность сопряжена с состоянием практики современной научной работы Опираясь на самый последний вариант этой концепции (H a r o c h e, H e n r y, P ê c h e u x 1971)*, мы утверждаем прежде всего, что сфера исторического материализма, которой мы здесь касаемся, — это идеологическая надстройка, рассматриваемая во взаимосвязи со способом производства, определяющим данную общественную формацию Работы марксистов последних лет (см., в частности A l t h u s s e r 1970) показывают недостаточность рассмотрения идеологической надстройки как формы отражения «экономического базиса» — так, как будто бы идеология формировалась посредством «сферы идей» над миром вещей, экономических явлений и т п Другими словами, идеология должна характеризоваться посредством некоторой специфической «материальности», связанной с экономической материальной системой, или, в более частных терминах, функционирование идеологического уровня должно рассматриваться как предопределенное в конечном счете экономическим уровнем, соразмерно с тем, что сам идеологический уровень является одним из (неэкономических) условий воспроизводства экономического базиса, а еще точнее, производственных отношений, присущих этому базису[1] Частная особенность функционирования идеологической сферы, касающаяся воспроизводства производственных отношений, заключается в том, что можно было бы назвать *интерпелляцией* (требованием выполнения законов) или зависимостью личности как носителя идеологии, проявляющейся в том, что каждый, не отдавая себе в этом отчета и считая, что он действует согласно своей доброй воле, оказывается принуждаем *занять свое место* в одном из двух общественных классов, антагонистических по способу производства (или в таком разряде, как слой или социальная группа, примыкающая к одному из них)[2]. Это постоянное воспроизводство классовых отношений (экономическое и не только экономическое, как мы только что видели) материально обеспечивается существованием сложных реальных структур, которые Альтюссер назвал «идеологическими аппаратами государства» Для этих структур характерно то, что они активизируют практические механизмы, связанные с позициями или соотношением позиций, которые соотносятся с классовыми отношениями, но не копируют их в точности. В некоторый данный исторический момент классовые отношения (классовая

* См. наст. сб — *Прим ред*

борьба) характеризуются столкновением (и внутри самого аппарата) политических и идеологических позиций, «которые характеризуют не отдельных индивидов, а целые политические *формации*, вступающие в отношения антагонизма, союза или соподчинения Мы используем термин *идеологическая формация*, чтобы характеризовать некий элемент, могущий выступать в качестве силы, противопоставленной другим силам в идеологической ситуации, характерной для данной общественной формации в данный момент времени; таким образом, каждая идеологическая формация представляет собой сложную совокупность позиций и репрезентаций, которые не являются ни "индивидуальными", ни "универсальными", но более или менее непосредственно соотносятся с *классовыми позициями*, для отношений между которыми характерны конфликты» (Haroche, Henry, Pêcheux 1971, 102) Теперь мы подходим к постановке вопроса об отношениях между идеологией и дискурсом. Учитывая все вышесказанное, становится ясным, что *отождествлять* идеологию со сферой дискурса невозможно (в противном случае это была бы идеалистическая концепция идеологии как сферы идей и речевых произведений) Область дискурса следует понимать как один из материальных аспектов того, что мы назвали идеологической «материальностью». Иначе говоря, дискурс как *вид*, согласно нашей концепции, принадлежит *роду* идеологии. Это равносильно тому, что «одной из составляющих определяемых таким образом идеологических формаций обязательно[4] являются одна или несколько *дискурсных формаций*, которые определяют, что́ может быть и что́ должно быть сказано (в виде публичного выступления, проповеди, памфлета, доклада, программы и т.п.) с определенной позиции в данных обстоятельствах» (Haroche, Henry, Pêcheux 1971, 102), или, говоря иначе, в некоторой системе мест внутри идеологического аппарата, вписанной в классовые отношения Теперь мы будем говорить, что каждая дискурсная формация поддерживает некоторые специфические *условия производства* (conditions de production)[5], которые могут быть отождествлены, учитывая то, что только что было сказано.

Итак, «идеология превращает индивида в субъект» этот основополагающий закон *Идеологии* никогда не реализуется в общем, но всегда применительно к некоторому определенному комплексному сообществу *идеологических формаций*, которые в каждую историческую эпоху классовой борьбы внутри этого сообщества играют по необходимости

неодинаковую роль в воспроизводстве и преобразовании производственных отношений, что происходит по причине как их внутренних представлений (о Праве, Морали, Знании, Боге и т.п.), так и их классовых особенностей. На этом двойном основании дискурсные формации включаются в идеологические формации в качестве их составных частей. Возьмем пример: *религиозная идеологическая формация* при феодальном способе производства представляет собой форму *господствующей идеологии*; она реализует «закабаление индивида в субъект» с помощью религиозного идеологического аппарата государства, специализированного в области отношений между Богом и священнослужителями в области специфических церемоний (богослужения, обрядов крещения, заключения браков, похорон и т.п.), которые под видом религиозных установлений в действительности вторгаются в юридические отношения и в экономическое производство, а следовательно, и в глубь феодальных производственных отношений. В реализации этих классовых идеологических отношений как составные компоненты участвуют различные дискурсные формации, переплетенные каждый раз в специфических комбинациях. В качестве примера рассмотрим гипотезу, которая нуждается в исторической проверке: на одном полюсе в этой ситуации стоит *сельская проповедь*, прочитанная представителем низшего духовенства в крестьянской среде, а на другом — *проповедь священнослужителя высокого сана для высшей знати*; первая из двух дискурсных формаций подчинена второй таким образом, что основными в них выступают одни и те же «вещи» (бедность, смерть, смирение и т.п.), но отраженные в разных формах (покорность народа перед знатью / покорность знатных лиц перед Богом) или разные «вещи» (труд на земле / предназначение знати).

Подчеркнем, наконец, что дискурсная формация исторически существует внутри данных классовых отношений; она может порождать элементы, которые включаются в новые дискурсные формации, устанавливаются внутри новых идеологических отношений и вызывают к жизни новые идеологические формации. Например, можно предположить (и это тоже должно было бы служить предметом исторической проверки), что упомянутые выше дискурсные формации, исчезнув как таковые, породили компоненты, которые были «возвращены» в разных исторических формах буржуазного атеизма и приспособлены (например, в виде свода некоторых парламентских речей революции 1789 года) для господства идеологии буржуазного класса.

Здесь возникает одна трудность, с которой хорошо знакомы теоретики марксизма, — трудность, связанная с определением реальных границ реальных объектов, соответствующих вводимым понятиям (в нашем случае, например, идеологической формации, дискурсной формации и условий производства). Эта «трудность» не является следствием досадной случайности, но есть результат противоречия, существующего между природой этих понятий и сложившейся практикой спонтанного фиксирования и классифицирования, в соответствии с которой нельзя не пытаться вовлечь эти понятия в, вероятно, неизбежные вопросы типа: сколько идеологических формаций содержится в общественной формации; сколько каждая из них в свою очередь может включать в себя дискурсных формаций и т.п. На самом деле, учитывая *диалектический* характер рассматриваемых реальностей, подобная *дискретизация* в принципе невозможна, если мы допускаем в самом определении каждого из этих объектов возможность преобразовываться друг в друга, что и разоблачает их дискретный характер как полную иллюзию.

Относительная отстраненность идеологической формации по отношению к дискурсной проникает внутрь самой дискурсной формации: она обнаруживается в обязательном воздействии на данную дискурсную формацию недискурсных идеологических элементов (представлений, образов, связанных с практической деятельностью, и т.п.). Более того, они привносят внутрь дискурсной сферы расхождения, которые отражают эту отстраненность, дистанцию. Речь идет о смещении одной дискурсной формации по отношению к другой в том плане, что первая служит чем-то вроде сырья образов и представлений для другой, но как если бы дискурсная оболочка этого сырья рассеивалась перед глазами субъекта (Henry 1974). Здесь речь идет о том, что мы будем характеризовать как «забвение № 1»[6] — неотъемлемый аспект субъективной практики, связанный с речевой деятельностью субъекта. Но в то же время (и это есть другая форма того же «забвения») процесс, в результате которого порождается или воспринимается как осмысленная некоторая конкретная дискурсная цепочка, скрывается от глаз субъекта. Мы хотим сказать, что, согласно нашей концепции, порождение смысла неотделимо от отношения парафразирования[7] между такими текстовыми последовательностями, парафрастическое множество которых образует то, что можно было бы назвать матрицей смысла. Из этого следует, что конструирование эффектов смысла

происходит, начиная с этих внутренних отношений парафразирования, и что референциальные отношения имплицируются этими эффектами[8].

Если следовать нашим рассуждениям, то можно понять, что субъективный характер восприятия, из-за которого текст неоднозначно соотнесен со своим смыслом (с точностью до синтаксических и / или семантических неоднозначностей), — это иллюзия, необходимая для того, чтобы понимать субъекта как результат (l'effet-sujet) по отношению к речевой деятельности, способствующая в этой специфической области превращению субъекта в подданного, о котором мы упоминали выше. Действительно, мы утверждаем, что «смысл» некоторой текстовой последовательности материально постижим только тогда, когда эта последовательность рассматривается с привязкой к той и / или иной дискурсной формации (что объясняет, между прочим, тот факт, что она может иметь несколько смыслов)[9]. Именно такая обязательная привязка любой текстовой последовательности к некоторой дискурсной формации, благодаря которой эта последовательность «наделяется смыслом», оказывается отторгнутой для субъекта (или самим субъектом) и скрыта для него иллюзией, что он находится *у истоков смысла* в том отношении, что он «извлекает» некоторый существовавший до него универсальный смысл (это, в частности, объясняет вечную дихотомию «индивидуальное / универсальное», свойственную дискурсной иллюзии субъекта). Отметим, между прочим, что эффект-субъект и такое его импровизированное толкование по отношению к речевой деятельности развивается, при остающейся неизменной сути вопроса, в теоретических разработках, опирающихся на хомскианскую и постхомскианскую трактовку семантики (вызывающую неизбежное обращение к универсальной семантике, приведенной в действие в логике предикатов, что, по существу, сводится к решению проблемы путем аннулирования границы между дискурсным процессом и логическим выводом).

Эти уточнения позволяют понять, почему аппарат автоматического анализа дискурса (А.А.Д.) в соответствии с той концепцией теории дискурса, которую мы только что изложили, в принципе исключает идею семантического анализа одного-единственного текста. Имея это в виду, следует обратить внимание на различие, к которому мы позже вернемся, между лингвистическим анализом дискурсной последовательности и автоматической обработкой множества объектов, полученных посредством этого анализа [...].

Понимая под дискурсным процессом парафрастические отношения, реализующиеся внутри того множества, которое мы ранее назвали матрицей смысла, присущей данной дискурсной формации, мы будем считать, что процедура А.А.Д. представляет собой приблизительный набросок несубъективного анализа эффектов смысла, который рассеивает иллюзию «субъекта-эффекта» (при порождении / восприятии текста) и археологически планомерно восходит к дискурсным процессам. В своем современном состоянии процедура А.А.Д. позволяет обнаружить то, что можно назвать *следами* дискурсного процесса, являющегося основным объектом рассмотрения. Как мы покажем позже, трудность, которую нам здесь предстоит преодолеть, заключается в том, что парафрастическое множество (а скорее различные парафрастические множества или семантические области) прямо не соотносится с некоторой логической пропозицией (или системой логических пропозиций). Нам представляется, что это не результат случайного несовпадения, которое можно было бы сгладить, действуя более тонко: в действительности речь идет об уже упомянутой границе между логической пропозицией и дискурсным процессом — границе, которая мнимо отменяется и стихийной философией формальной логики, и позитивистским идеологизмом в лингвистике.

Как мы только что показали, дискурсные процессы, как они здесь понимаются, не могут рождаться у субъекта. Тем не менее они неизбежно реализуются в этом самом субъекте. Такое кажущееся противоречие связано на самом деле с проблемой организации субъекта и с тем, что́ мы называем субъектизацией. В силу сказанного необходимо уточнить некоторые неоднозначные формулировки, которые содержатся в работе 1969 г., в частности касающиеся термина «условия производства». Неоднозначность заключается в том, что термин «условия производства» обозначает влияние системы мест, к которой субъект оказывается приписанным, и одновременно «ситуацию» в конкретном эмпирическом смысле этого слова, т.е. материальное и социальное окружение субъекта, более или менее сознательно исполняемые им роли и т.п. В предельном случае «условия производства» в последнем смысле определяли бы «состояние, переживаемое субъектом» в смысле субъективной переменной («формы поведения», «представлений» и т.п.), характерной для экспериментальной ситуации. Теперь мы можем уточнить, что первое понимание противостоит второму как реальное воображаемому и что работе 1969 г. не-

доставало именно теории этого воображаемого, схваченного, уловленного через реальное. Такое улавливание неизбежно приводило к тому (и это происходит на самом деле), что система мест принималась за зеркальное отражение ролей, присущих некоторому социальному институту[10], а термин «аппарат», введенный выше, безосновательно смешивался с понятием социального института. Иначе говоря, аппарату А.А.Д не хватало и частично не хватает по сей день несубъективной теории формирования субъекта в конкретной ситуации порождения высказывания[11]. Тот факт, что здесь, по существу, речь идет об иллюзии, не опровергает необходимости этой иллюзии, а ставит задачу по меньшей мере описать ее структуру (в форме приблизительного описания процессов порождения высказывания), а также, может быть, связать это описание с тем, что мы назвали забвением № 1.

2. ЛИНГВИСТИКА КАК ТЕОРИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ И ПРОЦЕССОВ ПОРОЖДЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Итак, как было сказано выше, цель А.А.Д. заключается в выявлении следов дискурсных процессов[12] Учитывая, что отправной точкой А.А.Д. является дискурсный корпус[13], представляется естественным, что его аппарат включает этап лингвистического анализа, так как тексты, принадлежащие этому корпусу, очевидно, составлены на «естественном языке». Кроме того, исследования по автоматической обработке текста продемонстрировали ограниченность статистического исследования линейности (ср. марковские процесссы).

Однако выбор той или иной техники лингвистического анализа определяется той природой и той ролью (естественного) языка, которые мы ему предварительно приписываем Действительно, какие отношения существуют между дискурсными процессами и языком с точки зрения теории дискурса? Общая перспектива такова: дискурсные процессы лежат в основе порождения эффектов смысла, тогда как язык представляет собой *материальную субстанцию*, в которой этот смысл воплощается. Эта специфическая материальность языка возвращает нас к идее противопоставления «функционирования» (в соссюровском смысле) и «функции». Описание этого материально существующего феномена составляет глобальную проблему лингвистики. Как мы увидим ниже, недостаточно рассматривать язык лишь как

совокупность данных лексической, фонологической, морфологической и синтаксической систем (эта проблема акцентировалась в статье H a r o c h e, P ê c h e u x 1972, где речь шла о «лексическом запасе» (stock lexical)) Тем не менее уже можно использовать и эту недостаточную трактовку языка и говорить, что в таких условиях задача лингвистики состояла бы в том, чтобы описать лексику и других систем языковых правил и сделать их доступными для манипуляции без привлечения неконтролируемых семантических соображений, так как это означало бы обращение к субъективным аспектам восприятия.

Итак, несубъективный анализ эффектов смысла, который провозглашается в качестве основной цели А.А.Д., как мы только что видели, проходит этап лингвистического анализа, статус которого, как мы сейчас покажем, остается очень проблематичным. Действительно, *вопрос вращается вокруг роли семантики в лингвистическом анализе*. Согласно перспективе, которую мы наметили выше, неправомерно было бы в качестве исходного материала лингвистического анализа рассматривать объекты, которые должны явиться результатом сопоставления, произведенного с помощью этого анализа. Говоря иначе, лингвистический анализ, к которому прибегает А А Д , должен носить преимущественно морфосинтаксический характер и вследствие этого разрешать специфически лингвистическую процедуру делинеаризации текстов, связанную с явлениями иерархии, вложения, детерминированности Таким образом, при лингвистическом анализе неправомерно было бы привлечение «картины мира» основывающейся на универсальных, априорных семантических категориях, так как это означало бы, что в процессы функционирования языка включаются дискурсные процессы, которые детерминированы исторически и которые нельзя считать сопряженными с языком, если только не отождествлять язык и идеологию[14].

После всего сказанного остается добавить, что условия морфосинтаксического анализа в настоящее время не вполне ясно определены и что он не исключает обращения к имплицитной семантизации Как будто бы происходит то, что при морфосинтаксическом анализе обязательно привлекаются элементы, которые обычно считаются семантическими. Впоследствии будет показано, что первоначально аппарат А.А.Д. систематически пренебрегал этим аспектом[15] Это объяснялось, с одной стороны, сознательно нежестким характером предлагаемых «решений» и, с другой — теоретической неотложностью борьбы с идеалистической кон-

цепцией языка, согласно которой язык понимается как средство «ви́дения-восприятия» мира, а в предельном случае как то, что творит этот мир.

В своей крайней формулировке лингвистическая позиция, на которую опирается А.А.Д., сводится к рассмотрению синтаксиса и семантики как двух автономных и четко определенных уровней языка, а лексики и грамматики также как двух областей языка, изолированных друг от друга. Однако очевидно, что дело обстоит не так. Впрочем, лингвистический этап анализа в аппарате А.А.Д. в его современном состоянии хорошо иллюстрирует трудности, вызванные требованием такой трактовки языка: применяемые синтаксические правила «тайно» прибегают к бесконтрольному обращению к смыслу, что далеко не способствует очищению лингвистического анализа от семантики. Значит ли это, что та семантика, к которой не может не прибегать синтаксический анализ, и есть именно то, что выше было охарактеризовано как дискурсная семантика? Если бы это было так, то можно было бы сказать, что нет никакой автономности лингвистики, так как мы получили бы в конце концов лишь то, что было заложено вначале. Думаем, что дело обстоит не так. Эта ситуация нам представляется связанной с философским наследием, которое обязательно привносится грамматическими категориями, даже в их самом нейтральном, самом современном и практическом аспекте. В данный момент недостает именно *теории материального функционирования языка по отношению к самому себе*, т.е. систематики, которая не противопоставлена «несистематике» (как в дихотомии язык / речь), но сопряжена с разными процессами. Если договориться называть теорию материального функционирования языка термином «формальная семантика», то можно сказать, что лингвистическому анализу не хватает именно такой формальной семантики, которая ни в коей мере не совпадает с «дискурсной семантикой», упомянутой выше. Понятие «формальная семантика», заимствованное у А. Кюлиоли, которое мы далее определим как верхний уровень лингвистического анализа, могло бы занять в этом смысле специфическое место в языке, соответствующее формированию эффекта-субъекта. Если наша гипотеза верна, это означает одновременно, что А.А.Д., который пытается «пройти через эффекта-субъекта», должен заметить, *где* он его проходит *в языке*; стремление не воспроизводить этот эффект в практических процедурах объективного анализа вполне законно, и, напротив,

ошибочным было бы забывать о его существовании в самом изучаемом объекте.

Все это неминуемо подводит нас к проблеме *акта производства высказывания*, и здесь целесообразно сделать некоторые уточнения, принимая во внимание прием, который использует идеализм, «занимаясь» сегодня этой проблемой, и препятствия, которые из этого проистекают.

Если определить акт производства высказывания как обязательное отношение субъекта к тому, что́ он высказывает, то ясно наметится новая форма иллюзии прямо на уровне языка, согласно которой субъект оказывается у истоков смысла или отождествляет себя с источником смысла: дискурс субъекта организуется через референцию (прямую или скрытую) или без референции к ситуации акта производства высказывания (я-здесь-сейчас говорящего), которую он субъективно ощущает как бы точками отсчета на осях «улавливания» (на оси грамматических лиц, временно́й и пространственной осях). Любая речевая деятельность требует стабильности подобных «опор» для субъекта; если такой стабильности начинает не хватать, то это — «посягательство» на саму структуру субъекта и на речевую деятельность.

Выше мы упомянули о препятствиях. Речь идет о субъективистском заблуждении эмпиризма, которое переносится в лингвистическую теорию, а также о заблуждении формализма, превращающего акт производства высказывания в простую систему операций. Комментируя понятия «субъект производства высказывания» и «ситуация акта производства высказывания», П. Фьяла и К. Риду пишут: «Кроме этого, следует не сводить их к простой базе для формальных операций, а стараться каждый раз извлекать из них реальное содержание, чтобы избежать вечных ловушек формализма» (F i a l a, R i d o u x 1973, 44) В более ранней работе М. Хирсбруннер и П. Фьяла, комментируя идеи Бенвениста, замечали по этому поводу. «По существу, семиотика и семантика являются лингвистической транспозицией философских категорий способности и деятельности. [...] И здесь опять посредничество осуществляется с помощью неоднозначного понятия "акт производства высказывания", которое определяется формально [...], но уточняется с философских позиций: "Акт производства высказывания — это приведение языка в функционирование посредством индивидуального акта его использования". Мы тут оказываемся перед основным затруднением соссюровских рассуждений, которые, как нам кажется, блокируют всю соссюровскую теорию дискурса. Безусловно, взгляд на язык только как на

систему знаков сейчас уже пройденный этап, однако это было достигнуто ценой внедрения в лингвистическую теорию двух понятий, которые она пыталась отбросить, формируясь как наука: это понятия субъекта и его отношения к социальному миру. Между тем — и в этом состоит парадокс, — хотя эти два понятия и заняли свое место в концептуальном аппарате лингвистики, они не получили никакого определенного теоретического статуса. Противопоставляя свободу субъекта необходимости системы языка и представляя язык посредником между субъектом и внешним миром, а субъекта постигающим мир через посредство языка и язык через посредство аппарата акта производства высказывания, Бенвенист сделал не более, чем просто перенес в лингвистику в форме лингвистической терминологии философские категории, которые, будучи далеко не нейтральными, прямо входят в "обиходный язык" идеализма» (Hirsbrunner, Fiala 1972, 26—27). Постараемся показать, как мы предлагаем вывести проблематику высказывания из этого идеалистического круга.

Затруднение некоторых современных теорий акта производства высказывания заключается в том, что эти теории чаще всего отражают обязательную иллюзию[16], формирующую субъекта, т.е. они ограничиваются *воспроизведением на теоретическом уровне этой иллюзии личности субъекта*, представляя субъекта акта производства высказывания как носителя выбора, намерений, решений и т.п. в традиции Балли, Якобсона, Бенвениста (тут уже недалеко «речь»!)[17].

Приведенная выше отсылка к материальному функционированию синтаксических механизмов по отношению к самим себе позволяет нам следующим образом уточнить, что́ мы понимаем под актом производства высказывания. Будем говорить, что процессы порождения акта производства высказывания состоят в серии последовательных операций, посредством которых постепенно формируется высказывание (l'énoncé) и основная цель которых состоит в том, чтобы установить, что́ сказано, «сказанное» (le «dit»), и, следовательно, отбросить то, что́ не сказано, — «несказанное» (le «non-dit»). Порождение акта производства высказывания сводится, таким образом, к тому, чтобы установить границы между тем, что «отобрано» и постепенно уточнено (благодаря чему формируется «универсум дискурса»), и тем, что отброшено. Таким образом, примерно вырисовывается область того, «что для субъекта было бы возможно сказать (но что он не сказал)» или «что противостоит тому, что он сказал». Эта сфера «отбрасываемого» может ощущаться более или менее сознательно, и случает-

ся, что вопросы собеседника, направленные на уточнение у говорящего того, «что он хотел сказать», заставляют его переформулировать границы и пересмотреть эту зону[18]. Мы предлагаем называть этот эффект «частичного затмения» «забвением № 2» и видеть в нем источник впечатления реальности замысла для говорящего («я знаю то, что я говорю», «я знаю то, о чем я говорю»).

Из всего сказанного вытекает, что центральным моментом этапа лингвистического анализа в аппарате А.А.Д. должно быть изучение маркеров акта производства высказывания, что вносит существенную модификацию в концепцию языка. Прежде всего, лексика не может рассматриваться как «запас лексических единиц», простой список морфем вне связи с синтаксисом, напротив, она должна рассматриваться как структурное множество элементов, взаимосвязанных с синтаксисом. Во-вторых, синтаксис больше не представляет собой нейтральную область чисто формальных правил, а рассматривается как способ организации (специфический для данного языка) следов меток-ориентиров акта производства высказывания. С этой точки зрения синтаксические конструкции имеют «значения», которые должны быть установлены.

Учитывая такую перспективу, интересно уточнить связь между двумя типами «забвений», которым мы приписали соответственно номера 1 и 2: какие отношения существуют между множеством парафрастических последовательностей, формирующих эффекты смысла, и тем, «что не высказывается», т.е. между понятиями, которые оба остаются вне игры.

3. ЯЗЫК, ИДЕОЛОГИЯ, ДИСКУРС

Рассмотрим то, что мы обозначили соответственно как «забвение № 1» и «забвение № 2». Как видно, эти два типа забвения существенно отличаются друг от друга. Мы констатируем, что субъект *может сознательно проникать* в зону № 2, что он в действительности и делает; дискурс постоянно возвращается к самому себе, предвосхищая производимое воздействие и учитывая несогласованности, которые вносятся в его дискурс дискурсом другого[19]. В той мере, в какой субъект корректирует самого себя в том, о чем он говорит, чтобы развить «то, что он думает» и выразить свою мысль наиболее адекватным образом, можно говорить, что функционирование зоны № 2, которая относится к *процессам порождения высказывания*, носит характер подсознательного / сознательного. Напротив, забвение № 1,

зона которого недоступна субъекту, именно по этой причине является составляющей субъективности в языке. В связи с этим можно предположить, что отторжение, характерное для этого типа забвения (относящегося одновременно и к самому дискурсному процессу и к интердискурсу[20], с которым этот процесс соотносится через отношения противоречия, подчинения или вторжения), относится к явлениям *бессознательной* природы в том смысле, в каком идеология по своей сущности бессознательна к самой себе (а не только самоотвлечена в постоянном ускальзывании самой от себя...). См., в частности: Haroche, Pêcheux 1972, 67—83.

Противопоставление между двумя типами «забвения» находится в связи с уже упомянутым противопоставлением между, с одной стороны, конкретной эмпирической ситуацией, в которой оказался субъект и для которой характерно воображаемое отождествление другого с собой (другой — это другое «я», причем «другой» с маленькой буквы), и, с другой — процессом интерпелляции-субъектизации субъекта, соотносящегося с тем, что Ж. Лакан метафорически обозначает как «Другой» с большой буквы: в этом смысле монолог есть частный случай диалога и субъектизации.

Иными словами, мы утверждаем, что отношение между двумя типами «забвения» сводится к отношению между (не-субъективными) условиями существования субъективной иллюзии, с одной стороны, и субъективными формами ее реализации — с другой[21].

Используя фрейдистскую терминологию, различающую подсознательное-сознательное, с одной стороны, и бессознательное — с другой, мы ни в коей мере не претендуем на разрешение проблемы отношений между сферами идеологии, бессознательного и дискурса: мы только хотим отметить, что дискурсная формация организуется и ограничивается внешними по отношению к ней факторами, следовательно, факторами, *которые в ее рамках строго не формулируются, так как они ее определяют*. Но мы подчеркиваем, что эти факторы внешнего влияния на ее организацию не должны ни в коем случае смешиваться с *субъективным пространством акта производства высказывания*, воображаемым пространством, которое обеспечивает субъекту возможность *перемещения внутри системы переформулирования* таким образом, чтобы он постоянно мог возвращаться к тому, что он формулирует, корректируя себя при этом через «рефлексивное или подсознательное отношение к словам, которое нам позволяет их воспринимать как отражение "вещей"», согласно формулировке М. Сафуана в работе «О

структуре в психоанализе» (Safouan 1968, 282). Термин *подсознательное*, как известно, восходит к первому фрейдистскому тезису и исчезает как таковой во втором. Между тем в значительной мере в рамках второго тезиса осуществлялось лакановское переосмысление фрейдизма, на которое мы здесь ссылаемся. В другой работе мы вернемся к этой теоретической «некогерентности», чтобы ее объяснить, проработать и сгладить.

Такое «неравноправие» двух типов «забвения» соответствует отношению подчинения, которое можно охарактеризовать следующими словами: «Неутверждаемое предшествует тому и управляет тем, что́ утверждается» (ср. Culioli, Fuchs, Pêcheux 1970).

Кроме того, не следует упускать из виду, что отторжение, характерное для забвения № 1, регламентирует в конечном счете отношение между «сказанным» и «несказанным» в забвении № 2, в рамках которого структурируется дискурсная последовательность. Это нужно понимать в смысле Лакана, согласно которому «любой дискурс — это затемнение бессознательного».

Заключая введение общих понятий, обратим внимание еще на два дополнительных заблуждения, которых следует избегать, по поводу термина «дискурс», в том употреблении, в каком он фигурирует в выражении «теория дискурса». Первое заключается в смешении дискурса с речью (в соссюровском смысле): дискурс в этом случае должен был бы интерпретироваться как реализация в форме вербальных актов субъективной свободы, «избегающей предписаний системы» (языка). В качестве возражения против такой интерпретации мы еще раз выскажем утверждение, что теорию дискурса и процедуры, которые она использует, неправомерно отождествлять с «лингвистикой речи». Другое заблуждение противостоит первому в том отношении, что оно истолковывает понятие дискурса в обратном смысле, понимая под ним социальное дополнение к содержанию высказывания, т.е. особый элемент системы языка, которым «классическая лингвистика» должна была бы пренебречь. При такой трактовке уровень дискурса должен был бы включаться в язык в форме, например, компетенции особого рода, свойства которой варьировались бы в зависимости от социальной позиции субъекта. Это сводилось бы к идее о существовании нескольких языков, если понимать *буквально* верное в политическом отношении, но дискуссионное в лингвистическом, высказывание, что «патрон и служащие не говорят на одном языке».

Принимая во внимание эти два искажения реальности денотатом термина «дискурс», мы считаем полезным провести разграничение между базой (лингвистикой) и процессами (дискурсной сферой), протекающими на этой базе[22], — разграничение, единственно позволяющее, по нашему мнению, учитывать отношения противоречия, антагонизма, альянса, поглощения и т.п. между дискурсными формациями, принадлежащими к разным идеологическим формациям, а не прибегать к мифу о множественности «языков», принадлежащих этим разным формациям. [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Производственные отношения ни в коей мере не являются застывшими в вечном повторении, как это представляет функционалистская социология, в действительности в силу того, что производственные отношения соответствуют классовым отношениям, следует говорить о *воспроизводстве и трансформации* производственных отношений. Однако здесь не место развивать более подробно этот основной вопрос исторического материализма

2 Буржуазная идеология как наиболее завершенная идеологическая форма осведомляет нас не только относительно функционирования идеологической сферы в целом, но также и относительно более ранних форм, которые исторически ей предшествовали Тем не менее не следует проецировать буржуазные формы субъективизации на предшествующие формы. Так, неочевидно, что субъективизация всегда заключается в том, что «замыкает» на самом субъекте его предопределенность. Автономия субъекта как «репрезентация воображаемого отношения» в действительности тесно связана с зарождением и развитием политико-юридической буржуазной идеологии В общественных формациях, определяемых другими способами производства, субъект может представлять себе свою собственную предопределенность как навязанную ему в форме принуждения или чужой воли, хотя это отношение, таким образом осознаваемое, остается лишь воображаемым

3 Мы не скрываем от себя, что, употребляя термины «формы поведения» (attitudes) и «представления» (représentations), заимствованные из социологии, мы подаем повод для двусмысленного толкования, практика, согласно марксистской теории, не является ни «социальным поведением», ни «социальными представлениями»

4 Эта необходимость обусловлена спецификой языковой деятельности, присущей человеку как идеологизированному животному

5 Уточним, что термин «производство» (production) может повлечь неоднозначность. Чтобы этого избежать, мы будем отличать экономический смысл этого термина от его эпистемологического смысла (порождение знаний), а также от его психолингвистического употребления (выработка сообщения) и, наконец, от того значения, которое он имеет в выражении «произвести эффект, впечатление» (production d'un effet) Именно в этом последнем смысле и следует прежде всего понимать здесь этот термин Однако позже мы увидим, что к этому причастны в равной мере механизмы реализации дискурса, порождаемого субъектом В то же время употребление этого термина приобретает в наших глазах полемическую функцию по отношению к термину «хождение» (circulation) и даже к термину «создание» (création) применительно к процессам «означивания»

Добавим, наконец, что вербальная материальность (звуковая и графическая) является одной из пресуппозиций экономического производства, выступая одновременно как условие коммерческой инфраструктуры (и общего способа заключения контрактов) и как условие социального применения производительных сил (передача «способа применения» орудий труда и «воспитание» рабочей силы)

Значение выражения «условия производства» (conditions de production) будет уточнено ниже

6 Термин «забвение» не связан здесь с индивидуальными проблемами запоминания Как это ни парадоксально, он указывает на то, *что никогда не было известно* субъекту, но что, тем не менее, очень близко его касается и проявляется в той странной легкости и фамильярности, с которыми он относится к факторам, определяющим его сознание, находясь в полном неведении относительно этих факторов

7 Таким образом, «идентичность смысла» членов парафрастического множества не является исходной точкой нашей концепции Напротив, мы предполагаем, что именно через данное отношение может определяться и идентифицироваться смысл

8 Покажем сразу на примере, что́ мы понимаем здесь с дискурсной точки зрения под «парафрастическим множеством», привлекая семантическое поле, полученное в недавних исследованиях, осуществленных А А Д

Распределение	более	справедливое правильное	ценностей богатства
	наилучшее		

Позже мы увидим, что отношения, которые мы обозначаем здесь фигурной скобкой, должны интерпретироваться как сим-

метричные (вертикальные линии) или несимметричные (стрелки). Отметим также, что дискурсные парафразы не следует путать с тем, что называют парафразой некоторые лингвисты (например, пассивную трансформацию).

9 Подчеркнем, что эта концепция не совпадает с концепцией «множественности прочтения», из которой следует идея о бесконечном разнообразии вариантов «осмысления» текста, при каждом из которых проявляется своеобразие личности воспринимающего По нашему мнению, подобная трактовка упускает из виду материальность дискурсной сферы, что, кажется, и делает А. Троньон, когда он пишет «Дискурс говорит то, что мы о нем пишем в рамках проблематики, которую мы для себя определили» (Trognon 1972)

10 Выражения типа *Ia (A)*, *Ia (B)* и т п., с помощью которых мы пытаемся охарактеризовать отношения между «воображаемыми формациями» (Pêcheux 1969), представляют широкую возможность «межличностной» интерпретации системы условий производства. Отголоски этой многозначности можно найти в разных работах (и среди них в: Borel 1969—1970). Но и идея, высказанная А. Троньоном (цит. соч., с. 164), согласно которой А.А.Д должен был бы взять на себя функцию распределения «элементов дискурса» или «текстовых единиц» в соответствии с разными выражениями (*Ia (A)* и т.п.), от нас также далека Мы согласны с автором работы (Guespin 1971) в признании того, что умножение «механизмов» не позволяет решить проблему по существу

11 Ниже мы рассмотрим следствия, вытекающие из этой проблемы, по отношению к организации дискурсного корпуса.

12 Здесь необходимо подчеркнуть, что термины «дискурс», «дискурсный процесс», «дискурсная формация», «текст» (или «текстовая последовательность») ни в коем случае не взаимозаменимы; ниже их определения будут уточняться.

13 Под «дискурсным корпусом» мы понимаем совокупность текстов разной длины (или дискурсных последовательностей), соотнесенных с некоторыми рассматриваемыми как постоянные условиями их производства, иначе говоря, это совокупность текстовых образов, связанных с некоторым «виртуальным» текстом (т.е дискурсным процессом, который господствует над разными дискурсными последовательностями, принадлежащими этому корпусу, и тем самым их порождает).

14 Тот факт, что дискурс с точки зрения речевой деятельности является одновременно и идеологическим процессом и лингвистическим феноменом, не должен приводить к смешению языка с идеологической надстройкой; это предостережение, которое служит

одной из исходных точек теории А.А.Д., может кому-то показаться запретом (нормализацией!), замыкающим лингвистику в рамки «подначальных» задач (смысл запрещен для лингвиста!!!). Мы увидим позже, что, как раз наоборот, разграничение языка и идеологии приводит к плодотворной переформулировке лингвистической проблематики с учетом процессов производства актов высказывания.

[15] Пример «синтаксического» анализа относительных предложений является исключительным случаем незаконного привлечения к анализу семантических соображений. Этот аспект, затронутый уже в работе: Fuchs, Milner, Le Goffic 1974, вышедшей в свет в 1979 г., отражен и в статьях: Henry 1975 и Grésillon 1975.

[16] Термин «обязательная иллюзия» (illusion nécessaire) введен П. ле Гоффиком; ср. коллективный труд по относительным предложениям: Fuchs, Milner, Le Goffic 1974.

[17] Эта концепция высказывания сводится, по существу, к постановке идеалистического «психологического субъекта» на лингвистическую основу. Именно это констатирует Р. Робен: «Лингвистике дискурса не удалось перенести центр в концепции субъекта дискурса потому, что она не смогла лишить субъекта этого центрального положения в своей теории говорящего ни понятия идеологического субъекта в смысле исторического материализма, ни понятия субъекта психоанализа» (Robin 1973, 81)

[18] Ср. понятие «антипарафразы» (antiparaphrase), предложенное в работе: Fisher, Veron 1973.

[19] Зона № 2 — это область, которую иногда называют «дискурсными стратегиями», включающими, в частности, риторический вопрос, тенденциозное парафразирование, намеренное использование неоднозначности. См. по этому поводу: Haroche 1974.

[20] Под интердискурсом мы понимаем «специфическое окружение» данного дискурсного процесса (ср. AAD 1969, supra, p. 130), т.е процессы, которые обусловливают состав и структуру последнего.

[21] По этому поводу и, в частности, по поводу различения понятий бессознательного закона / подсознательно-сознательного правила см.: Herbert 1968, а также обсуждение этого вопроса в кн.: Robin 1973, 100.

[22] Процессы порождения высказывания устанавливают то, что внутри самой лингвистической «базы» позволяет им развиваться в соответствии с ней.

О НОВЫХ ПРИЕМАХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ, ИЛИ ПРОБЛЕМА СМЫСЛА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНАЛИЗА ДИСКУРСА

Отправной точкой нашего рассуждения о проблеме смысла в анализе дискурса будет утверждение, что тексты, дискурсы, дискурсные комплексы *приобретают определенный смысл* только в конкретной исторической ситуации Но уже эта формулировка, первая и приблизительная, дает понять, что проблема смысла рассматривается в анализе дискурса вне противопоставления «значение / смысл», рассмотрением которого занимается лингвистика. Для того чтобы заниматься проблемой смысла, нужно в первую очередь поставить вопрос о дискурсе. Этот вопрос мы и рассмотрим в начале нашей статьи

ЕСЛИ ДИСКУРС, ТО КАКОЙ?

Является ли дискурс как объект анализа дискурса дискурсом в том смысле, которым обычно занимается лингвистика? Термин *дискурс* даже в самой лингвистике, где он и появился, печально известен своей многозначностью. Когда и в каких случаях сталкивается лингвист с понятием дискурса? Можно схематично определить три точки зрения лингвистов на два главных значения этого термина.

Во французской лингвистике главенствует концепция, восходящая к Бенвенисту: дискурс не является простой суммой фраз, при его рождении происходит разрыв с грамматическим строем языка[1] Дискурс — это такой эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим субъектом[2]. Подобное определение дискурса приводит к появлению в лингвистике двух противоположных подходов:

Jacques Guilhaumou, Denise Maldidier. De nouveaux gestes de lecture ou le point de vue de l'analyse de discours sur le sens. — In. La quadrature du sens. Paris. PUF, 1990, p 228–239

первый из них вписывается в перспективу (структуру), намеченную еще Бенвенистом. Считается, что для Бенвениста термины «язык» и «дискурс» были четко противопоставлены это два разных мира, разных, но тесно связанных. За пределами «лингвистики как изучения языка», занимающейся «языком как знаковой системой», вырисовывается место для другой лингвистики, объектом которой будет «функционирование языка в живом общении»[3] Путь лингвистики как изучения дискурса открыт, таким образом, для языковедов.

И действительно, это направление развивается, часто ориентируясь на типологические цели: описание признаков и типов функционирования дискурса и их связей с конкретными субъектами, с особенностями ситуаций и общественных институтов, приводящими, таким образом, к определению научного, педагогического и других типов дискурса (см.: Simonin-Grunbach 1975).

Но лингвист может также подойти к понятию дискурса совсем с другой стороны. Случается, что он сталкивается с дискурсом как с пределом языка и лингвистики. Выявление субъекта акта высказывания, следы взаимосвязи с контекстом, некоторые типы функционирования дискурса заставляют вспомнить о пределах возможностей лингвистического формализма и о трудностях, возникающих в случае применения исключительно формальных подходов к языку. Дискурс в таком случае является для лингвиста лишь «оборотной стороной языка», сферой теоретических трудностей (Arrivé, Gadet, Galmiche 1986)

Другое значение термина позволяет примирить лингвиста с дискурсом. Для этого он должен выйти в своих исследованиях на межфразовый уровень, т.е. заниматься изучением единиц, больших, чем предложение. Его цель — анализировать возможные дискурсные построения, закономерности, проявляющиеся на уровне некоторых явлений, таких, как анафора, возникающих в межфразовых связях. Таким образом, *грамматика дискурса* противопоставлена *грамматике предложения*, занимается дискурсом как научным объектом, построенным и потенциальным.

Лингвистика дискурса, дискурс-признак, грамматика дискурса — вот три понятия, которые, как нам кажется, отражают отношение лингвиста к дискурсу. Как же обстоит сейчас дело с анализом дискурса?

Когда анализ дискурса становится полем исследования, объектом которого является дискурс[4], происходит разрыв с определениями лингвистов, так как в расчет берутся исто-

рические координаты, которые в свою очередь превращают дискурс в объект конкретный и уникальный. Находясь в пределах одновременно лингвистики и истории, новая дисциплина пытается рассматривать дискурс на стыке ограничений как собственно языковых, так и тех, которые возникают в силу исторической обстановки. Историческая обусловленность, выраженная в терминах связи с условиями возникновения (включая текущую ситуацию), ответственна за создание объекта исследования, т.е. дискурса. Последний неоднороден с самого момента своего появления, так как, сотканный из языка, он, однако, выходит за рамки чисто лингвистической проблематики. Таким образом, смысл в рамках дискурса существует только в тесной связи с историей.

СМЫСЛ В ДИСКУРСЕ: АРХИВ, ЯЗЫК И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНАЛИЗЕ ДИСКУРСА

Поскольку анализ дискурса находится на пересечении разных дисциплин, ему присущ особый подход к проблеме смысла. Подход этот не является калькой с исторического подхода, приписывающего определенный смысл некоторому событию. Это и не лингвистические методы, которые позволяют устанавливать связь между объектами внешнего мира и языковыми структурами. Анализ дискурса создает свой собственный «референт» в пределах дескриптивного подхода. Он пытается, описывая высказывания, обнаружить новый смысл, черты события, ускользающие от историка, использующего только классические методы анализа. Интерпретация базируется на соотношении аргументов, рассказов, описаний. Таким образом, смысл никогда прямо не соотносится с внеязыковой реальностью. Он строится посредством механизма архива, в котором проявляется материальность языка.

Анализ дискурса в том виде, как мы его представляем себе сегодня, опирается на две материальные основы: архив и язык. Архив (в том смысле, который дал этому слову Мишель Фуко, см.: F o u c a u l t 1969; М. Ф у к о. Археология знания. Киев: Ника—Центр, 1996) — это не просто совокупность созданных обществом текстов, необработанный материал, основываясь на котором мы можем уловить как социальные структуры, так и зарождение события; это и не институционное окружение, которое позволило сохранить

следы события. Это механизм, построенный по определенному принципу, который создает различные конфигурации элементов. При этом каждый такой механизм архива задает свой порядок собственного формирования. Таким образом, с точки зрения архива смысл складывается из максимального разнообразия содержащихся в нем текстов, специфических механизмов архива, зависящих от темы, события, маршрута. Архив позволяет не увеличивать количество смыслов текста, а, напротив, детерминировать смысл, вводя ограничения в описание семантики высказывания. С точки зрения языка формирование смысла происходит не только через лексические механизмы, но также и через синтаксические механизмы и механизмы формирования высказывания[5]. Таким образом, двоякая материальность архива и языка образует основу анализа дискурса[6]. Мы проиллюстрируем изложенные выше теоретические положения примерами из работ, посвященных периоду Французской революции, так как именно это время дает нам замечательную возможность увидеть взаимодействие архива и языка. В эту эпоху возникает огромное количество революционных текстов, и в то же самое время происходит «лингвистическая революция» (см.: Balibar, Dominique 1974; Balibar 1985), благодаря которой *французский язык* становится языком нации. Мы рассмотрим с точки зрения анализа дискурса три основных аспекта феномена Французской революции, три группы дискурсных данных, где рождается смысл: проблему французского языка, проблему продовольствия и событие — смерть Марата.

На примере выражения *французский язык* мы покажем, как давно сформировавшаяся синтагма в новой исторической обстановке приобретает новый смысл, построение которого можно проследить — через появление новых высказываний в определенных обстоятельствах — в этом описании.

При рассмотрении проблемы *продовольствия* мы вторгаемся в сферу грамматики и стараемся показать, как семантика и синтаксис сочинительной связи, создавая эффект целостности, помогают возникнуть новым референтам, новым лозунгам на политической сцене революции.

Смерть Марата является примером дискурсного события, смысл которого постепенно формируется по ходу появления иерархически организованных последовательностей, нарративных и дескриптивных.

СИНТАГМА ПРИОБРЕТАЕТ НОВЫЙ СМЫСЛ

При старом режиме выражение *французский язык* обозначает в официальных текстах государственный язык на службе у монархии Естественно, революция повлекла за собой изменения в употреблении этого выражения При провозглашении «Прав человека и гражданина» законодатели *устанавливают* тождество между французским языком и языком права Действительио, распространение и демократизация французского языка сыграли определяющую роль в завоевании и сохранении прав человека на протяжении всей Французской революции «Грамматисты-патриоты», популяризаторы проблем языка, подобно Урбену Домергу, распространяют призывы «сделать язык достойным Конституции», «достойным свободного народа» Чтобы выражение *французский язык* приобрело смысл в сообществе граждан, необходимо не только чтобы все знали его, но и чтобы он стал источником доступных всем прав Напомним, что на протяжении всего XVIII в размышления о языке сопровождались рассуждениями о «злоупотреблении словом» После революции это выражение снова приобретает значимость при определенных обстоятельствах Оно становится актуальным во время памфлетной кампании в начале 1791 г противники Конституции, умеренные и монархисты, изобретают изощренные способы «переворачивания» смысла слов патриотического дискурса *Патриот* тогда становится *аристократом*, *инертный гражданин — мятежником* Якобинцы выступают против настоящего злоупотребления словами, которое, по их мнению, противоречит демократическому пользованию языком Когда якобинцы говорят о «революционизации языка», они явно имеют в виду «злоупотребление словом» и призывают к возврату «точности слов» Чтобы слова были правильными, по их мнению, они должны быть аналогами обозначаемых вещей или понятий, в данном случае — прав Речь, однако, не идет о введении однозначного языка Каждая революция располагает своими словами, чтобы называть права и эти слова — разные Главное заключается в их постоянной связи с естественным правом французский язык вводит равенство между «подлинностью языка» и «подлинностью принципов» (Домерг) Термин «подлинность» нужно воспринимать здесь в том значении, которое имел в виду Кондильяк (см A u r o u x 1981, XVII) При таком понимании не предполагается однозначности для политического языка как хорошо построенного языка Эта «революция» во фран-

цузском языке не касается только практической стороны дела, так как основой ее были наброски грамматики и словаря, созданных республиканцами Отождествление слов с объектами действительности, ради которого разрабатывались эти тексты, напрямую зависит как от синтаксиса, так и от лексики На более высоком уровне эта проблема перерастает в идею «универсализации» французского языка Благодаря развитию нравов и активному участию многих революционеров это всеобщее желание реализуется, становится возможным установление «языкового равенства» и «приглушается» значение других (сосуществующих с французским) языков Это было высшим кредо революционеров в отношении языка

Это краткое описание позволяет увидеть, каким образом выражение *французский язык* производит новый смысл сначала в связи с идеей синтаксиса, позволяющего однозначно устанавливать связи между словами (такой подход разработан самими революционерами), затем — в связи с проблемой конфигурации архива, от которой зависит формироваиие смысла события[7] Традиционно проблему французского языка в революционную эпоху рассматривают с точки зрения лингвистической политики того времени, и это непременно приводит к рассмотрению проблемы подавления языков, которая мыслится в современных терминах Не без риска быть обвиненным в анахронизме выражение «национальный язык» возрождается в виде метадискурса Что же касается анализа дискурса, то он, опираясь на собственную рефлективность[8] синтагмы *французский язык*, устанавливает смысл только через категории дискурса революционеров о французском языке

СТАВКА НА СОЧИНЕНИЕ

В течение всего XVIII в все время остается на повестке дня вопрос продовольствия (см Guilhaumou 1984 b, Guilhaumou, Maldidier 1984, 1986) По этому поводу народ выражает себя самым парадоксальным образом По словам интеллектуальной элиты, у него (народа), не способного к рациональности, речь сократилась до единственного крика *Du pain!* 'Хлеба!' Этот крик раздается во время мятежей, когда пытаются препятствовать свободной перевозке зерна Он является в то время выражением предубеждения, связанный со сферой чувств и эмоций, он не позволяет включиться механизмам познания В 1789 г народ

впервые заявляет о себе во весь голос. Конечно же, вопрос хлеба находится на первом плане: он все время фигурирует в прошениях, в которых народ объявляет себя коллективным субъектом гражданского права. Резкое изменение происходит сразу после октябрьских дней 1789 г. В языке это проявляется в установлении связи между призывом *Хлеба!* и темой свободы. Синтаксис тут же вмешивается в процесс формирования нового смысла, установление связи происходит с помощью сочинительного союза *Et* 'И', который создает эффект обобщения. Выражение *Du pain Et la liberté* 'Хлеба И свободы' связывает термин социально необходимого конкретного момента и главный термин революционной символики, делая из них единое целое. При возникновении лозунга *Хлеба И свободы* мы покидаем область чувств и эмоций и приступаем к построению «нового знания». Это выражение становится политической ставкой в борьбе между патриотами и умеренными. Двадцать первого октября 1789 г. в ответ на требование Коммуны издать военный закон и добиться беспрепятственной перевозки зерна Робеспьер иронично заметил: «Депутаты Коммуны требуют от вас *хлеба И солдат*. Это значит: толпа хочет хлеба, дайте ей солдат, чтобы она принесла хлеб в жертву!» Похоже, Робеспьер не пользуется сочнительной связью, чтобы выразить обывательский механизм действия военного закона, а, напротив, разбивает смысл фразы на части: грамматическая структура сочинения становится источником иронии. Таким образом, среди документов архива[9] мы находим огромное количество структур, в которые входит лозунг *Хлеба!*: *Хлеба И равенства, Хлеба И оружия, Хлеба И мира, Хлеба И зрелищ* и т.д.

Нарастание революционного процесса ставит на повестку дня проблему завоевания и сохранения прав. Новая сочинительная конструкция с призывом *Хлеба!* делает актуальной в 1792—1793 гг. основополагающую связь между правом на средства к существованию (в данном случае — продовольствие) и правом на восстание: *Хлеба И оружия!* Грамматический феномен сочинительной связи делает возможным равенство слов и вещей, в данном случае — прав. Эта новая формула не является предметом столкновений, она создается из призывов, которые выражают наиболее существенные мысли о правах во время революции: «Хлеба И оружия санкюлотам, и дело пойдет!», «Нация богата, если у нее есть хлеб И оружие» и т.д. В более четком виде она повторяется анонимными адресантами в форме *нужны ТОЛЬКО хлеб И оружие*, где ограничительная модальность

...ТОЛЬКО... отмечает возвращение в центр внимания самого основного, насущных нужд.

Историк может погрузиться в проблему продовольствия, не замечая таких дискурсных явлений. Анализ дискурса вырабатывает, таким образом, оригинальный метод интерпретации, который, используя синтаксис и множество засвидетельствованных высказываний, вносит свой вклад в нахождение новых исторических связей, обнаруживает появление нового смысла, до сих пор не замеченного.

«МАРАТ НЕ УМЕР», ИЛИ ПРИСВОЕНИЕ СОБЫТИЮ СМЫСЛА

Наш третий пример касается события — смерти Марата (см.: Guilhaumou 1987; Bonnet 1987). С точки зрения историков, это событие является причиной возникновения революционного культа мучеников свободы. Но нельзя напрямую воспринимать это таким образом. Дискурсный анализ предлагает здесь совершенно другой подход. Он изучает эпизоды, из которых формируется событие: эпизоды, относящиеся к периоду, когда еще не появился культ Марата. Первое высказывание на нашу тему, существующее в архиве, по поводу этого дискурсного события — «Марата убила женщина!» (13 июля 1793 г.) — содержит просто сообщение об этом событии. Чуть позже появляется новая модальность. Основа изменения — появление высказывания «Марат мертв». Это событие начинают связывать с идеей заговора: «Марат пал жертвой аристократии!» Таким образом, Марат выступает теперь как жертва врагов народа, и, следовательно, он провозглашается «другом народа», «защитником его прав», «разоблачителем всех врагов» и т.д. Четырнадцатого июля парижские избиратели требуют проведения торжественного прощания с Маратом ради символизации его смерти. Эти мероприятия должны были показать парижанам значение случившегося. Но быстрое разложение тела Марата, происшедшее из-за стоявшей в то время жары, провалило попытку создать идеальную картину похорон. Более того, кожа Марата, затронутая долгой болезнью, под действием гниения и высокой температуры приобрела зеленоватый оттенок и стала похожа на цвет ленты убийцы Марата, Шарлотты Корде, — цвет, который отныне Парижская коммуна запретила носить кому бы то ни было. В процессе разработки символического образа Марата возможно было бы создать событие, на которое не влияют языковые ограничения. Гнус-

ность, как бы материализовавшаяся в гниении тела и зеленом цвете, интерпретировалась как ужас, внушаемый врагам телом Марата. Таким образом, делается неизбежным поиск смысла события. Во время торжественных похорон друга народа (16 июля) внезапно появляется новое высказывание. Оно формирует событие, которое в свою очередь определяет смысл высказывания «Марат не умер!» Игра на отрицании определяет, таким образом, смысл выражения. Утверждение «Марат не умер!» не отрицает утверждения «Марат мертв». Отрицание касается предиката, относящегося к Марату, а именно качества «быть мертвым». Это отражено в таких высказываниях, как «Имя Марата никогда не будет забыто», «Марат всегда будет с вами», «Марат бессмертен» и т.д.

Анализ события смерти Марата показывает связь анализа дискурса как с синтаксисом, так и с архивом. Благодаря таким методам мы получаем возможность воссоздать событие, используя большое количество архивных документов, упорядоченных по хронологии и содержанию (аргументам)[10].

ОТ СМЫСЛА К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Анализ дискурса на протяжении своей истории не всегда занимался проблемой смысла в том виде, в каком мы занимаемся ею сейчас. Проблема смысла, однако, была в центре внимания анализа дискурса с момента его возникновения во Франции в конце 60-х гг. нашего столетия[11]. Ее специфика заключается во взаимосвязи дискурса и идеологии. Таким образом, анализ дискурса устанавливает материальность смысла с помощью методов, противостоящих традиционным внутренним подходам лингвистической семантики. Критика теории о смысле, раз и навсегда формирующемся внутри слова или выражения, переросла в идею формирования смысла в исторически обусловленных дискурсных формациях. Считалось, что проблема смысла полностью обусловлена извне и обстоятельства возникновения определяют дискурсную материальность. Подобные исследования сводили дискурсный анализ к выявлению лексических сочетаний на основе ситуации, а также систем парафраз и субституций, формирующих смысл дискурса. Дело дошло до семантических списков и таблиц, основанных на связи языка с идеологией.

Такой подход, однако, полностью идейно соответствовал эпохе своего возникновения. Это был период триумфа и господства структурализма во Франции. Две структуры находились в постоянном противостоянии: с одной стороны, язык, структурированный относительно двух определенных осей, и, с другой — идеологические формации, внутри которых проявлялись соотношения сил. Смысл с этой точки зрения формировался на уровне метадискурса. Ученый, занимавшийся дискурсом, воспринимал смысл только через призму теории идеологий.

Критика структурализма и внутренняя эволюция дискурсного анализа сделали возможным появление нового подхода к проблеме смысла. Вначале речь шла об изменении связи описания с интерпретацией, о перемещении фокуса внимания на различные способы толкования текстов. Смысл не задан a priori, он создается на каждом этапе описания; он никогда не бывает структурно завершен. Смысл берет свое начало в языке и архиве; он одновременно ограничен и открыт. Решая проблему смысла только по отношению к текстам, дискурсный анализ сделал ее в некотором роде банальной. И в какой-то мере эта проблема потеряла — быть может, временно? — свою организующую роль в развитии анализа дискурса[12].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Бенвенист является последователем Соссюра в вопросе дихотомии язык / речь. В стороне от этой традиции стоит концепция дискурса, изложенная американским лингвистом З.С. Харрисом в статье «Дискурсный анализ» (H a r r i s 1952). Он считает дискурс простым сцеплением фраз, непрерывным высказыванием. И, по мнению этого ученого, ничто не запрещает применять к дискурсу те подходы, которые дескриптивная лингвистика использует при рассмотрении предложения.

2 Эти элементы (*индексы* у Бенвениста, *шифтеры* у Якобсона) принадлежат к разным грамматическим классам. К подобным элементам относятся личные местоимения *я* и *ты*; глагольные времена, наречия времени и места: *здесь*, *завтра*, прилагательные *прошлый*, *следующий*; отдельные употребления перформативных глаголов: *я обещаю*, *я заявляю*... Все они являются указателями на «преобразование языка в дискурс». Другими словами, мы не можем дать им определение, не принимая во внимание тот факт, что «язык [...] позволяет каждому говорящему [...] субъекту как бы присваивать себе язык целиком» (см.: B e n v e n i s t e 1966—

1974, t. I, v°. partie «L'homme dans la langue» (раздел **«Человек в языке»**), t. II, chap. 5: Бенвенист 1974, 296)

3 См.. Benveniste 1966, chap 10 «Les niveaux de l'analyse linguistique» («Уровни лингвистического анализа»); Benveniste 1971, chap 3· «Sémiologie de la langue» («Семиология языка»).

4 Формирование анализа дискурса как научной дисциплины исторически документировано. Значительную роль в его развитии сыграло выступление лингвиста Жана Дюбуа (Jean Dubois) на Коллоквиуме по политической лексикологии в Сен-Клу в апреле 1968 г Большой вклад в теорию анализа дискурса внесли историк Режин Робен и философ Мишель Пеше. Все это хорошо иллюстрирует междисциплинарный характер данного направления.

5 В нашей работе можно заметить такие выражения, которые отражают процесс формирования смысла Здесь не рассматривается проблема противопоставления «смысл / значение», нет здесь и ответа на вопросы типа «что это значит» и «как это выражено» Наша работа полностью посвящена поиску различных проявлений смысла.

6 Мы не можем показать в этой статье всю сложность методов анализа дискурса. Тем не менее необходимо разъяснить некоторые моменты. Совокупность отдельных высказываний, сосуществующих в историческом пространстве, сформированном конкретным исследователем, основывается на материальности архива. Что же касается материальности языка, она может (в отличие от тех примеров, которые мы здесь анализируем) быть совершенно нерелевантной.

7 Эта синтагма (*французский язык*) засвидетельствована во многих текстах, документах, книгах (в частности, в грамматиках), а также в прессе, которая иногда публикует письма и рассуждения об употреблении различных слов в период Революции.

8 Рене Балибар отмечает. «Революции в государственном языке не нужно было никаких терминов для выражения происходящих изменений, кроме термина “французский язык”. Этот оборот уже обозначал отношение власти и письма к населению, способному писать: это отражалось в идее королевского знака, отмечавшего всех людей его территории. Изменение этого векового порядка предполагает теперь законность и равноправие для всего грамотного населения» (см.: Balibar 1985, 147). Таким образом, синтагма *французский язык* в своих многочисленных употреблениях ярко демонстрирует черты «лингвистической революции», стоявшей на повестке дня в революционный период

На первый взгляд незначительная, эта синтагма тем не менее сильно «нагружена» в смысловом отношении Таким образом, у нас есть возможность не пользоваться понятиями (уровня) метадискурса для объяснения глубинных причин появления подобной лингвистической политики во время Революции.

9 Архивные документы, относящиеся к вопросу продовольствия, очень различаются по своей сути, поскольку среди них мы находим как дневниковые записи отдельных граждан, так и документы революционных организаций (институтов). Однако выражения типа «Хлеба и *X*», которые являются признаком определенного уровня идеологической подготовки, обнаруживаются главным образом в обращениях, документах, докладах и газетных статьях.

10 Революционной прессой собрана большая часть архивных документов, позволяющих описать событие «смерть Марата». Однако важно уточнить, что эта пресса объединяет тексты очень разного происхождения: газетные передовицы, новости, письма, документы, обращения, протоколы постановлений, отчеты различных собраний и клубов.

11 В истории анализа дискурса, которую мы кратко изложили, Мишель Пешё сыграл первостепенную роль. В самом начале развития этого направления, в работе «Автоматический анализ дискурса» (P ê c h e u x 1969a), он отказывается от попыток исследования семантики в рамках одной лингвистики. Он предлагает изучать, пользуясь автоматическими процедурами, область семантики в ее взаимодействии с идеологией. В другой работе (P ê c h e u x 1975) он разрабатывает настоящую материалистическую теорию смысла. Согласно этому подходу, смысл формируется в дискурсных формациях в их зависимости от идеологических формаций. В последнее время он считал анализ дискурса интерпретирующей дисциплиной Тем самым вопрос смысла становится существенным, не будучи объектом конкретного исследования.

12 Информацию о работах по анализу дискурса во Франции вы можете найти в журнале «Langage» (Larousse):
№ 13 «L'analyse du discours» («Анализ дискурса», март 1969);
№ 17 «L'énonciation» («Высказывание», сентябрь 1971);
№ 37 «Analyse de discours, langue et idéologies» («Анализ дискурса: язык и идеология», март 1975);
№ 41 «Typologie du discours politique» («Типология политического дискурса», март 1976);
№ 45 «Formation des discours pédagogiques» («Формирование учебных текстов», март 1977);

№ 52 «L'analyse du discours jaurésien» («Анализ жоресовского дискурса», декабрь 1978);
№ 53 «Le discours juridique: analyse et methodes» («Юридический дискурс: анализ и методы», март 1979),
№ 55 «Analyse de discours et linguistique générale» («Анализ дискурса и общая лингвистика», сентябрь 1979),
№ 62 «Analyse du discours politique» («Анализ политического дискурса», июнь 1981),
№ 71 «Processus discursifs et structures lexicales. Le Congrès de Metz (1979) du Parti socialiste» («Дискурсные процессы и лексические структуры. Съезд социалистической партии в Меце (1979)», сентябрь 1983);
№ 73 «Les plans d'énonciation» («Планы высказывания», март 1984),
№ 81 «Analyse de discours, nouveaux parcours, hommage à Michel Pêcheux» («Анализ дискурса: новые пути. Памяти Мишеля Пеше», март 1986);
Также можно обратиться к журналу «Langue française» (Larousse)
№ 9 «Linguistique et société» («Лингвистика и общество», февраль 1971);
№ 15 «Langage et histoire» («Язык и история», сентябрь 1972);
№ 21 «Communication et analyse syntaxique» («Коммуникация и синтаксический анализ», февраль 1971);
№ 53 «La vulgarisation» («Популяризация», февраль 1982).

К. Арош, П. Анри, М. Пешё

СЕМАНТИКА И ПЕРЕВОРОТ, ПРОИЗВЕДЕННЫЙ СОССЮРОМ: ЯЗЫК, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ДИСКУРС

Ссылка на лингвистику стала общим местом в ряде дисциплин как при формулировании гипотезы о сущности культуры, мыслимой как совокупность символических систем, включающих наряду с речевой деятельностью отношения родства, мифы, искусство, экономику, так и тогда, когда под прикрытием торжествующего эмпиризма[1] выдвигается требование создания «общей методологии гуманитарных наук» (Hjelmslev, Ulldall 1957), т е. «науки наук». При этом решающим моментом является как раз смешение понятия «язык» (langue) и «речевая деятельность» (langage). Если учесть, что ссылка на Соссюра также является общим местом, то перед нами возникает двойной парадокс Прежде всего, нельзя не поражаться той тщательности, с которой Соссюр разделял язык и речевую деятельность *в теории*. Впрочем, как недавно напомнила Клодин Норман (Normand 1970, 34—51), именно вопреки очевидности эмпирических фактов Соссюр смог сформулировать те понятия, которые лежат в основе лингвистики как науки[2]. Различные идеологические использования современных лингвистических теорий (а не лингвистических знаний в собственном смысле слова) характеризуются постоянными колебаниями между языком и речевой деятельностью, сопряженными с вынужденным возвращением к эмпиризму, обновленному[3] формализмом. Одним словом, те, кто выступает под знаменем соссюровской дихотомии, на самом деле прибегают к чему-то в определенной степени противоположному.

Чтобы понять, о чем здесь идет речь, необходимо учитывать, что́ происходит внутри самой лингвистики Во-первых, наблюдаются попытки транспонирования лингвистической теории за пределы ее собственной области в той мере, в какой лингвистика представляется наукой, таким образом, ее превращают в ведущую науку, в своего рода модель, подобно тому как из физики хотели сделать теоре-

---

Claudine Haroche, Paul Henry, Michel Pêcheux La sémantique et la coupure saussurienne: langue, langage, discours - *Langages*, 1971, № 24, p 93—106

тическую модель всех наук или основу для их редукции. Во-вторых, это идеологическое использование лингвистики, ее перепрописывание за пределами собственной области не были бы возможны без существования трудностей, *внутренне присущих самой лингвистике*, обусловленных все теми же причинами.

Является общим местом утверждение о том, что лингвисты долгое время оставляли без внимания семантику; возможно, на то были особые причины (ср. L y o n s 1970, 307). Предвосхищая наши дальнейшие рассуждения, мы считаем возможным выдвинуть следующее положение: *если переворот Соссюра оказался достаточным для того, чтобы привести к становлению фонологии, морфологии и синтаксиса, он не смог препятствовать возвращению к эмпиризму в семантике.* Напротив, представляется, что именно развитие фонологии сделало возможным такой возврат, поскольку фонология явилась той *моделью*, которая позволила пересмотреть в рамках формальной теории самые традиционные концепции семантики. Но этот парадокс только кажущийся, история наук дает нам многочисленные примеры такого рода явлений[4].

Из выдвинутого нами положения следует, что то, что сегодня известно под именем семантики, лишь частично охватывается лингвистическими методами исследования. Разумеется, мы не собираемся вставать на позицию законодателя и издавать постановления, в которых определяется, чтó по праву принадлежит лингвистике, а чтó — нет. Говоря о лингвистическом подходе, мы в действительности имеем в виду некую совокупность понятий, выработанных в лингвистике, и специфическое обращение лингвиста с языком, тесно связанное с этими понятиями. Итак, мы утверждаем, что ни те знания, которые позволяют создавать эти понятия, ни сама деятельность лингвиста не могут полностью покрыть область современной семантики, если только речь не идет о неопределенных *аналогиях*, которые в действительности представляют собой всего лишь вторжение идеологии в лингвистическую теорию. В этих условиях семантика (как теория областей, оставляемых за пределами поля применения понятий и практики лингвистов) предполагает изменение сферы или перспективы.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы, во-первых, обосновать и развить только что выдвинутые нами тезисы критического характера, во-вторых, показать, как можно в настоящее время представить себе изменение сферы или перспективы, которое представляется нам необходимым.

* * *

Для грамматистов и младограмматиков семантика сводилась к изучению изменения смысла слов. Если мы обратимся к *Курсу общей лингвистики* (S a u s s u r e 1965), то увидим, что слово *семантика* в нем не фигурирует[5]. Тем не менее если мы соберем вместе все, что можно найти у Соссюра по этому вопросу, то, с одной стороны, у нас будет ряд рассуждений относительно противопоставления значимости и значения, а также относительно ассоциативных связей, с другой — главы, посвященные аналогии и агглютинации. В действительности за этим стоит противопоставление синхронической и диахронической лингвистики, но, говоря об изменениях по аналогии, Соссюр пытается проанализировать отношения между этими двумя рядами. Этот анализ требует некоторых комментариев.

В главах, посвященных аналогии, можно обнаружить некоторые идеи, заимствованные Соссюром у своих предшественников. В частности, он использует модель пропорциональных отношений (S a u s s u r e 1965, 225—230)[6]:

réaction: réactionnaire : répression: *x*,
откуда *x* = répressionnaire.

Таким способом можно объяснить возникновение в истории языка новых форм. Однако новаторство Соссюра проявляется тогда, когда он (с. 226—236) сначала заявляет, что «в явлении аналогии все грамматично», а затем утверждает, что «аналогия — явление целиком грамматическое и синхроническое», ибо «формы сохраняются потому, что они непрерывно возобновляются по аналогии»*. Здесь Соссюр возвращается к идее о том, что единицы языка существуют лишь благодаря когезии системы оппозиций и отношений. Из этого следует, что действием аналогии объясняется не только появление в истории языка новых форм, но и *постоянное структурирование системы значимых единиц, которые могут сохраняться только благодаря ей.* Таким образом, перекидывается мост между синхронией и диахронией и в то же время наблюдаются попытки диалектического подхода, к которому мы должны будем вернуться, в частности, по поводу пары свобода / система. Эта диалектика проникает и в само понятие грамматики, которое в «Курсе общей лингвистики» определенным образом связано с концепцией Пор-Рояля.

---

* Цит. по кн.: С о с с ю р Ф. де. Труды по языкознанию. М. Прогресс, 1977, с. 199, 200, 207. — *Прим. перев.*

Действительно, на с 226 мы читаем, что «аналогия есть явление грамматического порядка она предполагает осознание и понимание отношения, связывающего формы между собой», «если в фонетическом изменении мысль не участвует, то участие ее в создании чего-либо по аналогии необходимо»*

Далее, сразу после повторного утверждения о том, что «в явлении аналогии все грамматично», добавляется, что «новообразование, которое является завершением аналогии, первоначально принадлежит исключительно сфере речи, оно — случайное творчество отдельного лица» (с 227)** Правда, это утверждение тут же подвергается корректировке в том смысле, что «новообразование» (création) по аналогии возможно лишь в том случае, если лингвистические условия его создания представлены в виде неполной пропорции *в языке* Таким образом, Соссюр все же оставляет открытой дверь для вторжения формализма и субъективизма Если попытаться выявить причину этого затруднения, то ее можно усмотреть в том факте, что для Соссюра понятие является чем-то целиком субъективным, индивидуальным Следовательно, поскольку за всякой аналогией обязательно стоит некое понятие, то образование по аналогии необходимым образом происходит в речи конкретного индивида

Это соотношение понятия и аналогии снова приводит нас к противопоставлению значимости и значения Речь идет о чрезвычайно важном противопоставлении, поскольку именно на нем основывается Соссюр, когда воюет с пониманием языка как номенклатуры (с 97 и 158) Суть позиции Соссюра по этому вопросу заключается в том, что с лингвистической точки зрения значимость доминирует над значением «Во всех этих случаях мы, следовательно, находим вместо заранее данных *понятий значимости*, вытекающие из самой системы языка Говоря, что они соответствуют понятиям, следует подразумевать, что они в этом случае чисто дифференциальны, т е определяются не положительно — своим содержанием, но отрицательно — своими отношениями к прочим членам системы Их наиболее точная характеристика сводится к следующему быть тем, чем не являются другие» (с 162)*** Далее, по поводу понятия juger 'судить' уточняется, что «оно символизирует значе-

* Цит по указ переводу, с 199 — *Прим перев*

** Там же, с 199 — *Прим перев*

*** Там же, с 149 — *Прим перев*

ние»*, но что «в понятии "судить" нет ничего изначального, что оно является лишь значимостью, определяемой своими отношениями к другим значимостям того же порядка, и что без них значение не существовало бы» (там же)** Короче говоря, «когда я ради простоты говорю, что данное слово что-то означает, когда я исхожу из ассоциации акустического образа с понятием, то я этим утверждаю то, что может быть верным лишь до некоторой степени и что может дать лишь частичное представление о действительности, но я тем самым ни в коем случае не выражаю языкового факта во всей его сути и во всей его полноте» (там же)***

Принцип подчинения значения значимости, по нашему мнению, может рассматриваться как ядро соссюровского переворота в языкознании[7] Именно этот принцип, тесно связанный с представлением о языке как системе, открывает возможность создания общей теории языка, позволяющей интерпретировать частные факты фонологии, синтаксиса и морфологии того или иного языка Но как обстоит дело с семантикой? В силу той роли, которая в ней приписывается речи и индивиду, все рассуждения об аналогии являются шагом назад по сравнению с новой теорией, ибо подчинение значения значимости в связи со всем тем, что касается «языкового факта в его сущности и объеме», как раз имеет то следствие, что оно препятствует всякому обращению к субъекту, когда речь идет о языке значение относится к сфере речи и индивида и лишь значимость относится к языку

Итак, мы констатируем, что «Курс общей лингвистики» в том, что касается аналогии, является шагом назад по сравнению с ядром новой теории, которая, впрочем, находит свое выражение в «Курсе» Мы полагаем, что можно сделать даже более сильное утверждение и сказать, что новая теория, хотя и открывает путь к фонологии, оставляет за бортом добрую часть того, чтó мы помещаем в семантику

Мы хотим показать причины такого положения, обратившись к другим местам «Курса общей лингвистики», в которых затрагивается этот вопрос, а также ссылаясь на некоторые исследования, проведенные в данной области позднее

Мы обратились непосредственно к принципу подчинения значения значимости, опустив те аргументы, которые были выдвинуты Соссюром для его оправдания Один из

* Так в оригинале *Курса*, в цит переводе, на с 150, ошибочно переведено «схема иллюстрирует значение» — *Прим перев*

** Цит по указ переводу, с 150 — *Прим перев*

*** Цит по указ переводу, с 150 — *Прим перев*

его аргументов заключается в том, что «если бы слова служили для выражения заранее данных понятий, то каждое из них находило бы точные смысловые соответствия в любом языке». «Но в действительности это не так», — заключает Соссюр (с. 161)*. В качестве примера приводится французское слово louer, которому в немецком соответствует то mieten 'снять', то vermieten 'сдать'. Таким образом, этот аргумент приводит к постановке проблемы перевода, но не следует терять из виду ту цель, с которой он выдвигается, а именно доказать, что с точки зрения *языка* важна только *значимость*, а не *значение*. В частности, не следует усматривать в этом попытку сформулировать общий тезис о возможности или невозможности перевода. Тем не менее нам известно из других источников, что возможность перевода часто используется для подкрепления тезиса об универсальности мира значений, манифестируемых в языковой деятельности, и, наоборот, трудности перевода, т.е. невозможность «полного» перевода, используются для подкрепления тезисов культуралистского характера.

Но с точки зрения Соссюра, при переходе от языка и значимости к значениям и языковой деятельности происходит радикальное изменение перспективы и, несмотря на то что ссылка на перевод в данном случае имеет всегда теоретическое, а не практическое значение, эту проблему по-прежнему формулируют в непосредственной связи с проблемой соответствий между двумя или несколькими языками, как будто не существует проблемы перевода внутри одного и того же языка. Например, если взять сферу политики и сферу научного творчества, то *придется констатировать, что слова могут изменять смысл в зависимости от взглядов тех, кто их употребляет.*

В таком случае в связи с дискурсами, производимыми с различных позиций, возникают именно проблемы перевода, проблемы эквивалентности и неэквивалентности, которые, по нашему мнению, не могут быть разрешены путем приписывания этих дискурсов различным подсистемам языка[8].

В действительности существуют признаки того, что дело обстоит не так просто, как можно было бы предположить, исходя из идеи разделения языка на подсистемы. Все происходит так, словно соответствие между общей теорией и частным исследованием данного языка исчезает на уровне семантики. Конечно, были предложены различные варианты общей семантики, но в них нет никаких принципов, ко-

* Цит. по указ. переводу, с. 149. - *Прим. перев.*

торые позволили бы выявить частные особенности языков или состояний языка и т.д., как это имеет место в случае с фонологией, морфологией и синтаксисом. С другой стороны, существуют семантические описания различных языков, но они остаются только описаниями, никак не связанными с общей теорией. Варианты общей семантики, хотя и остаются большей частью оторванными от конкретных описаиий языков, все же не могут считаться полностью свободными от любого рода «конкретных данных», они просто находят их в другом месте, в том числе и в «философии, логике, психологии и, может быть, в других дисциплинах, таких, как антропология и социология» (L y o n s 1970, 307).

Следовательно, из этих дисциплин черпаются конкретные факты, но, в отличие от конкретных языковых фактов, оторванные от данного национального языка. Конечно, можно заметить, что «социальные» и литературные компоненты присутствуют как в области фонологии («грассированное» *r* в городском произношении /«раскатистое» *r*, до сих пор сохранившееся в сельской местности), так и в области морфологии (вариации префиксов и суффиксов в истории языка, создание новых слов, связанных с появлением железных дорог... или социализма) и синтаксиса (разве не варьирует степень грамматичности, по крайней мере в пограничных зонах, в зависимости от социоисторических факторов?). Однако в данном случае речь идет (кроме, может быть, последнего пункта) лишь о вторичных с лингвистической точки зрения свойствах, которые общая теория не должна учитывать.

Совсем по-иному обстоит дело в семантике. Действительно, *связь между «значениями» текста и социально-историческими условиями создания этого текста ни в коей мере не является вторичной, она входит составной частью в сами значения;* как было справедливо замечено, говорить — это нечто иное, чем произносить пример на правило грамматики. Можио ли тогда надеяться, что, «расширив» лингвистическую теорию с помощью общей семантики (общей науки о значениях), мы освободим лингвистику от «формальных пут» грамматики? Различные «социальные науки», которые занимаются вопросами смысла и выражения значений, настоятельно требуют от лингвистики, чтобы эти вопросы решались теоретическими средствами, которыми располагает эта последняя. Подчеркнем, однако, что подобного рода вопросы не рассматривались Соссюром даже в кругу тех явлений, которые относились им к речи и выводились за пределы того гомогенного целостного образования, каким является языковая система; однако тот факт, что

эта концепция языка сыграла решающую роль в формировании фонологии, синтаксиса и морфологии, мог побудить прибегнуть к той же модели в области семантики

Таким образом, противопоставление язык/речь, исторически необходимое для становления лингвистики, сопряжено с определенной социологической наивностью Соссюра, тем более простительной, что современные Соссюру социологи чаще всего сами проявляли подобную наивность Источником ее является индивидуалистская и субъективистская идеология «творчества» (CLG, 138—139), проявления которой можно обнаружить в таких направлениях немецкой философской мысли XIX в , как неокантианство и неогумбольдтианство, эта наивность постоянно проявляется и в наше время, ведь даже Ноам Хомский грешит ею в своей полемике с бихевиоризмом и эмпиризмом и в своей критике взгляда на язык как на орудие коммуникации Не ту же ли идеологию исповедует и Р Якобсон, когда говорит, что при переходе от уровня фонемы к уровню сверхфразовых единств мы освобождаемся от пут языковой системы и достигаем той свободы, когда говорящий индивид говорит «то, что никогда не будет услышано дважды»[9] Пара понятий «свобода / давление системы» — или, если угодно, «творчество / система», — несомненно, обнаруживает признаки взаимозависимости, свойственные идеологическим понятиям, поскольку наличие одного элемента предполагает наличие другого, творчество на самом деле предполагает существование некой системы, которую оно нарушает, а всякая система возникает лишь как результат предшествующего творчества. Следовательно, понятие системы, характеризует ли оно реалистическую классификацию объективных свойств реальности или же является принципом ви́дения, членением реальности субъектом (психологическим, антропологическим, историческим, эстетическим и т д), представляется как необходимое дополнение творчества в рамках «речевой деятельности» Иными словами, противопоставление язык / речь, введенное Соссюром, по аналогии *повторяется* в сфере речи в виде противопоставления «система / творчество» (это противопоставление является результатом транспозиции таких противопоставлений, как парадигма / синтагма, синхрония / диахрония и т.д)

На этой основе оказалось возможным переформулировать классическое различие между имманентным миром значений и миром их манифестаций, и в этом переформулировании открытие фонологических систем естественных языков сыграло решающую роль Опишем в общих чертах.

каким образом смогла быть осуществлена эта операция, исходной точкой которой явилась модель пропорции Подобно тому как всякая фонема манифестируется целым рядом различительных признаков, так и глобальное значение значимой единицы предполагается разложимым на несколько сем, элементов значения, или семантических компонентов Подобно тому как совокупность оппозиций между фонемами определяет совокупность фонетических черт, имеющих фонологическую, различительную значимость, так и совокупность противопоставлений между значимыми единицами определяет совокупность элементов значения, которые могут быть манифестированы Наконец, если ни одна фонологическая система не исчерпывает комбинаторику различительных черт, с помощью которых передаются фонологические оппозиции (в системе рядов и серий имеются «пустые клетки»), то и в сфере семантики приходится постулировать, что совокупность значимых единиц как группировок элементов значения не исчерпывает комбинаторику этих элементов В таком случае во всяком дискурсе должен в какой-то мере присутствовать «семантический шум», поскольку в имеющемся лексическом материале каждая единица, представляя собой группировку элементов, позволяет вводить в нее такие элементы значения, которые являются несущественными или избыточными по отношению к глобальной манифестации значения данных дискурсов Таким же образом можно объяснить и существование нескольких «ракурсов чтения», соответствующих нескольким возможным сцеплениям элементов значения в каждой группировке Существование этого «семантического шума» и множественности «ракурсов чтения» есть, таким образом, проявление разрыва между имманентным миром значения (миром элементов значения) и миром его манифестаций (миром группировок элементов, манифестируемых значащими единицами)

Нам остается исследовать, на чем основан параллелизм между фонологической структурой и семантической Прежде всего следует отметить, что имеется тесная связь между рассматриваемой концепцией семантики и способом рассмотрения проблемы значимости в «Курсе общей лингвистики», но теперь речь идет не о *значимостях*, а именно о *значениях* Для того чтобы как следует разобраться в том, почему уничтожение различия между значимостью и значением чревато серьезными последствиями, нам следует вновь обратиться к роли понятия значимости в становлении фонологии и синтаксиса Как уже было сказано, понятие значимости тесно связано с представлением о языке как систе-

ме и с тем, что мы условимся называть *принципом единства языка*, принципом, который, по нашему мнению, лежит в основе подхода лингвиста к речевой деятельности со времен Соссюра. В перевороте, произведенном Соссюром, есть одна сторона, которая, как представляется, недостаточно привлекала внимание исследователей; это тот факт, что этому перевороту в теоретическом плане соответствуют глубокие изменения в подходе лингвиста к речевой деятельности. Историческая грамматика строилась на сравнении изолированных элементов, принадлежащих разным языкам, предположительно связанным между собой отношениями родства, в постсоссюровской лингвистике предпочтение отдается операциям коммутации, сравнениям по определенным правилам и т.д. в рамках одного и того же языка, т.е. *функционированию языков по отношению к ним самим в рамках некоей общей лингвистики, которая является теорией этого функционирования*. В таком аспекте принцип единства языка играет существенную роль, ибо именно на нем основаны рассматриваемые операции, если в исторической грамматике и филологии производимые сравнения оправдывались предполагаемым родством языков, то в постсоссюровской лингвистике подобную роль играет принадлежность одному языку, одной системе. Говорить о различных языках, диалектах, патуа (говорах), пиджинах или креольских языках можно, лишь опираясь на принцип единства языка. Мы знаем, что применение этого принципа в создании частной теории фонологии или синтаксиса того или иного языка влечет за собой обращение к семантическим критериям. Другими словами, принцип единства языка, лежащий в основе подхода лингвиста к языку, может быть использован только в том случае, если определенные семантические элементы предполагаются известными. О каких семантических элементах идет речь? Всякий, кто хоть немного занимался выявлением фонологических структур языка и изучал его синтаксис, знает, что семантические критерии, к которым приходится прибегать, в значительной мере излишне детерминированы: выявление фонемы никогда не основывается на одной-единственной минимальной паре; подобно этому существование отношений трансформации всегда постулируется не между двумя фразами, а между сериями фраз, эквивалентных с синтаксической точки зрения. *Короче говоря, важно не самое значение как таковое* (ведь во многих конкретных случаях эквивалентность активного предложения и его пассивного трансформа во французском языке представляется спорной), *а то, что Соссюр назвал значимостью*. Таким образом, различие между значимостью

и значением и его элиминация при построении семантики, задуманной по модели фонологии, порождают серьезную теоретическую проблему

Положение дел осложняется тем, что после уничтожения различия между значением и значимостью принцип единства языка может быть прекрасно использован в любой идеологии, в которой постулируется универсальность человеческого разума и взаимозаменяемость говорящих субъектов. В этих идеологиях данный принцип, по-видимому, может найти даже свое обоснование, если придать понятию языка видимость субстанции. Поэтому нет ничего удивительного в том, что различного рода психологические и социологические теории, которые придают ныне идеологиям видимость наук, были призваны на помощь самими лингвистами. Здесь снова следует отметить, что позиция Соссюра представляется противоречивой, поскольку он одновременно утверждает, что «язык есть социальный институт» и что «язык есть форма, а не субстанция» (CLG, 169)*

Кроме этой проблемы само понятие имманентного универсума значений ставит также проблему семантических универсалий, т е. металингвистической системы, способной описывать «реальность», накрывая ее, словно сетью Этот образ сети предполагает, по нашему мнению, существование *реального*[9] соответствия между языковыми универсалиями значения и экстралингвистическими универсалиями (физическими, биологическими, антропологическими и т.д) Это соответствие, которое вообще обеспечивается интердисциплинарной цепочкой типа: лингвистика, психолингвистика, психология, социология, антропология, философия, логика, — на самом деле, по нашему мнению, основывается на *постулате реализма*, который таит определенное число трудностей, касающихся самой природы «универсалий»: действительно, если хоть на одну минуту перестать рассматривать их как копию-матрицу реальности и задаться вопросом о действительном их историческом происхождении, то сразу же придется констатировать, что речь идет о *соположении очень разных классификаций*, часть которых непосредственно происходит из концептуальных различий, проводимых в *существующих научных дисциплинах в определенный момент их истории*, в то время как другие отражают социальные отношения, вписанные в определенного рода деятельность (экономическую, политическую или идеологическую), также локализованную в истории (системы доку-

---

* Цит. по указ. переводу, с. 154 - *Прим перев.*

меитации, телефонная картотека, социальное обеспечение, описание жилища и т.д.).

Поэтому следствием постулата реализма в отношении «универсалий» является аннулирование различия между тем, что относится к научной практике, и тем, что является эффектом идеологии, находящей свое выражение в числе прочего в форме административной деятельности (создание «искусственных» семантических систем) или имплицитно структурированной как система репрезентаций.

Следствием аннулирования этого различия является эпистемологическая позиция *примиренчества*, ведущая к тому, что науки рассматриваются как наиболее обоснованные культурные и технологические универсалии, т.е. в конечном счете как *наиболее эффективный способ* освоения реальности. Разве нельзя не заметить, что такая формулировка свидетельствует о тайной близости реализма к идеализму (при посреднической роли прагматизма) и в то же время обнаруживает их общее отличие от позиций, характерных для *материализма*? Ленин приписывал своим противникам-фидеистам следующее высказывание по поводу роли науки: «Будьте же логичны и согласитесь с нами, что наука имеет только практическое значение для одной области человеческих действий, а религия имеет *не менее действительное значение*, чем наука, для другой области действий» (L é n i n e 1962, XIV, 303)*. Некоторые концепции, чрезвычайно распространенные в настоящее время в «гуманитарных науках», лишь подтверждают, что Ленин не ошибся относительно противников материализма и их «прагматизма», для которого наука — это «одежда идей», накинутая на повседневную реальность (every day life)[10]; смешивая «ядро реальности» и объект науки, подменяя (дискурсную и экспериментальную) работу ученых философским актом разложения этого ядра на «аналитические и синтетические свойства», мы неизбежно приходим к мифу о *Науке по ту сторону наук*, о науке, которая была бы одновременно *обобщением и условием существования* «других наук», одним словом, приходим к мифу об универсальной науке, которая в новых формах выдвигает вечную претензию идеалистической философии в отношении к (существующим) наукам

---

* Цит. по: Л е н и н 1947, т. 14, 278. — *Прим. перев.*

* * *

Представленный нами критический анализ может вызвать некоторые недоразумения; их необходимо рассеять, показав проистекающие из нашего анализа теоретические и практические *следствия* для исследовательской работы. Читатель мог подумать, что *достаточно произвести критику теоретической идеологии* (в данном случае написать *тексты*, в которых показывалась бы противоречивость понятия «семантика» так, как она обычно понимается в настоящее время), чтобы *уничтожить ее, уничтожить как саму идеологию, так и ее практическое применение* (в данном случае практику контент-анализа, ежедневно осуществляемую в отношении анкет, интервью, документов, архивов и т.д. в различных «социальных науках»).

Следствием этого недоразумения было бы усиление своего рода *лингвистического интегризма*, лозунг которого можно сформулировать примерно так: «Нет спасения ни в чем, кроме как в синтаксисе!» Таким образом, проблемы решались бы путем их отрицания или их решение откладывалось бы до греческих календ. Наоборот, следует подчеркнуть, что в теоретической борьбе, как и везде, в действительности можно *разрушить* только то, чему можно найти реальную *замену*; стоит ли говорить, что эта замена является также и смещением, т.е. «изменением поля исследования».

Все вышесказанное имело целью лишь показать возможность и необходимость такой замены в настоящее время. Все, что будет сказано ниже, является попыткой изложения первых теоретических и практических результатов, к которым мы пришли сами; теперь мы хотим сделать эти результаты предметом обсуждения (как с материалистических позиций, которых мы сами стараемся придерживаться, так и с точки зрения всех тех, кто сегодня осознает эту проблему и пытается каким-то образом найти ее решение).

Нам же кажется, что «изменение поля исследования» обусловлено двоякого рода необходимостью: необходимостью вести борьбу как против эмпиризма (освобождаясь от субъективистской проблематики, сосредоточенной на индивиде), так и против формализма (не смешивая язык как объект лингвистики с полем «речевой деятельности»). Это предполагает, в качестве позитивной замены, введение новых объектов, локализуемых по отношению к новому теоретическому «полю», в котором определяются формы и содержание изменения; разумеется, в весьма значительной своей части объекты и обозначающие их термины являются «новыми» только для теоретического провинциализма, ха-

рактерного для каждой из «социальных наук» по отношению к ее соседям, особенно если учесть вытеснения-извращения (Pêcheux 1969 с, 62—79), практикуемые в отношении понятий *исторического материализма.*

В связи с этим нелишним будет коротко упомянуть о том, что общественную формацию в определенный момент ее развития можно охарактеризовать через преобладающий в ней *способ производства* и через определенное состояние *отношений между составляющими ее классами*; эти отношения находят свое выражение в иерархии *видов практической деятельности*, в которых нуждается данный способ производства, с учетом *орудий производства*, с помощью которых осуществляются данные виды деятельности; этим отношениям соответствуют политические и идеологические *позиции*, которые характеризуют не отдельных индивидов, а целые политические *формации*, вступающие в отношения антагонизма, союза или соподчинения.

Мы используем термин *идеологическая формация*, чтобы характеризовать некий элемент, могущий выступать в качестве силы, противопоставленной другим силам в идеологической ситуации, характерной для данной общественной формации в данный момент времени; таким образом, каждая идеологическая формация представляет собой сложную совокупность позиций и репрезентаций, которые не являются ни «индивидуальными», ни «универсальными», но более или менее непосредственно соотносятся с *классовыми позициями*, для отношений между которыми характерны конфликты.

Мы утверждаем, основываясь на большом числе замечаний, содержащихся в трудах тех, кого называют «классиками марксизма», что одной из составляющих определяемых таким образом идеологических формаций обязательно являются одна или несколько взаимосвязанных *дискурсных формаций*, которые определяют, *что́ может быть* и *что́ должно быть сказано* (в виде публичного выступления, проповеди, памфлета, доклада, программы и т.п.) с определенной позиции в данных обстоятельствах. Существенным моментом является здесь то, что *речь идет не только о видах употребляемых слов, но также (и прежде всего) о видах конструкций, в которых сочетаются эти слова.* От конструкции зависит, какое значение примут употребляемые слова; ведь, как мы указали в начале статьи, слова изменяют смысл в зависимости от той позиции, которую занимают те, кто их произносит[11]. Теперь мы можем уточнить нашу формулировку: слова «изменяют смысл» при переходе от одной *дискурсной формации к другой.*

Одновременно это означает, что семантика, способная дать научное описаиие дискурсного образования, как и условия перехода от одного образования к другому, не может ограничиваться лексической (и грамматической) семантикой; ее основной целью является описание *процессов*, от которых зависит расположение терминов в дискурсной последовательности, причем в зависимости от *условий*, в которых эта дискурсная последовательность производится[12] Мы будем называть «дискурсной семантикой» научный анализ процессов, характериых для той или иной дискурсной формации;. в таком анализе должна учитываться связь этих процессов с теми условиями, в которых продуцируется дискурс (с теми позициями, с которыми связаны его особенности).

Вслед за этим необходимо сразу же рассеять еще одно возможное недоразумение, которое заключается в том, что из вышесказанного делается вывод, что язык как автономная реальность исчезает, что лингвистика должна уступить место историческому материализму и что сама грамматика «в действительности» является всего лишь делом борьбы классов[13]!

* * *

Выявленным таким образом теоретическим принципам соответствует определенное число практических намерений, которые мы начали претворять в жизнь; не излагая здесь различные методологические соображения, которыми мы руководствовались, а также детали процедур выработки имеющейся у нас программы автоматической обработки А.А.Д.[14], мы постараемся указать на главные ее характеристики, ссылаясь при этом на исследования З.С. Харриса, резюмироваиные в его статье «Анализ дискурса», опубликованной в 13-м номере журнала «Langages» (H a r r i s 1969, 8—45). В этой работе Харрис наряду с исследованием отношений между «культурой» и «языком» предпринимает попытку распространить лингвистический анализ «за пределы одной-единственной фразы» Кроме того, он эксплицитно отказывается приписывать a priori большую или меньшую важность тому или иному конкретному употреблению слова; «всякий анализ, который имеет целью обнаружить наличие или отсутствие в тексте определенных слов, выбранных лингвистом, представляет собой исследование содержания текста, которое в конечном счете основывается иа смысле выбранных слов» (ibid., p. 13).

Однако ряд пунктов, по нашему мнению, вызывает затруднения; основными являются следующие два. Прежде

всего, предлагаемый в качестве образцового анализ проводится всего лишь на одном тексте[15], следовательно, речь идет о соотнесении текста с самим собой, при этом предполагается, что он характеризуется достаточной повторяемостью и стационарностью, что позволяет выявить эквивалентности путем такого наложения[16] С другой стороны определение эквивалентности[17] между двумя элементами и особенно значение этой эквивалентности ставят ряд проблем[18] К этим проблемам мы скоро обратимся

При применении метода анализа А А Д который требует предварительного разложения текста на элементарные высказывания (этот анализ весьма близок к ядерным схемам Харриса), принимаются во внимание упомянутые выше трудности, суть метода заключается в упорядоченном сравнении между несколькими текстами составляющими дискурсный корпус, предполагается, что этот корпус репрезентирует определенное состояние условий производства, характерных для данного дискурсного образования Особо следует подчеркнуть, что на этом этапе конституирования корпуса принимается теоретическое решение экстралингвистического характера[19], из иллюстративной схемы, приводимой ниже, следует, что это решение состояло в том чтобы объединить в одном корпусе сорок три листовки распространявшихся студенческой организацией FER в мае 1968 г Это позволяет a priori предполагать, что основные условия производства дискурса в этой организации оставались стабильными в течение указанного периода

Кроме того, тот факт, что каждая дискурсная единица систематически сравнивается с совокупностью других единиц корпуса, означает, что корпус играет роль словаря, поскольку именно на основе этих сравнений определяются эквивалентности между различными отрезками текстов

Также следует указать, что речь идет не о цепочке эквивалентностей ($B = C$, $M = N$ и т д), как у Харриса, а о наложении эквивалентных контекстуально отрезков текста

Приведем три примера полученных результатов

1) Les travailleurs	sont entrent	en lutte contre	le chomage les mises a pied les licenciements les ordonnances de Gaulle

1) **Трудящиеся**	ведут вступают	**(в) борьбу против**	безработицы увольнений сокращений указов де Голля

2) Il faut	s'organiser organiser la lutte	
	adherer a renforcer	l'UNEF*
Необходимо	организовываться организовывать борьбу	
	вступать в усиливать	ЮНЕФ

3) **La lutte pour**	la defense	des libertes de l'UNEF du marxisme
	la realisation de la jonction (ouvriers-etudiants) la victoire du proletariat une internationale de la jeunesse	
Выступление в	защиту	свобод ЮНЕФ марксизма
Борьба за	осуществление единения (рабочих и студентов) победу пролетариата молодежный интернационал	

Анализ эквивалентностей (помещенных на приведенных выше схемах между вертикальными линиями) выявляет проблему, которая возникала также по поводу примеров эквивалентностей, приведенных Харрисом, возьмем следующие две эквивалентности (H a r r i s, op cit , p 15)

E1 -	le milieu de l'automne la fin du mois d'octobre	et E2	les premiers froids arrivent nous commençons a chauffer
E1	середина осени конец октября месяца	и E2	настают первые холода мы начинаем топить печи

---

*Union nationale des etudiants de France (Национальный союз студентов Франции) *Прим ред*

Мы полагаем, что значение эквивалентности не одно и то же в двух случаях. в Е1 эквивалентность можно выразить так «середина осени, *то есть* конец октября» В Е2, наоборот, эквивалентность, по нашему мнению, основана на семантическом отношении, отличном от отношения идентичности; ее можно эксплицировать так «настали первые холода, *следовательно*, мы начинаем топить» или же «мы начинаем топить, *потому что* настали первые холода». Это заставляет нас постулировать различие между симметричными субституциями типа Е1 и несимметричными субституциями типа Е2

Отметим в связи с этим, что свойство симметричности / несимметричности по своей природе не связано с парами субституируемых терминов, оно зависит от дискурсной формации, в которой происходит эта субституция Кроме того, оказывается, что в отличие от симметричных субституций несимметричные субституции предполагают возможность синтагматизации (ср выше «*a*, следовательно, *b*» или «*b*, потому что *a*»[20] Современное состояние используемого метода анализа не позволяет локализовать нарушения симметрии, связанные с синтагматизацией. Тем не менее ничто не мешает нам думать, что в будущем мы сможем обнаружить их или на основе анализируемого корпуса в целом, или на основе корпуса, зависимого в определенных обстоятельствах от другой дискурсной формации, которая поможет эксплицировать посредством синтагматизации некоторые эквивалентности первого дискурсного образования.

Представляется, что это направление исследований способно вывести нас на анализ имплицитных эффектов смысла, связанных с отношением между различными дискурсными формациями

Очень важным в теоретическом отношении представляется нам также вопрос о самом существовании субституций, не поддающихся синтагматизации; решение этого вопроса должно привести к новой интерпретации механизмов синонимии с учетом механизма метонимии, связанной, в противоположность метафоре, с возможностью синтагматизации

В заключение мы очень кратко охарактеризуем две проблемы, которые, по нашему мнению, непосредственно определяют развитие данного направления исследований.

Первая проблема заключается в настоятельной необходимости определения того, какой семантикой может законно пользоваться лингвист в своей лингвистической практике (при фонологическом, морфологическом и синтаксическом анализе) проблема тождества смысла (ср. выше), в

частности, в связи с лингвистическим изучением трансформаций является в этом отношении решающей, при этом предполагается, что спонтанное использование понятия (семантической и грамматической) приемлемости должно уточняться лингвистами в зависимости от специфической сферы их деятельности.

Вторая проблема заключается в важности лингвистических исследований отношения между высказыванием и процессом высказывания, в котором «говорящий субъект» занимает определенную позицию по отношению к репрезентациям, *носителем* которых он сам является, причем эти репрезентации реализуются посредством «заготовок», поддающихся лингвистическому анализу Можно надеяться, что решение этой проблемы, как и проблемы синтагматизации субституций, характерных для того или иного дискурсного образования, явится наиболее ценным вкладом теории дискурса в изучение идеологических образований, как и в теорию идеологий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 «Лингвисты первыми поняли, откуда следует начать, если мы хотим предпринять *объективное* исследование человека Они первыми перестали ставить телегу впереди лошади и первыми признали, что, прежде чем создавать историю *данного объекта*, до того как задавать вопросы о его возникновении, эволюции, распространении и до того как пытаться объяснить характер объекта внешними влияниями (объяснить характер языка структурой общества или характер идеологии отношениями производства и т.п.), сначала следует *очертить границы этого объекта, определить и описать его»* (R u w e t N. Linguistique et sciences de l'homme. — *Esprit*, 1963, № 11, p 566)

2 Сразу же отметим, чтобы избежать каких бы то ни было недоразумений, что, хотя в статье К Норман содержатся важные разъяснения по данному вопросу, в ней остается в тени все, что имеет отношение к специфической практике лингвиста в области речевой деятельности. Ниже мы вернемся к этому пункту

3 Конечно, речь не идет о вульгарном эмпиризме, руководствуясь которым некоторые исследователи, ссылаясь на возможность проведения фонетических экспериментов с помощью измерительных приборов, только за этой отраслью лингвистики признавали некоторую долю научности

4 См в числе прочего: P ê c h e u x 1969 b.

5 Ж Мунэн уверенно заявляет «Можно полагать, что Бреаль, несомненно, повлиял на Соссюра Но ведь именно Бреаль придумал слово "семантика", поэтому отсутствие этого термина у Соссюра не может быть случайным» (M o u n ı n 1967, 219)

6 Заметим мимоходом, что эта модель лежит в основе компонентного анализа

7 Этот принцип, по-видимому, занимал Соссюра в течение всей его жизни Об этом свидетельствуют его личные заметки, написанные задолго до создания «Курса», о персонажах германской мифологии См G o d e l 1957

8 Во избежание всякой двусмысленности и несмотря на то, что мы еще вернемся к этому вопросу, считаем нужным разъяснить сразу, что не может быть и речи об отрицании существования фонологических, синтаксических и морфологических различий между социальными классами и слоями Выявление этих различий представляет собой цель большинства социолингвистических исследований Если отвлечься от того факта, что в ряде работ, по-видимому, действительно ставилась цель доказать само собой разумеющийся примитивный характер языка «низших классов» (см среди других работ S c h a t z m a n, S t r a u s s 1954, 329—338), сам факт формулирования проблемы в терминах дифференциации языка ставит в привилегированное положение фонологические, синтаксические и морфологические аспекты в ущерб семантическим

9 Ср двусмысленное выражение у Ж Мунэна « одно и то же семантическое поле, т е в данном случае один и тот же участок реальности» (M o u n ı n 1963, 88)

10 Говоря о категориях, используемых в системе анализа текстов «General Inquirer», авторы этого метода заявляют «В рассматриваемой нами перспективе мы можем ссылаться на те или иные денотативные категории как на естественные единицы языка, поскольку они соответствуют обычным различениям, допускаемым в языковом коллективе Такие естественные языковые категории становятся переменными для социальных наук, когда они интегрируются по отдельности или в комбинации в пропозицию, относящуюся к человеческому поведению» (S t o n e, D u n p h y, S m ı t h, O l g ı v ı e 1966, 138)

11 Вспомним о полемике Ленина с идеализмом, спрятанным «за якобы материалистической терминологией», «идеализмом, переодетым в марксистские термины, подделанным под марксистские словечки» (op cit , p 344) (Цит по Л е н и н 1947, т 14, 316 — *Прим перев*)

[12] Термин «условия производства» был введен в работе Henry, Moscovici 1968, 37, см также Pêcheux 1969 a, 16—29

[13] См в частности, по поводу теорий Николая Марра статью Виноградова (Vinogradov 1969, 67—84), ср также Cahiers marxistes—leninistes № 12-13, «Art, langue lutte de classe» (Искусство, язык классовая борьба) Paris Maspero 1966, 26—42, и комментарий Э Балибара (Balibar 1966, 19—25)

[14] См об этом Pêcheux 1969 a, Haroche, Pêcheux 1972, где более полно представлены результаты и даны новые перспективы исследований

[15] «Millions Can't Be Wrong» (ibid , p 20)

[16] В качестве примеров повторяющихся текстов Харрис приводит «легенды в стиле эхо пословицы лозунги или "сухие", но точные научные доклады» (ibid , p 15)

[17] Вспомним, что, по мнению Харриса, если имеются две последовательности *AB/AC*, из этого следует, что *B* = *C* и эта эквивалентность может послужить отправной точкой новой эквивалентности Например, из *MB/NC* следует *M* = *N* и т д

[18] Харрис высказывается по этому поводу довольно неопределенно «Формальные результаты, полученные в ходе такого рода анализа, позволяют определить не дистрибуцию классов, а скорее структуру сегментов или даже распределение типов сегментов Они могут также помочь выявить особенности внутри структуры по отношению к остальной части структуры Они могут показать, в чем некоторые структуры сходны с другими и в чем они отличны от них Они позволяют сделать многочисленные выводы относительно текста» (op cit , p 43—44)

[19] Именно из-за теоретической необходимости принятия такого решения описываемый нами метод отличен от эмпиризма, характерного для методов факторного анализа, применяемых при анализе текстов

[20] Также и в трех приведенных выше примерах можно обнаружить симметричные субституции (mises a pieds / licenciements 'сокращения / увольнения') и несимметричные субституции (связанные с синтагматизациями типа de Gaulle *a créé* les ordonnances 'де Голль *издал* указы' или il faut adherer à l'UNEF *pour* la renforcer 'следует вступать в ЮНЕФ, *чтобы* укрепить его' и т д)

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СВЯЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДИСКУРСА

1. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ДЕТЕРМИНАЦИЯ

В классических грамматиках относительные придаточные предложения описываются с точки зрения чистой классификации: бывают относительные придаточные определительные и относительные придаточные в функции приложения (аппозитивные) точно так же, как бывают океаны и материки. Однако эта классификация содержит в себе два противоположных взгляда на детерминацию, каждый из которых подразумевает определенную точку зрения на связь мышления и речи.

Начнем с, казалось бы, очевидных фактов классификации. В грамматиках утверждается, что эти два типа придаточных относительных различаются следующим образом: относительное придаточное определительное уточняет то свойство предмета сообщения, которое необходимо для его *практической идентификации* в порядке вещей или идей. Таким образом, придаточное определительное, подобно другим видам определений, выполняет здесь указательную или референциальную функцию; благодаря ему объект дискурса начинает восприниматься как объект, внешний по отношению к дискурсу. А в так называемом относительном придаточном аппозитивном, напротив, содержится то свойство предмета сообщения, которое не имеет отношения к практической идентификации содержания сообщения и с практической точки зрения совершенно не зависит от самого придаточного предложения, а определяется относительно существительного или, точнее, относительно именной группы, которая и выступает в качестве того, что принято называть антецедентом. Поэтому в данном случае мы можем говорить о том, что именно существительное (или именная группа) и является антецедентом, который на самом деле определяет придаточное относительное, соотно-

Paul Henry. Constructions relatives et articulations discursives. - *Langages*, 1975, № 37, p. 81—98.

ся его с объектом, уже идентифицированным в порядке вещей или идей Следовательно, мы имеем дело не с чистой классификацией, а с двумя противоположными взглядами на детерминацию При одном понимании практическая идентификация предмета сообщения зависит от взаимосвязи единиц в цепочке, и в этом случае придаточное относительное является «детерминирующим», (т е. определяющим), а антецедент — «детерминируемым» (т е. определяемым), причем придаточное уточняет десигнацию антецедента Во втором случае практическая идентификация не зависит от взаимосвязи единиц в цепочке, и придаточное относительное выступает в качестве определяемого, а антецедент — в качестве определяющего, причем антецедент уточняет десигнацию придаточного Этим двум взглядам на детерминацию соответствуют две противоположные концепции соотношения порядка дискурса (l'ordre du discours) с порядком вещей или идей В первом случае необходимость детерминации объясняется нуждами практической идентификации — определяемое недостаточно определено и для уточнения практической идентификации требуется определяющее. Таким образом, порядок вещей или идей задает порядок дискурса и устанавливает отношение «определяющее — определяемое». Во втором случае порядок дискурса можно понять вне зависимости от порядка вещей или идей, поскольку практическая идентификация и так уже установлена Здесь определяющее связано с определяемым в дискурсе, а не в порядке вещей или идей Во всех классических грамматиках наблюдается, по существу, непрерывное колебание между этими двумя взглядами на детерминацию, чем и объясняется тот факт, что они могут сосуществовать, внешне друг другу не противореча, как это видно из приведенного выше описания типов придаточных относительных. Это колебание отражает решение, принятое в «Грамматике Пор-Рояля», решение, которое исходит из порядка идей для установления порядка дискурса, который, однако, не будучи чистым отражением порядка идей, в свою очередь соотносится с ним. Поскольку порядок дискурса сопоставлялся до сих пор только с порядком вещей или идей в соответствии с тем, как это делает *субъект*, понятие дискурса употребляется здесь в своем первоначальном значении и предшествует всякому теоретическому разделению языка и дискурса. Мы же в дальнейшем будем говорить о дискурсе в совершенно ином смысле, который никак не связан с по-

нятием субъекта (и тем самым не сводится к понятию речи (parole)) и который основан на исследовании взаимосвязи языка и дискурса. Обращаясь к понятию субъекта (универсальному и рациональному), для того чтобы раскрыть, каким образом взаимосвязаны мышление, объекты внешнего мира и дискурс, классические грамматики, а также те современные лингвистические теории, которые на них ссылаются, обязательно стремятся при этом «растворить» дискурс (в том смысле, в котором мы его понимаем) в языке.

Теперь, как нам кажется, становится вполне понятным значение проблемы детерминации и теории относительных конструкций, которая, по нашему мнению, очень хорошо ее иллюстрирует. Тот факт, что большинство категорий современной лингвистики заимствовано из классической грамматики, но при этом им «не придан статус лингвистически обоснованных теоретических понятий» (F u c h s, M i l n e r 1974, 17), заставляет нас вновь обратиться к этой грамматике. В «Логике Пор-Рояля» (A r n a u d, N i c o l e 1662; 1970) два изложенных выше взгляда на детерминацию обозначены, соответственно, терминами «детерминация» (determination) и «экспликация» (explication) (A r n a u d, N i c o l e 1970, 95). Оттуда же происходят и названия двух типов придаточных относительных предложений: придаточное определительное (determinative) и придаточное пояснительное (explicative) (которое здесь называется аппозитивным). «Грамматика», а особенно «Логика Пор-Рояля», придает этому различию очень большое значение и последовательно его проводит, но фактически это различие устанавливается, как только вводится противопоставление имен существительных и имен прилагательных. С этого нам и придется начать.

В «Грамматике Пор-Рояля» противопоставление *имен существительных* и *имен прилагательных* основывается на противопоставлении *вещей* (choses), или *субстанций*, и *способа бытия вещей* (manières des choses), или *акциденций*: «Между вещами, или субстанциями, и способами бытия вещей, или акциденциями, имеется следующее различие: субстанции могут существовать сами по себе, в то время как акциденции существуют только в субстанциях» (А р н о, Л а н с л о 1990, 94)*. Однако Арно и Лансло не сводят противопоставление имен существительных и имен при-

---

* Страницы даны по русскому изданию. — *Прим. ред.*

лагательных к противопоставлению вещей и способов их бытия, потому что, как они пишут «Так как субстанцией является то, что существует само по себе, то именами существительными называются те имена, которые, даже будучи акциденциями, существуют в дискурсе сами по себе и не нуждаются в другом имени, и наоборот прилагательными называются даже имена, обозначающие субстанции, если их значение требует их присоединения к другим именам в дискурсе» (там же) Тем самым Арно и Лансло подменяют понятием порядка дискурса порядок вещей или идей Получается, что именем существительным является любое имя, которое может появляться в дискурсе. не нуждаясь в присоединении к другому имени, а именем прилагательным, наоборот, — всякое имя, которое может появляться в дискурсе, только присоединяясь к другому имени Такую постановку вопроса можно проиллюстрировать следующим образом в школьных учебниках по математике мы встречаемся с *nombres reels* и *reels* 'действительные числа', с *nombres entiers* и *entiers* 'целые числа', с *nombres naturels* и *naturels* 'натуральные числа', с *nombres rationnels* и *rationnels* 'рациональные числа' и т д , однако ни в одном из имеющихся в нашем распоряжении учебников ни разу не встретилось слово *nombre* 'число' без определения Таким образом, если придерживаться точки зрения, предложенной Арно и Лансло, то на основании этого массива текстов можно заключить, что слово *nombre* выступает здесь в качестве прилагательного, а слова *entier, rationnel, reel* 'целое, рациональное, действительное' и т д — в качестве существительных Очевидно что такой вывод несколько парадоксален, при том что мы прекрасно знаем, что, говоря о действительном числе, мы имеем в виду определенный вид чисел, а не определенный вид действительных Подобного рода замечания можно было бы сделать и относительно выражений типа *du beurre fermier* 'деревенское масло' (букв 'масло фермер') или *la rose Louise* 'роза Луиза' в том смысле, что речь в данном случае идет только о некоем виде масла, а не фермера или о некоем сорте роз, а не о Луизе (так как в принципе здесь возможна некоторая двусмысленность) Вопрос заключается в том, чтобы понять, откуда происходит этот эффект значения, при том что чисто дистрибуционных или статистических критериев для ответа на этот вопрос оказывается недостаточно Иначе говоря, мы вновь возвращаемся к вопросу о том, что же «существует в дискурсе само по себе»

На этот вопрос Арно и Лансло попытались ответить, написав, что «имя может существовать само по себе, только когда помимо ясного (distincte) значения у него имеется еще одно значение — смутное (confuse). Последнее можно назвать коннотацией (connotation) некоторой вещи, к которой относится то, что обозначается ясным значением» (там же, с. 94) Ту же идею можно найти и у Мармонтеля, в «Грамматике» которого сказано, что: «Прилагательным является то, что в терминах логики называется конкретным именем. Оно объединяет в себе представление об определенном качестве, а также смутное и расплывчатое представление о сущности, к которой это качество относится. Когда вы слышите слова “добрый”, “справедливый”, “красивый”, “твердый”, “круглый”, в вас появляется не только представление о “доброте”, “справедливости”, “твердости”, “округлости”, но также и представление о сущности, в которой располагается свойство, выраженное данным словом. Что это за сущность? Прилагательное вам этого не скажет, зато скажет существительное; и тогда смутное и расплывчатое представление о какой-то неопределенной (indéfini) сущности превратится в ясное и точное представление о такой-то конкретной сущности или о роде, виде таких сущностей» (Marmontel 1806, 8—9). Таков классический ответ на вопрос о том, что же, в конце концов, значит, что нечто «существует в дискурсе само по себе», — ответ, как мы уже отметили, в некотором отношении двусмысленный, поскольку он в конце концов вновь требует обращения к порядку идей.

Возвращаясь теперь к тому, что в «Грамматике» и «Логике Пор-Рояля» называется придаточными относительными (relatives), мы можем отметить, что противопоставление двух форм придаточных относительных там выводится из оппозиции «детерминация — экспликация» (как уже было сказано, этими терминами обычно обозначаются две разные концепции детерминации, о которых мы говорили выше). Поскольку детерминация связана с практической идентификацией, то и суждение, выраженное придаточным определительным, не рассматривается как общее утверждение («Говоря, что *les hommes qui sont pieux sont charitables* 'люди, которые благочестивы, милосердны', мы не делаем никакого утверждения ни относительно людей вообще, ни относительно какого-то конкретного благочестивого человека».. (Arnaud, Nicole 1970, 167): его функция состоит лишь в том, чтобы сузить идею, которую выражает

антецедент, до такой степени, чтобы она могла сочетаться с идеей, выраженной атрибутом в главном предложении. И наоборот, в случае оппозиции суждение рассматривается как утверждение. То, что порядок идей доминирует над порядком дискурса, подтверждается и в «Логике», где, в частности, говорится: «Для понимания того, является ли *qui* 'который' определительным (determinatif) или пояснительным (explicatif), большее значение имеет не само выражение, а смысл и намерение говорящего» (с. 162). Отметим, что в отличие от некоторых грамматистов Арно и Николь не различают двух типов придаточных относительных в зависимости от наличия или отсутствия запятой в начале, так что речь здесь идет о случаях, когда возможны обе интерпретации (ср. Grésillon 1975). А так как оба типа придаточных совпадают по форме, то здесь смешиваются две разные проблемы: проблема определения двух типов придаточных относительных и проблема отнесения того или иного конкретного придаточного к одному из типов. По своей природе этот вопрос тождествен вопросу о том, каким образом определение синтаксических категорий (что такое существительное? что такое прилагательное?) связано с категоризацией лексических единиц (к какому числу категорий и к каким именно категориям можно отнести одну и ту же поверхностную форму, взятую вне контекста, и как, при заданном контексте, определить категорию?). Эти две проблемы тоже касаются соотношения порядка дискурса с порядком идей. Синтаксические категории можно определять через субстанцию (т.е. по отношению к порядку вещей или идей) или же через различия в поведении лексических единиц в дискурсе (т.е. через порядок в дискурсе, через то, что имелось в виду под их существованием в дискурсе самих по себе). Соответственно, и категоризацию лексических единиц можно производить исходя из их десигнации (порядка идей или вещей, что и предлагалось в замечании относительно идентификации придаточных относительных) или же на основании их поведения в дискурсе. И наконец, сама концепция детерминации также связана с двойной проблемой определения категорий и категоризации единиц: детерминация будет определена либо в качестве грамматического отношения, связывающего в одну цепочку такие категории, как Существительное или Прилагательное, либо через субстанцию, как в «Грамматике Пор-Рояля».

Однако известно, что Хомский в «Аспектах теории синтаксиса» (1965) как раз и попытался переформулировать

в терминах порождающих грамматик определения категорий и грамматических отношений, заимствованных им из классической грамматики. Несмотря на то что проблема категоризации единиц эксплицитно не ставится, она возникает и решается на уровне сложных символов, приписываемых каждому лексическому форманту. Может показаться, что проблемы, которые мы здесь обсуждаем, уже давно устарели, но по тому, как решаются эти проблемы в «Аспектах», мы увидим, что такое впечатление обманчиво. Более подробно генеративистский подход к придаточным относительным будет обсуждаться во второй части этой работы

Попытка охарактеризовать лексические категории, намеченная Хомским в его «Аспектах», основывается на теории ограничения выбора. По этой теории каждому лексическому форманту приписывается сложный символ С, заключающий в себе набор синтаксических признаков (так, например, для существительного это будут такие черты, как Нарицательное, Счетное, Одушевленное, обозначающее людей и т.д.). Предполагается, что правила деривации должны порождать претерминальные цепочки, состоящие из грамматических формантов, каждому из которых приписывается сложный символ Q, аналогичный предшествующим. Переход от претерминальной цепочки к терминальной обеспечивается лексическим правилом, которое (при соблюдении грамматичности) позволяет подставлять в цепочку лексический формант только вместо грамматического форманта, у которого сложный символ Q совпадает со сложным символом С данного лексического форманта Таким образом Хомский показал, что *мы выбираем Глаголы и Прилагательные, исходя из Существительных*, что позволило ему охарактеризовать категорию существительного как основную с точки зрения выбора в том смысле, что набор ее признаков может задаваться неконтекстуальным правилом и что с помощью правил выбора некоторые черты могут переноситься и на другие лексические категории, прежде всего на Прилагательные (и на Глагол). На первый взгляд теория ограничения выбора, казалось, позволяла разрешить противоречие между двумя концепциями детерминации: в ней делалась попытка формализовать как факт зависимости, так и относительную автономию единиц через их отношения внутри цепочки. Кроме того, поскольку в соответствии с этой теорией категория Существительного автономна по отношению к Прилагательному (или Глаголу), то тем самым выражение «существуют в дискурсе сами

по себе» приобретает более строгий и точный смысл. В то же время наибольшее количество препятствий у этой теории возникло как раз в связи с проблемой детерминации. В частности, в том случае, когда одна и та же единица повторяется в форме местоимения внутри одной фразы или в последующем контексте. Как известно, для решения этой проблемы предложено несколько технических решений (например, были введены индексы), но все решения оказались неудовлетворительными как с практической, так и с теоретической точки зрения. Кроме того, теории ограниченного выбора пришлось столкнуться и с другими трудностями, не связанными собственно с детерминацией. Как, например, объяснить, что высказывание *le professeur a épousé Pierre* 'профессор и Пьер поженились' грамматично, в то время как высказывание *le curé a épousé Pierre* 'кюре и Пьер поженились' аграмматично? Поэтому приходится все чаще и чаще обращаться к признакам, которые уже нельзя назвать синтаксическими, т.е., иначе говоря, обращаться к универсальной семантике, которая тем самым приобретает другой статус в порождающей модели, превращаясь из гипотезы в необходимое допущение, лежащее в основе теории. Нет ничего удивительного, что на этом пути возникают все новые и новые трудности — подробнее о причинах будет сказано ниже. Но для начала посмотрим, каким образом в грамматике Хомского делается попытка разрешить проблему соотношения частей речи, которые взаимно определяют друг друга как семантически, так и синтаксически; и как для этого ему приходится «возвращаться назад» и прибегать к таким понятиям, как *референция, кореференция* и *референциальная автономия*.

Эти понятия, в частности, хорошо применимы к придаточным относительным. Сделать это можно разными способами: например, сказать, что в определительном предложении референция антецедента зависит от референции самого придаточного, а в аппозитивном предложении референция антецедента от придаточного не зависит. И наконец, сказать, что некоторая единица референциально автономна, есть не что иное, как сказать, что она «существует в дискурсе сама по себе». Ж.-К. Мильнер, написавший, что «природа того, что принято называть референцией, крайне неясна» (M i l n e r 1973, 130) и что «в лингвистике нет более запутанного понятия, чем референция», тем не менее использовал этот термин, на наш взгляд, наиболее удачно. Если некоторые существительные (так называемые «качест-

венные имена») допустимо (как он и предлагает) делить на референциально независимые и референциально зависимые, то нет никаких причин отказываться от этого деления в двух случаях, в особенности при описании двух типов придаточных относительных. Работа Мильнера, следовательно, заслуживает того, чтобы мы остановились на ней более подробно

Несмотря на все сделанные нами оговорки, Мильнер считает, что определить существительные по отношению к другим категориям, в частности по отношению к местоимениям, можно через их референциальную автономию. То есть, хотя существительное «в высказывании может обозначать совершенно определенных индивидов, в то же время можно определить в общем виде класс существ, которые могут обозначаться этим существительным, и, наоборот, a priori исключить существа, которые им обозначаться не могут» (M i l n e r 1973, 131). В этом пункте он опирается на идею, что референция и экстенсионал равны, — идею, которую в числе прочих можно найти у Карнапа. Мильнер утверждает, что мы можем определить существительное вне контекста, но не можем сделать этого в случае местоимения. Таким образом, он использует здесь критерий Фреге, по которому сказать, что имя С можно определить вне контекста, есть то же самое, что сказать, что оно может занимать место дополнения в интерпретируемых высказываниях типа «ИГ есть С». В связи с этим будет интересно обратиться к прилагательным, поскольку их статус может показаться близким к статусу придаточных относительных. Если мы вновь вернемся к «Грамматике Пор-Рояля», то увидим, что там существительные определяются как референциально автономные, а прилагательные как референциально неавтономные. Однако в том, что касается прилагательных. Мильнер утверждает прямо противоположное, когда говорит, что высказывания типа ИГ *est rouge* 'ИГ красный' всегда интерпретируемы. Нам, однако, непонятно, почему он при этом опускает неопределенный артикль, который, на наш взгляд, играет в данном случае главную роль. Но в любом случае личные местоимения никогда не могут появляться на месте *X* в высказываниях типа *est un X* 'является *X*-м'. Мильнер использует понятие референциальной автономности для качественных существительных, которые в некоторых своих употреблениях (в позиции C1 в группах типа «C1 *de* C2», как, например, *imbécile* 'дурак' в *imbécile de Jean* 'дурак Жан' или в «качественных придаточных аппо-

зитивных», как *imbécile* в *Jean, l'imbécile, a cassé la tasse* 'Жан, дурак, разбил чашку') не являются таковыми, и поэтому ему приходится вводить для *imbécile* две разные именные единицы, одна из которых имеет статус обычного существительного (с присущей ему референциальной автономией), например в приложении, выраженном существительным (как в случае *Jean, un imbécile, a cassé la tasse*), а другая, не будучи референциально автономной, должна обязательно присоединяться к обычному существительному Кроме того, эти единицы различаются еще и тем, что одна допускает синонимические замены и не зависит от конкретного акта производства высказывания, а другая не допускает синонимических замен и изначально связана с «речевой ситуацией» (M i l n e r 1973, 134—135) (Жана называют дураком *'imbécile'*, поскольку он разбил чашку, но при этом во всем остальном он может не быть дураком, чем и объясняется непротиворечивость высказывания *Jean, l'imbécile, a cassé le vase et pourtant il n'est pas un imbécile* 'Жан, дурак, разбил вазу, а между тем он не дурак', в котором встречаются обе единицы). Если бы понятия референтности и нереферентности действительно имели такое значение, то, как уже было сказано, вполне законна была бы попытка охарактеризовать с этой точки зрения и придаточные относительные. И тем не менее в том, что предлагает Мильнер относительно изначального разделения двух единиц, есть некоторая нечеткость.

По существу, в тех примерах, которые он приводит в поддержку своих аргументов, С1 в группе С1 de С2 или С в группе С + *качественное придаточное аппозитивное* ведут себя в контексте как имена собственные, независимо от того, являются ли они действительно именами собственными или же в данном контексте они не могут функционировать по-другому, как, например, в таком высказывании: *un imbécile de gendarme m'a dressé une* contravention 'этот дурак жандарм взял с меня штраф'. Нам кажется, что, принимая такие критерии, мы можем, например, сказать, что *animal* 'животное' тоже является качественным существительным: *l'animal de chien m'a mordu* 'эта собака, гадина, меня укусила' (букв. 'это животное собака меня укусила') — собака названа животным потому, что она кого-то укусила, а не потому, что она является животным. В то же время нам кажется, что высказывание **un chien, l'animal, est un carnivore* (букв. 'собака, животное, является плотоядным млекопитающим') звучит по меньшей мере странно, тогда как *le chien, un animal, est un carnivore* 'животное — собака — является

плотоядным' вполне приемлемо, так же как и *un chien, l'animal, m'a mordu* 'собака, гадина, меня укусила' (букв. 'собака, это животное, меня укусила'). Последний пример отличается от **un chien, l'animal, est un carnivore* как раз тем, что *est un carnivore* в отличие от фактического *m'a mordu* не идентифицирует какую-то конкретную собаку. И как следствие, приходит в голову вопрос, не являются ли все признаки, которые мы приписываем «необычным» существительным, просто эффектом значения, ведь для того, чтобы быть такими, эти существительные должны обязательно сочетаться с неким С, которое вне зависимости от их наличия или отсутствия функционирует в качестве имени собственного. К этому надо также добавить, что во всех примерах Мильнера содержание фразы является как бы оправданием качества, которое приписывается объекту, обозначаемому именем собственным. Так, в примере *Pierre, l'idiot, est un enfant* 'Пьер, идиот, (еще) ребенок' мы имеем дело с настоящим придаточным аппозитивным (если, конечно, тот факт, что некто является ребенком, не оправдывает факта, что этот некто идиот).

И наконец, нам кажется, что те свойства, которые Мильнер приписывает «необычным» существительным, не присущи этим единицам изначально, а являются скорее свойствами контекста, и тем самым встает вопрос о расщеплении так называемых качественных существительных. Нам остается теперь лишь объяснить разницу между высказываниями *un imbécile de gendarme* 'дурак жандарм' и *un revolver de gendarme* 'револьвер жандарма'. Думается, что разница эта основана лишь на том, что жандарм может быть и не быть дураком, а револьвер не может быть жандармом даже в метафорическом смысле, так же как и жандарм не может быть револьвером (Pêcheux, Fuchs 1975, 73). Другими словами, если в группе C1 de C2 возможно C1 est C2 'C1 является C2' и C2 est C1 'C2 является C1', то это значит, что C1 определяет (в первоначальном значении этого термина) C2, а если C1 est C2 невозможно, то это значит, что C2 определяет C1 (опять-таки в первоначальном значении этого термина). В этих условиях понятие референциальной автономности, будучи характеристикой, присущей определенным категориям лексических единиц, почти теряет свою объяснительную силу. Если к этому добавить, что сама идея строго определить класс существ, которые могут обозначаться данным существительным, представляется нам достаточно сомнительной (хотя и важной с теоретической точки зрения), мы вынуждены признать, что референт-

ность или нереферентность конкретной единицы не является ее внутренней характеристикой, а представляет собой эффект значения, возникающий при взаимодействии синтаксиса с семантическим фактором. Может показаться, что отказываться при описании детерминации от понятия референтности и, наоборот, обращаться к семантическим факторам по меньшей мере странно, поэтому нам следует уточнить, о каких именно семантических факторах идет речь.

Мильнер делает на эту тему интересное замечание: он представляет допустимость синонимических замен как референциальную характеристику. Под синонимической заменой Мильнер понимает выражение, аналогичное толкованию, которое дается в словаре, т.е. дефиницию, которая не зависит от контекста. Вопрос лишь в том, является ли референтность смысловым эффектом, возникающим из-за возможности синонимических замен, или, наоборот, допустимость таких замен, которая рассматривается как внутренняя характеристика единицы, вызвана ее референтностью В первой гипотезе содержится импликация: обозначать (designer) что-то могут только единицы, которые при парафразировании могут быть заменены на другие выражения, и такая гипотеза кажется нам обоснованнее с теоретической точки зрения, чем вторая. В сущности, в ней (вслед за Pêcheux, Fuchs 1975, 12) утверждается, что отношение парафразы обосновывает эффект значения и референтной соотнесенности, которая этот эффект имплицирует. Эффект значения дают не сами единицы, а их соотношение, т.е., иначе говоря, способность единицы быть замененной на другие преобразует объект дискурса, который, оставаясь самим собой, приобретает при этом еще и некое новое качество, в объект, внешний по отношению к дискурсу, именно потому, что он может выступать в формах, отличных от той, которой он там представлен, оставляя при этом неизменным смысл высказывания. Следовательно, приходится считать, что в данном высказывании референтный характер единице придает тот факт, что в этом высказывании она может быть заменена на другую, а вовсе не возможность определить класс существ, которые могут этой единицей обозначаться Уточним, что понятие парафразы — это дискурсное понятие, и оно в свою очередь заставляет нас обратиться к понятию «дискурсная формация», которое определяет способность единиц выступать в качестве замены данной единицы в данной ситуации и с данной позиции. Таким образом, мы признаем, что возможные замены данной еди-

ницы ни в каком смысле нельзя определить вне контекста, т.е., во-первых, вне высказывания, в котором она встречается, и, во-вторых, без учета того, каким образом дискурсные формации, определяющие возможные парафрастические отношения, с помощью которых смысл данного высказывания может быть выражен материально, связаны с идеологическими формациями, для которых эти речевые образования являются одной из возможных материализаций. Теперь становится понятным, что некоторая единица никогда не заменяется на любую другую, произвольно взятую единицу, а что в качестве такой замены могут выступать только достаточно определенные выражения; следовательно, и значение этой единицы тоже не может быть произвольным. Тем не менее речь идет не о некой внутренней характеристике единицы, а лишь о том, каким образом данная единица может функционировать, что и определяется той или иной дискурсной формацией и связано с конкретными условиями производства и интерпретации дискурса

Если мы согласны с вышеизложенным, то нам следует отказаться от понимания детерминации как выбора, когда из (определенного вне контекста) класса существ, которые могут обозначаться существительным, выделяется подкласс, пусть даже состоящий из одного-единственного существа. Нам кажется, что детерминацию надо рассматривать как отношение, в которое включены одновременно и синтаксические, и семантические эффекты, в том смысле, в котором мы их определили выше. Подробнее об этом будет сказано в третьей части настоящей работы, после того как мы рассмотрим генеративистский подход к проблеме относительных конструкций. Генеративистский подход интересует нас с точки зрения противопоставления придаточных определительных и придаточных аппозитивных, поскольку здесь затрагивается проблема детерминации. Предварительно же скажем, что в заключение своих заметок по проблеме детерминации мы еще вернемся к вопросу об универсальной семантике и оппозиции язык — дискурс.

Хотелось бы отметить, что между теорией ограничения выбора Хомского и теориями, которые обращаются к понятию референции, нет принципиальной разницы, хотя это понятие было использовано специально, чтобы обойти некоторые трудности, возникающие при использовании свойств, связанных с сочетаемостью и выбором. В самом деле, признаки, которые должны приписываться сложному символу, привязанному к лексическому форманту, способ-

ному в претерминальной цепочке занимать место грамматического субстантивного форманта, хотя и считаются синтаксическими, способны, однако (по крайней мере частично), охарактеризовать класс существ и практически идентифицировать эти существа, указав, что они входят в область его значения Таким образом, встают два вопроса С одной стороны, чтó позволяет нам определить эти свойства (признаки)? Ведь, в сущности, их выбор неотделим от понимания идеи универсальной семантики как набора фиксированных универсальных признаков, позволяющих описывать любые значения с точки зрения языковой компетенции. С другой стороны, вовсе не очевидно, что число признаков, которые мы включаем в сложные символы для описания грамматической правильности или неправильности, как-либо теоретически ограничено. Нам кажется, что возникновение этих трудностей в теории ограничений выбора говорит о неразработанности в порождающих грамматиках понятия дискурса, поскольку там, где Хомский говорит о языковой компетенции (langage), в «Грамматике Пор-Рояля» речь идет о дискурсе, причем язык и дискурс не различаются. Теория ограничений выбора есть не что иное, как попытка насильно водворить дискурс в язык и отрицание влияния дискурсных процессов на область значений.

2. ГЕНЕРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К ОТНОСИТЕЛЬНЫМ КОНСТРУКЦИЯМ

В порождающих грамматиках принято рассматривать предложения, для которых возможна двойная семантическая интерпретация, с точки зрения синтаксиса. Таким образом делается попытка показать, что этим интерпретациям соответствуют две разные синтаксические структуры.

Рассмотрим фразу *Les syndicats qui défendent les travailleurs sont démocratiques* 'Профсоюзы, которые защищают трудящихся, демократичны' Эта фраза может иметь две интерпретации: либо подразумевается, что все профсоюзы защищают трудящихся, и, следовательно, в данной фразе утверждается, что все они демократичны (аппозитивная интерпретация), либо, наоборот, что только некоторые профсоюзы защищают трудящихся, и, следовательно, утверждение состоит в том, что только такие профсоюзы являются демократичными, а о других ничего не говорится (определительная интерпретация). Генеративная грамматика отражает эту разницу, порождая данное предложение двумя разными способами. Таким образом, можно сказать, что по-

рождающая грамматика — это адекватное средство, позволяющее ответить на вопрос, различаются ли синтаксически два типа придаточных относительных. Если бы это было так, то эффект значения каждого из относительных предложений имел бы языковую основу и зависел от языка. В третьей части данной работы мы предлагаем такой подход к проблеме придаточных относительных, в котором природа их эффектов значения объясняется не только с синтаксической точки зрения, но и с точки зрения дискурса. Для начала посмотрим, какие решения предлагаются в рамках трансформационных идей Хомского.

Недавно был опубликован общий обзор генеративистских работ, посвященных проблеме относительных конструкций (Stockwell, Schachter, Partee 1973), поэтому мы можем опустить здесь значительную часть технических деталей, связанных с их анализом. В то же время надо отметить, что в обзоре проблема придаточных аппозитивных затронута крайне поверхностно, и то лишь там, где она смыкается с проблемой придаточных определительных. И в целом можно сказать, что работ, посвященных придаточным аппозитивным, значительно меньше, чем работ, посвященных придаточным определительным Кроме того, встает вопрос, правомерно ли выделение всего лишь двух типов придаточных относительных и можем ли мы говорить об этих двух типах отдельно от остальных Тем не менее здесь мы принимаем именно эту точку зрения и сосредоточим наше внимание на оппозиции «определительные — аппозитивные», поскольку это имеет наиболее прямое отношение к проблеме детерминации. Добавим также, что та двусмысленность, которую мы наблюдали в вышеприведенном примере, встречается практически во всех видах детермнации, когда присутствует существительное; в частности, это касается и проблемы интерпретации французских определенных и неопределенных (общих и частных) артиклей. Поэтому с таким же успехом мы можем поставить вопрос о правомерности рассмотрения оппозиции придаточных определительных и аппозитивных вне ее связи с другими случаями двойной интерпретации Мы все же остановимся на относительных конструкциях, которые интересны тем, что предполагают наличие глагола, а значит, содержат признаки утверждения. И наконец, надо сказать, что подход к проблеме придаточных относительных интересен нам лишь постольку, поскольку он связан с про-

тивопоставлением двух типов придаточных, о котором говорилось выше

В отношении придаточных относительных порождающие грамматики используют два типа трансформаций, каждая из которых применяется к двум пропозициям — матричной и конституэнтной — для порождения, соответственно, главного и придаточного предложений. Эти два типа трансформаций называются сочинительной трансформацией (в поверхностной структуре ей, в числе прочих, соответствует сочинительная связь) и трансформацией наложения (которой, в частности, соответствует подчинительная связь). Учитывая, что аппозитивную связь принято рассматривать как связь между двумя независимыми утверждениями, связанными отношением, близким к сочинению (но также в некоторых случаях и к обстоятельственной связи), а придаточное определительное часто связывают с отношением подчинения, можно было бы подумать, что это и лежит в основе их разделения. Самое удивительное, однако, заключается в том, что обычно, за редким исключением (F u c h s 1970; B a r b a u l t, D e s c l é e 1972), одна и та же трансформация (неважно какая: сочинительная или наложения) используется для деривации обоих типов придаточных относительных. В то же время надо отметить, что тенденция определять трансформации на все более и более абстрактном уровне способствует более точному разделению наложения и сочинения[1].

В классификации Стоквелла, Шахтера и Парти (1973) мы находим три типа решений, использующих трансформацию наложения. Первое было предложено Смитом (S m i t h 1964); Стоквелл, Шахтер и Парти назвали его анализом Art-S Он состоит в том, чтобы присоединять конституэнтное предложение к составляющей Det матричной фразы, что превращает придаточное относительное в модификатор детерминатива именной группы его антецедента. В глубинной структуре к составляющей Det присоединяются два показателя: показатель *D* (для детерминатива) и показатель *A* (для приложения [аппозитива]). Таким образом, за исключением этих деталей, процесс деривации одинаков для двух типов придаточных относительных, если не считать тех ограничений, которые на эту деривацию накладываются. Очевидно, что такое решение ничего не проясняет в вопросе о различии двух типов придаточных относительных, так как в составляющую Det показатель вводится ad hoc. Другие решения, использующие трансформацию нало-

жения, Стокуэлл, Шахтер и Парти назвали, соответственно, ИГ-П и НОМ-П. По своему принципу они очень близки друг к другу В первом предлагается превратить придаточное относительное в модификатор всей антецедентной именной группы, а не только ее детерминанта, а второе состоит в том, чтобы пойти еще дальше и исключить детерминант из сферы действия модификатора (в качестве которого выступает придаточное определительное), оставив там лишь именную группу. Надо признать, что и в этих случаях, несмотря на использование других трансформаций, сами решения продолжают оставаться решениями ad hoc. Так, например, Лиз (L e e s 1964) довольствуется тем, что вводит понятие факультативной запятой (virgule optionnelle) и в случае придаточного аппозитивного препятствует свертыванию относительного местоимения до *that* (поскольку, в принципе, в английском языке после *that* всегда идет придаточное определительное) или просто его элиминации. По своей сути это решение ничем принципиально не отличается от решения, предложенного Смитом.

Одно из главных возражений против использования сочинительной трансформации в придаточных аппозитивных состоит в том, что, хотя сочинительная связь не позволяет объединять предложение в изъявительном наклонении с императивным или интеррогативным, придаточное относительное может, однако, вставляться и в предложения с изъявительным наклонением, и в императивные. Поэтому тот факт, что к придаточным относительным применяется сочинительная трансформация, говорит о том, что она определена на достаточно абстрактном уровне, чтобы допускать такие конструкции. Но при этом сочинительная трансформация и трансформация наложения постепенно перестают различаться, и, таким образом, к обоим типам придаточных относительных применяется сочинительная трансформация. Среди такого рода трактовок особый интерес представляет подход, предложенный Друбигом (D r u b i g 1972). Он различает два вышеназванных типа с точки зрения утверждения и предлагает контекстуальную гипотезу для придаточных определительных. В решении Друбига оба типа придаточных определительных порождаются с помощью сочинительной трансформации из двух разных глубинных структур, а их различие определяется содержанием этих двух глубинных структур. В случае придаточного аппозитивного утверждение матричной пропозиции должно содержать любой (неважно какой) перформатив (отсюда и

возможность появления интеррогатива или императива), а в утверждении конституэнтного предложения должен обязательно присутствовать перформатив изъявительного типа (утверждение или отрицание). Последнее ограничение может показаться слишком строгим в отношении наречий, которые могут включаться в придаточное относительное и поэтому выступают в качестве модификаторов утверждения. Для случая же придаточного определительного предлагается «контекстуальная» гипотеза, состоящая в том, что перед применением сочинительной трансформации в глубинной структуре конституэнтная фраза должна стоять слева от матричной фразы. Эта гипотеза в какой-то мере отражает эффект «пресуппозиции», возникающий в случаях, когда придаточное относительное выступает в функции определительного, а также идею предшествования пресуппозиции. Кроме того, в конституэнтной фразе при именной группе, соответствующей антецеденту, должен стоять неопределенный артикль и к нему применяется операция «определения» (définisatition). Например, для получения фразы *La fille que le garçon a épousé attend un bébé* 'Девочка, на которой этот мальчик женился, ждет ребенка' надо исходить из структур, соответствующих (в том же порядке) пропозициям: *Un garçon a épousé une fille* 'Один мальчик женился на одной девочке' + *La fille attend un bébé* 'Эта девочка ждет ребенка'. Подобное решение, однако, не описывает случаев, когда придаточному относительному предшествует существительное с неопределенным артиклем, как, например: *J'ai vu une maison qui a des volets verts* 'Я видел дом, у которого были зеленые ставни'

Такой подход позволяет нам на практике различать функции придаточных относительных; и различение это имеет не чисто синтаксическую основу, а связано также с содержанием глубинных структур и их последовательностью. Однако оно предполагает и факт наличия перформативов, теоретический статус которых все же еще не вполне определен. Наше (дискурсное) решение включает в себя некоторые элементы данной гипотезы, но при этом мы не привлекаем теорию перформативов, в основе которой, по нашему мнению, лежат спорные теоретические положения.

Нам остается еще рассмотреть решение, предложенное Дюбуа (D u b o i s 1970). Оно интересно тем, что в нем используется только трансформация наложения, но при этом для разных типов придаточных относительных предлагаются абсолютно разные способы деривации. На самом деле

оригинальность этого решения основана на некоторых особенностях порождающей грамматики, разработанной Дюбуа. Вместо классического базового правила *П* є *ИГ* + *ГГ* (построенного по модели *Субъект* + *Атрибут*, которую мы находим в классических грамматиках и в логике) Дюбуа предлагает сразу разворачивать *П* в *ИГ* + *ГГ* + (*ПрГ*), где *ПрГ* — это так называемая предложная группа (syntagme prépositionnel), которая является факультативной Дюбуа различает два типа придаточных относительных за счет того, что придаточное аппозитивное присоединяется к *ИГ* матричной фразы, а придаточное определительное — к *ПрГ*, которая непосредственно подчинена *П* матричной фразы. С помощью этого приема можно, в частности, объяснить образование очень характерных для французского языка относительных местоимений типа *lequel*, *laquelle*, *lesquels*, после которых без предлога может идти только определительная конструкция. Что же касается придаточных аппозитивных, то Дюбуа рассматривает придаточное относительное во фразе *Je cherche une maison qui ait des volets verts* 'Я ищу дом, у которого были бы зеленые ставни' как аппозитивное. При этом критерий, позволяющий ему это делать, не вполне очевиден, но в его грамматике из-за наличия сослагательного наклонения это придаточное порождается из предложной группы Учитывая наше знание о том, что такие конструкции возможны не со всеми глаголами, а лишь с некоторыми, не слишком ли большое значение придается приему, с помощью которого эти конструкции образуются, не говоря уже о том, что, как признает сам Дюбуа, в целом по своей интерпретации такого рода придаточные очень близки к определительным.

Главное возражение против решения Дюбуа состоит в том, что, вводя составляющую *ПрГ*, непосредственно подчиненную основному узлу *П*, он подрывает основы классической порождающей грамматики. И какие бы обоснования ни приводились в пользу такой модификации порождающей модели, при том что фетишизм в этом вопросе неуместен, а аргументы в пользу простоты модели обманчивы, этот подход в конечном счете заставляет нас задуматься над вопросом о теоретических возможностях порождающей модели. Совершенно ясно, что таким путем мы можем значительно упростить грамматику, ибо порождающая модель дает возможность относительно легко разрешить целый ряд достаточно тонких вопросов. Что же касается конкретно придаточных относительных, то такое решение позволяет

довольно хорошо объяснить свойственное придаточным аппозитивным обстоятельственное значение, которое не нашло объяснения в других концепциях, включая и предложенную Друбигом. Главная опасность такого подхода заключается в его обобщении и распространении на другие случаи, так как это может привести к чисто произвольному выбору интерпретации. Ведь в конечном счете с введением базовой составляющей *ПрГ* вновь встает проблема определения синтаксических категорий и вопрос об их соотношении. Вводя *ПрГ*, мы тем самым как бы постулируем промежуточную категорию между существительными и глаголами, к которой, в числе прочих, относим и прилагательные. Таким образом, формально проблема детерминации решена, но сделано это довольно поверхностно, а именно на уровне графического представления. (Аналогичный подход предлагал Смит для различения двух типов придаточных.) Но такой подход к проблеме не более чем уловка, позволяющая уйти от вопроса разработки настоящей теории детерминации. Как и в первой части этой работы, мы вновь ставим вопрос: можно ли разработать такую теорию с чисто языковой точки зрения, не привлекая теории дискурсных парафраз, с которой, по нашему мнению, связано явление референции?

3. ПРИДАТОЧНЫЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ, ПАРАФРАЗЫ И СВЯЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДИСКУРСА (ARTICULATIONS DISCURSIVES)

Теперь для относительных конструкций мы предложим новую концепцию детерминации. В ней детерминация понимается как отношение, включающее как синтаксические, так и семантические факторы. Под синтаксическими факторами мы понимаем эффекты значения, связанные с синтаксисом как одним из проявлений свойств языка, которые можно назвать относительной автономией языка. Понятие относительной автономии языка подчеркивает тот факт, что уровень функционирования дискурса не зависит от уровня идеологических формаций, выраженных в дискурсе, а это и есть относительно автономный уровень функционирования дискурса, теорией которого и является лингвистика. *Язык* — это то понятие, которое позволяет нам постулировать этот уровень. Автономия относительна, так как при производстве и интерпретации того, что мы назовем *дискурсными последовательностями*, т.е. «конкретных» дискурсов, невозможно a priori определить границу между тем,

что свидетельствует об относительной языковой автономии, и тем, как эти «конкретные» дискурсы зависят от дискурсных формаций. В том смысле, в котором мы ее определили выше, эту автономию нельзя было установить a priori. Другими словами, мы утверждаем, что любой «конкретный» дискурс детерминирован двояко: с одной стороны, идеологическими формациями, которые связывают его с определенными дискурсными формациями, а с другой — относительной автономией языка; но мы утверждаем, что a priori нельзя точно отграничить сферу действия одного от сферы действия другого. Поскольку язык — это, пользуясь терминологией Пешё и Фукс (P ê c h e u x, F u c h s 1975), материальная сущность, в которой воплощаются эффекты значения, то всегда существует и детерминация, которая может проявляться, например, в форме правил, которые в лингвистике принято называть синтаксическими. Однако с теоретической точки зрения нельзя a priori сказать, действует ли то или иное частное правило при производстве и интерпретации данного конкретного высказывания; единственное, что можно сказать точно, — это что такого рода правила для этого необходимы[2].

Из отношения между двумя видами детерминации дискурса вытекает понятие дискурсной парафразы. Действительно, если бы дискурс (в плане его производства и интерпретации) целиком определялся языком, то тогда бы не было необходимости и в понятии дискурсной парафразы. (Мы уже установили выше, что эффекты значения возникают именно за счет дискурсной парафразы.) Следовательно, можно объяснить, что различные формулировки (точнее, их материальные воплощения) могут быть связаны с тем же эффектом значения — без того, чтобы рассматривать эти формулировки с точки зрения их взаимосвязи, опираясь на отношение, принадлежащее к области относительной автономии языка (речь идет, в частности, о том, что в лингвистике принято называть «парафразой»). В этом вопросе необходима ясность: понятие дискурсной парафразы — это «контекстуальное» понятие в том смысле, что дискурсные парафразы зависят от условий производства и интерпретации, т.е. от различных дискурсных формаций, с которыми можно соотнести дискурс, чтобы придать смысл этим парафразам. Следовательно, различные формулировки никогда не могут быть связаны отношением дискурсной парафразы, кроме случая, когда мы сравниваем две дискурсные последовательности, которые произведены в одинаковых услови-

ях и в которых эти формулировки имеют одинаковое окружение. Такое сравнение возможно только на основе относительной языковой автономии, которая есть (и теперь мы это можем сказать) не что иное, как порядок дискурса в том смысле, как это понимается в классических грамматиках.

При такой постановке вопроса существует один частный случай взаимного соответствия конкретных высказываний — это случай, когда последовательность соотносится с ней же самой. Это явление, в частности, наблюдается при повторе (reprise) и переформулировке (reformulation). Сейчас мы покажем, что различия в том, как функционируют придаточные относительные (в качестве определительных или в качестве аппозитивных), связаны с возможностью сопоставить последовательность с ней же самой на основе относительной автономии языка, в частности синтаксиса. Для этого нам понадобится понятие насыщенности.

Понятие насыщенности касается размеров и выделения формулировок, которые в данных условиях производства и интерпретации дискурса являются взаимными парафразами. Формулировка (мы намеренно употребляем этот расплывчатый термин, чтобы показать, что эти «единицы» дискурсной парафразы не обязательно совпадают с теми единицами, которые выделяются на основе относительной автономии языка) называется насыщенной, если ее можно соотнести с другой формулировкой в другой дискурсной последовательности, где она связана с такими же насыщенными формулировками, или внутри той же дискурсной последовательности. Однако (в этом и состоит особенность соотнесенности дискурсной последовательности с ней же самой) две материально различные формулировки внутри одной дискурсной последовательности могут быть связаны отношением дискурсной парафразы и в то же время не находиться с необходимостью в контексте одних и тех же насыщенных формулировок, как это происходит, когда речь идет о соотнесенности двух различных дискурсных цепочек. Для этого особого случая, когда с дискурсной последовательностью соотносится она сама, в дальнейшем будет использоваться термин «внутреннее соотношение» (rapport intra sequence) (это одно из явлений, которые Пешё и Фукс (1973) назвали «зоной забвения № 2» (zone d'oubli № 2)). В частности, внутреннее соотношение встречается в правиле, предложенном Мильнером (M i l n e r 1973); согласно этому правилу «местоимение не может предшествовать эле-

менту, от которого оно получает референцию» (ibid., 138—139), и, хотя это правило нестрогое[3], оно представляет собой один из случаев, когда последовательность соотносится сама с собой. Особенности выражения смысла такой последовательностью заставляют нас обращаться к позиционным критериям (типа предшествования / следования в цепочке). Кроме этого особого случая соотнесенности последовательности с ней же самой последовательность может сопоставляться с собой таким же образом, как и с любой другой последовательностью. Мы назовем «внешним отношением» (inter-séquence) свойство, по которому последовательность сопоставляется с собой или с другой последовательностью. В зависимости от того, касаются ли они самой последовательности или другой последовательности, внешние отношения соответствуют тем зонам («зоне забвения № 2» и «зоне забвения № 1»), которые определены у Пешё и Фукс (1973).

Утверждая, что порождение смысла дискурсной последовательностью основано на возможности соотнести эту последовательность с дискурсной формацией, мы, разумеется, не хотим сказать, что при чтении одного текста надо обязательно обращаться к другому. Этот вопрос относится к проблеме анализа дискурса. Что касается всего остального, мы не будем обсуждать здесь эти проблемы; скажем просто, что этот процесс затрагивает то, что принято называть «памятью»; но если не довольствоваться таким расплывчатым понятием, то надо попытаться найти более удовлетворительный ответ на этот вопрос. Для этого надо понять, как соотносятся идеология, бессознательное и язык. Тем не менее парафрастическое отношение может функционировать, никак не материализуясь в реальном соотношении конкретных последовательностей. Оно может функционировать вне сознания говорящего, пишущего, слушающего или читающего, и в этом «забвении» и заключается (как это показали Пешё и Фукс) иллюзия того, что сам говорящий, пишущий и т.п. является первоисточником своих слов и своего дискурса. Иначе говоря, материальность дискурсных формаций не сводится к материальности дискурсных последовательностей. В этой ситуации надо понять, что, интерпретируя заданную последовательность (чем постоянно и занимаются лингвисты), мы не всегда можем однозначно определить, происходит ли этот эффект значения от соотнесения последовательности с ней самой или это парафрастические отношения позволяют порождать другие вы-

сказывания, в которых они (парафрастические отношения) находят свое материальное воплощение, составляют ли эти высказывания фонд уже сказанного (déjà dit) или сказанного по-другому, на фоне которого и разворачивается последовательность.

Таким образом, из-за того, что в некоторой данной последовательности внешние и внутренние отношения могут действовать одновременно (и при этом их сознательно нельзя различить), формулировка может показаться насыщенной, а это можно ошибочно связать с внутренним отношением, хотя на самом деле здесь должно действовать внешнее отношение, основанное на относительной автономии языка. Отсюда возникает субъективный эффект предшествования, имплицитно признанного и т.д., который мы в другом месте обозначили термином «преконструкт» (préconstruit). Этот эффект характерен для придаточных относительных в определительной функции. Учитывая все вышеизложенное, мы можем говорить только об определительном или аппозитивном функционировании придаточного относительного, а не о том, что придаточное относительное является (само в себе) определительным или аппозитивным[4].

И в заключение мы хотели бы сделать краткий обзор свойств придаточного относительного в обеих его функциях (в обоих типах его функционирования). Прежде всего, можно сказать, что факт наличия относительного местоимения, именно постольку, поскольку оно является местоимением, представляет отношение между антецедентом и придаточным как внутреннее отношение, даже если это отношение не эксплицировано нигде внутри этой последовательности. Итак, случай, когда придаточное функционирует как определительное, отличается от случая, когда оно функционирует как аппозитивное, тем, что одна из характеристик, по которой сопоставляются последовательности (внутреннее отношение), стирается другой (внешним отношением). А в случае, когда придаточное функционирует как аппозитивное внутреннее отношение, оно сохраняется. Кратко можно сказать, что придаточное относительное в определительной функции представляет внутреннее отношение как внешнее. Это касается и всех определительных отношений, в которых могут стираться показатели утверждения. И наконец, этот эффект происходит от иллюзии субъекта, что он сам является первоисточником своего дискурса.

Исходя из этого, мы покажем, почему придаточное относительное может функционировать в качестве аппозитивного только в двух случаях

(а) Когда отношение между антецедентом и придаточным относительным принадлежит области общих очевидных фактов, потому что, например, в придаточном говорится о «природиых свойствах» того, что можио идеитифицировать в качестве его десигнации (пример *Le chien, qui est un animal, est carnivore* 'Собака, которая является животным, плотоядна')

(б) Когда отношение между антецедентом и придаточным относительным эксплицировано в контексте, предшествующем последовательности

В случае (а) межфразовое отношение действует на последовательности, отличиой от той, которую мы рассматриваем дискурс, где очевидные факты, о которых идет речь, могут быть выражены как таковые В случае (б) внутреннее отношение действует на той же самой последовательиости

Тот факт, что виешнее отиошеиие может стираться внутренним, связан с условиями производства и интерпретацией дискурса, как это видно в случаях, когда возможна двойственность (см примеры, приведенные в начале второй части)

Анализ двух способов функционирования придаточных относительных приводит нас к выводу, что с синтаксической точки зреиия их нельзя дифференцировать Следовательно, мы вынуждены признать, что с точки зрения языка им соответствует одна структура, а различаются они только с точки зрения дискурса К похожему заключению приходит Друбиг (и Аннеар Томпсон в работе, которую мы уже упоминали) Однако в своих выводах они исходят из совершенно других теоретических предпосылок, поскольку в обоих случаях эффект значения, свойственный каждому из типов придаточных, связывается с языком, а не с дискурсными процессами Мы считаем, что эта идея получит свое подтверждение лишь по мере дальнейшего развития дискурсной семантики и стаиет частью более общей теории И нам кажется, что тот подход, который мы здесь наметили, позволит описать целый ряд явлений, связаиных с детерминацией

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Это объясняется тем, что в данных работах есть тенденция все больше опираться на логическое представление «семантической структуры» и считать его самым глубинным, что приводит к попытке сводить все исключительно к конкатенациям (ср среди прочих работ A n n e a r - T h o m p s o n 1971)

2 Утверждая, что любое правило, каким бы фундаментальным оно ни казалось, может в каких-то случаях не действовать, мы опираемся на опыт психоаналитических исследований Иначе говоря, мы утверждаем, что «нечто от языка» всегда присутствует в дискурсе в качестве его материальной основы, но невозможно определить a priori, что именно от языка вовлечено в тот или иной «конкретный» дискурсный процесс В принципе граница между языком и дискурсом в каждом «конкретном» дискурсном процессе каждый раз должна определяться заново Между тем на практике относительно этой границы должна строиться некоторая гипотеза, для того чтобы начинать с синтаксического анализа, лишь потом переходя к анализу дискурса

В некоторых случаях во французском языке наблюдается инверсия местоимения и антецедента, например во фразе *Quand il arrivera, dis a ton pere de me telephoner!* 'Когда он приедет, скажи твоему отцу, чтобы мне позвонил!'

Заметим, однако, что некоторые конструкции могут функционировать либо как определительные (указательные местоимения, некоторые неопределенные местоимения и т д — их число ограниченно, и они задаются списком), либо как аппозитивные (в частности, имена собственные без определяющего члена) Что же касается критерия наличия запятой (точно так же как и интонационного критерия), то вслед за Фукс и Мильнером (F u c h s, M i l n e r 1974, 26) отметим, что «правила употребления запятой» имеют тенденцию к исчезновению, если они вообще когда-нибудь функционировали

АНАЛИЗ ДИСКУРСА НА СТЫКЕ ЛИНГВИСТИКИ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ВЕЧНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Сказать сегодня, что гуманитарные науки, связанные с языком (а какая гуманитарная наука с ним не связана?), развились в условиях острейшей борьбы за пересмотр самого понятия «язык», как его определили Соссюр, структурная лингвистика, а затем Хомский, — значит сказать банальность. П. Бурдьё многократно выступал против фундаментальных постулатов порождающей грамматики: «Отвергая всякую связь между функциями языковых средств и их структурными свойствами [...] отдавая предпочтение формальным свойствам грамматики в ущерб изучению функциональных ограничений, структуре, а не употреблению. внутренней связности дискурса, который признается приемлемым до тех пор, пока не является абсурдным, т.е. оставаясь в рамках чисто формалистической (non grammatical) логики, не учитывая адаптацию к ситуации, без которой может стать абсурдным даже самый последовательный дискурс, Хомский становится жертвой вечной иллюзии грамматиста, который забывает, что язык создан, чтобы на нем говорить, и что любой дискурс существует лишь ради кого-то и в определенной ситуации. Хомский знает и признает (во всяком случае, имплицитно) только дискурс бесцельный или служащий любой цели, а также неисчерпаемую компетенцию, достаточную для обеспечения языка, дискурс, пригодный для любых ситуаций, поскольку в действительности он не приспособлен ни к одной из них [...]» (B o u r d i e u 1975, 23). То же читаем у У. Лабова: «Лингвисты довольно неожиданно дали новое определение своей области таким образом, что повседневное использование языка обществом оказалось за пределами интересов собственно лингвистики и получило название речи, а не языка. Вместо того чтобы

Régine R o b i n. L'Analyse du Discours entre la linguistique et les sciences humaines: l'éternel malentendu. *Langages*, 1986, № 81, p. 121—128. [Данная статья представляет собой послесловие к специальному выпуску журнала *Langages*, посвященному Анализу дискурса, под общим заголовком «Анализ дискурса: новые пути». *Прим. составителя.*]

сражаться с трудностями, которые создаются этим материалом, они нашли теоретическое обоснование, делающее излишним само его рассмотрение. В самом деле, утверждалось, что лингвисту не следует интересоваться фактами речи» (L a b o v 1976, 350)*. Еще в 1929 г. против «абстрактного объективизма» Соссюра выступал Бахтин (Волошинов): «Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психофизиологический акт его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемого высказыванием и высказываниями. Речевое взаимодействие является, таким образом, основною реальностью языка» (Б а х т и н 1977)**.

Не меньше достается лингвистике и ее предмету, языку, и от психоанализа, но с других позиций. Так, в одной из последних публикаций можно прочесть следующее характерное рассуждение: «Поэзия восполняет то, чего не хватает языкам, а лингвистика знать ничего не хочет о подобных проблемах; для нее языки не имеют недостатков, так же как их не бывает у простых тел, с точки зрения химика, или у планет, с точки зрения астронома [...] для лингвиста все языки совершенны, поскольку каждый из них может быть переведен на любой другой. Для Малларме они все несовершенны в силу их многообразия»[1] (M a n n o n i 1984).

Эти рассуждения не новы, но ученые к ним настойчиво возвращаются. Трудно отрицать, что за последние лет двадцать гуманитарные науки в целом выявили новые объекты, новые области изучения, дав языку, дискурсам, речи совершенно отличные от принятых в лингвистике определения. Говоря очень схематично и понимая, что эти беглые замечания должны быть уточнены, мы можем здесь выделить два основных направления, каждое из которых подразделяется на многочисленные школы и группы, в свою очередь имеющие многочисленные точки соприкосновения. Первое направление, как бы оно ни называлось, относится к социальному бытию языка. Социология языка, социолингвистика, социальная лингвистика, этнология общения, интеракционизм в коммуникации, этнометодология, в чем-то пересекаясь, а в чем-то дополняя друг друга, изучают то, как

---

* Цит. по: W. L a b o v. Sociolinguistic Patterns. Philadelphia, 1972, p. 258. – *Прим. перев.*

** Цит. по: В. Н. В о л о ш и н о в. Марксизм и философия языка. Л., 1929, с. 113. – *Прим. перев.*

члены социума используют язык. Последний при этом может рассматриваться как мировоззрение, как носитель социальных представлений, как отпечаток властных отношений, как доступ к имплицитным знаниям или к социальной практике. Эта огромная область включает исследования проблем языкового планирования, билингвизма и полилингвизма, языкового варьирования, «коллективных языковых поведений, характеризующих социальные группы в той мере, в какой эти поведения между собой различаются и друг другу противопоставляются в рамках одного общего языкового сообщества» (M a r c e l l e s i, G a r d i n 1974, 15). Но сверх этого сюда входит и изучение того, как применяется язык в конкретной ситуации, различных видов языковой социальной практики, использующих в своем взаимодействии «коммуникативную компетенцию» (Hymes). Короче говоря, речь идет о языке в его социальном контексте, о языке как норме, о семантических полях, свойственных разным культурам, и об «интеракционном подходе к языковому поведению» (Gumperz). Социология языка, вариационная социолингвистика и этнометодология развивались разными темпами и исходили из различных теоретических посылок, но все они критикуют соссюровское определение языка и стремятся дать последнему определение, связанное с его социальной стороной.

Второе направление — это область различных «прагматик», изучение отношений между знаками и их использованием, начиная с наследия Ч. Морриса и Пирса и кончая философией языка (Остин, Сёрл и т.д.), между которыми лежит немецкая прагматика текста. Язык больше не мыслится как средство, коммуникация и / или взаимодействие, но как поступок, акт. Говорить — значит теперь не только обмениваться информацией, но прежде всего совершать речевой акт, воздействовать на слушателя, владеть (в соответствии с точными правилами) коммуникативной ситуацией, через языковое воздействие менять систему убеждений слушателя и даже его поведение. Иллокутивная функция высказывания может быть понята только в рамках ситуации языкового взаимодействия: многие факты доказывают, что следует различать синонимию и двусмысленность, семантическое и аргументативное значение одного и того же высказывания. Таким образом, в рамках общей перспективы вновь вводится соотношение сил, коммуникативная ситуация, а в языке некоторый набор различных видов функци-

онирования (перформатив, пресуппозиции и т п), которые могут быть расшифрованы только при обращении к субъекту акта высказывания, ко всей сложной проблематике «того, кто говорит» Если, как указывает Бенвенист, процесс высказывания предполагает преобразование говорящим языка в дискурс, если до акта высказывания язык — это только возможность языка, то проблемы, связанные с процессом высказывания и с различными прагматическими аспектами, не просто возвращают «субъективность в язык» Они также вводят в диалог, в разговор соотношение сил, не только выражаемое, но и создаваемое в процессе общения и санкционированное языком. Если социологии языка, различным социолингвистическим направлениям, этнологии коммуникации угрожает излишний социологизм, то различные подходы с точки зрения теории высказывания и прагматики склонны к логицизму. Впрочем, вся история собственно лингвистики может быть сведена к борьбе этих двух тенденций: с одной стороны, стремление к абсолютной автономности лингвистического, а с другой — эмпиризм вариационистских описаний (G a d e t, P ê c h e u x 1981). Тем не менее у всех этих подходов есть много точек сближения, и все они на разных основаниях могли бы подписаться под следующей полемической программой, которую провозгласил в своей знаменитой статье П. Бурдье: «Можно сказать, что социолингвистическая критика предлагает для лингвистических понятий тройную подмену: вместо понятия *грамматического* предлагается понятие *приемлемого*, или, если угодно, вместо понятия языка — понятие законного языка; вместо *коммуникативных отношений* (или символического взаимодействия) — *символическое соотношение сил* и, одновременно, вместо проблемы *смысла* дискурса — проблема значения и *власти* дискурса; наконец и в связи с предыдущим, вместо собственно языковой компетенции — *символический капитал*, неотделимый от положения говорящего в социальной структуре» (B o u r d i e u 1977, 18).

Спору нет, все это важные приобретения, так же как важны возобновление исследований, постановка новых и пересмотр старых проблем в этой огромной области Я бы хотела только напомнить, что этот спор с определением языка у Соссюра или «компетенции» у Хомского вызван смешением объектов, представляющих интерес для анализа дискурса, для его формирования, для его развития в насто-

ящий момент и для его возможного будущего. Сердцевиной недоразумений и путаницы является наложение понятия «норма» на понятие «правило», или, если угодно — в более традиционной терминологии, — смешение объективной нормы, присущей языковой системе, и набора чисто социальных характеристик, дающих положительную или отрицательную оценку тому или иному произношению, тому или иному говору. У. Лабов, который, создавая свою социолингвистику, сам критиковал принципы хомскианской лингвистики, сам же это и разъясняет. Упомянув чисто нормативные правила типа III, гласящие, что тот, кто по-английски произносит *then* со звуком *d*, должен быть отнесен к разряду «лиц без образования», объяснив правила типа II, относящиеся к полуобязательным правилам средненормативного употребления, которым учат в школе, У. Лабов добавляет: «Большинство лингвистических правил носит совершенно другой характер. Они соответствуют автоматическому, глубинному поведению, они бессознательны и никогда не нарушаются. На протяжении веков лингвисты открывают и формулируют правила типа I, и именно ими мы занимаемся в большинстве наших исследований. Они формируют сам костяк лингвистической структуры. Без них нам было бы очень трудно выразить что бы то ни было. Если бы задачей преподавателей английского было обучить детей правилам типа I, то им пришлось бы выполнять работу неизмеримо более сложную, чем та, которую они в действительности выполняют, обучая детей небольшому количеству правил типа II, а также базовой терминологии, позволяющей говорить о языке» (L a b o v 1976, 95).

За пределами узуса и всего того, что с социальной точки зрения относится к правильному употреблению, за пределами различных манер говорить, которым приписывается положительиая или отрицательная оценка, за пределами диалектов и даже усредненного диалекта, возведенного в норму, находится этот «факт грамматического» («fait du grammatical», J.-C. Milner), язык как форма, организованная материя. Тем самым постулируется, что нет ничего случайного в языке, ничего не подчиняющегося каким-либо правилам, зато есть фундаментальные правила, управляющие порядком слов, системами метафор и метонимий, ритмической акцентуации и лексикой как памятью. «Неоднородная, но стремящаяся к регулярности структура» (M i l n e r 1983, 43), язык в своей материальности, в том, что можно было

бы назвать неотъемлемой принадлежностью языка, наиболее близкой к символической, ие может быть отнесен ни к логической, ни к социальной категории. Это система, пусть представимая и формализуемая, но в своей неоднородности, иезамкнутости и неодиозначности внутреиних запретов далекая от системы запретов политического характера. Так, когда Р Барт сетует, что во французском языке он вынужден использовать мужской и жеиский род и не может пользоваться средним, что он должен ставить самого себя на первое место в роли подлежащего, когда он попросту утверждает, что язык «сродии фашизму» (Barthes 1978, 13—14), он смешивает то, что в языке нельзя обойти, что имеет характер правила, то, что тем самым порождает свою систему невозможного, и то, что является запретом типа цензуры. Во всяком случае, он рассуждает так, как если бы явления этих различных порядков могли накладываться друг на друга. По правде говоря, вполне возможны языковые игры в рамках правила и с самим правилом в пограничиой зоие, как это происходит в иекоторых шутках, которые обыгрывают не значение высказывания, а сам язык (Milner 1976; 1977; 1982), а также в иекоторых случаях поэтического употребления, которое, впрочем, может встречаться и в самой обычной речи (мечта Шалтая-Болтая)*. Поэзия в отличие от того, что говорит традиционная теория, — это вовсе не отклонение от нормы: скорее следовало бы ее считать игрой с правилами. Поэтому когда П. Бурдьё подвергает сомнеиию понятие среднего стандартного языка как абстрактного объекта, искусственного инструмента, которым никто не пользуется ни для общеиия, ни для выражения собственных мыслей, ни для того, чтобы завладеть ситуацией, ни для шуток, то речь идет о некоем среднем абстрактном языке, вымышленном и мыслимом в терминах нормы, а не в терминах регулярности, свойственной языку-объекту. Действительно, если язык — это только то, что социально распределено просто по степени престижиости и узаконенности в обществе, то получить средний язык — это иллюзорная и фантастическая затея. Тогда существуют только диалекты и социальио распределенные манеры гово-

* Имеется в виду знаменитое стихотворение Шалтая-Болтая и его же комментарий к этому стихотворению: «Варкалось. Хливкие шорьки / Пырялись по нове, / И хрюкотали зелюки, / Как мюмзики в мове». Цит. по. Л. Кэрролл Приключения Алисы в Стране чудес Алиса в Зазеркалье. Перев Н. Демуровой. Петрозаводск· Карелия, 1979, с. 189. — *Прим перев.*

рить Одной из задач социологии языка и является обнаружение этой дистрибуции, этих отношений иерархии и доминирования Но это не имеет никакого отношения к объекту «язык», понимаемому не как усредненное употребление, но как совокупность разнородных правил, которые нельзя обойти[2] Формальная лингвистика, с которой столько спорят в последнее время, во многом способствовала развитию этих понятий провала (faille), граней (bordure), разнородности, внутриязыковых запретов, точек, где дискурсное переплетается с лингвистическим, она уделила много внимания разграничению уровней (фонологического, синтаксического и т д), для того чтобы представить язык как неустойчивое единство, как многослойную структуру и т п Среди явлений, которые заставляли изучать язык с точки зрения закономерности его строя, есть ряд не поддающихся классификации синтаксических проблем, ряд явлений, которые требуют в обязательном порядке вмешательства процессов более сложных, чем грамматическая правильность, которые вынуждают расслаивать язык, представлять его в терминах отсутствия тождества Таковы шифтеры, местоимения, показатели дейксиса, глаголы речи, эксплетивное ne, некоторые виды вопросов Сюда же входит глоссолалия, относительно которой Ж -Ж Куртин недавно показал, что «она создает видимость языковой формы, одновременно выходя за ее пределы это образ языка, вписанный в его избыток» (C o u r t i n e 1983, 45) Следует упомянуть и проблемы перевода П Серио напомнил нам, насколько при переводе, когда исходный язык сталкивается с целевым языком, проявляется система специфических ограничений, специфической неполноты каждого языка «Перевод — это не метаязык, поскольку целевой язык также имеет свою систему запретов, свою собственную сеть обязательных или потенциально имплицитных элементов Значит, перевод — это переход к другой конфигурации специфических ограничений, опирающейся на материю целевого языка» (S é r i o t 1984, 140) Наконец, телескопные слова, каламбуры, шутки, в которых обыгрываются правила, поэтические и коннотативные употребления, тропы, все, что относится к области исключений или к тому, что Ж -К Милнер назвал «языковыми монстрами» Если правда, что «одно из свойств естественных языков — это позволять строить безумные речи» (D e l e s a l l e e t a l 1980, 111), то мы, подобно А Грезийон, вправе задать вопрос чем объясняется тот странный

факт, что говорящий всегда оказывается подчинен правилам, даже когда изо всех сил старается их ниспровергнуть? (Grésillon 1985, 255) Помехи возникают и при эффекте «мерцания», вызываемом любым парафразированием (Gadet, Léon, Pêcheux 1984, 45) И опять же, помехи неизбежны там, где происходит раздвоение субъекта акта высказывания, где проявляется присущая языку полифоничность (Ducrot 1984), конститутивная неоднородность (Authier-Revuz 1982), когда исчезает не только самодовлеющий субъект, ио и единый нерасщепленный субъект вообще

Теперь видно, как сильно и в каком направлении развилась лингвистика Она уже не пытается мыслить язык как «совершенный», полностью формализуемый с помощью математических моделей объект Напротив, сохраняя требования к формальиому описанию, она показала провалы, ограничения, избыточность, которые постоянно терзают язык Язык вовсе не результат действия социальных или политических факторов (хотя социальное и пронизывает его насквозь), язык — это особая материальность, система непреодолимых ограничений, в рамках которой присутствует неизъяснимое и иеформализуемое (то, что отличает данный язык от любого другого), система неустойчивая, неоднородная, незамкнутая, «среднее между миражом языка без правил и фантазмом языка, окончательно и прочно упорядоченного» (Gadet 1981, 124) И как не увидеть, что эти вопросы отиосительно языка и процессов, уже давно обсуждаемые в научной литературе, затрагивают статус означающего и бессозиательное На протяжеиии долгих лет Ж -К Мильнер успешно ищет соотношение между языком и Языком (lalangue), рассматриваемое как «пересечение, на котором может быть обнаружена точка, где желание нарушает гуманитарную науку, где выявляется, если захотеть это заметить, наблюдаемое соотношение с возможной теорией желания» (Milner 1978, 25) Так что ие обратить внимания на то, что языку присуще, — это значит одновременно не обратить внимания на бессознательное, на недостающее и тем самым замкнуться в проблематике общения, утилитарного, в проблематике языкового употребления, которая исключает из рассмотрения Язык (lalangue) и сводит язык к речевой деятельности

Того, иа что я здесь лишь иамекиула, уже достаточно, чтобы дать почувствовать, насколько важной ставкой ста-

нет язык при определении специфики анализа дискурса, если, с одной стороны, понимать под последним термином то, что у М. Фуко и его последователей представлено как пересечение серий текстов, формирующее объекты, высказывания, механизмы, стратегии, а с другой — в лингвистике — как интердискурсность, выходящая за рамки предложения[3]. По правде говоря, неоднозначность понятия «дискурс» столь велика, что названные выше способы его понимания породили бесконечное количество разных постановок вопроса, теоретических и дескриптивных средств. Существует социолингвистический анализ дискурса (Marcellesi, Gardin), семиолингвистический (Charaudeau 1983) и психосоциосемиотический (Chabrol 1984). Конечно, между всеми этими подходами нет непроницаемой стены. Положим, не впадая в излишний эклектизм, что некоторые из них, если их сформулировать иначе, проясняют и обогащают наше собственное представление об анализе дискурса. Ведь при всем этом разбросе подходов и объектов есть нечто, что сохраняет обязательное соотношение с особым языковым измерением и что одновременно является лишь «длинным обходным путем, чтобы поставить под сомнение постулат автономности синтаксиса и отказ лингвистики от всякой истории, в особенности своей собственной» (Courtine, Marandin 1981, 32). Действительно, уже больше невозможно отождествить всякую регулярность в языке и грамматическое правило, особенно на сверхфразовом уровне. Анализ дискурса, имеет ли он дело с устоявшимися с точки зрения социальных и политических институтов текстами обычного языка, корпусом письменных или устных текстов, занимается ли он родным языком или непереводимостью иностранного, изучает ли он новое или повторяемое в дискурсе в прошлом или в настоящем, все равно он будет отличаться от подхода к языковым фактам основных гуманитарных наук именно своим двойственным отношением к языку. С одной стороны, дискурсное соткано из языка. Немыслимо уклониться от систематизации, от составления корпуса текстов, от анализа текста на микрофункциональном уровне, поскольку без этого нельзя обнаружить многообразие в едином целом, отличие в бесконечно повторяемом, другое в образе одного и того же. С другой стороны, дискурсное — это не просто язык на сферхфразовом уровне. Все создает сложности: членимость, связность, последовательность, функционирование анафор

и дейксиса и т.д. «Описание языка стремится предоставить правило, позволяющее построить любую фразу данного языка, тогда как предмет анализа дискурса — это, похоже, описание реальной языковой последовательности, уникальной и неповторимой» (M a r a n d i n 1979, 18).

Начиная с первых утверждений М. Пешё, начиная с моей книги, где я попыталась сформулировать задачи анализа дискурса в истории (P ê c h e u x 1969a; R o b i n 1973), анализ дискурса многократно обновлялся и трансформировался, переживал теоретические и методологические подвижки. За неимением места мы не станем подробно прослеживать это его экспериментальное, междисциплинарное развитие, получившее новый толчок с рождением ADELA* во главе с М. Пешё. Я хотела бы только упомянуть некоторые из этих сдвигов и смен определений. Еще около десяти лет назад (P ê c h e u x 1975) особый акцент делался на целостности *дискурсных формаций* (понятие, заимствованное анализом дискурса у Фуко), на совокупности связанных между собой понятий, таких, как условия производства, дискурсные формации, идеологические формации, интердискурс, интрадискурс, преконструкт и т.д. Целью оставалась глобальная теория дискурса, которая могла бы соединить лингвистическую базу (язык) с дискурсными процессами, субъектом или эффектом-субъектом и с исторической перспективой. При анализе интердискурса и совокупности форм «уже сказанного» и «уже данного» (déjà-dit, déjà-là), выявляемых через феномен (в числе прочего) парафразы или пресуппозиции, так же как и при анализе интрадискурса, нити дискурса, расположения в последовательности, исходными понятиями были замкнутость дискурса и внешнее по отношению к нему пространство, которое определяет всю совокупность дискурсных последовательностей. Представленные как полностью определенные, что не оставляло места для разброса и неопределенности, наборы высказываний относились к гомогенным, внутренне последовательным формациям. Один из главных сдвигов в анализе дискурса, произошедших одновременно с другими достижениями лингвистики, с разнообразными кризисами в гуманитарных науках и с новыми открытиями в истории менталитетов, заключался в расчленении дискурсных фор-

---

* ADELA — исследовательская группа во главе с М. Пешё: «Analyse du Discours et lecture d'Archives» — при CNRS (Centre National de la Recherche Scientifique, Paris). — *Прим. перев.*

маций в том, что они стали мыслиться не в своей замкнутости, а в своей разделенности, в открытости, в соотношении внутреннего с внешним, в своих границах, а это в свою очередь вновь вернуло элемент неопределенности, нецелостности, противоречивости и неоднородности. Параллельно внимание было сосредоточено на интрадискурсном, на нити дискурса, на описании отдельных явлений, микрофункционирования, на описании языковых правил, регулярностей, действующих при описании дискурса. Отныне дискурсность — это «упорядоченное пространство рассеяния высказываний» (P ê c h e u x).

Второй большой сдвиг коснулся чтения архивов и обработки больших массивов текстов, которые составляют ежедневную работу историка (G u i l h a u m o u 1983, 1984 a, b, G u i l h a u m o u, M a l d i d i e r 1979, 1984 a, b). Здесь снова, чтобы преодолеть ограниченность, на которую нас обрекли наши методы, пришлось расширить пространство дискурсного. Наши формальные требования действительно завели в многочисленные тупики. Исходя из наших таблиц и классов эквивалентности, можно было «доказать» только то, что историки и так уже знали. Новые подходы позволяют открыть и описать дискурсные формации в их историчности. Три понятия отличают этот метод: тематический путь (trajet thématique), ко-текстуальный анализ, составление корпуса. Тематический путь и ко-текстуальный анализ — связанные понятия. Тематический путь прослеживает тему в рамках всех текстов, где она встречается, ее диахронию, а значит, историчность. Он выявляет речевые, дискурсные, языковые свойства, общие для высказываний, рассеянных в разбираемых архивных материалах. Что касается ко-текстуального анализа, то Ж. Гийому определил его следующим образом: «Работа по реконструкции текста, разметка продвижения высказываний, осуществляемые при установлении связи между словами, выражениями и фразами, формально друг с другом не связанными, но близкими по контексту и / или находящимися в формально идентичной позиции, но вне отношений, зарегистрированных историками» (G u i l h a u m o u 1984 b, 38). Этот анализ переводит высказывания в одну плоскость, уничтожая их стратегический заряд. Отсюда необходимость составления корпуса, момента систематизации в языке, без которого нельзя выделить стратегии столкновения, сопротивления, повтора / перемещения, перевертывания, соотношения сил. «На определенных этапах тематического пути могут возникнуть лексические и / или парафрастические проблемы.

Обращение к лингвистике играет организующую роль для составления корпуса в интересах размышлений одновременно о языке и об истории Лингвистический подход, каким бы он ни был, не навязывает более своей модели совокупности текстов, принимаемых в расчет (G u i l h a u m o u 1983, 21). Таким образом, новый анализ дискурса занимается вплотную интересами историков, но никогда не рассматривает текст вне языковых фактов и языковых эффектов и не надстраивает априорные, отвлеченные от истории знания на формальный анализ. Такой анализ дискурса — это процедура открытия, в равной степени подкрепленная историчностью текста и материальностью языка

Третий сдвиг относится к социоэтнометодологическому пространству, к языку беседы, повседневному языку, к диалогическому дискурсу, не закрепленному институционально риторическими ограничениями, свойственными определенному жанру Применение интерпретативных процедур поставило под сомнение строгое разделение субъекта и объекта Для разрешения возникших сложностей уже недостаточно традиционных наблюдений участников ситуации. Тем самым был изнутри демонтирован теоретический и концептуальный арсенал анализа дискурса (C o n e i n 1985). В рамках проблематики, характерной для социологических дисциплин, такой, как: соотношение с объектом, статус когнитивных процессов, отношение между эмпирическими знаниями и социальными представлениями, полученными из опросов и социологических дискурсов, соотношение с контент-анализом, — анализ дискурса, в частности видов повседневной речи, бесед послужил для обновления социальной прагматики в социологическом подходе к языку при сохранении внимания к языковым и дискурсным эффектам, в частности к проблеме последовательности

Так, анализ дискурса, еще несколько лет назад пытавшийся определить дискурсный объект как объект теоретический, предстает сегодня как подход, которому доступен только *пограничный объект*. Он работает на границах, разделяющих крупные дисциплины, и является для каждой из них тревожной зоной, где внутреннее соприкасается с внешним. Далекий от всякой априорной полемики в отношении гуманитарных наук и / или лингвистики, он пытается разрушить вечное недоразумение, которое затрудняло диалог между представителями разных дисциплин. При этом анализ дискурса, не страдая ни экуменизмом, ни эклектизмом, не хочет быть ни вспомогательной, ни автономной областью. Не выходя за рамки проблематики каждой дисципли-

ны, он упрямо напоминает о том, что языковое измерение несводимо к совокупности актов, типов повсдения или социальной практики, так же как оно не может быть сведено и к логико-семантической машине.

Так значит, реквием по анализу дискурса или, как указывает название этого номера, «Новые пути»? В этом послесловии мы не ставили себе цель проследить весь пройденный путь, но лишь рассеять некоторые недоразумения, возникающие из-за представления о прозрачности языка и дискурса, которое до сих пор преобладает в гуманитарных науках.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Правда, в том же отрывке Маннони говорит, что его критика не вполне относится к Бенвенисту и Якобсону. Как психоаналитик, пишущий о языке, Маннони, несомненно, выиграл бы, если бы, упоминая о Малларме, учел очень, как мне кажется, справедливые рассуждения Ж.-К. Мильнера о соотношении воображаемого, символического и реального в языке: «Если бы это свершилось, язык в своем собственном движении сомкнулся бы наконец с Языком (*lalangue*, в одно слово, у Лакана), как в легендарном алефе; законы науки воссоздают область, выходящую за пределы всякого закона. Можно полагать, что Малларме стремился именно к такой точке [...]» (M i l n e r 1983, 48).

2 В отношении критики см. в особенности K e r l e r o u x 1984.

3 Разъяснение многозначности термина «дискурс» можно найти в приложениях к предварительным отчетам о деятельности RCP-ADELA и в кн.: M a i n g u e n e a u. Genèses du discours. Bruxelles: Pierre Mardaga, 1984.

Э. Пульчинелли Орланди

К ВОПРОСУ О МЕТОДЕ И ОБЪЕКТЕ АНАЛИЗА ДИСКУРСА

> Язык Адама, эта произносимая в одиночестве, лишенная памяти речь, есть самый стойкий миф в Лингвистике. Действительно, текст, будь он письменный или устный, никогда не имеет абсолютного начала.
>
> *П. Серио. Деревянный язык и его двойник**

I. ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ АНАЛИЗА ДИСКУРСА

Целью анализа дискурса (в дальнейшем мы будем также пользоваться сокращением А.Д.) является выработка метода понимания продуктов речевой деятельности. По этой причине речь рассматривается не как данность, а как *факт*. В своих истоках анализ дискурса связан со сферой политики, вернее, если следовать утверждению Куртина (Courtine 1986), А.Д. преследует цель «понять текстовые формы политических репрезентаций».

Более того, анализ дискурса позволил по-иовому подойти к восприятию сферы политики через восприятие материальности речи, материальности одновременно языковой и исторической. В результате он позволяет по-новому взглянуть как на то, что мы относим к сфере «языкового», так и на то, что мы относим к сфере «политического» и «исторического». Для того чтобы понять всю сложность речи как факта, анализу дискурса отводится особое место между лингвистическими дисциплинами и науками об общественных формациях.

А.Д. мыслится как некий «механизм, который устанавливает связь, причем в более сложной форме, чем обычная ковариативность, между языковой сферой (изучаемой в

Eni Pulcinelli Orlandi. Observações sobre análise de discuso. — In: Terra a vista. Discurso de confronto: velho e novo mundo. São Paulo: Cortez ed., 1990, p. 25—52. © 1990 by Autora.

* P. Sériot. La langue de bois et son double. — *Langages et société*, № 35.

лингвистике) и социальной сферой, которой занимаются историки (в терминах властных отношений и идеологического господства)» (G a d e t 1990, 8) Такое понимание А Д основывается на том факте, что в дискурсе находит материальное выражение контакт между идеологической и языковой сферами

В основе французского А Д, в том виде, в каком он был задуман М Пеше, его основоположником, лежит связь, устанавливаемая между речевой деятельностью и идеологией В частности, Пеше исследует отношение между «субъективной очевидностью» и «очевидностью смысла», отводя дискурсу особое место, где происходит сочленение речевой деятельности с идеологией Тем не менее, говорит Пеше (P ê c h e u x 1969 a), теория дискурса никоим образом не может заменить собою теорию идеологии, как, впрочем, и теорию бессознательного (хотя она и предполагает наличие субъекта, причастного к идеологии и к бессознательному), однако она может *вторгаться* в сферу этих теорий

А Д противоречит обычным концепциям идеологии, поскольку, являясь критикой способа построения общественных наук, он позволяет по-новому взглянуть на социальные теории идеологии Таким образом, если в А Д лингвистика попадает в центр полемики, то и общественные науки в свою очередь подвергаются критическому анализу А Д показывает, что субъект и значение не прозрачны, и указывает на проблематичность связи общественных наук со сферой политики в той мере, в какой последние предполагают прозрачность речи

В А Д, с одной стороны, используются методы лингвистики (исследуется язык в его материальности), а с другой — используются методы науки об общественных формациях Однако парадоксальным образом теория дискурса, базирующаяся в конечном счете на этих двух науках — она ведь делит эпистемологическое поле своего конституирования с лингвистикой и с теорией (теориями) идеологии, — представляет собой критику основ этих наук, ибо она вовсе не используется в качестве нейтрального инструмента (ее использование предполагает изменение поля исследования и демонтаж базовых понятий обеих наук) В ней дело не изображается таким образом, что все, что составляет дискурс, вторично, она представляет собой нечто второстепенное, добавляемое к языковому как своего рода наращение

Показывая, что семантика — это «та точка, в которой лингвистика соприкасается с философией и науками об общественных формациях, причем этот факт часто не призна-

ется» (P ê c h e u x 1975), Пеше ясно дает понять, с каких позиций А Д критически оценивает как лингвистику, так и общественные науки Лингвистику А Д критикует за то, что в своем развитии, будучи не в состоянии объяснить реальность до конца, она постоянно продуцирует всяческие «измы» (психологизм, социологизм и т д), а социальные науки критикует за то, что они постоянно вводят в заблуждение относительно «орудийного характера» наук о языке

Лингвистика, вознесшись на волне структурализма, взяла на себя роль ведущей науки (и) в кругу гуманитарных наук В свою очередь перед ней были поставлены проблемы, которые возникают именно по поводу ее связи с другими науками Однако они остались нерешенными, ибо для того, чтобы взять на себя указанную роль, лингвистика должна была освободиться именно от всего того, что более интересует представителей других гуманитарных и общественных наук, проблемы эти касаются связи языка с внеязыковой действительностью

В свою очередь эти науки используют в качестве орудия работы с языком контент-анализ, который нельзя назвать адекватным инструментом в эвристическом смысле, поскольку он всего лишь помогает проиллюстрировать ранее высказанные положения с использованием категорий, уже установленных в этих самых науках, с его помощью исследователь просто иллюстрирует свою точку зрения

Конституирование анализа дискурса происходит в пространстве между лингвистикой и названными другими науками, именно в той области, где возникают проблемы связи языка (как предмета лингвистики) с внеязыковой действительностью (как предметом истории)

Получая определение как разновидность семантики, А Д предполагает существование лингвистики и тем самым отделяется от контент-анализа, поскольку его предметом является сама специфичность языковой материальности Однако А Д отделяется и от лингвистики, поскольку в качестве конститутивного признака его предмета (дискурса) признается историческая детерминированность Означает ли это, что А Д используется для адекватного решения проблем, которые ставятся в общественных науках, и тем самым обслуживает их в качестве рабочего инструмента?

Странная судьба анализа дискурса свидетельствует о масштабах вносимого им раскола и вызываемых им колебаний В процессе его разработки произошла смена поля исследования, ставя вопросы перед лингвистикой в рамках самой лингвистики, анализ дискурса в то же время ставит

перед общественными науками проблемы, затрагивающие сами основы, на которых базируются эти науки в процессе своего конституирования. В области гуманитарных и общественных наук А.Д. приводит к постановке фундаментальной проблемы, касающейся природы той концепции субъекта и языка, которая лежит в основе этих наук По словам П. Анри (H e n r y 1990), критика Пешё способа использования инструментов исследования в общественных науках в этом пункте сливается с его критикой общественных наук в целом, с критикой способа их соотнесения со сферой политики (идеологии, истории и т.д.)

Пешё, выступая под псевдонимом Т. Эрбер (H e r - b e r t, 1973), анализирует исторические корни эпистемологии и философии эмпирического познания. По его мнению, общественные науки в основном получили развитие в тех обществах, в которых основной целью политической практики было такое изменение общественных отношений в рамках общественной практики, которое позволило бы сохранить общую структуру последней. Таким образом, общественные науки являются прямым продолжением идеологии, способствовавшей их развитию в тесном контакте с политической практикой. Другой, более современной формой соблюдения приличий, когда то же самое говорится в соответствии с концепциями, формулируемыми в рамках общественных наук, являются такие дискурсы, в которых объявляется о конце политики, о смерти идеологий, что позволяет позитивизму снова восторжествовать в науке. Какое отношение к этому имеет дискурс? Самое прямое, ибо для Пешё орудием политической практики является дискурс, «функция политической практики заключается в изменении с помощью дискурса общественных отношений путем переформулирования социальных запросов».

Поэтому Пешё, желая «[...] осуществить прорыв в идеологической сфере общественных наук, выбирает именно дискурс и анализ дискурса в качестве поля теоретической (теория дискурса) и практической деятельности, создавая свой экспериментальный механизм» (H e n r y 1990).

Таким образом, порвать с прежним способом использования инструментов анализа в общественных науках Пешё помогает его собственная дискурсная концепция языка, в которой последний уже не рассматривается в качестве орудия передачи значений, существующих вне языка и независимо от него (т.е. существующих в виде «информации»). Именно это имеет в виду Пешё, когда утверждает,

что «язык служит для того, чтобы сообщать и не сообщать» (P ê c h e u x 1975).

Само понятие идеологии в А.Д осмысливается поиному. Иное здесь и понятие истории, как и понятие субъекта. Ведь субъект определяется только в тесной связи с другим членом синтагмы, в которую он входит, а именно с *языком*. Между субъектом языка и субъектом идеологии существует симптоматическое отношение. Если в данном теоретическом построении фигурирует язык как специфическое материальное воплощение дискурса, последний в свою очередь определяется как специфическое материальное воплощение идеологии.

Поэтому речь идет не о «простом применении» или использовании инструмента анализа для придания большей научности науке об общественных формациях. Это такой «инструмент», который при своем использовании настолько же трансформирует исходный пункт (теоретические понятия и предпосылки), насколько он трансформирует и конечный пункт (аналитические последствия). Это не «нейтральный» инструмент, нейтральность которого проистекала бы из признания наличия у языка собственной *семантической плотности*. Историчность — мы еще не раз вернемся к этому понятию — понимается как историчность текста, иными словами, это его дискурсность (его историческая детерминированность), которая не просто является отражением внешнего мира, но формируется уже в самой ткани языковой материальности. Далее необходимо поразмыслить над материальностью смысла и субъекта, над способами их исторического формирования.

Однако дела обстоят не так просто.

Ведь в основе теории дискурса лежит не-субъективная теория чтения (P ê c h e u x 1969 a) Эта не-субъективная теория является выражением специфической, т.е. критической, позиции А.Д. по отношению к лингвистике. Эта критическая позиция заключается в том, что в отличие от лингвистики в А.Д. учитывается субъект; в то же время этот субъект не находится в центре анализа, т.е. не рассматривается как источник производимого смысла и не считается ответственным за него, хотя и мыслится как составная часть процесса производства смысла. При этом смысл не считается прозрачным (O r l a n d i 1987).

Как говорит П. Анри: «[...] нет такого исторического факта или события, которое не имело бы смысла, которое не ожидало бы его толкования, не требовало бы поиска его причин и следствий. В этом и заключается для нас исто-

рия — *производить некоторый смысл*, даже если в каждом случае происходит отклонение от этого смысла» (Henry 1985).

Такая концепция истории, внутренне присущая А.Д., во многом превзошла концепцию хронологии (диахронии и т.д.) и концепцию узуса (прагматику). Язык *есть* смысл, а история *производит* смысл. Узловым пунктом является семантика (Pêcheux 1975), которая, по словам П. Анри, является открытым вопросом, ибо это есть философский вопрос, и в то же время решение этого вопроса приводит аналитика языка в сферу *этики* и *политики*.

Таким образом, вопрос об истории связан с вопросом о языке, о субъекте и о науке, в нашем случае — с проблемой гуманитарных и общественных наук. С другой стороны, размышляя над проблемой производства смыслов в связи со сферой этики и политики, мы можем поставить вопрос о значении А.Д. для решения проблем стран Латинской Америки. Достаточно указать, что познание Латинской Америки самими латиноамериканцами может приобретать критический характер в том смысле, что это познание не является простым воспроизведением европейского, североамериканского и т.д. взгляда на вещи. В противном случае такое познание было бы всего лишь воспроизведением известных моделей и теорий, заполнением их «специфическими» данными для пополнения парадигм, выработанных где-то в ином месте. Напротив, другая форма познания, о которой мы говорим, может, среди прочего, внести свой вклад в совокупность идей, составляющих историю науки

Таким образом, мы можем сказать, что в анализируемом нами дискурсном процессе имеется эквивалентность между тем, «как высказывается бразильскость», и «практикой познания», или, выражаясь точнее, то, «как высказывается бразильскость», влечет за собой и определяет практику познания.

Но вернемся к размышлениям над сферой дискурса.

А.Д. уже имеет свою историю, примечательную определенного рода единством, которое сочетается, однако, с многообразными различиями. Его развитие характеризуется следующими переломами:

а) политическим переломом — разрывом отношений между различными «левыми» течениями (60—70-х гг.);

б) разрывом прямой связи интеллектуалов с политикой;

в) разрывом между политической практикой и теоретической работой.

Об этом говорит Куртин (Courtine 1986), добавляя, что вначале А.Д. был связан с развитием критического мышления, которое в то время отождествлялось с марксизмом и в котором лингвистике придавалось существенное методологическое значение с точки зрения анализа текстов. Поскольку А.Д. является попыткой осмысления текстуальных форм проявления сферы политического, то, несомненно, с самого момента своего зарождения он начинает испытывать на себе «последствия» желания, чтобы больше не было «политики» (там же).

Этот вопрос тем более релевантен в той области рефлексии, где требование «объективности» познания всегда исключало какое-либо соприкосновение со сферой политики; речь идет о лингвистике, в которой не допускались никакие противоречия или диалектический подход; сциентизм лингвистики обусловил непосредственный ее переход от рационализма к позитивизму.

Признаки потери интереса к сфере политики многочисленны. Нас интересует в данном случае академическая наука; молчание интеллектуалов, безразличие, замкнутость на себе, новая волна индивидуализма, заполняющего пустое с политической точки зрения пространство. «Конец» политики знаменуется «возникновением» двоякого рода амнезии: «сокрытием отношения политического господства и забвением того направления мысли, которое исчерпало себя анализом политического господства, не занимаясь ничем иным» (там же).

Это стремление к забвению в политике приняло форму «прагматизма», который является «отражением общества, не имеющего более времени для воспоминаний и размышлений» (Horkheimer, цит. по: Courtine 1986).

Какую форму принимает это стремление в гуманитарных науках?

- Операциональная, практическая, инструментальная ценность гасит их критическую ценность.
- Наблюдение заменяет общие знания.
- Факт дисквалифицирует интерпретацию.
- Специалист противостоит интеллектуалу.
- Исследователи спускаются с идейных высот и вновь становятся на твердую почву вещей и точных расчетов.

Одним словом, стремление к уничтожению политики, говорит Куртин, «находит свое выражение в доводе дисциплинарного и инструментального характера: необходимо

обновить позитивизм» (там же). Это привело к тому, что А.Д. стал такой практикой, в которой сочетаются критическая и инструментальная функции.

Выполняя критическую функцию, А.Д. ставит под вопрос существование самих дисциплин, лишая их собственной территории. Но одновременно он создает свои процедуры, очерчивает границы своего предмета и стремится приобрести собственную территорию. Так считают те, кто признает только такую науку, которой можно заниматься, имея твердую почву под ногами, т.е. науку, которая сама заявляет о себе как о науке.

Для других экспансия некоторых терминов (таких, как «иитердискурс», «дискурсное образование») или теоретических принципов (например, принцип непрозрачности как субъекта, так и речи) в современной рефлексии по поводу языка, причем не в виде глобальных теоретических построений, а по отдельности (G a d e t 1990), является признаком влияния А.Д. на эту рефлексию. Утверждается, что смысл должен изучаться одновременно в языке и в обществе. Это если иметь в виду Европу.

Что же касается Латинской Америки, то вопрос об А.Д. до сих пор находится в центре дискуссий. По словам Пешё (а также Гаде, G a d e t 1977), логицизм и социологизм производны от той спонтанной философии, которая всегда является спутииком лингвистических исследований, и представляют собой две специфические формы отрицания политики.

Логистическая тенденция характеризуется отрицанием политики, поскольку при этом говорится открыто о других вещах, в то время как социологизм отвергает политику, говоря или делая вид, что говорит, имеино о политике. Думается, что логико-формалистическая тенденция находит свое проявление в сфере «чистых идей», вне каких-либо иных соображений. Социолингвистика получила развитие после окончания «холодной войны» и связана с некоторыми любопытными явлениями. Одно из таких явлений — эволюция, которую претерпел так иазываемый третий мир. Частичное превращение классического колониализма в неоколониализм привело к сиятию политической проблемы различия в уровне научно-технического развития. В этих рамках находят свое решение проблемы многоязычия и стандартизации национальных языков. Другое явлеиие — это нарастание противоречий в учебных заведениях наиболее развитых стран, где используются различные формы охвата

школьным обучением; этими противоречиями обусловлены проблемы, связанные с неудачами школьного обучения.

В социолингвистике, которая стремится внести вклад в разрешение этих проблем и способствовать устранению неравенства, проявляется «прогрессизм и гуманизм».

В данном случае изменение сферы исследований означает прежде всего признание того факта, что трудности и неравенство не есть «несовершенство» индустриального общества, они носят структурный характер, внутренне присущи самому капиталистическому обществу. Изменить постановку проблемы — значит говорить в терминах отношений производства, а не в терминах «общественных отношений».

- Логицизм затемняет суть вопроса о государстве, рассматривая политико-юридические условия функционирования государственного аппарата так, словно речь идет о психологических и моральных свойствах, внутренне присущих универсальной и вечной природе человека.
- Социологизм также затемняет суть вопроса о государстве, заменяя анализ отношений производства теорией общественных отношений, которая в действительности является психосоциологией межличностных отношений (статус, роль, престиж, оценочная позиция, мотивация).

Поэтому представителям данных направлений нечего сказать по поводу неоколониализма, поскольку он лишен психосоциальной конкретности отношений родства, возраста, пола, расы, культурного уровня.

Изменение сферы исследований означает занятие определенной теоретической позиции по отношению к проблеме формы-субъекта права и морально-психологической субъективности, которая ее окружает. Понятия дискурса и дискурсного образования играют роль десубъективации теории языка.

Эти размышления позволяют нам выяснить природу А.Д. в Латинской Америке.

Анализ дискурса, имея за собой целую историю раскола и в силу своих теоретических предпосылок, фундаментальным образом связанных со сферой политики, дает возможность в рефлексии по поводу языка учитывать историко-политические особенности различного рода контекстов, в которых эта рефлексия осуществляется.

Таким образом, способ применения А.Д. в Латинской Америке может и должен отличаться от способа его применения во Франции. Суть дела я хотела бы выразить таким образом, что А.Д., если мы последовательно придерживаемся его предпосылок, наряду с производством определен-

ного рода знания обязывает нас занять ту или иную позицию по отношению к истории науки.

Если, с одной стороны, все есть политика, а с другой — постоянно предпринимаются попытки преуменьшать или недооценивать важность политики, не менее важно и то, что сегодня каждому интеллигенту более или менее ясно, что то, что он производит в качестве знания, уже с самого начала подвержено различного рода давлениям, которые проистекают из конфликтов, не имеющих никакого отношения к предполагаемой нейтральности науки, но имеющих отношение к структуре власти, преобладающей в таком обществе, как наше.

Борьба за принятие или неприятие, за законность или незаконность работы, когда она представляет собой нечто большее, чем торговлю академическим престижем, представляет собой именно то место, где сталкиваются власть над словом и ее партнер — молчание.

И если мы посмотрим на Латинскую Америку в связи с другими континентами, то сможем заметить большую действенность сравнения этих позиций.

Мы живо реагируем на процессы исключения, которым мы подвергаемся в течение веков и которые оставили нам в наследство патернализм и экзотизм («обязанность» иметь некоторые «особенности»); мы — «культурные» существа, нам свойственно иногда проявлять привлекательные свойства, а иногда — свойства, отмеченные варварством.

Речь идет не о том, что мы не хотим устанавливать никаких связей с другими центрами производства знания, что мы поворачиваемся спиной к ним и ничего не хотим о них знать. Речь идет о том, чтобы установить такие связи, которые позволили бы нам занять критическую позицию в определенных областях смысла, не навязывать эти смыслы, а защищать их при установлении интеллектуальных связей с тем, что не есть Латинская Америка.

А.Д., устанавливая критическую форму связи со способом производства знания, позволяет нам внести свой вклад — вклад в критику использования некоторых моделей анализа языка. Например, модели анализа индейских языков таковы, что, хотя они и вписываются в рамки лингвистической антропологии, они увековечивают недифференцированный подход, более того, способствуют затушевыванию и стиранию различий, т.е. стиранию специфики индейских языков по отношению к западным языкам (английскому, латыни и т.д.).

Таким образом, описание (представляемое как научное) ставится выше важнейших проблем языковой политики. Ярчайшим примером является Летний лингвистический институт (Summer Institute of Linguistics, или Summer, SIL). Это учреждение, будучи одновременно языковым и религиозным (O r l a n d i 1987), способствует исключению бразильцев из круга исследователей путем навязывания сомнительной модели (модели Summer), наделенной престижем образцов североамериканской науки производства «универсального» знания, и одновременно оно осуществляет миссионерскую деятельность.

В более широком временнóм масштабе, в истории, у нас имеются тексты, которые воспринимаются как документы, навязываемые в качестве моделей науки: как история, как этнография, как лингвистика. Мы стараемся устранить такую ситуацию посредством применения А.Д. и рассматривая документы не как документы, а как дискурс. Подведеиие взглядов читателей к непрозрачности означает как вычитывание в этих текстах построения других смыслов для истории, так и понимание того, что означает кодификация этнографического знания, а также понимание исторической формы, в которой выступает связь языка тупи с португальским.

Если европейцы воспринимают повествования миссионеров как артефакты, интегрирующие их иаучные цели в их традицию, то нам оии представляются как способы переписать начисто нашу историю, которая составляется европейцами и для европейцев.

Повторяем, что латиноамериканский способ производства знания, когда оно осуществляется критически, предполагает занятие определеиной позиции по отношению к истории науки. Это означает не только смещение текста, но и признание того, что отношения власти, обусловливающие производство смыслов, иаходят свое проявление в «другом» месте. Поэтому смещение происходит с этого другого места, расположенного «по ту сторону» науки.

Как мы уже сказали, бразильскость создается в речи других людей. Существует пространство различия. На португальском говорят «с собственного места»; бразильский — это смещенная речь.

В этом смещении (есть несколько способов понять его, эксплицировать и истолковать) огромное значение имеет тот факт, что речь о иаших истоках есть речь познания; это дискурс, который описывает, классифицирует (таксономия) и объясняет (этнология) Новый Свет.

Дискурсы миссионеров, которые в силу условий своего производства относятся к сфере религии, совершают политическое скольжение от религии к этнологии, и при этом смещении производится некий остаток. Этот остаток и дает эффекты смысла этой совокупности дискурсов: они замалчивают важнейшие аспекты иашей истории.

Мы хотим подчеркнуть тот особый смысл, который имеет история для аналитика дискурса. История связана с практикой, а не со временем как таковым. Она организуется в рамках отношений власти и смысла, а не в хронологических рамках; не хронологическое время организует историю, а связь с властью (политика). Таким образом, А.Д. обращается к тексту не для того, чтобы извлечь смысл, а для того, чтобы уловить его историчность, а это означает, что необходимо рассматривать изнутри связь сравниваемых смыслов.

Связь с историей двоякая: дискурс историчен, поскольку его производство осуществляется в определенных условиях и поскольку он проецируется в «будущее», но он также историчен, поскольку создает традицию, прошлое и оказывает влияние на происходящие события. Он оказывает свое воздействие на язык и активен в плане идеологии, которая поэтому не является простым восприятием внешнего мира или репрезентацией реальности.

Задачей А.Д. является объяснение функционирования дискурса в его исторической детерминированности идеологией. Что касается идеологии, то в дискурсной перспективе она рассматривается в связи с властными структурами.

Идеология, будучи необходимой для понимания дискурса (нет дискурса без субъекта и нет субъекта без идеологии), мыслится нами не так, как она определяется в общественных науках. Мы не восходим от идеологии (как сокрытия или несокрытия реальности) к смыслу, а стараемся понять эффекты смысла, исходя из того факта, что именно в дискурсе формируется связь языка с идеологией.

Субъект и язык обретают свою уникальность, вступая в связь друг с другом; субъект не уникален, он производит уникальное только в связи с языком; также и язык не уникален, он становится таковым лишь в связи с субъектом. И эта связь характеризуется определенной организацией, имеющей цель, существующей лишь в данном сочленении языка и субъекта. Это один из элементарных идеологических эффектов, присущих дискурсу: эффект уникальности субъекта и языка.

В этой перспективе идеология может быть понята как направление в процессе означивания, направление, которое основывается на том факте, что область воображаемого, в которой формируются дискурсные связи (одним словом, область дискурса), есть политика.

Таким образом, очевидные смыслы возникают в результате кристаллизации, являются натурализованным продуктом и могут быть таковым только в силу наличия связи между историей и властью.

Наконец, можно сказать, что идеология является не сокрытием, а *интерпретацией* смысла (в определенном направлении) Она имеет отношение ие к *недостатку*, а к *избытку*, представляет собой заполиение, насыщение, полноту, которая дает эффект очевидности, потому что она опирается на то же самое, на «уже имеющееся здесь».

Итак, в перспективе дискурса идеология представляет собой следующее: это принуждение к интерпретации, ибо человек, вступая в связь с природой и общественной реальностью, не может не означивать; будучи обреченным на означивание, он не может выбирать какую угодно интерпретацию. поскольку последняя всегда зависит от условий производства специфических, определенных смыслов в истории общества. Идеологический процесс в плане дискурса заключается именно в принуждении к *одной* из возможных интерпретаций, которая всегда представляется как *единственная* иитерпретация Это один из основных принципов функционирования идеологии в дискурсе.

Анализ же дискурса предоставляет возможность рассматривать смысл как *возможный* (незаполненный) и, таким образом, представляет собой критический подход к идеологии.

Действительно, связь между сферой воображаемого и сферой символического в данной перспективе предстает в следующем виде: символическое функционирует в форме *так, будто*, а воображаемое в форме *вообрази, что*, но в то же время оно прерывает связь производства смысла со «своим местом» и переносит его в «другое место», словно оно является более подходящим. Таким образом затеняется материальность условий производства. Следовательно, это такая интерпретация, которая выбирает смысл только одного, «универсального» места.

Эту часть работы мы заканчиваем утверждением о том, что о Бразилии говорят в религиозном духе с этнографических позиций, словно этнография — это наиболее подходящее для нее место. Именно в этой игре смыслов и заключа-

ется идеологический процесс, формирующий дискурсы-открытия

Исторический дискурс способствует стабилизации памяти Когда отказываются производить исторический дискурс о Бразилии[1], т е отрицается наличие «памяти», Бразилия дисквалифицируется в качестве специфического места производства смыслов Вместо этого производится этнографический дискурс, являющийся частью европейской истории, причем последняя действительно мыслится как история или, лучше, История с заглавной буквы, единственная и настоящая

II. НЕ «ДРУГОЙ», А «НЕ ТАКОЙ»

Рефлексия по поводу «другого», имеющего коиститутивный характер, исходит из теории высказываиия и под влиянием психоанализа (область *бессознательного*) претерпевает некоторое расширение, затрагивая проблему субъекта, которая тесно связана с проблемой *идеологии* (не-знания) Существует общий принцип речевой деятельности, в настоящее время мало учитываемый в различных дисциплинах, согласно которому присутствие «другого» объявляется составиой частью речи любого субъекта, это принцип диалогии

Диалогия, вначале понимаемая в широком смысле, только как *беседа*, затем осмысленная более глубоко в теоретическом плане, как *взаимодействие*, и даже понимаемая иногда как *противостояние*, в конце концов заключила рефлексию о языке в очень тесные рамки

Теперь не может быть и речи об одиночестве и бесконтрольности в речи связь с «другим» все регулирует, все заполняет, все объясняет, будь то субъект или смысл

Нам бы хотелось сделать ряд оговорок относительно «всемогущества» концепта диалогии, а тем самым и относительно самой концепции высказывания или, я бы сказал, чрезмерной экспансии этого понятия

В теории дискурса имеется концепт, который придал бóльшую специфичность упомянутым понятиям, это концепт «гетерогенности» (A u t h i e r 1984)

Конститутивная гетерогенность означает, что «в субъекте, в его дискурсе в качестве конститутивного начала присутствует Другой» (там же) Идея заключается в том, что субъект речи детерминирован своей связью с внешним миром, это децентрализованный, расщепленный субъект, причем расщепление имеет структурный или структурирую-

щий характер Явная гетерогенность есть нечто иное, ее формы таковы, что нарушают очевидную уникальность нити дискурса, поскольку с их помощью происходит включение «другого» Эти формы представляют собой «сделку с центробежными силами, силами распада, конститутивной гетерогенности, они создают, при неосознанности последней, такую репрезентацию высказывания, которая, будучи иллюзорной, представляет собой необходимое средство поддержания дискурса» (там же) С их помощью субъект предстает как человек, сохраняющий в «своей» речи власть иад тем, что прииадлежит ему и другому

Как пишет упомянутый автор, «на "это-говорит" конститутивный гетерогенности субъект отвечает с помощью "как-говорит-другой" и "если-можно-так-выразиться" явной гетерогенности» (там же)

Будучи сформулированной таким образом, гетерогенность делает видимым (явно обнаруживаемым) то, что в перспективе дискурса соответствует «высказываемому»

В анализе дискурса высказываемое определяется в отношении субъекта связью между различными дискурсными формациями (ДФ)

Каждая дискурсная формация определяет то, чтó может и должно быть сказано в зависимости от позиции субъекта в определенных обстоятельствах Комплекс дискурсных формаций в целом определяет универсум «высказываемого» и специфицирует границы речи, разные для разных субъектов, занимающих те или иные позиции (отсылающие к различным ДФ)

Эта совокупность ДФ отсылает текст к его внешнему окружению, т е к связи с интердискурсом[2], с Другим То, что мы иазываем *интердискурсом*, определяется имеиио как комплекс дискурсных образований с доминантой Он представляет собой область «знания», памяти о дискурсных образованиях Именно в *интер*дискурсе *конституируется* речь, понятие же *интра*дискурса относится не к конституированию, а к *формулированию*, т е к реальному производству конкретной и детализированной дискурсной последовательности, в связи со специфическим контекстом

Связь интрадискурса с интердискурсом отсылает речь субъекта к конституирующему Другому (интердискурс память о смысле, повторяемость) мы употребляем в речи слова, которые уже имеют смысл

Именно здесь мы усматриваем проблему гетерогенности, вернее, различия

Хотя понятие гетерогенности в том виде, в каком оно сформулировано у Ж. Отье, ставит под сомнение понятие высказывания и его иллюзорных эффектов, оно представляет собой такое понятие, которое имеет больше отношений к «формулированию» (ср.: Courtine 1982), чем к «конституированию» смысла, т.е. к историчности дискурса в широком смысле слова (интердискурс). А нас интересует именно этот параметр. Это одна из причин того, почему мы предпочитаем понятию гетерогенности понятие различия.

В концепции Ж. Отье гетерогенность предстает скорее как смешение ($a + b$), причем a и b различны и выделимы (определенным образом данные и гомогенизируемые). Иллюзия субъекта в том, что именно он порождает смысл, имеет лингвистические маркеры, которые позволяют восстановить процесс его создания. Возможность «объяснения» есть в значительной мере следствие восстановления гомогенности. Несмотря на теоретический скачок, понятие гетерогенности сосуществует с парадигматическим пониманием языкового как ядерного: визуальность, единство

Для нас существует только комбинация ab; начало ее восстановить нельзя. Нам даны только результаты. Невозможно выделить элементы как отдельные компоненты (a и b); они реконструируются с помощью совокупности различных дискурсных формаций. Следовательно, иллюзия может быть высказана только с помощью теории, а не с помощью маркеров, ведь конститутивная гетерогенность не поддается репрезентации, ибо она составляет цель интердискурса.

Кроме того, в понятии гетерогенности не учитывается природа связи между различающимися сущностями. Мы утверждаем, что это происходит в результате компромисса данного понятия с высказыванием. Когда вводится понятие высказывания, тем самым исключается понятие противоречия, редуцируется значимость истории и некоторым образом воспроизводится расщепление: с одной стороны, систематичность, с другой — мрак и отсутствие порядка

Однако в работе Ж. Отье происходит значительное изменение способа рассмотрения высказывания, ибо гетерогенность связана с «высказываемым», а не только с «грамматическим». Кроме того, она неизбежным образом придает речевой деятельности субъекта иллюзорность, являющуюся составной частью его способа высказывания. Она обусловливает наличие значительной врезки в высказываемом: не то, что не говорится (не-сказанное, по О. Дюкро), а речь другого субъекта в речи первого.

Эти изменения имеют фундаментальный характер, хотя они недостаточны для того, чтобы в рамках проблемы различия можно было анализировать то, что мы рассматриваем, в частности, под рубрикой молчания. Для нас говорить означает то, что по-французски можно назвать «inter-dire»: а) говорить среди других слов (это и есть гетерогенность), но также и б) запрещать, заглушать другие слова (это и есть, собственно, то, что мы называем *молчанием*). Последнее понятие растворяется в понятии гетерогенности.

В перспективе нашего анализа можно говорить о совокупности «прозрачностей» (очевидностей, эффектов дискурса), которые пронизывают производство смыслов и субъекты в их отношении к другому; парадоксальным результатом этого является затемненность границ между смыслами и субъектами.

Отсюда важное методологическое значение понятия парафразы; с его помощью можно наблюдать связь между различными субъектами как в пределах одних и тех же дискурсных формаций, так и между различными дискурсными формациями, поскольку все они связаны между собой отношением парафразирования.

Различие заключается в отталкивании одного от другого. Оба субъекта находятся в одном пространстве, и их связи мы можем постичь в движении от одного к другому. Нельзя сказать, что один субъект — это модель, а другой — копия. Речь не идет о том, чтобы одного рассматривать первым, а другого — вторым (иерархически и регулярно); речь не ндет также о том, чтобы рассматривать два одинаковых субъекта, четко отделенных друг от друга, существующих каждый сам по себе.

Совокупность парафраз задает (относительные) расстояния между смыслами в различных, связанных между собой дискурсных образованиях. Посредством парафраз смыслы (и субъекты) сближаются друг с другом и удаляются друг от друга. Они смешиваются и различаются.

Вот что происходит, если субъект, сконцентрированный в самом себе, вместо того чтобы рассматривать себя как объект референции (при производстве смысла), мыслит себя как совокупность связей между различными дискурсными формациями.

Концепт гетерогенности определенным образом приручает понятие различия, ибо он предопределяет слияние-смешение различных субъектов. Это невозможно сделать с понятием различия, как мы его мыслим, например, в связи с дискурсом колонизации в его различных дискурсных формациях.

Смыслы циркулируют. Процессы их производства обнаруживаются через совокупности парафраз и дискурсных формацнй. Включить тот или иной смысл в связь различных дискурсных формаций, найтн его место, выявить способ его означивания — вот в чем заключается работа аналитика днскурса

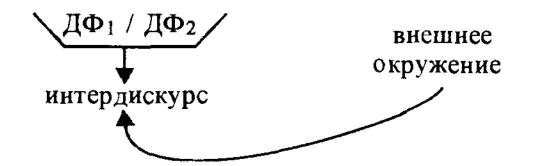
Если принять во внимание, что связь с инаковостью, вовсе не являясь прямой, однозначной и ясной, ведет к смешению-слиянию и дезорганизации субъектов, то можно себе представить, каких теоретических и аналитических усилий требует эта работа. Поэтому первейшей задачей аналитика является показ дез-организации отношений между «я» и «ты».

Не-коммуникации, которая, по утверждению Пешё, также является конститутивной для речевой деятельности, соответствует процесс отождествления, функция неполноты субъекта и смысла. Этот процесс приводит к дез-организации этого отношения, ибо оно относится к разряду бессознательных и идеологических явлений.

Для этих отношений характерна не-контролируемость. И не-контролируемости, дез-организации, диф-фузии и слиянию-смешению соответствует, на мой взгляд, не гетерогенность, а различие: *молчание* (а не имплицитность) как составная часть коммуникации, когда *метафора* получает статус не отклонения, а того места, в котором (циркулирующий) смысл необходимо присутствует, и, наконец, *парафраза* как матрица, в которой один субъект отсылает к другому, но при отсутствии первоначального места возникновения смысла, его надежного прибежища. Смысл не имеет начала. Нельзя обнаружить начало смысла ни в субъекте (онто), ни в истории (фило). Есть только эффекты смысла.

Как мы уже сказали, чтобы уяснить себе внешнее окружение, в котором конституируется дискурс, необходимо понять связи между дискурсными формациями. Эти связи, репрезентирующие связь с внешним окружением, относятся к интердискурсу; последний определяется как место конституирования смыслов, вертикальность (сфера памяти) говорения, которая проявляется в виде пре-конструктов в виде «уже-сказанного».

Можно сказать, что связь между дискурсными формациями «спаяна» существованием интердискурса. И внешнее окружение, которое мы рассматриваем как конститутивное, получает свое определение лишь в зависимости от интердискурса, вернее, способ существования этого внешнего окружения определяется интердискурсом.

Таким образом, существует связь между границами различных дискурсных формаций, которая свидетельствует о наличии связи дискурса с соответствующим внешним окружением. Это находит свое проявление в интердискурсе и его способе функционирования (пре-конструкты), который в свою очередь свидетельствует о присутствии интердискурса (уже-сказанного) в интрадискурсе, представляющем собой последовательность, которая реализуется (формулируется) в действительности.

Таково направление рефлексии, в котором мы осмысливаем проблему гетерогенности и различия; всякий дискурс свидетельствует о своей связи с другими дискурсами (которые он исключает, включает или предполагает и т.д.) и с интердискурсом (который его определяет).

Посмотрим теперь, что происходит, когда мы анализируем смысл в его связи:

а) с природой процесса его производства;

б) с пространством;

в) со временем.

а) Природа процесса производства смысла — и в этом заключается один из наших принципов с самого начала наших размышлений по поводу А.Д., — эта природа состоит в связи между «парафразой» и «полисемией», говоря иным языком, между «одним и тем же» и «различным» («другим»). Только теперь на первый план выступает не одна *напряженность* между этими двумя процессами, но и их *смешение-слияние*. Темные и прозрачные, смешанные или комбинированные, диффузные или дисперсные, эти процессы становятся неразличимыми. Иногда «одно и то же» и «различное» в дискурсе различить невозможно.

б) Пространство, в котором простираются смыслы, есть пространство множественности, широты, но также и усеченности; один смысл развертывается в другом, в других; или же он запутывается в самом себе и не может освободиться от себя. Он дрейфует. Он теряется в самом себе или умножается.

в) Что касается времени, то здесь речь идет о мгновениях. Смысл нельзя приклеить. Он нестабилен, все время

блуждает. Смысл не имеет длительности. Долго существует лишь его «каркас», фиксируемый и увековечиваемый при своей институционализации. Сам же смысл блуждает по разным местам.

Здесь мы возвращаемся к различению копия / подобие. Копия — это то же самое, начиная с его истоков. Подобие — это ненсчерпаемое различие. Конкретная ситуация означивания, в которой взаимодействуют смысл и его удвоение: не-различение, не-значимость, не-дисциплинированность, не-постоянство.

При таком подходе смысл в значительной мере не-контролируем В таком случае одной из форм его контроля являются такие дискурсы, как дискурс открытий. Здесь функционирование парафразы и метафоры лежит в основе установления одного, того же самого и постоянства смысла.

В этом плане полезно понятие Институционализации в том виде, как оно разработано Фуко: место регулярности, нормативности, которая направляет дискурс. Функционирование этой регулярности может быть оценено в днскурсном плане по тому движению, в результате которого сочленяются метафора и парафраза. Метафора, являющаяся условием использования языка, говорит об использовании одного слова другим. Парафраза есть использование отлнчного в том же самом, другого в первом. Повторение. Связь между метафорой и парафразой может дать нам широкий параметр «неисчерпаемости» смысла. Вертикальность (интердискурс, повторяемое) одновременно фиксирует и размывает любое начало.

Подчиненность предполагает повторение. Высказывания повторяются, но есть и такие высказывания, которые прямо предназначены для повторения («Бразилия была открыта Педро Алварешем Кабралом», «На этой земле, что ни посади, все вырастет»), вернее, существуют высказывания, которые входят в зону повторяемости и воспроизводятся при продуцнровании дискурсов.

Эффект повторения достигается различными способами. Например, говорение с «другим» с целью создаиия образа «себя» создает собственную традицию (я-всегда-уже) помимо своего образа (как должно быть). Пре-конструкт (уже-сказанное) в свою очередь производит взаимопонимание (демонтаж «другого»), концентрируя смыслы за один прием.

В этом и заключается коренной смысл институционализации в речевой деятельности. Таким способом смысл приобретает «плоть» как смысл исторический, возникаю-

щий в условиях напряженного **отношения между фиксированностью и изменчивостью.**

III. ЦИВИЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА

Как говорит Н. Элиас (E l i a s 1973), понятие «цивилизация» связано «с разнообразными данными: с уровнем технического развития, с правилами поведения в обществе, с развитием научного знания, с религиозными представлениями и обычаями» Однако если поразмыслить над общей функцией этого понятия, то мы откроем для себя нечто очень простое, а именно «выражение западного сознания, можно даже сказать, западное национальное чувство».

Мы, находясь по другую сторону Атлантического океана, можем задать вопрос, как эта общая функция «формирует», «моделирует» даже тех, кто не находится в центре распространения «цнвилизации»?

Интересно отметить, что наряду с понятием цивилизации существует другое понятие — «культура», — которое является отличительным признаком Запада. По мнению того же автора (там же), наблюдается различие в том, как используется понятие цивилизации, с одной стороны, французами и англичанами, с другой — немцами. Для первых это понятие является обобщением «национальной гордости, прогресса Запада и человечества вообще», для немцев же цивилизация означает нечто утилитарное, следовательно имеющее второстепенную значимость. При выражении гордости за свою цивилизацию и самобытность они используют слово «культура».

На этом основании автор делает вывод, что понятие «цивилизация» даже несколько затушевывает различия между народами; в нем делается упор на том, что пользующиеся этим понятием ощущают его как общее всем людям или по крайней мере как *должное быть таковым* (курсив наш).

Это понятие является выражением самоудовлетворенности тех народов, чьи национальные границы и специфические особенности уже в течение многих веков ие ставятся под сомнение, поскольку они окончательно определены; это те народы, которые уже давным-давно вышли за пределы своих границ, осуществляя колонизаторскую деятельность.

Понятие «культура» не имеет оттенка подобного экспансионизма и соотносится с представлением о четких границах, о чем-то «внутреннем»; оно «отражает сознание нации (в данном случае немецкой нации), которая вынужде-

на постоянно задавать себе вопрос, в чем заключается ее собственная специфичность, вынуждена непрерывно определять и закреплять свои политические и духовные границы»

В европейской перспективе цивилизация связывается с идеей процесса, а культура — с идеей продукта

Отсюда становится понятным тот дух воинственности, который пронизывает понятие цивилизации. Отсюда катехизические устремления, религиозный универсализм («все» люди и т д.)

Разделение понятий «цивилизация»/«культура», будучи перенесенным в колониальный мир, как минимум порождает одно противоречие. Попадая под действие императивов западной цивилизации (мы должны быть такими-то и такими-то), мы становимся культурными существами, особенно когда упорствуем в своих отличиях, но тогда мы теряем возможность иметь собственную историю Ведь нас принимают во внимание при написании истории (истории колонизации) в зависимости от того пространства, которое нам отводится в западной цивилизации.

Вернемся, однако, к проблеме идентичности.

Наша концепция (изложенная в различных работах, посвященных идентичности при контактировании) заключается в том, что идентичность есть *движение* как в способе ее функционирования (между «я» и «другим»), так и в ее историчности (становление, но также и множественность в современности и т.д.).

Кто есть бразилец? Где кончается индеец (в процессе контактов), португалец (в процессе колонизации), итальянец (в миграционных процессах) и начинается бразилец? Существуют интересные ситуации, которые заслуживают нашего внимания при изучении пограничных случаев, в чем можно будет убедиться, прочитав эту книгу.

Европейцы конструируют нас как «других», но в то же время затемняют нашу сущность. Мы «другие», но «исключенные» другие, без внутреннего подобия. Сами же европейцы никогда не занимают позицию «других» по отношению к нам Они всегда «в центре», если посмотреть на их дискурс открытий, который является необратимым дискурсом. Для нас же они абсолютно «другие».

И наша позиция заключается в данном случае в том, чтобы не замыкаться в дискурсе, в котором дается «определение» бразильского, и не ограничиваться этим определением (бразилец — это *x* или *y*); мы должны относиться к этому дискурсу, определяющему бразильское, как к «симп-

тому», как к такому дискурсу, который является конститутивным для процессов означивания, созидающих область воображаемого, которым руководствуется наше общество, означивая нас. Таким образом, мы стремимся постичь способ производства того, что функционирует в качестве «очевидностей» в нашем ощущении бразильскости, что предстает как «идеология».

Наша задача — говорить не о «конституировании идентичности», а скорее об области воображаемого, которая конструируется для означивания бразильского. Мы хотим знать, какова концепция бразильского в соответствующих текстах и как эта концепция определяет исключение и фиксацию определенных смыслов, эффектов смысла, производящих область воображаемого, в соответствии с которой на бразильца ставится печать его происхождения, действительная на протяжении всей его истории: колониальный дискурс. Мы хотим знать, что значит «подвергнуться» колонизации в дискурсе, который функционирует для того, чтобы эта печать стала внеисторичной и сущностной.

Это свидетельствует о том, что идеология не «возникает» словно по мановению волшебной палочки. У нее есть своя материальность, и именно дискурс является тем местом, где ее материальность становится для нас доступной.

Дискурсные процессы наделяют бразильца таким определением, которое в свою очередь становится частью воображаемого функционирования бразильского общества.

Идеологический эффект — в колониальном духе — не рождается из ничего. Его специфической материальностью является дискурс

В данном случае мы хотим показать, как историческая детерминированность процессов производства смыслов по поводу бразильского обусловливает становление (и закрепление) связи колонизатор—колонизуемый Природа этой связи такова, что даже после окончания колониального периода печать происхождения бразильца воспроизводится каждый раз, как возникают условия реализации (повтора) того же самого колониального дискурса.

Посмотрим, как эти эффекты возникают в результате взаимодействия между дискурсными формами: а) дискурс о нашей истории (о наших истоках) есть миссионерский дискурс, который в свою очередь, попадая в зависимость от религии, приводит к этнографии, элиминируя историю; б) с другой стороны, даже при доминировании в нем дискурса познания дискурс о языках и названиях местностей, пред-

метов и фактов является научным дискурсом, т.е лингвистическим дискурсом.

При этом важным обстоятельством является то, что при разговоре о «наших» вещах всегда подчеркиваются их «особенности» (своеобразие).

Получается, что мы, бразильцы, своеобразны Но по сравнению с чем и кем мы своеобразны? По сравнению с имеющимся образцом, другим-европейцем. Дискурс о своеобразии есть дискурс культуры (где доминирует дискурс «цивилизации»), который помещает культуру вне истории.

Всегда получается так, что только у нас есть «другой» Наш другой — это португалец, итальянец, француз и т.д Поскольку для нас пишется такая история, в которой наша инаковость затушевывается, мы предстаем лишь в своем «своеобразии», у нас есть свои «особенности». Мы — это не конститутивный «другой», потому что мы не «есть» (исторические существа и т.д.).

В общем перед нами дискурс, в котором бразильское определяется в качестве конститутивного компонента (бесконечно циркулирующих) процессов означивания области воображаемого, конституированной таким обществом, как наше. В этих условиях мы имеем не дискурс Бразилии, в котором получало бы свое определение бразильское, а дискурс *о* Бразилии.

Каким же образом бразилец, втиснутый в рамки колониального дискурса, может производить свои собственные смыслы?

IV. МОЛЧАНИЕ И СМЫСЛ

То, что не сказано, также имеет смысл. Это утверждение было бы банально, если бы оно относилось только к не-сказанному, понимаемому как имплицитное, к тому, что не говорится, но что необходимым образом входит в состав сказанного (ср.: D u c r o t 1972).

Размышляя над этой проблемой, я постарался осмыслить другой аспект не-сказанного — молчание. Этот аспект обусловлен тем фактом, что речь есть политнка[3] и что всякая власть в своей символической деятельности прибегает к молчанию. Данное явление я назвал «политикой молчания», в которой, впрочем, можно выделить две формы процесса означивания:

а) конститутивное молчание, т е. та часть смысла, которая необходимым образом приносится в жертву, заглушается в речи. Любая речь обязательно о чем-то умалчивает.

Прекрасным примером является номинативная деятельность. всякое наименование очерчивает смысл названного, относя к не-смыслу все, что в нем не сказано;

б) локальное молчание типа порицания и т.п., это молчание имеет место тогда, когда запрещается хождение некоторых смыслов, например при той или иной форме политического режима, в определенной социальной группе, принадлежащей специфической форме общества, и т.п

Мы посвятили себя изучению различных форм молчания и умалчивания, ибо мы исходим из той предпосылки, что, как и речь, молчание не прозрачно и обладает множественным смыслом (O r l a n d i 1989)

В данной исторической перспективе нашего дискурсного анализа дискурсов о Бразилии — или, что то же самое, анализа производства различных смыслов бразильскости — молчание представляется нам играющим центральную роль в исторической детерминации этих процессов означивания, которые мы стремимся выявить

Дискурс о Бразилии или отводит бразильцам то место, в котором они могут говорить, или вообще не дает им голоса, будь то коренные жители (индейцы) или бразильцы, сформировавшиеся на протяжении нашей истории Бразилец не говорит, о нем говорят И подобно тому, как молчат о нем, так и он занимается означиванием молча, причем смыслы, производимые этой формой молчания, имеют не менее определяющий характер, чем «позитивная» речь, которая принуждает себя выслушивать категорическим образом.

Но поскольку умолчание не говорит, его невозможно перевести в слова. Поэтому в нашей работе мы стремимся эксплицировать сами механизмы функционирования различных процессов означивания, в которых используется (конституирующее их) умолчание Следует указать на то, что рассматриваемое нами умолчание имеет не только «негативный» аспект Умолчание *существует* В умолчании *существует* смысл В умолчании присутствует история, поскольку оно имеет смысл.

Мы, бразильцы, не производим дискурс открытий, мы заставляем других говорить за нас, и даже тогда, когда мы этого не делаем, мы нмеем дело не с пустотой, а с умолчанием, которое имеет свой смысл в зависимости от контекста, в котором оно производится Поэтому можно выделить три формы умолчания (O r l a n d i 1989):

а) основополагающее умолчание;

б) конститутивное умолчание,

в) локальное умолчание

Два последних вида умолчания являются составной частью того, что мы называем *политикой умолчания*, поскольку они производят врезку (между сказанным и не-сказанным) в своем способе означивания и тем самым вписываются в область «возможности сказать» Основополагающее умолчание не делает никакой врезки, оно имеет значение само по себе И именно оно в конечном счете определяет политику умолчания, ибо само по себе означает, что «не-говорение» имеет смысл, причем определенный смысл Поэтому именно основополагающее умолчание позволяет нам высказать принципиальное положение о том, что речевая деятельность есть политика

В перспективе нашего исследования не так важно знать то, о чем умалчивается, как то, что составляет суть речевой политики высказывается *x*, чтобы не говорить *y* Как это умалчивание об *y* в конечном счете начинает что-то обозначать в процессе говорения и заглушения смысла?

Номинативное молчание заставляет вмешиваться «интердискурс» другого (европейца), заставляя нас означивать (хотим ли мы этого или нет) в рамках истории «их» смыслов

Таким образом, умолчание участвует в работе памяти бразилец при означивании имеет в качестве памяти (области знания) «уже-сказанное» европейцами Такая «гетерогенность» характерна для него с самого начала Его речь есть речь на основе памяти другого (европейца) «Родное» вступает в действие, предъявляя смыслы, как раз на пересечении вертикальности высказывания — которое конституируется в ином месте и в котором история распределяет «уже-сказанное» — с горизонтальностью процесса высказывания (формулирования его смыслов). Наш анализ мы помещаем именно в эту точку пересечения

Подобный способ рассмотрения взаимосвязи дискурсов приводит нас к двум ситуациям

а) с одной стороны, другой дискурс (в своей гомогенности) «взрывается», показывая, что в «этом» дискурсе есть другие дискурсы,

б) происходит возврат к черте, являющейся маркером рождения речь бразильца, когда она обращается к дискурсу открытия, редуцирует его до дискурса о том же смысле

Напряжение между этими двумя формами связи со смыслом или их сосуществование присутствует во всех анализируемых нами текстах

Умолчание имеет дело с границами различных дискурсных формаций (ДФ), иными словами, говорение в своей совокупности определяется связями между различными ДФ Каждая формация определяет, «чтó может и чтó должно быть сказано с определенной позиции в данных обстоятельствах» (P ê c h e u x, F u c h s 1975)

Что касается политики умолчания — и, следовательно, «возможности говорения», — взаимодействие между различными ДФ предстает как риторика антиимплицитного, т е говорится «*x*», чтобы умолчать об «*y*», последний, как мы уже сказали, есть нежелательный, отбрасываемый смысл, который можно было бы вписать в «другую» ДФ Таким образом, «*y*» представляет собой не-сказанное, необходимым образом исключенное из сказанного

Таким путем заглушаются смыслы, которых хотят избежать, смыслы, которые могли бы заставить функционировать механизм означивания в «другой» ДФ Но молчание воздействует на границы ДФ, очерчивая тем самым границы говорения Это происходит на двух уровнях 1) общая политика умолчания что надо не говорить, чтобы смочь что-то сказать (например, механизм номинации если я говорю «дикарь» в отношении индейца, то я не могу сказать о нем «гражданин»), 2) то, что цензура запрещает говорить из «возможно высказываемого» (т е из того, что определяется как таковое в социально-историческом плане, например, я не могу говорить о диктатуре при наличии диктатуры)

Иными словами, механизм умалчивания есть процесс борьбы смыслов и удушения субъекта, поскольку это способ запрещения субъекту переходить из одной ДФ в другую, совершать перемещение во всей совокупности ДФ При заглушении некоторых смыслов возникают зоны смысла, а следовательно, и позиции субъекта, которые он не может занимать, которые становятся для него запретными

В случае колониального дискурса колонизуемый субъект не может занимать те дискурсные позиции (с их статутами и смыслами), которые занимает колонизатор Более того, именно позиции колонизатора определяют возможные (и невозможные) позиции колонизуемого Таким образом, его речь предопределяется позицией колонизатора

Но хотя, с одной стороны, умолчание служит для запуска механизма заглушения смысла, оно также способст-

вует возникновению сопротивления. В той или иной речи (колонизатора) уже проявляется то, о чем не может говорить другой, и таким образом нам удается путем эксплицирования процессов означивания учитывать в функционировании речи «умалчиваемое» Для этого всегда необходимо следить за тем, что колонизатор *не* говорит, когда говорит *x*

Именно такая процедура анализа позволила нам понять суть дискурсности, составившей объект нашего исследования Этот аспект также является составной частью того, что мы называем *историчностью текста*

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Мы считаем, что «дискурсы о чем-либо» являются важнейшей формой институционализации смыслов Именно в «дискурсе о чем-либо» вырабатывается концепт полифонии Иными словами, «дискурс о чем-либо» является важным местом организации различных голосов (дискурсов *кого-либо*) Так, дискурс *о* самбе, *о* кинематографе является составной частью формирования (интерпретации) смыслов дискурса *самой* самбы, *самого* кинематографа и т д То же происходит и с дискурсом о Бразилии (в сфере истории) Он организует и дисциплинирует память и редуцирует ее

2 Интердискурс соответствует «это-говорит», уже присутствующему здесь смыслу

3 Речь есть политика, потому что смысл всегда имеет направленность, он всегда расщеплен

ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ
Лингвистика, семантика, философия

ВВЕДЕНИЕ

[ ] Мы намерены здесь поставить под сомнение *основополагающие, прописные истины* «семантики», пытаясь, по мере средств, которыми мы располагаем, выработать фундамент материалистической теории семантики

Наша отправная точка — двойственна Мы собираемся показать

1° что *семантика*, представляемая [ ] - наряду с фонологией, морфологией и синтаксисом — в качестве одного из «разделов лингвистики», на самом деле является для *лингвистики* узловым пунктом противоречий Эти противоречия пронизывают и формируют лингвистику в виде тенденций, направлений, лингвистических «школ» и т д , которые одновременно *и обнаруживают их, и скрывают* (и стараются устранить),

2° что если семантика является для лингвистики таким узловым пунктом, то это потому, что именно в этом пункте лингвистика, чаще всего того не признавая, имеет дело с *философией* (и, как мы увидим, с *наукой о социальных формациях*, или *историческим материализмом*)

Таким образом, мы будем вынуждены поставить лицом к лицу лингвистику *и* философию, говорить о лингвистике *и* о философии, говорить о лингвистике в философии *и* о философии в лингвистике Это предполагает отступление, позволяющее лингвистам и философам, к которым мы обращаемся здесь в первую очередь, привыкнуть к нашей манере говорить о философии и о лингвистике, более того, привыкнуть друг к другу — через нашу манеру говорить с ними

Чтобы разъяснить условия, предмет и цели этого отступления, необходимо вкратце охарактеризовать современное состояние лингвистики Не входя в детали, бесполез-

---

Michel P ê c h e u x Les Verites de La Palice Linguistique, semantique, philosophie Paris, Maspero, 1975 [отрывки из работы]

ные для неспециалиста, можно с полным основанием выделить три главные тенденции, которые то сочетаются, то противостоят, то подчиняются друг другу

— Формалистско-логическая тенденция, сложившаяся главным образом в хомскианской школе, как критическое развитие лингвистического структурализма в «генеративных» теориях. Эта тенденция искала себе философское обоснование в работах школы Пор-Рояля. Мы к этому еще вернемся[1]

— Историческая тенденция, формировавшаяся с XIX века в качестве «исторической лингвистики» (Ф. Брюно, А. Мейе). Эта тенденция привела сегодня к теориям вариантности и лингвистической изменчивости (гео-, этно-, социолингвистика)[2]

– Наконец, последняя тенденция, которую можно было бы назвать «лингвистикой речи» (или «акта производства высказывания» («énonciation»), «языкового употребления», «речевого сообщения», «текста», «дискурса» и т.д.). Здесь вновь активизируются некоторые идеи риторики и поэтики сквозь призму критики о лингвистическом примате коммуникации. Эта тенденция выходит на лингвистику стиля как отклонения, нарушения, разрыва и т.д., а также на лингвистику диалога как игры столкновений[3]

Можно без труда заметить, что в иерархических отношениях, которые складываются сегодня между этими различными тенденциями, именно *первая*, по крайней мере в странах, именуемых «западными», *доминирует над двумя другими тенденциями*. Они характеризуются прежде всего по отношению к формалистско-логической тенденции, вернее сказать, они чаще всего опираются на нее (посредством заимствований, перестановок, изъятий и т.д.), чтобы в конце концов от нее отмежеваться. В самом деле, эти тенденции связаны противоречивыми связями: *историческая* тенденция противоречиво связана с формалистско-логической тенденцией различными промежуточными формами (функционализм, дистрибутивный анализ[4] и т.д.), лингвистика *акта производства высказывания* также имеет противоречивые связи с этой тенденцией, в частности благодаря аналитической философии Оксфордской школы (Остин, Серл, Стросон), рассматривающей проблемы пресуппозиции

Наконец, историко-социологическая тенденция связана и с третьей тенденцией, по мере того как она обращается к

«фактам речи», разрушая при этом однородность ключевого понятия формального направления в лингвистике — «языковой компетенции» В то же время чисто «генеративистские» работы (Р Д Кинг, П Кипарский) или претендующие быть таковыми (У Лабов, У Вайнрайх) пытаются сегодня «осознать» явление лингвистической изменчивости

Добавим, что главное противоречие между формалистско-логической тенденцией и двумя другими тенденциями отражается в каждой из них (в том числе и внутри доминирующей тенденции) в виде вторичных противоречий *эксплицитной* формой этого противоречия является форма противоречия между *лингвистической системой* («языком») и *несистемными определениями*, которые, *вне системы, противопоставляются ей и вмешиваются в ее функционирование* Таким образом, «язык» как система оказывается противоречиво связанным одновременно и с «историей», и с «говорящими субъектами» В настоящее время этот противоречивый процесс охватывает лингвистические исследования в различных формах, которые и составляют объект того, что называется «семантикой»

Данное исследование имеет целью войти именно в эту проблематику, но не для того, чтобы открыть мифический путь *четвертой тенденции*, которая «разрешила» бы противоречие ([1]), а для того, чтобы содействовать его развитию, опираясь на материальную базу в историческом материализме

Итак, объясним, каким образом мы приступим к этому противоречию и как мы с ним будем работать

Основной тезис, на котором базируется формальное направление в лингвистике, может быть сведен, на наш взгляд, к двум положениям, а именно

— язык настолько же *не является* историческим феноменом, насколько он является системой (по-другому «структурой»),

— именно в той мере, в какой язык является системой, структурой, он и составляет теоретический объект лингвистики

Таким образом, система (или структура) противопоставлена истории как объяснимое — необъяснимому остатку Причем системное, или структурное, объяснимое — первично, так что не приходится и задаваться вопросом, какие же факторы делают его таковым *лингвистический структурализм*, а также функционализм и даже генеративная лингвистика «выставляют» в качестве своего объекта

язык (или грамматику) в общем виде. В этом смысле и особенно в том, что касается «семантики», лингвистический структурализм не может не прийти к *философскому структурализму*, который пытается включить в объяснимое необъяснимый остаток.

Этот тезис и его последствия опровергаются исторической точкой зрения, ставящей вопрос о генезисе, эволюции, трансформации объекта, который «выдается» формалистской тенденцией в качестве первичного. Таким образом, противоречие приняло бы хорошо известную форму неразрешимого конфликта между «генезисом и структурой» [...], что окончательно поддержало бы формалистскую тенденцию. Однако это не совсем так просто, поскольку ссылка на историю в качестве отпора формалистским тезисам чревата двусмысленностью:

— идет ли речь, когда говорят об истории относительно лингвистики, об этой расплывчатой истине, согласно которой «социальные факторы влияют на язык» (при этом язык «обогащается» по мере «эволюции» общественного и технического прогресса)?

— или же речь идет о чем-то другом, что выходит за рамки этого эволюционистско-социологического историзма и что структурализм без особого труда присваивает при помощи «речи» (parole) и «говорящих субъектов»?

Мы думаем, что ссылка на историю относительно лингвистических вопросов оправданна только в перспективе материалистического анализа воздействия классовых отношений на то, что можно назвать «лингвистической практикой» в рамках идеологических аппаратов, действующих внутри определенной социально-экономической формации. При этом условии становится возможным объяснить ситуацию, сложившуюся сегодня с «исследованием языка», и способствовать ее изменению, но не повторяя все его противоречия, а воспринимая их как последствия классовой борьбы сегодня в какой-нибудь «западной стране» под влиянием буржуазной идеологии.

В этом вопросе мы позаимствуем из недавней работы Р. Балибар и ее коллег (B a l i b a r, L a p o r t e 1974; B a l i b a r R. 1974) одно различие, которое замечательным образом показывает историческую материальную базу этих противоречий. Это различие касается двух исторических процессов, разграниченных во времени в результате трансформации классовых отношений во Франции (от антифеодальной борьбы буржуазии за завоевание и утверждение

своего политического господства к ее борьбе против пролетариата за сохранение этого господства).

— Первый из этих процессов относится к периоду Французской революции и заключается в *унификации*, политической и идеологической целью которой было создание национального языка в противовес латыни и говорам (patois), препятствующим, в различных формах, *свободной языковой коммуникации*, необходимой для экономического, юридическо-политического и идеологического осуществления капиталистических производственных отношений

— Второй исторический процесс, происходящий вследствие навязывания начальной школой элементарного французского языка в качестве общеупотребительного, заключается в *неуравнительной дифференциации при уравнительной унификации* (division inégalitaire à l'intérieur de l'uniformisation égalitaire). Ее политическая и идеологическая цель — навязать антагонистическую дифференциацию классовой языковой практики при использовании национального языка. В результате свободное языковое общение, обусловленное капиталистическими производственными отношениями и их воспроизводством, *является в то же время определенным разобщением*, создающим в «языковой деятельности» классовые барьеры, необходимые для воспроизводства тех же капиталистических отношений. [...]

Эволюционный историзм не учитывает, что поле битвы постепенно переместилось. В начале буржуазной революции речь шла о непосредственно лингвистической борьбе за фонологическую, морфологическую, синтаксическую и лексическую унификацию языка как составной части формы-нации (forme-nation). В XX веке структурализм, функционализм, генеративная лингвистика и т.д. воспримут эту унификацию как единство системы. Однако постепенно капиталистические отношения приводят к новому столкновению между языковыми «реализациями», в которых, конечно, воспроизводятся морфонологические, лексические и синтаксические различия в использовании языка (они составляют в настоящее время объект изучения социо- и этнолингвистики). В контексте смысловых нюансов эти различия приводят к тому, что, «разведенные двумя ступенями французского школьного обучения, начальной и средне-высшей, по обе стороны лингвистической и идеологической пропасти» (B a l i b a r R. 1974), «лексические фонды» и «синтаксические структуры» (vocabulaires-syntaxes), а также рассуждения (raisonnements) являются ареной столкновения и ведут, *иногда с теми же самыми словами*, в разные стороны, в за-

висимости от характера идеологических интересов, пущенных в ход.

Именно этот момент и является целью данной работы: важно понять, каким образом то, что стремится стать сегодня «одним и тем же языком» в лингвистическом смысле этого слова, допускает антагонистическое функционирование «лексических фондов», «синтаксических структур» и «рассуждений». Короче говоря, наша задача — привести в движение противоречие, пронизывающее формалистско-логическую тенденцию сквозь те очевидные истины, из которых построен ее фасад.

В самом деле, было бы невозможным и несправедливым с лингвистической точки зрения вычеркнуть одним росчерком пера господство этой тенденции: большинство современных лингвистов — так или иначе — признают *язык как лингвистическую систему*. Как нам кажется, *историческая* работа Р. Балибар была бы неверно понята, если в ней видеть только побуждение к метафорическому размножению фиктивных языков («язык» буржуазии, пролетариата, мелкой буржуазии, а также права, администрации и т.д.) в качестве *новых лингвистических объектов*, эмпирически противопоставленных французскому языку как языку, навязанному всеобщим школьным обучением. Тенденция к единству того, что современная лингвистика определяет как язык, составляет основу антагонистических процессов на уровне «лексики-синтаксиса» и «рассуждений». В дальнейшем будут видны причины, побуждающие нас говорить по этому поводу о *дискурсных процессах и дискурсных формациях* в перспективе материалистического анализа языковой практики.

Читатель, вероятно, уже понял, что вопрос о дискурсной дифференциации при единстве языка соотносится в действительности с тем, чем является, посредством общения / разобщения, пара *логика / риторика*, реализуясь в различных «функциях», выполняемых этой дифференциацией при капиталистической общественной формации, где повсюду отмечено ее присутствие:

— в экономическом базисе, внутри самих материальных условий капиталистического производства: потребности организации труда, механизации и стандартизации навязывают *общение* без двусмысленностей — «логическую» ясность инструкций и указаний, точность используемых терминов и т.д., общение, которое в то же время в контексте социально-технического разделения труда является

разобщением, отделяющим трудящихся от организации производства и подчиняющим их «риторике» командования;

— эта дифференциация обнаруживается в капиталистических производственных отношениях и в их юридической форме, которая должна изгнать двусмысленности из контрактов, коммерческих связей и т.д. (лингвистически-юридическое равенство между договаривающимися сторонами) и в то же время поддерживать фундаментальную двусмысленность «трудового договора», которую вкратце можно изложить, сказав, что в буржуазном праве «все люди равны, но есть некоторые, более равные, чем другие»!

— и, наконец, ту же самую дифференциацию (равенство / неравенство, общение / разобщение) можно обнаружить в политических и идеологических социальных отношениях: зависимость в самих формах независимости... У нас еще будет повод к этому вернуться.

Таким образом, внутри расколотого и противоречивого единства общения / разобщения мы обнаруживаем элементы, теоретическое изучение которых, как мы видели, оказалось как будто случайно расщепленным между различными течениями и школами (логически-формальная и риторико-поэтическая тенденции). Это расщепление скрывает в действительности тот факт, что такие элементы не существуют иначе, как в сочетании друг с другом, причем в формах, имеющих тенденцию к противоречию и соответствующих тому, что Бодло и Эстабле охарактеризовали как *две системы буржуазного школьного обучения* (Baudelot, Establet 1971). Не предъявляя тотчас же всех необходимых доказательств, скажем, что эти две формы, стремящиеся к сочетанию логики и риторики, воплощают, с одной стороны, конкретный реализм, а с другой — *идеалистический рационализм.*

В конкретном реализме логика представлена в виде простых, неразложимых элементов, которые составляют сущность предметов без каких-либо посторонних добавлений. Риторика конкретности и ситуации «говорит» с детьми (...и с рабочими, «большими детьми», как известно) и с трудом доводит их до «главного», что необходимо знать, чтобы с пользой сориентироваться и избежать путаницы. Короче говоря, «первичный» конкретный реализм касается того, без чего предмет перестает быть тем, что он есть. Изложение (rédaction-narration) — это школьная форма конкретного реализма.

В идеалистическом рационализме, напротив, реализм — преображен, поскольку мысль дополняет действи-

тельность, иными словами, воссоздаст ее в вымышленном мире. Следовательно, логика должна оставаться открытой для всевозможных вводных предложений, добавлений и дополнений, при помощи которых ум (мы хотим сказать, ум тех, кто окончил «начальную» ступень и перешел на «средне-высшую») представляет себе действительность. Таким образом, логика не создает препятствий для поэзии, без которой «вещи не были бы тем, что они есть»: некоторые даже утверждают, что логика является высшей формой поэзии. Сочинение-интерпретация текста (dissertation-explication de texte) является школьной формой идеалистического рационализма.

Дальше мы увидим, какой чехардой эти две школьные формы — в преобразованном виде — проецируются в специфических философских формах метафизического реализма и логического эмпиризма. А пока, как нам кажется, мы уже достаточно об этом говорили, чтобы читатель, который не является специалистом по лингвистике, смог уловить причины, побудившие нас взять в качестве исходного материала для размышлений [...] «лингвистическое» явление, классически обозначенное противопоставлением между *объяснительным приложением* (apposition explicative) и *определением* (détermination), особенно в определительных конструкциях типа «человек, который разумен, — свободен» («l'homme qui est raisonnable est libre»), о которых лингвисты говорят, что они «двусмысленны» в силу этого противопоставления.

Что же касается читателя, имеющего лингвистическое образование, он, вероятно, узнает в этом противопоставлении между объяснением и определением одну из главных трудностей, с которыми сталкиваются сегодня лингвистические теории, как «структуралистские», так и «генеративистские»[5]. Фактически эта оппозиция вбирает в себя и демонстрирует последствия в «лингвистической» области дуализма «логика / риторика», чья сомнительная очевидность была только что прокомментирована. Иными словами, это противопоставление *непреодолимо порождает* в лингвистической мысли соображения о соотношении между предметом и свойствами предмета, между необходимостью и случайностью, между объективностью и субъективностью и т.д., так что вокруг дуализма «логика / риторика» возникает настоящая чехарда с философскими понятиями.

В аристотелевской терминологии противопоставление между объяснением и определением совпадает с различием между двумя типами отношений, которые могут соединить

акциденцию (accident) и *субстанцию* (substance): в том случае, когда некоторая акциденция связана существенной связью с какой-либо субстанцией, эта субстанция не может существовать, если данная акциденция вдруг исчезает. Так, например, человек не может существовать без головы или разума (так что аристотелевская интерпретация придаточного определительного, процитированная выше, является непосредственно объяснительной, поскольку человек, лишенный разума, больше не человек). Но есть и такие акциденции, которые могут быть отделены от существа, не затрагивая при этом его существования. Например, тот факт, что человек одет в белое, — это акциденция, исчезновение которой не разрушит субстанции, с которой она связана несущественной связью: нельзя представить себе «человека, который не наделен разумом», но можно представить «человека, который не одет в белое». Придаточное предложение *определяет*, таким образом, то существо, к которому оно относится, не отрицая при этом реальное бытие существ, к которым оно не относится, но, напротив, предполагая их существование.

Итак, мы видим, как в этом «лингвистическом» вопросе устанавливается отношение между *необходимостью* (связанной с субстанцией) и *случайностью* (выражающей последствия «обстоятельств», «точек зрения», «намерений»[6], которые могут присоединить такое-то свойство к такому-то предмету).

Можно констатировать, что «очевидные истины» [...], которые мы изложили выше [...] (например, тот факт, что *слова* передают *смысл*, факт разделения на *лица* и *вещи*, на *субъективность* и *объективность*, на *эмоциональное* и *когнитивное* и т.д.), оказываются здесь налицо.

Читатель-философ, несомненно, уже сделал вывод, который, может быть, нелишне разъяснить и для исследователей, работающих по другим «специальностям». Этот вывод — в том, что рассматриваемые нами здесь «лингвистические» вопросы вписываются одновременно и в философскую проблематику, а именно проблематику «современного» эмпиризма и субъективизма. Противоречивой приметой этой «современности» является логико-математический формализм, который вышел сегодня на авансцену (Хомский, Пиаже, Леви-Стросс). На первый взгляд он радикально противопоставлен «первичному» эмпиризму и субъективизму, на самом же деле он составляет их продолжение: сегодня эмпиризм епископа Беркли давно уже в прошлом[7],

но, как мы увидим, его эмпирико-логическое потомство живет и здравствует внутри современного неокантианства.

Итак, это — вопрос теоретический, который мы постараемся понять как в его философском развитии, так и в его лингвистическом аспекте. Вместе с тем мы увидим, что этот вопрос является и непосредственно *политическим*: тот факт, что Ленин выступил в свое время по вопросу эмпириокритицизма, представляется в этом отношении симптоматичным[8]. [...]

Одно замечание мимоходом [...]: исследователи семантики охотно используют, как будет видно, дихотомические классификации типа абстрактное / конкретное, одушевленное / неодушевленное, человек / нечеловек и т.д. Если бы эти классификации были применены в полной мере, они составили бы что-то вроде *естественной истории вселенной*:

— например, *стул*, по Дж. Катцу (K a t z 1972, 40), характеризуется следующими признаками: (объект) — (физический) — (неодушевленный) — (искусственный) — (мебель) — (переносимый) — (с ножками) — (со спинкой) — (с сиденьем) — (для одного человека);

— *холостяк* будет охарактеризован как (физический) — (одушевленный) — (человек) — (взрослый) — (мужского пола) — (неженатый), что оправдывает эту подозрительную азбучную истину: если кто-то не женат, то он — холостяк[9];

— но предположим, что мы хотим, при помощи этой классификации, рассмотреть такие странные реалии, как *история*, или *массы*, или *рабочий класс*... Что скажет исследователь семантики? Идет ли речь в данном случае об объектах и даже предметах? О субъектах, принадлежащих или не принадлежащих к человеческому роду? О множестве субъектов?

Странно, как заедает иногда классифицирующая машина... Но ведь она так хорошо работала, когда речь шла о *лицах* и о *предметах*! Вероятно, не случайно для своего функционирования она нуждается в абстрактном универсальном пространстве права, в том виде, в каком его произвел капиталистический способ производства. Мы увидим это, в частности, в работе Б. Эдельмана (E d e l m a n 1973).

Во всяком случае, отныне читатель заинтригован; а если к тому же он прочитал один из недавних текстов, опубликованных Л. Альтюссером, то он знает, что там, без упоминания о «семантике», поставлен вопрос о том, являются ли массы, рабочий класс, история *субъектами*, как че-

ловек (с маленькой или большой буквы), или нет, со всеми вытекающими отсюда последствиями[10]...

Как мы увидим, такие работы, как *Ответ Джону Льюису* (A l t h u s s e r 1973), а также *Примечания к одному исследованию*, опубликованные в 1970 г. в журнале *La Pensée* под заголовком «Идеология и государственные идеологические аппараты», и, кроме того, недавно появившиеся «Элементы самокритики» (A l t h u s s e r 1974) затрагивают существо проблемы, *даже если* и, пожалуй, *потому что* речь о «смысле слов» идет в них только между прочим: Л. Альтюссер очень мало говорит о лингвистике и никогда, повторяем, о «семантике».

Зато он говорит о *субъекте* и о *смысле*. И вот что он о них говорит:

«Подобно всем прописным истинам, в том числе тем, которые гласят, что слово "обозначает предмет" или "обладает значением" (включая прописную истину о прозрачности языка), та бесспорная истина, утверждающая, что вы и я есть субъекты и что это не вызывает никаких сомнений, является идеологическим эффектом, причем элементарным» (A l t h u s s e r 1970, 30).

Короче говоря, кажется очевидным, что слова имеют смысл, потому что у них есть смысл, субъекты являются субъектами, потому что они — субъекты. Но за этой очевидностью скрывается абсурдность *круга*, благодаря которому кажется, что ты поднимаешься в воздух, таща самого себя за волосы наподобие барона Мюнхгаузена, персонажа менее известного для французского читателя, чем господин Ля Палис, но также вполне достойного семантики, правда с другой стороны[11].

Вот и очерчены рамки данной работы, которая продолжает предыдущее исследование об отношении между языковой *системой* и «семантикой» (H a r o c h e, H e n r y, P ê c h e u x 1971, 93--106). Для нас будут ценными антипсихологические позиции логика Фреге[12], но *до определенного момента, составляющего, как мы увидим, «слепое пятно» его идеализма*. С другой стороны, и некоторые аспекты исследования Ж. Лакана — в той мере, как он разъясняет и углубляет материализм Фрейда, — пересекутся с тем, что составляет здесь, как мы говорили, главный элемент, а именно направления, открытые Альтюссером, прежде всего в уже отмеченных текстах 1970, 1973 и 1974 гг.

Сначала мы рассмотрим историческое развитие вопроса об *определении* (отношение между придаточным определительным 'relative déterminative' и придаточным объяснитель-

ным 'relative explicative') в логико-философском и риторическом аспектах, начиная с классического периода и до наших дней. При этом мы покажем на уровне лингвистики все вытекающие отсюда последствия с точки зрения отношения между «теорией познания»[13] и риторикой: это кругообразное отношение предполагает в различных формах сокрытие прерывистости между научным познанием и идеологическим эффектом незнания.

Затем мы попытаемся раскрыть, какое значение имеет материалистическая позиция в рамках марксистско-ленинской теории Идеологии и идеологий для того, что мы называем «дискурсными процессами». Научные положения (пока еще в эмбриональном состоянии), предлагаемые нами для анализа этих процессов, будут обозначены здесь общим названием «теории дискурса». Повторимся, что в этом не следует усматривать претензии на создание новой дисциплины — между лингвистикой и историческим материализмом. Затем мы рассмотрим, какое влияние могут иметь эти положения на два центральных вопроса марксизма-ленинизма, а именно:

— вопрос о выработке научных знаний;

— вопрос о пролетарской революционной политической практике. [...]

II. 2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕНИ И ВСТАВЛЕНИЕ

Рассмотрим пример, предложенный Фреге в его статье «Смысл и денотат». «Тот, кто открыл эллиптическую форму планетных орбит, умер в нищете» (F r e g e 1967, 153—154).

Приведем сначала большой отрывок из этой работы Фреге, а затем его прокомментируем:

«Если бы здесь смыслом придаточного предложения была какая-то мысль, можно было бы выразить ту же самую мысль посредством независимого предложения. Однако это оказывается невозможным, так как грамматическое подлежащее "кто" не имеет никакого самостоятельного смысла: оно лишь выражает отношение к последующему предложению "умер в нищете". Отсюда следует, что смысл придаточного не является законченной мыслью, а его денотат не является носителем истинностного значения, денотатом будет 'Кеплер'. Здесь можно было бы возразить, что смысл целого все-таки включает в себя мысль как составную часть, а именно что существовал некто, кто первым открыл эллиптическую форму планетных орбит; поскольку тот, кто при-

знает истинным целое, не может отрицать эту часть. Последнее не подлежит сомнению, но лишь в силу того, что иначе придаточное предложение "кто открыл эллиптическую форму планетных орбит" не имело бы никакого денотата. Когда что-то утверждается, то всегда подразумевается, что употребляемые имена собственные, будь то простые или сложные, имеют денотат. Если, например, утверждается: "Кеплер умер в нищете", то при этом подразумевается, что имя 'Кеплер' что-то обозначает, но это еще не значит, что в смысл предложения "Кеплер умер в нищете" входит мысль "имя 'Кеплер' что-то обозначает". Если бы это было так, то отрицанием этого предложения было бы не

"Кеплер умер не в нищете",

а

"Кеплер умер не в нищете, или имя 'Кеплер' ничего не обозначает"

То, что имя 'Кеплер' что-то обозначает, является скорее пресуппозицией (Voraussetzung) как для утверждения:

"Кеплер умер в нищете",

так и для противоположного утверждения».

Этот текст вызывает некоторые замечания.

Прежде всего, мы констатируем, что Фреге в своем анализе использует термины, заимствованные не только из словаря *логики*, но и из словаря *лингвистики* своего времени, такие, как «независимое предложение», «придаточное», «грамматическое подлежащее». Не обсуждая здесь вопрос, каким образом можно было бы подновить исследование Фреге, учитывая прогресс лингвистической науки, мы довольствуемся тем наблюдением, что для Фреге в функционировании языка есть что-то общее с функционированием того, что он называет *мыслью*: он *полагает*, что функционирование языка (в данном случае отношение между независимым предложением и придаточным определительным) вводит в мысль *иллюзию* (презумпцию существования «position d'existence»), которую мы сейчас рассмотрим. Не будучи лингвистом по специальности, Фреге и не ставит вопроса о том, связано ли *лингвистически* функционирование языка, которое он исследует в своем примере, с другими лингвистическими явлениями. Он не выясняет, идет ли речь о *систематическом языковом эффекте* или о каком-то частном случае: он решает вопрос как *логик*, поскольку через несколько строчек после процитированного нами отрывка он заявляет: «Иллюзия обусловлена несовершенством языка (langage), от которого символизм математического анализа

не вполне освобожден» (Ibid., S. 154). Фреге дает таким образом понять, что если в языке могут появиться иллюзии, то *это потому, что* «естественный» язык плохо сделан, что он таит в себе ловушки и двусмысленности, которые могут исчезнуть в «хорошо сделанном» искусственном языке. Бесспорно, логика как теория искусственных языков развилась, используя в качестве сырья «естественный» язык. Однако нужно сразу же добавить, что эта работа всегда была направлена исключительно на освобождение *математики* от последствий «естественного» языка (так что логика постепенно стала частью математики), но отнюдь не на освобождение самого «естественного» от его «иллюзий» *вообще*. Иначе логика включила бы в себя все науки, парафразируя высказывание самого Фреге по поводу психологии[14].

Мы сочли необходимым дать эти пояснения, чтобы предостеречь от логического подхода, согласно которому идеологические противоречия (а в некотором отношении и политические) якобы вытекают на самом деле из несовершенств языка, что было бы равносильно тому, как если бы свести эти противоречия к недоразумениям, бессмыслицам, которых можно избежать, если постараться. Все то же «слепое пятно» Фреге... Мы попытаемся показать, что дело обстоит совсем не так, исходя из примера самого Фреге и обнаруженной им «иллюзии».

В своем примере Фреге различает, как мы видели, два элемента: обозначение «чего-то», с одной стороны, и утверждения о «чем-то» — с другой. «Что-то», обозначенное в предложении, — это фактически «кто-то», а именно «тот, кто открыл [и т.д.]», т.е. Кеплер. Утверждение же касается материальных условий, в которых вышеупомянутый Кеплер закончил свое существование, другими словами, реальности, имеющей мало общего с открытием законов движения планет... *за исключением, разумеется*, религиозной или моральной точки зрения, согласно которой нищета — это расплата за гениальность, выкуп за знание, воспринимаемое как нарушение (заметим мимоходом, что в этом случае придаточное из примера Фреге, преобразованное в «объяснительное». «Кеплер, который открыл [и т.д.], умер в нищете», было бы вполне наделено смыслом).

Но, по всей видимости, Фреге не имеет никакого намерения намекать на существование *какого бы то ни было смыслового отношения* между двумя частями предложения, которое он рассматривает. Он интересуется только *формальным отношением*, существующим между «целым предложением» («мыслью») и придаточным, которое в него впи-

сывается в качестве объекта мысли. Что же касается «иллюзии», о которой он говорит, то с ее помощью этот объект мысли неизбежно вводит в мысль *существование не какого-то человека вообще, а совершенно уникального субъекта*: Иоганна Кеплера, немецкого астронома, родившегося в 1571 г. и умершего в 1630 г. (впрочем, читатель, по всей вероятности, заметил, что для избежания трагического случая, логически возможного, если бы два астронома независимо друг от друга открыли эллиптическую форму планетарных орбит, Фреге позаботился уточнить: «*первый*, кто открыл [и т.д.]») Нужно ли в этих условиях говорить, что необходимость этой «иллюзии», при помощи которой объект мысли предполагает существование обозначаемого им реального объекта, обусловлена «несовершенством языка», досадной, в сущности, привычкой, из-за которой, как говорит Фреге, «когда высказывается какое-то утверждение, всегда предполагается без слов, что имена собственные, фигурирующие в этом утверждении, будь то простые или сложные, имеют определенный денотат» (F r e g e 1967, 154).

Нужно ли тогда объявлять абсурдным и лишенным всякого смысла такое предложение, как: «Тот, кто спас мир, умерев на кресте, никогда не существовал», в котором дискурс воинствующего атеизма отрицает в «целом предложении» существование того, кого он предполагает существующим в придаточном?[15] Не лучше ли считать, что в высказывании имеется *разделение, дистанция или расхождение между тем, что мыслится раньше, где-то в другом месте или независимо, и тем, что содержится в общем утверждении высказывания?*

Эти соображения побудили П. Анри предложить термин «преконструкт» (préconstruit) для обозначения того, что отсылает к предшествующей, внешней, во всяком случае, независимой конструкции в противоположность тому, что «сконструировано» высказыванием[16]. Короче говоря, речь идет о дискурсном эффекте, связанном с синтаксическим *вставлением* (*enchâssement* syntaxique).

С этой точки зрения «иллюзия», о которой говорит Фреге, не есть чистое и простое следствие синтаксического явления, представляющего собой некое «несовершенство языка». Напротив, синтаксическое явление определительного придаточного предложения есть формальное условие известного эффекта смысла, материальная причина которого заключается в асимметричном отношении сдвига между двумя «сферами мысли», так что элемент одной сферы вторгается в какой-то элемент другой в виде того, что мы

назвали «преконструктом», т.е. *как если бы этот элемент там уже находился*. Уточним, что, говоря о «сферах мысли», мы не хотим обозначить *содержание мысли вне языка*, которое встречалось бы в языке с другим содержанием мысли: в действительности любое «содержание мысли» существует в языке (le langage) в форме *дискурсного*.

Мы еще вернемся к этой проблеме, а пока отметим, что, затрагивая проблему преконструкта, мы сталкиваемся с *одним из важнейших моментов стыковки теории дискурса с лингвистикой*.

Остается рассмотреть еще один пункт, касающийся проблемы имени *собственного*. Этот пункт, изучение которого позволит нам продолжить разработку понятия «преконструкт», заключается в том, что к имени собственному неприменимо какое бы то ни было определение по той простой причине, что имя собственное (в его парафрастическом виде: «тот, кто [и т.д.]») является следствием именно операции определения, «доведенной до конца». Разумеется, мы не упускаем возможности создать такие выражения, как «Иисус Христос христиан» (в отличие от «Иисуса Христа Ренана», например) или «де Голль движения Сопротивления» (в отличие от «де Голля Пятой республики»). И все же, если, за исключением этой оговорки, к имени собственному неприменимо никакое определение, должны обязательно существовать *выражения, которые не являются именами собственными*, но от которых как раз могут быть образованы путем определения имена собственные или соответствующие им парафрастические выражения. В самом деле, рассмотрим такие дисциплины, как Астрономия, География или История, которым отдает предпочтение Фреге (и вообще логики, изучающие проблему имени собственного). Можно было бы сказать, что эти дисциплины играют роль соответственно реестра Небесных тел, каталога Замечательных точек на поверхности Земли и перечня Великих Людей и Событий, которые существовали до сих пор. Особенность этих «описательных наук» — в том, что они выдают что-то вроде Акта гражданского состояния Вселенной, трактуя «реальность» как совокупность «вещей», каждая из которых обозначена своим именем собственным; таковы *Кеплер, Берлин, Венера*, используя примеры Фреге. Таким образом, и именно это главное, подобное обозначение именем собственным предполагает соответственно возможность обозначить «ту же вещь» какой-либо парафразой, как, например, «тот, кто открыл [и т.д.]», «город, который является столицей Германии», «вторая из планет, вращающихся во-

круг Солнца». Другими словами, «простым» именам собственным *обязательно* соответствуют «сложные» имена собственные, которые могут идти от «*N*, которое *VN*» (*N* представляет собой какое-то «имя нарицательное», например *город, планета, человек* и т.д.) к «тому, кто *VN*» или к «тому, что *VN*», в котором исчезла первоначальная *лексическая опора*.

Отныне понятно, что указательное местоимение (это / этот 'ceci / celui-ci')[17] может предстать одновременно как первое имя собственное и как универсальное «средство» построения имен собственных. Таким образом, Кеплер будет:

— этот, о котором я говорю (тот, о котором я говорю) celui-ci, dont je parle (celui dont je parle),

— этот, кто мне сказал или о котором мне сказали, что его зовут Кеплер (тот, кто мне сказал или о котором мне сказали...)

celui-ci, qui m'a dit, ou dont on m'a dit, qu'il s'appelait Kepler (celui qui m'a dit, ou dont on m'a dit...),

— этот, кто открыл эллиптическую форму планетных орбит (тот, кто открыл...)

celui-ci, qui a découvert la forme elliptique des orbites planétaires (celui qui a découvert...).

При этом сразу же объясняется склонность логиков к областям астрономии, географии и истории: дело в том, что эти области особенно «наглядно» демонстрируют механизм *идентификации объекта*, которая одновременно является перцептивной идентификацией (я вижу *это*, что я вижу = я вижу то, что я вижу — je vois *ceci*, que je vois = je vois ce que je vois) и идентификацией умственной (известно, что *это* есть *X*, который..., что соответствует «известно то, что известно»[18]. Эта двойная тавтология — я вижу то, что вижу / известно то, что известно — является, можно было бы сказать, очевидным обоснованием идентификации «предмета», а также субъекта, который его видит, говорит или думает о нем; реальность как совокупность предметов, с одной стороны, и, с другой — субъект, уникальный благодаря своему имени собственному: понятая буквально, эта «очевидная истина» повторяется в эмпирическом мифе о построении языка, отталкиваясь от того, что Рассел назвал «эгоцентрическими обстоятельствами» (например, *я, это, сейчас* в *я вижу это сейчас*), конструкция, построенная в результате соединения *то, что я видел* с *тем, что я вижу*, что и представляет собой «обобщение»[19]

Ниже мы вернемся к фундаментальным характеристикам *сцены* [...], где субъект «видит то, что он видит своими

глазами» и «знает то, что об этом надо думать». Пока же отметим, что идентификация субъекта, его способность сказать «я, Такой-то» дана здесь как первоначальная очевидность: «очевидно», что *я* (je) являюсь единственным, кто может сказать *я* (moi), говоря о *себе самом* (moi-même). Что же скрывает эта «очевидность», возникающая одновременно с идентификацией предмета? Но не Рассел ответит нам на этот вопрос, когда он говорит о некоем Смите, утверждая, что «в каждом случае произвольная договоренность приводит к тому, что этот человек носит данное имя» (R u s s e l l 1969, 125—126).

Впрочем, Рассел добавляет, как бы признавая ту очевидную истину, о которой мы упоминаем: «С юридической точки зрения имя человека может быть каким угодно, если он публично заявит, чтобы его называли таким образом» (R u s s e l l 1969, 126), что является, именно *с юридической точки зрения*, полным абсурдом, каким бы ни был тип права, на который решено сослаться. В самом деле, имя собственное (фамилия) установлено административным путем на основании родственных связей (законных или внебрачных), и его собственно *неотчуждаемый* характер приводит к тому, что всякое изменение имени является поводом для правовой дискуссии. Мы обнаруживаем здесь центральный пункт, отмеченный в данный момент подозрительной «очевидностью». Дальше станет ясно [...], о чем идет речь.

Заключая это первое рассмотрение проблемы *преконструкта*, подчеркнем в качестве его главной характеристики фундаментальное разделение между *мыслью* и *объектом мысли*. При этом объект мысли предшествует мысли, и это отмечено тем, что мы назвали разрывом между двумя областями мысли, при котором субъект сталкивается с одной из этих областей как немыслимой частью его мысли, которая ему неизбежно предшествует. Это то, что выражает Фреге, говоря, что «имя предмета, имя собственное ни в коем случае не может быть употреблено в качестве грамматического предиката» (F r e g e 1967, 168).

Мы увидим сейчас, что это разделение является одновременно — и парадоксально — мотором процесса, посредством которого *мыслится объект мысли*, иными словами, процесса, в ходе которого мысль функционирует в зависимости от разновидности *концепта*: в связи с этим мы увидим, как единственность существования объекта (обозначенная именем собственным и основанная на отождествлении субъекта с самим собой) изчезает в «имени нарицатель-

ном», которое является грамматической формой концепта Фреге характеризует это следующим образом: «В предложении "Утренняя звезда — Венера" фигурируют два имени собственных, "утренняя звезда" и "Венера", которые относятся к одному и тому же объекту. В предложении "Утренняя звезда — планета" фигурируют имя собственное "утренняя звезда" и концептуальный термин "планета". Верно, что с точки зрения языка "Венеру" просто заменили на "планету", но что касается вещей, то поменялось отношение между терминами» (F r e g e, op. cit., 1967, 129).

II. 3. СТЫКОВКА ВЫСКАЗЫВАНИЙ, ИМПЛИКАЦИЯ СВОЙСТВ, ЭФФЕКТ ОПОРЫ

Задаваясь вопросом о том, что́ следует понимать под *объектом*, Фреге в своей статье «Функция и концепт» пишет: «На мой взгляд, школьное определение здесь невозможно, так как мы затрагиваем что-то такое, чья простота не позволяет никакого логического анализа. Можно только вкратце сказать следующее. объект — это все то, что не есть функция, это — то, чье выражение не содержит никакого пустого места» (F r e g e 1967, 134). Таким образом, все происходит так, как если бы имелось, согласно Фреге, двойственное функционирование, соответствующее следующей таблице:

объект (денотат)	мысль (смысл)
имя собственное ↓ объект	предикат, функция ↓ концепт
«насыщение» (ни одного «пустого места»)	«ненасыщение» (пустое место)

где две вертикальные стрелки обозначают соответственно, что денотат имени собственного — это определенный объект, а денотат предиката — это концепт. Что касается отношений между двумя частями таблицы, то они складываются согласно утверждению Фреге, что необходимо рассматривать *объекты как значения функции*, иными словами, как результат насыщения функции аргументом, заполняющим «свободное место» этой функции.

Это, несомненно, возвращает нас к уже затронутой в предыдущем параграфе проблеме *образования имен*, но совсем с другой точки зрения, согласно которой *мысль* (в том смысле, который дал этому термину Фреге) как бы *завладевает объектом*: на этот раз именование рассматривается в

качестве «способа подачи объекта», что позволило Фреге написать: «"2^4" и "4 x 4" имеют один и тот же денотат, но не один и тот же смысл, они являются именами собственными одного и того же числа, но не имеют одного и того же смысла. Мы хотели бы сказать в данном случае, что эти выражения не содержат одни и те же мысли» (F r e g e 1967, 132). Мы уже комментировали антисубъективизм Фреге, который всегда избавлял его от смешения «способа подачи объекта» и «создания объекта», и мы будем вынуждены к этому вернуться в связи с проблемой *фикции* (fiction) [...] Пока же мы ограничимся анализом последствий того, что мы только что ввели в связи с *именем собственным*, задаваясь вопросом о грамматических формах, через которые реализуются насыщение или ненасыщение. Мы уже констатировали, что имя собственное (Кеплер, Берлин, Венера...) функционирует некоторым образом, так же как и указательное местоимение (это, этот, ceci, celui-ci), поскольку в обоих случаях единственность *идентифицированного объекта* (l'unicité de l'objet identifié) является общим условием их успешного функционирования. Рассмотрим сейчас формы «то, что..., тот, кто...», которые уже появлялись, например, по поводу обозначения Кеплера:

Этот (Celui-ci) = Кеплер = Тот, кто открыл эллиптическую форму планетарных орбит.

Легко заметить, что по сравнению с двумя грамматическими явлениями, рассмотренными выше (Кеплер / этот, celui-ci), *эта конструкция не гарантирует в себе самой единственность идентифицированного объекта*, но, напротив, эта единственность может быть затронута синтаксическими и / или лексическими вариациями и ее степень референтности (son degré d'assignation) может варьироваться вплоть до полного исчезновения: ср., например, в случае «тот, кто откроет...», «тот, кто открыл бы...» и т.д. С другой стороны, достаточно заменить слово «открыть» на «допустить» или «признать», чтобы единственность идентифицированного объекта полностью исчезла: в самом деле, фраза, начинающаяся с «тот, кто допускает эллиптическую форму планетарных орбит...», мало вероятна в качестве процедуры обозначения; гораздо легче она предстает как начало рассуждения или полемики типа «тот, кто допускает эллиптическую форму планетарных орбит, *должен также допускать, что...*» или «*...не учитывает того, что...*» и т.д. Другими словами, особенность синтаксической структуры *тот, кто... / того, что...* состоит в том, что при некоторых лексических и грамматических условиях (наклонения, времена,

артикли и т.д.) она позволяет что-то вроде *вынимания объекта из функции*. Отсюда вытекает, что синтаксическая форма конструкции имени собственного («тот, кто *VN*», «то, что *VN*»), которая *по самой своей природе* могла считаться порождающей детерминацию, в действительности может отослать и к неопределенности. В этом случае *тот, кто* становится эквивалентом *каждый, кто*, а *то, что* — эквивалентом *все, что* или *любое, что*. Характерно, что это явление неопределения (или ненасыщения) встречается как в дискурсе юридического аппарата (все, что было сказано раньше по поводу имитации (simulation), должно позволить читателю этому не удивляться): «*Тот, кто* причиняет ущерб *кому-либо*, обязан его возместить»[20], так и в «повседневном» функционировании общих понятий (как в примере, приводимом Фреге: «Тот, кто трогает смолу, пачкается» (F r e g e 1967, 120), или «то, что хорошо понято, легко выразить словами», или «всякий труд достоин награды» и т.д.). Наконец, это явление встречается в (научном) функционировании концепта, как, например, «все млекопитающие имеют красную кровь», выражение, о котором Фреге говорит, что оно равнозначно выражению «*все, что* есть млекопитающее, имеет красную кровь» (Ibid., S. 172). Роль ненасыщения и неопределения, которое с ним связано в различных типах высказываний, только что нами перечисленных, не ускользнула, разумеется, от внимания Фреге, хотя из этого он делает выводы только по поводу «научных» высказываний, говоря: «Именно благодаря этому неопределению смысл приобретает ожидаемую от закона обобщенность» (Ibid., S. 156). По этому поводу заметим только, что слово «закон» может быть понято в различных смыслах, включая *юридический смысл*, согласно которому кто-то «подпадает под действие закона», предусматривающего для него какую-то санкцию. На наш взгляд, это означает, что юридические тексты не являются просто-напросто «сферой применения» логики, как думают теоретики юридического формализма (Кельсен и т.д.), но между юридическими операторами* и механизмами понятийной дедукции и особенно между юридической санкцией и логическим следствием (F r e g e 1967, 120) имеется конститутивное *отношение имитации*[21]. Это отношение проявляется в *кажущемся на первый взгляд однородным* функционировании гипотезы (и

* *Юридические операторы* — это разные союзы и соединители юридической аргументации. Здесь они сопоставляются с логической дедукцией. — *Прим. ред.*

условной связи), которое допускает следующие парафразы приведенных выше высказываний:

— «Тот, кто причиняет ущерб кому-либо, обязан его возместить».

→«Если кто-то причиняет ущерб ("другому"), он обязан его возместить».

— «Кто трогает смолу, пачкается».

→«Если трогаешь смолу, то пачкаешься».

— «Все, что есть млекопитающее, имеет красную кровь»

→«Если кто-то является млекопитающим, то у него красная кровь» (F r e g e 1967, 172).

В этих условиях позволительно вывести следующим образом общую форму явления, которое мы изучаем:

(Все) то, что есть α, есть β

со следующими парами α_i и β_i

α_1	*нанести ущерб*	β_1	*быть обязанным возместить ущерб*
α_2	*потрогать смолу*	β_2	*пачкаться*
α_3	*быть млекопитающим*	β_3	*иметь красную кровь*

Отметим, что классическая форма вышеуказанного выражения не что иное, как форма импликации:

$$\forall x.\alpha(x) \supset \beta(x)$$

Здесь обнаруживается предикативный и понятийный характер «имени нарицательного», поскольку, повторяя пример Фреге по поводу слова «человек», выражение «люди» соответствует фактически «те *x*, которые являются людьми», так что единение «человек является животным» равнозначно «то, что есть человек, является животным», т.е.:

$\forall x$, *быть человеком* $(x) \supset$ *быть животным* (x)[22].

Рассмотрим теперь следующее выражение, производное от одного из примеров Фреге (F r e g e 1967, 160).

«Лед, который имеет удельный вес ниже, чем удельный вес воды, держится на воде».

Фреге выделяет три следующие «мысли»:

(1) Лед имеет удельный вес ниже, чем удельный вес воды.

(2) Если что-то имеет удельный вес ниже, чем удельный вес воды, это держится на воде.

(3) Лед держится на воде.

С первого взгляда видно, что эти три «мысли» фактически составляют соответственно 1) меньшую посылку, 2) большую посылку, 3) заключение силлогизма, который мог бы быть сформулирован следующим образом:

Если что-то имеет удельный вес ниже, чем удельный вес воды, это держится на воде.

Лед имеет удельный вес ниже, чем удельный вес воды.

Следовательно: лед держится на воде.

Применяя знаки, которыми мы уже пользовались, и допуская, что:

α= быть льдом,

β= иметь удельный вес ниже, чем удельный вес воды,

γ= держаться на воде,

можно записать:

$\forall x, \beta(x) \supset \gamma(x)$ *соответствует* (2)

$\forall x, \alpha(x) \supset \beta(x)$ *соответствует* (1)

Откуда

$\forall x, \alpha(x) \supset \beta(x) \supset \gamma(x)$

и, опуская промежуточный элемент $\beta(x)$:

$\forall x, \alpha(x) \supset \gamma(x)$,

что можно парафразировать: «Лед держится на воде».

Читатель, вероятно, заметил, что фактически мы только что реконструировали механизм «объяснительного» относительного предложения, главная особенность которого в том, что оно заключает в себе самом то, что Фреге называет *мыслью*, иными словами, насыщенный элемент, в противоположность «определительному» относительному придаточному и соответствующему эффекту преконструкта, который мы исследовали выше. Можно уточнить, что объяснительное предложение (которое, как замечает Фреге, *среди других возможностей* может быть парафразировано при помощи придаточного с союзом «потому что») выступает как опора мысли, содержащейся в другом предложении, посредством отношения *импликации* между двумя свойствами, α и β, отношения, которое мы выразили формулой «то, что есть α, есть β». Мы назовем это отношение *эффектом опоры* (effet de soutien), чтобы подчеркнуть, что именно оно осуществляет *стыковку* (articulation) между составляющими его предложениями. Тот факт, что опущение объяснительного предложения ничем не разрушает смысл главного предложения (в данном случае: «Лед... держится на воде»), указывает на его *случайный* характер: можно сказать, что оно составляет *побочное напоминание* (rappel latéral) о том, что известно из других источников и что служит для обдумывания объекта

главного предложения Мы еще вернемся [ ] к двойственной природе этого «напоминания», которое может быть стимулированным напоминанием, вводящим незаметно новую «мысль» Что бы там ни было, скажем, что в отличие от функционирования преконструкта, который подает свой объект мысли в виде внешнего и предшествующего образа, стыковка высказываний, основывающаяся на том, что мы называем «процессом опоры», представляет собой что-то вроде *возвращения знания в мысль* (retour du savoir dans la pensée) Это похоже на то, о чем говорил Лейбниц

«Некто, находящийся в опасности, нуждается в пистолетной пуле Ему не хватает свинца, чтобы отлить ее в имеющейся у него форме Его друг говорит ему вспомните, что *серебро*, которое находится в вашем кошельке, *плавкое* Этот друг не сообщает ему о каком-то свойстве серебра, а побуждает его к мысли об использовании серебра, чтобы иметь пистолетные пули при этой настоятельной потребности Значительная часть *моральных истин* и самых красивых сентенций сочинителей — именно такого рода Они очень часто ничего не сообщают, но побуждают к мысли по поводу того, что известно» (L e i b n i z 1961, 72)

Стыковка высказываний в этом примере соответствовала бы предложению типа «Это серебро, которое является плавким, позволяет изготовлять пистолетные пули» Мы отмечали вначале*, что предложение, используемое Фреге («Кеплер умер в нищете»), может допускать объяснительную трансформацию в виде «Кеплер, который открыл эллиптическую форму планетарных орбит, умер в нищете» при условии, что будет допущена связь между фактом нарушения секретов небесных светил и фактом наказания — смерти в нищете Как мы отмечали, эту возможность Фреге не упоминает Вместе с тем сопоставление этого предложения с другим примером Фреге позволяет объяснить это явление

«Наполеон, который узнал об опасности, угрожающей его правому флангу, сам повел своих солдат в бой против врага» (F r e g e 1967, 157—160)

Фреге замечает, что в этом примере выражены две мысли, а именно

1) Наполеон узнал об опасности, угрожающей его правому флангу,

---

* См с 238 наст сб — *Прим ред*

2) Наполеон сам повел своих солдат в бой против врага

И далее Фреге добавляет

«Если полное предложение высказывается как утверждение, то одновременно утверждаются и оба составляющих его предложения. Таким образом, можно ожидать, что без ущерба для истинности целого можно заменить придаточное каким-то предложением, имеющим то же истинностное значение. Это как раз тот самый случай»

Впрочем, развив этот пункт положением о том, что такая замена может производиться без ущерба для истины целого предложения, «насколько позволяет грамматика», Фреге вынужден ввести следующее ограничение

«[...] У этих придаточных не такой простой смысл. Похоже, что почти всегда мы присоединяем к главной мысли, которую мы выражаем, дополнительные мысли, которые слушающий также ассоциирует с нашими словами согласно *психологическим законам* (курсив наш — *М П*), хотя эти мысли действительно выражены [...] Так, можно считать, что в [вышеуказанном] предложении обе мысли, которые мы высказали выше, не являются в нем исключительно выраженными, в нем можно прочитать также мысль, что знание об опасности было причиной, из-за которой Наполеон повел своих солдат против врага. Затруднительно решить, является ли эта мысль лишь слегка пробужденной или действительно выраженной. Возникает вопрос, было ли бы наше предложение правдивым в том случае, если бы Наполеон уже принял решение прежде, чем осознал опасность»

Здесь чувствуется колебание и даже некоторое замешательство Фреге [...]

Кажется, что Фреге колеблется в этом случае между двумя возможными интерпретациями

— «случайная» интерпретация типа «Оказывается, что Наполеон (о котором мы говорим в другом месте, что он узнал об опасности, угрожающей его правому флангу) повел сам своих солдат против врага»,

— «необходимая» интерпретация типа «Наполеон, поскольку он узнал об опасности, угрожающей его правому флангу, сам повел своих солдат против врага»

Заметим, что здесь мы входим в психологический круг, где чередуются чисто историческое «повествование» (récit) и анализ «мотиваций» и «намерений»[23], которые могут перед лицом опасности привести в движение *кого-то*, точнее, *одного генерала*, и, по правде сказать, *не какого-нибудь*,

а Наполеона: в таком случае вопрос в том, мыслима ли какая-либо условно-следственная связь в виде:

«Если (будучи генералом или будучи Наполеоном) кто-то узнает, что угрожает какая-то опасность, то он обязан сам повести наступление, чтобы ее отбросить».

В противном случае спрашивается, какова же роль намека на опасность, угрожающую правому флангу армии Наполеона, в «чистом повествовании» фактов и действий. Таким образом, мы видим, как появляется что-то вроде *соучастия* между говорящим и тем, к кому он обращается, в качестве условия существования *смысла* фразы. Это соучастие предполагает фактически *отождествление с говорящим*, т.е. возможность думать то, чтó он думает на его месте. У нас еще будет случай остановиться более подробно на этом пункте [...], на наш взгляд решающем для понимания идеологических процессов; сейчас же ограничимся констатацией того, что вопрос о существовании связи между двумя предикатами отсылает фактически к вопросу об области применения этих предикатов. [...]

Как определить смысл фразы «человек, который разумен, свободен»? Можно ли к этому прийти, ответив на вопрос о том, являются ли «все нормально сложенные люди» разумными или же только некоторые из них разумны, в противоположность другим людям, которые, не будучи разумными, не в меньшей степени являются людьми?

Можно ли в то же время сказать, что *Человек* (например, в таком предложении, как «Человек прошел по Луне») является именем собственным народа, обитающего на Земле?

Можно предугадать, что фактически данный вопрос не может свестись к «экстенциональному» или «интенциональному» анализу концепта *Человек*, но, напротив, *что-то фундаментальное разыгрывается прежде, что дает обоснование этому анализу*.

Мы выдвинем здесь идею, согласно которой то, что разыгрывается, — это отождествление, благодаря чему любой субъект «признает себя» как человека, а также как рабочего, служащего, руководящего работника, менеджера и т.д., а еще как турка, француза, немца и т.д., и способ организации его отношения к *тому, чтó его представляет*[24]: первое озарение, проблеск решения. В примере Фреге «Турок осадил Вену» вопрос кажется решенным, еще не будучи заданным: «турок» — это значит «турецкий народ», «турки» и «Турция» одновременно. Почему при этих условиях не скажут «Американец бомбардирует Северный Вьетнам», а в край-

нем случае «Американцы бомбардируют Северный Вьетнам», или скорее «Соединенные Штаты», или даже «правительство США», или «Никсон»?

По этому поводу мы воспроизведем ниже замечание, объективная ирония которого по отношению к неопозитивизму позволит, может быть, понять, в чем состоит основной «промах» логического идеализма. В своем исследовании «*Логический эмпиризм*» (V a x 1970) Л. Вакс замечает, что с точки зрения, согласно которой мир заполнен отдельными реальностями, доступными наблюдению, «невозможно обнаружить, помимо Тибера, Бело и Родиляра [...], какую бы то ни было *реальность*, которой являлся бы класс кошек, что побуждает рассматривать класс кошек как плотоядную логическую конструкцию» («Всякая кошка является плотоядной»). Но, добавляет он:

«[...] Есть и более тяжелые случаи. Поскольку никому не приходит в голову считать "Марианну" самодовлеющим и самодостаточным существом, мне позволено будет рассматривать Францию как логическую конструкцию, составленную из конкретных элементов, таких, как Дюпон, Дюваль, Дюбуа [...]. Таким образом, логическая конструкция, которая объявляет войну другой логической конструкции, является еще более затруднительной, чем крысоубийственная и плотоядная логическая конструкция. Потому что ни Дюпон, ни Дюваль, ни я сам не объявляли войну Мюллеру, Вагнеру [...] в сентябре 1939 года. Другими словами, политическая или юридическая целостность — это нечто иное, чем класс индивидов. Будучи ясным каждому, предложение: "Франция объявила войну Германии в 1939 году" — становится крайне непонятным при логическом анализе, который претендовал внести в него ясность» (V a x 1970, 25).

Мы можем сейчас предложить гипотезу, касающуюся истоков позитивистского «просчета», который непреодолимо ведет к рассуждениям «вокруг да около вопроса», как только на сцене, так или иначе, появляется политика: в этом случае все происходит, как если бы «антиметафизическое» недоверие превратилось в слепоту в отношении серьезности и действенности метафор; ни на одно мгновение не возникает мысль, что для того, чтобы Дюпон принадлежал к «совокупности французов», необходимо, чтобы к нему был прилеплен *французский* ярлык, что предполагает *действенное существование* не «Марианны», а «Франции» и ее политических и юридических институтов. Другими словами,

просчет мешает видеть здесь конститутивную а не производную, выводимую или построенную функцию метафоры (и метонимии = Франция / король Франции / французы) и соответственно, игнорировать *материальную эффективность воображаемого* Воображаемое представлено, таким образом, как эквивалент ирреального и сведено к индивидуальному психологическому эффекту «поэтического» характера Размышляя о предложении

«Улисс был высажен на землю Итаки в состоянии глубокого сна»,

Фреге заявляет, что

«[ ] предложение [ ] имеет, очевидно, смысл, но [что] сомнительно, что имя "Улисс", которое здесь фигурирует, имеет денотат» (F r e g e 1967, 148)

И он добавляет

«Когда слушаешь эпопею, помимо красивого звучания языка, лишь смысл предложений, а также представления или чувства, пробуждаемые этим смыслом, приковывают внимание И если захочешь искать его истинность, то ради научного анализа пропадет художественное наслаждение Отсюда следует, что знать о том, имеет ли, например, имя "Улисс" какой-то денотат, не имеет большого значения пока мы воспринимаем поэму как произведение искусства» (ibid , 149)

Удивительно констатировать, что через несколько страниц Фреге возвращается к этому вопросу о выражениях, лишенных денотата, и о «хитростях», которые они вводят, и он развивает на этот раз следующий пример

«Демагогическое злоупотребление — близко к этой иллюзии, может быть, ближе, чем к лживому употреблению двусмысленных выражений Возьмем, к примеру, выражение "воля народа", нетрудно будет показать, что оно не имеет по меньшей мере никакого общепринятого денотата Значит, небезынтересно намерение, по крайней мере для науки, ликвидировать раз и навсегда источник этих заблуждений» (ibid , 155)

Здесь обнаруживается, на наш взгляд, «слепое пятно» в мысли Фреге, это — то, что мы назвали *пределом его материализма* то, что утверждает здесь Фреге, переведенное на ясный язык, означает, что политические выражения, такие, как «народ», «воля народа» и т д , должны восприниматься с *опаской*, т е , и он говорит об этом в другом месте, как от-

меченные, так же как и «Улисс», признаком ирреальности, который лишает их референционной стабильности объекта и превращает это в вопрос личной оценки, что является сутью буржуазного восприятия политики Согласно буржуазной идеологии, политика, как и поэзия, относится к регистру вымысла и игры[25]

Но наверняка скажут разве эта интерпретация не противоречит другому аспекту размышлений Фреге, упомянутому выше, где он, напротив, пытается придать «исторической науке» и праву (см , в частности, его замечания о деятельности судов присяжных) характер научной объективности? Не в этом ли смысл заключительной ремарки, которую мы только что процитировали, призывающей «ликвидировать раз и навсегда источник этих заблуждений»?

Скажем ясно, что, на наш взгляд, эти две точки зрения (политика как формальная объективная наука, в которой «раз и навсегда» будет ликвидирован источник заблуждений, *и* политика как вымысел и как игра) совсем не противоречат друг другу, а, напротив, в высшей степени дополняют друг друга фактически они указывают на *две стороны идеализма*, соответственно на *метафизический реализм* (миф об универсальной науке) и *логический эмпиризм* (обобщенное использование вымысла), которые мы прокомментировали в первой части этой работы Мы можем сказать теперь, что речь идет о двух «теоретических подразделениях» буржуазной идеологии, стремящейся к затемнению политического регистра в двух специализированных формах, соответствующих в теоретическом плане различным политическим и идеологическим доминантам классовой борьбы Метафизический реализм соответствует *буржуазному фантазму об уменьшении политической борьбы* при чистом функционировании юридическо-политического аппарата[26] и характеризует условия, при которых вопрос о государственной власти не поставлен прямо, так что буржуазия может внешне экономить на политической борьбе и объявлять себя аполитичной, трактуя «проблемы в их техническом аспекте» Эмпиристский вымысел (и сопровождающий его скептический цинизм), напротив, соответствует *буржуазной форме политической практики*, когда буржуазия вынуждена «заниматься политикой», маневрируя, путая карты и т д , иными словами, когда она ведет политическую борьбу под видом *игры* [ ]

III. ДИСКУРС И ИДЕОЛОГИЯ (ИДЕОЛОГИИ)

1. ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ВОСПРОИЗВОДСТВА / ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Начнем с разъяснения выражения, которое мы только что ввели, а именно «идеологические условия воспроизводства / трансформации производственных отношений». Это разъяснение будет осуществляться в рамках нашей цели — раскопать фундамент материалистической теории дискурса.

Вместе с тем, для того чтобы избежать некоторых недоразумений, необходимо уточнить определенные моменты более общей значимости, имеющие отношение к теории идеологий, к практике выработки знаний и к политической практике, без которых все, что последует за этим, будет просто «неуместным»

а) Если мы подчеркиваем «идеологические условия воспроизводства / трансформации производственных отношений», то это потому, что область идеологии никоим образом не является *одной-единственной сферой*, в которой осуществлялось бы воспроизводство / трансформация производственных отношений какой-то общественной формации; это значило бы абстрагироваться от экономических решений, которые обусловливают «в конечном счете» это воспроизводство / трансформацию внутри экономического производства, как об этом напоминает Альтюссер в начале своей работы о государственных идеологических аппаратах.

б) Говоря о «воспроизводстве / трансформации», мы указываем на характер узловых противоречий *любого способа производства, основанного на классовом различии, иными словами, способа производства, «принципом» которого является классовая борьба.* Это означает, в частности, что мы считаем ошибкой помещать в различные места, с одной стороны, то, что способствует воспроизводству производственных отношений, а с другой — то, что способствует их трансформации: классовая борьба пронизывает способ производства в целом, в области идеологии это означает, что классовая борьба «проходит через» нечто, названное Альтюссером государственными идеологическими аппаратами.

Употребляя выражение *государственный идеологический аппарат*, мы хотим подчеркнуть множество аспектов, которые кажутся нам решающими (очевидно, помимо напо-

минания о том, что все идеологии созданы не из идей, а из практики).

1) Идеология не воспроизводится в общем виде *Zeitgeist* (т.е. духа времени, «менталитета» эпохи, «привычек мысли» и т.д.), который бы равным и однородным способом навязывался «обществу» как пространство, существующее вне классовой борьбы: «Государственные идеологические аппараты не являются воплощением Идеологии в целом...»

2) « . ни даже бесконфликтным воплощением идеологии господствующего класса», что означает, что невозможно приписать *каждому классу свою идеологию*, как если бы каждый жил «до классовой борьбы» в своем собственном лагере, со своими собственными условиями существования и специфическими институтами, так что идеологическая классовая борьба является будто бы встречей двух различных и существовавших ранее миров, как если бы каждый класс имел свой опыт и свою «концепцию мира», а за этой встречей следовала бы победа «самого сильного» класса, который навязывал бы свою идеологию другому. В конечном итоге это удвоило бы концепцию Идеологии как Zeitgeist[27]

3) «Идеология господствующего класса не становится господствующей по милости неба...», что означает, что государственные идеологические аппараты не являются *выражением* господства господствующей идеологии, т.е. идеологии господствующего класса (Бог знает, где черпала бы тогда господствующая идеология свое превосходство!), это означает, что они являются *местом* и *способом* реализации. «...именно с установлением государственных идеологических аппаратов, в которых реализована и реализуется эта идеология [идеология господствующего класса], она становится господствующей...»

4) Но государственные идеологические аппараты не являются тем не менее чистым инструментом господствующего класса, идеологической машиной, воспроизводящей просто-напросто существующие производственные отношения «Это установление [государственных идеологических аппаратов] не происходит само по себе, напротив, речь идет об очень трудной непрекращающейся классовой борьбе...» (A l t h u s s e r 1970, 37—38), что означает, что государственные идеологические аппараты являются одновременно и противоречиво местом и идеологическим условием трансформации производственных отношений (т.е. революции в марксистско-ленинском смысле). Отсюда — выражение

«воспроизводство / трансформация», которое мы используем [...]

Подведем некоторые итоги: материальная объективность идеологической инстанции характеризуется структурой неравенства-подчинения «сложного целого с доминантой», объединяющего идеологические формации определенного общественного строя. И эта структура не что иное, как структура противоречия воспроизводство / трансформация, составляющего идеологическую классовую борьбу.

Что касается формы этого противоречия, то уточним сразу же, что она не может мыслиться, учитывая вышесказанное, как оппозиция двух сил, действующих одна против другой *в одном и том же пространстве*. Форма противоречия, внутренне присущего идеологической борьбе между двумя антагонистическими классами, не является симметричной в том смысле, что каждый класс стремился бы осуществить в свою пользу то же самое, что другой. Мы уточняем этот момент потому, что многие концепции идеологической борьбы, как мы видели [...], воспринимают как *очевидность*, предшествующую борьбе, существование *«общества» (и над ним «государства») как пространства, как участка этой борьбы*. Это объясняется тем, что, как об этом говорит Е. Балибар, в функционировании государственного аппарата классовое отношение замаскировано самим механизмом его реализации таким образом, что общество, государство и правовые субъекты (свободные и равные в правах при капиталистическом способе производства) выступают как «естественные очевидные истины». Это приводит нас к обнаружению второй ошибки, копии первой, касающейся природы противоречия, которое заключается в противопоставлении воспроизводства и трансформации, как если бы противопоставили *инерцию* и *движение*. Мысль о том, что невозможно объяснить воспроизводство производственных отношений, потому что «они сами собой разумеются», пока до них не дотрагиваются, если не считать *недостатки* и *перебои* «системы», является антидиалектичной и основанной на иллюзии вечности. В действительности воспроизводство, так же как и трансформация производственных отношений, — это *объективный процесс*, в тайну которого нужно проникнуть, а вовсе не простое фактическое состояние, которое достаточно только констатировать.

Мы уже неоднократно *намекали* на главный тезис, выдвинутый Л. Альтюссером: «*Идеология обращается к инди-*

видам как к субъектам». Теперь пришел момент исследовать, как данный тезис «проникает в эту тайну» и в особенности как способ проникновения в эту тайну поднимает проблематику материалистической теории дискурсных процессов, связанную с проблематикой идеологических условий воспроизводства / трансформации производственных отношений.

Начнем с терминологического замечания: в нашем изложении появился целый ряд терминов, таких, как государственные идеологические аппараты, идеологическая формация, господствующая идеология и т.д., но не появились *ни термин «идеология»* (не считая употребления в отрицательном смысле во фразе «государственные идеологические аппараты не являются осуществлением Идеологии в общем»), *ни термин «субъект»* (не говоря о термине «индивид»). Как объяснить, что по окончании предыдущего размышления и именно для того, чтобы *усилить его в заключение*, мы вынуждены изменить терминологию, введя новые слова (Идеология, индивид, субъект, обращаться к)? Объяснение умещается в двух промежуточных предложениях

1) нет практики, кроме той, что осуществляется посредством *известной* идеологии и под ее руководством (il n'est de pratique que par et sous *une* idéologie);

2) нет идеологии, кроме той, что создается субъектом и для субъектов (il n'est d'idéologie que par le sujet et pour des sujets).

Их Л. Альтюссер высказывает прежде, чем представить свой «главный тезис». В написании этих двух промежуточных предложений мы подчеркнули два детерминатива, сопровождающих слово «идеология». В первом случае неопределенный артикль заставляет думать о дифференцированном множестве идеологической инстанции в форме определенной комбинации (сложное целое с доминантой) элементов, каждый из которых является *идеологической формацией* (в указанном выше смысле), короче, *определенной идеологией* (une idéologie). Во втором предложении детерминатив слова «Идеология» функционирует «в общем», как если бы сказали «нет квадратного корня, кроме как от положительного числа», понимая под этим, что *любой* квадратный корень произведен от положительного числа: точно так же значение этого второго предложения, которое фактически предвосхищает «главный тезис»[28], — это то, что «категория субъекта является со-

ставной категорией всякой идеологии». Иными словами, в теоретическом изложении *термин «субъект»* (который в грамматическом отношении, мы к этому еще вернемся, является не субъектом, не объектом, а признаком объекта) *появился* в то же время, как *термин «Идеология» в единственном числе стал употребляться* в значении «всякая идеология».

Это приводит нас, разумеется, к тщательному различению между *идеологической формацией, господствующей идеологией и Идеологией.*

2. ИДЕОЛОГИЯ, ОБРАЩЕНИЕ, «ЭФФЕКТ МЮНХГАУЗЕНА»

Идеология в общем (Idéologie en général), о которой мы говорили выше, что государственный идеологический аппарат *не* является *ее* реализацией — так что она не может совпадать с исторически конкретным *идеологическим образованием*, — не является и *господствующей идеологией*, которая есть результат целого, конкретная историческая форма, вытекающая из отношений неравенства-противоречия-подчинения, характеризующая в исторически данной общественной формации «сложное целое с доминантой» идеологических формаций, которые в нем функционируют. Другими словами, в то время как «определенные идеологии имеют собственную историю», поскольку у них есть конкретное историческое существование, «Идеология в общем не имеет истории», поскольку она характеризуется «такой структурой и таким функционированием, которые превращают ее в реальность неисторическую, т.е. всеисторическую, в том смысле, что эта структура и это функционирование в одинаковой форме неизменно присутствуют в том, что называют всей историей в том значении, в котором *Манифест* определяет историю как «историю классовой борьбы, т.е. историю классовых обществ» (Althusser 1970, 23). Таким образом, концепт *Идеология* в общем выступает как очень специфическое средство обозначить внутри марксизма-ленинизма тот факт, что производственные отношения — это отношения между «людьми» *в том смысле, что это не отношения между вещами, машинами, животными — не людьми* (animaux non-humains) *или ангелами; в этом, и только в этом, смысле*, т.е. в то же время не вводя незаметно некую идею «человека» как существа

антиприродного, трансцендентного, как субъекта истории, как отрицание отрицания и т.д. Это составляет, как известно, центральный пункт *Ответа Джону Льюису*.

Напротив, концепт *Идеология в общем* позволяет мыслить «человека» как «идеологическое животное», т.е. осмысливать его специфичность как *часть природы* в спинозовском смысле слова:

«История — это огромная *"естественно-человеческая"* система, двигателем которой является классовая борьба» (A l t h u s s e r 1973, 31).

Таким образом, еще раз, история, т.е. история классовой борьбы, т.е. воспроизводство / трансформация классовых отношений с соответствующими инфраструктурными (экономическими) и надстроечными (юридическо-политическими и идеологическими) особенностями: именно внутри этого «естественно-человеческого» процесса истории «Идеология является вечной» (всеисторической). Это высказывание перекликается с выражением Фрейда: «Бессознательное — вечно». Эти две категории, как известно, встречаются здесь *не случайно*. Известно также, что по этому вопросу, несмотря на недавние важные исследования, предстоит сделать *главное в теоретической работе*, и мы больше всего хотим предостеречь читателя от довольно распространенного сегодня впечатления, что мы знаем, как нам быть. На самом же деле нельзя скрыть за формулировками тягостное отсутствие разработанной понятийной связи между *идеологией* и *бессознательным*. Мы находимся еще на стадии теоретических «проблесков», вспыхивающих в темноте. Данное исследование, не претендуя на настоящую постановку самого вопроса о соотношении между этими категориями, ограничится показом некоторых связей, важность которых недооценивалась[29].

Мы будем довольствоваться замечанием о том, что общим свойством обеих функционирующих структур (structures-fonctionnements), которые называются соответственно *идеологией* и *бессознательным*, является то, что они скрывают свое собственное существование внутри их функционирования, создавая цепочку *«субъективных» очевидных истин*; при этом прилагательное «субъективные» понимается не как «касающиеся субъекта», но как «в которых формируется субъект»:

«Для вас, как и для меня, категория субъекта — это первостепенная «очевидная истина» (очевидные истины

всегда первостепенны): ясно, что вы и я являемся субъектами (свободными, юридическими и т.д.)» (A l t h u s s e r 1970, 30).

Таким образом, именно здесь раскрывается, на наш взгляд, необходимость материалистической теории дискурса. Эта очевидность спонтанного существования субъекта (как источник или причина сама по себе) сразу же сближается Альтюссером с другой очевидностью, присутствующей, как мы видели, во всей идеалистической философии языка, и этой очевидностью является смысл. Напомним термины этого сближения, о котором мы упоминали в самом начале нашего исследования.

«Как и все очевидные истины, включая *те, согласно которым слово «что-то обозначает» или «обладает значением», включая очевидности о «прозрачности языка»*, та «очевидная истина», согласно которой вы и я — субъекты, является, дело ясное, элементарным идеологическим эффектом» (A l t h u s s e r 1970, 30).

Ссылка на очевидность *смысла* в ходе комментария очевидности *субъекта* подчеркнута нами. К тому же добавим, что в примечании к этому месту можно найти предупреждение, непосредственно касающееся вопроса, который мы здесь рассматриваем:

«Лингвисты и те, кто призывает на помощь лингвистику с различными целями, чаще всего заходят в тупик из-за того, что они не учитывают игру идеологическими эффектами во всех типах дискурса, в том числе и в научном» (A l t h u s s e r 1970, 30).

Здесь проясняется вся наша работа, а именно то, что вопрос *построения смысла* соединяется с вопросом формирования *субъекта*, и это не побочно (например, в частном случае идеологических «ритуалов» при чтении и на письме), а внутри самого «центрального тезиса» в фигуре *обращения*.

Мы говорим о *фигуре* обращения, чтобы обозначить факт, что речь идет, как на это указывал Альтюссер, об «иллюстрации», о примере, своеобразно представленном, «достаточно "конкретном", чтобы он был узнанным, но достаточно абстрактном, чтобы он был мыслимым и мыслился, давая повод к знанию» (A l t h u s s e r, 1970, 31) Эта фигура, одновременно религиозная и полицейская («Ты, ради кого я пролил эту каплю крови» / «Эй, вы там!»), имеет прежде всего заслугу, благодаря двойному смыслу слова

«обращение» (interpellation)*, сделать осязаемой надстроечную связь, предопределенную экономической базой, между репрессивным государственным аппаратом (юридически-политический аппарат, который распределяет-проверяет-контролирует «личности») и идеологическими государственными аппаратами, другими словами, связь между «юридическим субъектом» (тем, кто входит в договорные отношения с другими равными ему юридическими субъектами) и идеологическим субъектом (тем, кто произносит, говоря о себе самом: «Это — я!»). Заслуга этой фигуры также в том, что она показывает эту связь так, что театр сознания (я вижу, я думаю, я говорю, я тебя вижу, я с тобой разговариваю и т.д.) наблюдается с другой стороны декораций, откуда можно понять, что говорится о субъекте, что говорят с субъектом прежде, чем субъект может сказать: «Я говорю» Непосредственно вытекающие отсюда последствия относительно проблемы акта высказывания будут изложены ниже

И наконец, последняя и не менее важная заслуга «этого маленького теоретического театра» обращения, задуманного как иллюстрированная критика театра сознания, заключается в том, что благодаря несовпадению в формулировании «индивид» / «субъект» он указывает на парадокс, вследствие которого *субъект призывает к существованию*: в самом деле, формулирование тщательно избегает презумпции существования субъекта, на базе которого осуществлялась бы операция обращения — ведь не говорится: «К субъекту обращается Идеология».

Это пресекает в корне всякую попытку просто-напросто *перевернуть* метафору, связывающую субъект и различные «юридические лица», которые, на первый взгляд, кажутся сформированными субъектами, принадлежащими некой общности субъектов, о которой можно было бы сказать, перевернув отношение, что именно эта общность как ранее существовавшая целостность накладывает свой идеологический отпечаток на каждый субъект в форме «социализации» индивида в «социальных отношениях», понимаемых как интерсубъектные оношения. В действительности то, что обозначается тезисом «Идеология обращается к индивидам как к субъектам», — то же самое, что «не-субъект» окликнут и назначен субъектом Идеологией. Таким образом, парадокс как раз в том, что обращение имеет, так сказать, *ретроактивный эффект*, в результате которого всякий индивид — «всегда-уже субъект». Рассматривая различные аспекты

---

* Французское слово *interpellation* имеет значение 'обращение', а также 'задержание с целью проверки документов'. *Прим перев*

этого «круга», мы обнаружим в сжатой форме различные элементы, которые появились в начале второй части данной работы

Прежде всего, *очевидность субъекта* как уникального, незаменимого и идентичного самому себе абсурдный и естественный ответ «это я!» на вопрос «кто там?»[30] отражает замечание, которое мы сделали выше, а именно «очевидно», что *я* — единственный, кто может сказать «я», говоря о себе самом Мы говорили также, что эта очевидность скрывает что-то, что ускользает от Рассела и логического эмпиризма

Теперь мы видим, что эта очевидность скрывает тот факт, что субъект всегда является «индивидом, которого окликают как субъекта», что могло бы, в духе примера Альтюссера, иллюстрироваться абсурдным приказом, с каким обращаются дети в порядке тонкой шутки «Господин Такой-то, напомните мне ваше имя!» В этом приказе игровой аспект маскирует общность с полицейской операцией распределения и установления личности, проверки идентичности Поскольку речь идет именно об этом, «очевидность» установления идентичности скрывает, что эта идентичность вытекает из идентификации и обращения к субъекту, чье постороннее происхождение идентичности тем не менее «странным образом хорошо знакомо»[31]

Эта удивительная смесь абсурдности и очевидности, это превращение необычного в обычное нам уже встречались по поводу понятия *преконструкта* (ср , например, приводимую Фрейдом шутку, которую мы уже цитировали, о месте, где герцог Веллингтон (не) произнес такую-то знаменитую речь) Мы должны были тогда ограничиться констатацией, что эффект преконструкта заключается в *расхождении*, с каким некий элемент вторгается в высказывание, как если бы он мыслился «ранее, в другом месте, независимо»

Отныне, учитывая только что изложенное, мы можем рассматривать *эффект преконструкта как дискурсную разновидность расхождения, посредством которого к индивиду обращаются как к субъекту при том, что он «всегда-уже субъект»* Подчеркнем, что это расхождение (*между* обычной необычностью этого вне-пространства (hors-lieu) расположенного ранее, в другом месте, независимо, *и* идентифицируемым субъектом, ответственным за свои поступки) функционирует путем противоречия, все равно, испытывается ли оно субъектом в полном неведении или, напротив, схватывается острием его «ума» множество шуток, острот и т д управляются фактически противоречием, присущим этому расхождению, они являются как бы его симптомами

и держатся за круг, который связывает испытанное противоречие (т е «глупость») с противоречием, схваченным и выставленным напоказ (т е «иронией»), в чем читатель сможет убедиться на том или ином примере, который будет для него особенно «говорящим»[32]

Роль симптома, которую мы только что признали, в функционировании определенного типа остроумных высказываний (где речь идет в конечном итоге об *идентичности* какого-то субъекта, вещи или события) в отношении вопроса идеологического обращения-идентификации, приводит нас к допущению, в связи с этим симптомом, существования того, что мы называем *процессом означающего в обращении-идентификации* (procès du signifiant dans l'interpellation-identification) Поясним речь идет не о том, чтобы напомнить в общем о «роли языка» или «о власти слов», оставив неясным вопрос о том, идет ли здесь речь о *знаке, который обозначает что-то для кого-то*, как говорит Ж Лакан, или же речь идет об *означающем*, т е *о том, что представляет субъект для другого означающего* (снова Ж Лакан) Для нас ясно, что правильной является вторая гипотеза, потому что в ней говорится о *субъекте как внутреннем процессе (представления) для не-субъекта, которым является сеть означающих* (le réseau des signifiants), *в том смысле который придает ему Ж Лакан субъект «захвачен» в эту сеть* — «имена нарицательные» и «имена собственные», эффекты «шифтинга», синтаксические конструкции и т д — *так что он оттуда появляется как «причина самого себя»* в смысле, который придавал этому выражению Спиноза И само существование этого противоречия (производить в качестве *результата «причину самого себя»*), и его движущая роль по отношению к процессу означающего в обращении-идентификации позволяют нам сказать, что речь идет здесь именно о *процессе* в той мере, в какой «объекты», которые в нем проявляются, раздваиваются, разъединяются, чтобы воздействовать на себя в качестве отличного от себя[33]

Стирание того факта, что необходимое внутри субъекта как «причины самого себя», поскольку оно является результатом процесса, имеет, на наш взгляд, последствием серию того, что можно было бы назвать *метафизическими фантазмами* (fantasmes métaphysiques), которые касаются вопроса о причине например, фантазм *двух рук*, которые, держа по карандашу, *рисуют друг друга на одном и том же листе бумаги*, а также фантазм вечного прыжка, при котором от *какого-то невероятного толчка вновь устрем-*

ляешься вверх еще до того, как коснешься земли. Можно было бы еще долго продолжать... Мы остановимся здесь, предложив присвоить этому фантазматическому явлению — с помощью которого индивид обращается в субъект — имя «эффект Мюнхгаузена», в память бессмертного барона, который *поднимался в воздух, таща самого себя за волосы.*

Если, действительно, идеология «призывает» субъектов среди индивидов (так же как солдат «призывают» из штатских) и если она призывает их *всех*, то необходимо понять, каким образом в этом призыве обозначены «добровольцы», другими словами, нам важно понять, каким образом индивиды в качестве «говорящих субъектов» *воспринимают как очевидность* смысл того, что́ они слышат и говорят, читают и пишут (что́ они *хотят* сказать и что́ им *хотят* сказать). В самом деле, понимание всего этого будет единственным средством, позволяющим избежать, под видом теоретического анализа, повторения «эффекта Мюнхгаузена», признавая субъект источником субъекта, иными словами, в проблеме, которая нас занимает, признавая субъект дискурса источником субъекта дискурса.

3. ФОРМА-СУБЪЕКТ ДИСКУРСА

В качестве резюме вышеизложенного можно сказать, что под *очевидностью*, в которой «я — это действительно я» («je suis bien moi») (с моим именем, моей семьей, моими друзьями, моими воспоминаниями, моими «идеями», моими намерениями и моими обязательствами), находится процесс обращения и идентификации, который *создает* субъект на месте, оставленном пустым: «тот, кто ...», т.е. *X*, некто, кто *там будет находиться*; и все это — в различных формах, навязываемых «юридическо-идеологическими социальными отношениями»[34]. Будущее время юридического закона «тот, кто причинит ущерб...» (а закон *всегда* находит кого-нибудь виноватым, какую-нибудь «особенность», чтобы применить к ней свою «универсальность») создает субъект в форме *юридического субъекта*[35]. Что касается идеологического субъекта, который его удваивает, он окликается и создается, согласно неопровержимому факту, который передает и маскирует идентифицирующую «норму»: «французский солдат не отступает» означает в действительности «если *ты настоящий* французский солдат, кем ты являешься, ты не *можешь / должен* отступать»[36]. Таким образом, именно идеология через «привычку» и «обычай» указывает одновремен-

но на *то, что есть*, и *то, что должно быть*, иногда с лингвистически выраженными расхождениями между констатацией фактов и нормой, которые функционируют как механизм «перераспределения игры»[37] Именно идеология поставляет очевидные истины, благодаря которым «каждый знает», что такое солдат[38], рабочий, хозяин, завод, забастовка и т д Это очевидности, согласно которым слово или высказывание «означают то, что оно говорит», скрывая, таким образом, за «прозрачностью языка» то, что мы называем *материальной природой смысла* (le caractère matériel du sens) слов и выражений

Объясним, что́ мы понимаем под этим Материальный признак смысла, скрытый от субъекта своей прозрачной очевидностью, состоит в его фундаментальной зависимости от того, что мы назвали «сложным целым идеологических формаций». Уточним эту зависимость двумя «положениями»

1) Первое из них состоит в допущении того, что *смысл* слова, выражения, предложения и т д не существует «в себе самом» (т е в его прозрачном отношении к материальности означающего), а определяется идеологическими позициями, задействованными в том социально-историческом процессе, где создаются (т е воссоздаются) слова, выражения и предложения. Можно было бы кратко изложить это положение следующим образом. *слова, выражения, предложения и т д меняют смысл в соответствии с позициями, занимаемыми теми, кто их употребляет*, что означает, что они принимают свой смысл, указывая на эти позиции, иными словами, указывая на *идеологические формации* (в вышеобозначенном смысле), в которые вписываются эти позиции[39] Отныне мы будем называть *дискурсной формацией* то, что в данной идеологической формации, т е исходя из данной позиции в данной ситуации, обусловленной состоянием классовой борьбы, определяет «*то, что́ может и что́ должно быть сказано* (в виде публичного выступления, проповеди, памфлета, доклада, программы и т п)» (H a r o c h e, H e n r y, P ê c h e u x 1971, 102)

Это равносильно допущению того, что слова, выражения, предложения и т д получают свой смысл от дискурсной формации, в которой они производятся Вновь используя термины, которые мы ввели выше, и применяя их к специфическому вопросу о материальности дискурса и смысла, скажем, что индивиды «окликнуты» в качестве говорящих субъектов (в качестве субъектов *своего* дискурса) дискурсными формациями, которые представляют в «речевой дея-

тельности» идеологические формации, которые им соответствуют[40].

Одновременно здесь находит отправную точку своего решения вопрос об отношении между (лингвистической) *базой* и (дискурсно-идеологическим) *процессом*: если одно и то же слово, одно и то же выражение могут принимать различные смыслы — все в равной степени «очевидные» — в зависимости от их соотношения с той или иной дискурсной формацией, то это не потому, что слово, выражение или предложение имеют *один* смысл, который являлся бы их «собственным» смыслом, будучи связанным с буквальным[41], а потому, что их смысл образуется в каждой дискурсной формации, в тех отношениях, которые то или иное слово, выражение или предложение поддерживают с другими словами, выражениями или предложениями той же дискурсной формации. Соответственно, если допустить, что *те же самые* слова, выражения или предложения меняют смысл, переходя из одной дискурсной формации в другую, нужно также допустить, что слова, выражения и предложения, имеющие *различные буквальные смыслы*, могут внутри определенной дискурсной формации «иметь один и тот же смысл», что является фактически, если нас правильно поймут, условием того, чтобы каждый элемент (слово, выражение или предложение) был наделен смыслом. Отныне термином *дискурсный процесс* будет обозначена система отношений субституции, синонимии, парафраз и т.д., функционирующих между лингвистическими элементами — «означаемыми» — в определенной дискурсной формации[42].

Теперь становится понятнее, каким образом то, что мы назвали «сферами мысли» [...], образуется социально и исторически в форме точек стабилизации, производя субъект одновременно с тем, что ему дано видеть, понимать, делать, бояться, надеяться и т.д. Мы увидим, что именно через это каждый субъект «оказывается» самим собой (в себе самом и в других субъектах) и именно это является *условием* (а не *эффектом*) знаменитого интерсубъектного «консенсуса» («consensus» intersubjectif), с помощью которого идеализм претендует на то, чтобы понять бытие (l'être), исходя из мышления (la pensée). Признавая, таким образом, что дискурсная формация — это место образования смысла (так сказать, его «матрица»), мы прямо подходим к нашему второму тезису, который можно выразить следующим образом:

2) *Всякая дискурсная формация скрывает за прозрачностью смысла, который в ней устанавливается, свою зависимость от «сложного целого с доминантой» дискурсных*

формаций, сплетенного с комплексом идеологических формаций, который мы определили выше.

Разовьем этот тезис. Мы предлагаем назвать интердискурсом (interdiscours) это «сложное целое с доминантой» дискурсных формаций, уточняя при этом, что оно также подчиняется закону неравенства-противоречия-зависимости, который, как мы говорили, характеризует идеологические формации.

При таком положении вещей скажем, что всякой дискурсной формации[43] свойственно скрывать за прозрачностью смысла, который в ней образуется, противоречивую материальную объективность интердискурса, определяя эту дискурсную формацию как таковую. Эта материальная объективность заключается в том факте, что «оно говорит» (ça parle) всегда «раньше, в другом месте и независимо», т.е. под господством комплекса идеологических формаций. Так мы обнаруживаем, что оба типа расхождений, соответственно эффект *вставления преконструкта* и эффект *стыковки*, которые сначала были рассмотрены нами как психологические законы мышления, в действительности материально определены в самой структуре интердискурса.

В качестве заключения по этому вопросу скажем, что функционирование Идеологии в целом как обращения к индивидам в качестве субъектов (и в особенности в качестве субъектов их дискурса) осуществляется через комплекс идеологических формаций (и особенно через интердискурс, который в него вплетается) и снабжает «каждого субъекта» своей «реальностью» в виде системы полученных, принятых и испытанных очевидностей и значений. Говоря, что *я* (le *moi*), т.е. воображаемое в субъекте (там, где у субъекта образуется воображаемая связь с действительностью), не может признать свое подчинение, свою зависимость от *Другого* (*l'Autre*) или от *Субъекта* (le *Sujet*), поскольку эта зависимость и подчинение осуществляются в субъекте как раз *в форме автономии*, мы не прибегаем ни к какой «трансцендентности» (*реальный* Иной и *реальный* Субъект), мы просто используем терминологию, которую Лакан[44] и Альтюссер, каждый со своей стороны (смело заимствуя маскарадные и «фантасмагорические» формы, присущие субъективности), применяли для обозначения естественного и общественно-исторического процесса, в ходе которого создается и воспроизводится субъект-эффект (effet-sujet) как *внутреннее без внешнего, и это путем определения*

(«внешней») реальности и особенно, добавим, интердискурса как реального («внешнего»).

Однако понятно, что идеализм является прежде всего не эпистемологической позицией, а спонтанным функционированием «*формы-субъекта*» (forme-sujet)[45], с помощью которой то, что является эффектом реального, представляемым субъекту, выдается за сущность реального.

Таким образом, мы подошли к рассмотрению дискурсных особенностей субъекта-формы, «воображаемого *я*» («moi imaginaire») как «субъекта дискурса». Мы уже указывали, что субъект создается путем «забвения»[46] того, что его определяет. Мы можем уточнить сейчас, что обращение к индивиду как к субъекту его речи осуществляется путем идентификации (субъекта) с дискурсной формацией, которая над ним господствует (иными словами, в которой он создается как субъект). Эта идентификация, основополагающая для (воображаемого) единства субъекта, опирается на факт, что элементы интердискурса (в его двойственной форме, описанной выше как «преконструкт» и «процесс опоры»), которые являются в дискурсе субъекта *следами того, что его определяет*, вновь вписываются в дискурс самого субъекта.

Здесь остается нерешенным один вопрос: он касается неодинаковой специфики этих двух типов элементов интердискурса («преконструкт» и «стыковка»), которые теперь, после того как мы отбросили относящиеся к ним идеалистические иллюзии, предстают как определяющие субъект, навязывая ему и скрывая от него его подчиненность под видимостью автономии, т.е. через дискурсную структуру формы-субъекта. Здесь мы снова возвращаемся к различению господства / определения (domination / détermination) и утверждаем, что дискурсная формация, которая несет форму-субъект, является *доминирующей* дискурсной формацией и что дискурсные формации, которые образуют то, что мы назвали ее интердискурсом, *определяют господство доминирующей формации.* Установление различия между преконструктом и стыковкой позволит нам продвинуться вперед.

В самом деле, можно сказать, что «преконструкт» соответствует «всегда-уже-там» («toujours-déjà-là») идеологического обращения, которое снабжает и навязывает «реальность» и его «смысл» в форме универсальности («мир вещей»), тогда как «стыковка» *создает субъект в его отношении к смыслу*, так что она представляет в интердискурсе то, что *определяет господство формы-субъекта.* Уточним, о чем идет речь. Выше мы высказали понимание смыслового эффекта (effet de sens) как отношения замещае-

мости между двумя элементами (слова, выражения, предложения) внутри определенной дискурсной формации. Сейчас мы добавим, что эта заменяемость может принимать две фундаментальные формы: форму *эквивалентности* (*équivalence*) или симметричной заменяемости, так что два заменяемых элемента, *a* и *b*, «имеют один и тот же смысл» в рассматриваемой дискурсной формации, и форму *импликации* или направленной заменяемости, так что отношение субституции $a \rightarrow b$ не то же самое, что отношение субституции $b \rightarrow a$.

Поясним это различие несколькими примерами.

Предположим, дана следующая субституция:

треугольник с прямым углом / прямоугольный треугольник.

Ясно, что отношение между заменяемыми элементами — это отношение «ненаправленной» идентичности, поскольку заменяемые элементы могут быть «синтагматизированы»[47] только путем метаотношения идентичности.

С другой стороны, рассмотрим такую субституцию, как прохождение электрического тока / отклонение гальванометра, в контексте последовательности типа:

«мы констатируем *a* / *b*».

Ясно, что в данном случае отношение между заменяемыми элементами, напротив, вытекает из сочетаемости (или сцепления), которая не является отношением идентичности: все происходит, как будто бы другая последовательность S_y пересекает перпендикулярно последовательность S_x, содержащую заменяемые элементы, соединяя их необходимым сцеплением:

S_y

⋮

a

S_x = ... ***мы констатируем*** ↓ ...

b

⋮

В нашем примере последовательностью S_y, принадлежащей тому, что мы назовем «*дискурсом поперечным*» к S_x («discours-transverse» de S_x), и осуществляющей сцепление между *a* и *b* в S_x, могла бы быть следующая:

«Прохождение электрического тока *обусловливает* отклонение гальванометра»

или

«Отклонение стрелки гальванометра *указывает* на прохождение электрического тока».

Заметим, что функционирование «поперечного дискурса» отсылает к тому, что классически называется *метонимией* как отношение части к целому, причины к следствию, симптома к тому, что он обозначает, и т.д.

Вместе с тем то, что раньше мы назвали «стыковкой» (или «процессом опоры»), находится, как мы видим, в прямом отношении к тому, что мы только что охарактеризовали под именем *поперечного дискурса*, в той мере, в какой можно сказать, что стыковка (эффект вводного «объяснения», который ей соответствует) происходит от линеаризации (или синтагматизации) поперечного дискурса на оси того, что мы обозначаем выражением *интрадискурс* (intradiscours), т.е. функционирование дискурса по отношению к самому себе (то, что я говорю сейчас, по отношению к тому, что я сказал *раньше*, и к тому, что я скажу *после*), иными словами, совокупность явлений «кореференции», которые обеспечивают то, что можно назвать «нитью дискурса» как дискурса какого-то субъекта[48].

В самом деле, на предыдущем примере мы видим, что путем синтагматизации поперечного дискурса можно получить «вводную» конструкцию типа:

«Мы констатируем отклонение гальванометра, которое обозначает прохождение электрического тока...»

Только что проведенный анализ вызывает одно замечание, касающееся области, из которой приводятся примеры: речь идет о примере, взятом из области физики и касающемся того, что мы назвали концептуально-научными процессами, носителем которых не является какой-то «субъект» (который был бы невозможен как «субъект науки»). Это означает, что в данном случае совершающееся «напоминание» не является в речи субъекта напоминанием о мысли какого-то субъекта (даже если оно кажется субъекту таковым из-за спонтанной переидеологизации бессубъектного процесса). В случае же понятийно-идеологического процесса, напротив, воздействие определения поперечного дискурса на субъект неизбежно вводит в последний отношение между субъектом и (универсальным) Субъектом Идеологии, который «напоминается» таким образом в мысли субъекта (каждый знает, что ..., ясно, что...).

Мы еще вернемся к отношению между бессубъектным процессом и идеологической универсальностью Субъекта, которое непосредственно связано с тем, на что мы уже указывали, когда говорили об *имитации наук идеологией*.

С другой стороны, мы заметим, что *интердискурс как поперечный дискурс* пересекает и связывает между собой дискурсные элементы, создаваемые *интердискурсом как преконструктом*, который поставляет в некотором роде сырье, в котором образуется субъект как «говорящий субъект» вместе с дискурсной формацией, которая его подчиняет. В этом смысле можно сказать, что интрадискурс как «нить дискурса» субъекта является результатом воздействия интердискурса на самого себя, «внутренностью» (une «intériorité»), полностью определенной как таковая «извне». И характер формы-субъекта с содержащимся в ней спонтанным идеализмом как раз будет заключаться в том, чтобы опрокинуть определение: мы скажем, что субъект-форма (через которую «субъект дискурса» идентифицируется с дискурсной формацией, которая его создает) стремится поглотить и забыть интердискурс в интрадискурсе, другими словами, *она имитирует интердискурс в интрадискурсе*, так что интердискурс *предстает* как просто-напросто «уже сказанное» (le «déjà-dit») интрадискурса, в котором он находит свое место благодаря «кореференции»[49]. В этих условиях можно, как нам кажется, охарактеризовать форму-субъект как осуществляющую внедрение и утаивание (l'incorporation-dessimulation) элементов интердискурса: (воображаемое) единство субъекта, его настоящая, прошедшая и будущая идентичность, находит здесь *одну из своих основ*.

Таким образом, эта идентификация субъекта с самим собой является одновременно, как мы сказали, и идентификацией с чужим (с маленькой буквы) как с другим «я», сдвинутым происхождением и т.д.: субъект-эффект и эффект «интерсубъективности» являются отныне совершенно сосуществующими и покрывающими друг друга. В этой перспективе автокомментарий, через который развивается и опирается на самого себя *дискурс субъекта* (внедряясь при помощи «вводных предложений», которые, как мы только что увидели, объединяют в синтагмы заменяемые элементы), есть частный случай явлений парафразы и переформулирования (как общей формы отношения между заменяемыми элементами). Эти явления входят составными частями в определенную дискурсную формацию, в которой субъекты, находящиеся в ее подчинении, узнают себя как зеркала, отражающие друг друга: это означает, что совпадение (кото-

рое является также соглашением и даже соучастием) между субъектом и самим собой устанавливается тем же движением между субъектами в соответствии с модальностью «как если бы» (как если бы я, который говорит, был там, где меня слушают), модальностью, согласно которой «включение» элементов интердискурса (преконструкта и стыковки-опоры) может привести к их смешению, так что граница между тем, что сказано, и тем, по поводу чего это сказано, стирается. Эта модальность, а именно модальность *фикции* (la fiction), представляет, так сказать, чисто идеалистический вид формы-субъекта в ее различных аспектах — от «репортажа» до «литературы» и «творческой мысли», которые мы бегло рассмотрим.

Возьмем, например, следующую фразу из репортажа об Ирландии, опубликованного в газете *Монд*[50].

«Белый крест, который манифестанты вывесили на уличном фонаре, не был тронут полицией»

Как видно, граница между эффектом напоминания (вы знаете: этот белый флаг...) *и* очевидностью ранее данного элемента (вы видите этот белый флаг, который манифестанты...) совершенно отсутствует, поскольку оба действия сводятся к одному и тому же явлению имитации-презентации (simulation-présentification) (Ирландия, *как будто бы* вы там находились): «Если бы вы были там, вы бы увидели этот крест и вы бы знали, о чем я говорю». Власть постановки, «поэтический» эффект присутствия на сцене[51], основывается, таким образом, на имплицитном условии смещения причин («нулевой точки» субъективности), смещения настоящего к прошлому, соединенного со смещением одного субъекта по отношению к другим, что и составляет идентификацию. Так, задним числом мы понимаем, что настоящий объект, встреченный Фреге, когда он комментирует фразу, излагающую поступки и жесты Наполеона, является не чем иным, как тем, что мы назовем формами идентификации субъекта с рассказчиком и с «объектом» его рассказа (Наполеон и его суждения, его намерения и т.д.)

Теперь можно предвидеть, что эффект, производимый романом, действует в соответствии с той же модальностью. В самом деле, вообразим фразу, которая могла бы появиться в «классической» романной последовательности, такой, как «Это было одно из ранних бледных утр, похожих на рождение...», чтобы объяснить, что мы имеем в виду. Ясно, что вопрос о том, похожи ли «в действительности» *все* ранние бледные утра на рождение или только *некоторые*, явля-

ется неуместным Здесь вновь различие в функционировании аннулируется эстетическая теория классического романа говорит здесь о свойственном роману «превращении» «повседневного» содержания (раннее бледное утро, рождение) как о средстве, с помощью которого романист создает «свой мир», «вне реальности», со своими собственными объектами, их качествами и специфическими свойствами и т.д., в сговоре с читателем. Таким образом, эстетическая идеология «созидания»[52] и соотносительного с ним воссоздания в процессе чтения также находит свое происхождение в том, что мы назвали «субъектом-формой», и «маскирует материальность эстетического *произведения*

Наконец, нетрудно показать, что концепция *мысли как «творческой деятельности»* является спонтанным продолжением (в форме эстетической теории познания) идеализма, присущего форме-субъекту Начиная с того момента, когда «точка зрения создает объект»[53], любое понятие и любой концепт предстают как удобные фикции, «манеры говорения», которые, множа фиктивные существа и возможные миры, оставляют в неопределенном положении *независимое существование реального как внешнего по отношению к субъекту*. Это — явление, которое может быть проиллюстрировано примерами таких выражений, как «Берлин 30-х годов» (le Berlin des années 30), «Наполеон Абеля Ганса» (le Napoléon d'Abel Gance), «Земля Древних» (la Terre des Anciens) и т.д., что означает то же, что «Берлин во время 30-х годов» и «Берлин-1930», «Наполеон, такой, каким его "увидел" Абель Ганс» *и* «персонаж, которого "создал" Абель Ганс под именем Наполеона», «Земля такая, какой ее воспринимали Древние» *и* «Земля для Древних» и т.д Это отношение, посредством которого «реальность» становится зависимой от «мысли», является как раз признаком идеализма, в том виде, в каком мы его встретили описанным Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», и для которого стирается различие между мышлением и воображением Подчеркнем еще раз по этому поводу, что идеализм заключается отнюдь не в формальной (лингвистической или логической) структуре выражения, например, имени собственного, выделенного каким-то определением, но в позиции реальности как реальности для мысли В этом смысле функционирование, которое мы только что упомянули, прямо противостоит полемическим выражениям, впрочем аналогичным по форме, таким, как «твоя Богородица» или «эманация огня алхимиков» и т.д (означая «галлюцинацию, которую ты называешь Богородицей», «то, что алхимики

имели в виду, говоря об эманации огня», и т д), которые отсылают не к общему повороту отношения мысли к реальности, а, напротив, к линии материалистической границы между реальным и иллюзией как незнанием реального. Мы к этому еще вернемся позднее

Таким образом, мы видим, что воздействие реального на самого себя, приводящее к созданию того, что мы называем «формой-субъектом», предоставляет и навязывает «реальность» субъекту в общем виде незнания, самой «чистой» модальностью которого является *фикция*, такая, какую мы только что рассмотрели[54]. Нас не удивит, что в соответствии с тем, что изложено выше, это *незнание* будет основано на *узнавании*, характеризуемом Л Альтюссером как

«взаимное узнавание между субъектами и Субъектом, между самими субъектами и, в конечном счете, узнавание субъектом самого себя» (A l t h u s s e r 1970, 35)

Именно в этом узнавании субъект «забывает» определения, которые его поставили на то место, которое он занимает, при этом будем иметь в виду, что, будучи «уже-всегда» субъектом, он «уже-всегда» забывал эти определения, которые его составляют как такового Это объясняет не случайный, а абсолютно необходимый характер двойной формы («эмпирической» и «спекулятивной» в терминологии Эрбера*) идеологического подчинения, что позволяет понять, что *преконструкт* одновременно отсылает к «тому, что каждый знает», т е к содержанию мысли «универсального субъекта» — опоры идентификации, и к тому, что каждый, в определенной «ситуации», может видеть и слышать в форме очевидностей «ситуационного контекста» Таким же образом *стыковка* (и поперечный дискурс, о котором мы теперь знаем, что он является ее основанием) соответствует одновременно интрадискурсному напоминанию («как мы об этом говорили»), возвращению Универсального в субъект (как каждый знает) и имплицитную универсальность любой «человеческой» ситуации (как каждый может это видеть). В сущности, каждый субъект подчинен универсальному как «незаменимый» и особенный, то, что Альтюссер выражает в формах религиозной идеологии

«Бог [ ] имеет потребность "сделаться" человеком, Субъект имеет потребность стать субъектом, как будто

---

* *Эрбер (Th Herbert)* – псевдоним М Пеше *Прим ред*

для того, чтобы опытным путем, видимый глазами, ощутимый руками (см. св Фому), свидетельствовать о субъектах, и если они являются субъектами, подчиненными Субъекту, так это единственно для того, чтобы в конце концов в Судный день войти, как Христос, в лоно Господа, т.е. в Субъект»[55]

Скажем, что след бессознательного как «дискурса Другого» обозначает в субъекте действенное присутствие «Субъекта», в результате чего каждый субъект «работает», т.е занимает позицию «по совести и совершенно свободно», развивает инициативы, за которые он «отвечает» как автор своих действий, и т.д. И здесь возникают понятия *утверждения* и *акта производства высказывания*, чтобы обозначить в сфере «речи» акты принятия позиции субъектом в качестве говорящего субъекта.

Вышеизложенное позволяет нам сказать, что понятие «речевого акта» выражает фактически незнание определения субъекта в дискурсе и что в действительности *принятие позиции* никоим образом не мыслимо как «акт, происходящий» от говорящего субъекта, напротив, оно должно быть понято как эффект, в форме-субъекте, определения интердискурса как поперечного дискурса, т е эффект «внешней стороны» дискурсно-идеологического реального в той мере, как она «сводится к себе самой», чтобы саму себя пересечь[56] В этих условиях принятие позиции является результатом возвращения «Субъекта» в субъект, так что субъективное несовпадение, характеризующее пару субъект / объект, посредством которой субъект отделяется от того, что он «осознает», и по поводу чего он принимает позицию, является совершенно однородным с совпадением-признанием (la coincidence-reconnaissance), благодаря которому субъект идентифицируется с самим собой, с ему «подобными» и с «Субъектом» «Раздвоение» субъекта как осознание своих «объектов» — это удвоение идентификации, а именно в той мере, в какой оно указывает на обман в этой невозможной конструкции внешней стороны *во внутренней части субъекта*

Отметим мимоходом, что феноменологический замысел Гуссерля, имеющий целью отыскать в «почве, берущей начало» в проявлениях субъекта (создание, деятельность и т д), источник того, что в действительности определяет субъект как таковой, является в точности повторением этого идеалистического мифа о внутренней стороне (l'intériorité), согласно которому «неутвержденное» (l'«inasserté») не

может быть ничем иным, как *«уже утвержденным»* (le *deja-asserté*) или *утверждаемым* (*l'assertable*), что может быть обнаружено субъектом путем размышления о самом себе. Скажем, что сердцевина этого мифа заключается в понятии *сознания* как синтетической объединяющей силы, как центра и активной точки организации представлений, определяющей их связь[57].

Добавим, что «правда» этого идеалистического мифа заключается именно в функционировании (понимаемом как автономное) определенной *дискурсной формации* в том смысле, в каком мы ее определили, т.е. как пространство парафразы и переформулирования, в котором создается иллюзия, необходимая для «говорящей интерсубъективности» (une «intersubjectivité parlante»), благодаря которой каждый знает заранее то, что «другой» подумает и скажет и не без основания, так как дискурс каждого воспроизводит дискурс другого (поскольку, как мы об этом говорили, каждый является зеркалом другого).

Уточним функционирование этой иллюзии в пространстве парафразы-переформулирования, которое характеризует дискурсную формацию говоря по этому поводу о «говорящей интерсубъективности», мы не выходим из замкнутого круга формы-субъекта, напротив, мы вписываем в эту форму-субъект необходимую ссылку того, что *я* говорю, на то, что *другой* может подумать, в той мере, что то, что я говорю, *не находится вне поля того, что я решился не говорить*. Употребляя такие выражения, как «я мог бы», «я решился»..., мы обозначаем субъективный сектор возможностей, целей, намерений, недомолвок, отказов и т.д. Показать, что охватывает этот сектор, возможно, только исходя из Фрейда.

Опираясь на интерпретацию первой топики Фрейда, мы использовали, в одной из предшествующих работ (Pêcheux, Fuchs 1975), противопоставление между «предсознательно-сознательной системой» (le système préconscient-conscient) и «бессознательной системой» (le systéme inconscient), с тем чтобы определить два совершенно различных типа «забвения», свойственных дискурсу.

Мы договорились именовать *забвением № 2* «забвение», при помощи которого каждый говорящий субъект внутри дискурсной формации, которая его подчиняет, т.е. в системе высказываний, форм, последовательностей, которые находятся в ней в парафрастических отношениях, «отбирает» *какое-то высказывание, форму или последовательность, а не другое, которое тем не менее находится в поле*

того, что могло бы его переформулировать в данной дискурсной формации.

Вместе с тем мы обращались к понятию «бессознательная система», чтобы охарактеризовать другое «забвение», *забвение № 1*, которое должно отдавать отчет в том, что говорящий субъект не может, по определению, находиться вне дискурсной формации, которая над ним господствует. В соответствии с этим *забвение № 1* отсылало, по аналогии с бессознательным вытеснением из сознания, к этому «извне», в той мере, в какой оно определяет, как мы видели, данную дискурсную формацию.

Эта интерпретация первой топики имела преимущество, объясняя тот факт, что «внутри» дискурсной формации нет границы или нарушения связи, так что доступ к «несказанному» как «сказанному по-другому» (принятому или отброшенному) остается совершенно открытым. С другой стороны, эта интерпретация позволяла нам отдавать отчет в том впечатлении реальности своей мысли, которое имел говорящий субъект («я знаю то, что я говорю», «я знаю, о чем я говорю»), — впечатлении, вызванном этой фундаментальной открытостью, которой он постоянно пользуется, обращая на себя нить своего дискурса, предвосхищая его эффект и учитывая расхождение, которое в него вводит дискурс другого (как и сам чужой), чтобы объяснить и разъяснить самому себе то, что он говорит, и «углубить то, что он думает».

Наконец, та же самая интерпретация была оправдана ассоциацией между предсознательным и представлением-намерением (représentation-but) в той мере, в какой последнее сопровождалось тематизацией, фокусированием внимания и т.д. И в самом деле, в особых рамках Traumdeutung (толкования снов, а также более общим образом) Фрейд описывал предсознательный процесс следующими словами

«Начатый и оставленный ход мыслей может быть продолжен затем без участия внимания, если только он в каком-либо пункте не достигает особенно высокой интенсивности, приковывающей внимание. Начальное, совершенное при помощи сознания отвержение мысли посредством суждения о ее неправильности или непригодности для насущных целей мыслительного акта может быть, следовательно, причиной того, что мыслительный процесс незаметно для сознания продолжается вплоть до засыпания.

Такой ход мыслей мы **называем** *предсознательным*, считаем вполне законным...»*

Наши предшествующие формулировки кажутся нам сегодня недостаточными постольку, поскольку они в конце концов делают из предсознательно-сознательного автономную зону по отношению к бессознательному, огражденную барьером вытеснения и цензуры; следовательно, опять иллюзия империи в империи, борьбы между царством разума и сознания против царства бессознательного. Фактически эта иллюзия сама была только новой формой иллюзии автономии мысли по отношению к бессознательному, иными словами, вторичного процесса по отношению к первичному процессу.

Однако сам Фрейд в «Эскизе к научной психологии» восстановил примат первичных процессов над вторичными, подтверждая, что мысль — бессознательна. Последствия этого восстановления доведены до конца во второй топике, и это обязывает нас, в свете переинтерпретации, осуществленной Лаканом, вновь обратиться к проблеме предсознательного.

Что касается нашего мнения по этому поводу, то мы скажем, что предсознательное характеризует повторение словесного представления (сознательного) первичным процессом (бессознательным), приводящим к образованию нового представления, которое оказывается сознательно связанным с первоначальным представлением, хотя его реальная связь с ним — бессознательна. Именно эта связь между двумя словесными представлениями, о которых идет речь, оказывается восстановленной в дискурсности (la discursivité), по мере того как эти два словесных представления могут быть связаны с одной и той же дискурсной формацией (одно может быть отослано к другому при помощи парафразы или метонимии). Эта связь между двумя представлениями вытекает из символической *идентификации*[58] и на этом основании передается через «законы языка» (логики и грамматики), так что оказывается, что и здесь всякий дискурс — это затемнение бессознательного.

Отсюда следует, что то, что мы по-прежнему будем именовать «забвением № 2», *очень точно охватывает функционирование субъекта дискурса в дискурсной формации, которая над ним господствует*, и что *именно здесь заключается его «свобода» говорящего субъекта*. Это позво-

* Цит. по: З. Ф р е й д. Толкование сновидений. Киев: Здоровье, 1881, с. 309. *Прим. перев.*

ляет, как нам кажется, понять, что слишком знаменитая проблематика «акта производства высказывания», которая распространяется сегодня в лингвистических исследованиях, сопровождаемая чаще всего субъективизмом, в действительности указывает на теоретическое отсутствие *лингвистического соответствия понятиям Фрейда «воображаемое» и «я»*. Еще предстоит создать теорию этой «словесной части», занимающей место во времени (модальность, вид и т.д.) и в пространстве (локализация, детерминанты и т.д.), которые являются воображаемым временем и пространством говорящего субъекта. Здесь, как нам кажется, нужно было бы определить «семантические эффекты, связанные с синтаксисом» в той мере, что синтаксис, по словам Ж. Лакана, «является, конечно, предсознательным» (L a c a n 1973, 65).

По этому поводу можно напомнить то, что Фрейд установил в своей работе об *отрицании (Verneinung)*, а именно что два представления оказываются помещенными в предсознательное отношение благодаря, в частности, игре отрицания как минимального синтаксического эффекта.

Тот факт, что словесное представление и его грамматическая и логическая «противоположность» оказываются связанными таким образом, показывает, что условия *отделения* (détachement) (отделяющее словесное представление от дискурсной формации, которая придает ему смысл и тем превращает это словесное представление в чистое означающее) входят составной частью в качестве универсальной черты в синтаксис. *Означающие предстают, таким образом,* не как детали вечной символической игры, которая бы их определяла, но *как то, что «всегда-уже» было отделено от смысла*: нет естественности означающего; то, что в качестве вербального означающего становится доступным бессознательному, «всегда-уже» отделено от дискурсной формации, которая снабжает его смыслом, чтобы он потерялся в бессмыслии (le non-sens) означающего.

Подчеркнем, что это никоим образом не противоречит превосходству означающего над означаемым, если понимать, что это превосходство осуществляется в рамках дискурсной формации, определенной своей специфической внешней стороной, которая, как мы видели выше, совершенно затемнена для говорящего субъекта, над которым эта дискурсная формация господствует (то, что мы продолжаем именовать забвением № 1), и это в таких условиях, что всякий доступ к этой внешней стороне путем переформулирования ему запрещен из-за существенных причин, зависящих от отношений разделения и противоречия, которые пересе-

кают и организуют «сложное целое дискурсных формаций» в определенный исторический момент

Эффект формы-субъекта дискурса заключается прежде всего в том, чтобы скрыть объект того, что мы именуем забвением № 1, посредством функционирования забвения № 2. Таким образом, пространство парафразы и переформулирования, которое характеризует данную дискурсную формацию, предстает как место образования того, что мы назвали *лингвистическим воображаемым* (словесная часть)

К этому лингвистическому воображаемому, несомненно, должны были бы присоединиться лексические «очевидности», входящие в структуру языка, учитывая, что лексикализованные соответствия между заменяемыми элементами вытекают фактически из забвения (1-го типа) поперечного дискурса, который их связывает, так что эти соответствия предстают в том, что мы называем лингвистическим воображаемым, *как простой эффект лексических свойств*, очевидных в своей неизменности. Это указывает, как нам кажется, на сильное влияние дискурсно-идеологических процессов на систему языка и исторически изменчивый предел автономии этой системы[59].

Не развивая больше здесь этот вопрос, запомним, что в пространстве парафразы-переформулирования дискурсной формации — пространстве, где, как мы сказали, образуется смысл, — осуществляется покрытие (внешнего) немыслимого (l'impensé), которое его определяет Мы запомним также, что это покрытие осуществляется в рефлексивной сфере сознания и интерсубъективности, т.е. в безграничной сфере формы-субъекта, которая, как и идеология (потому что она является ее ядром), «не имеет внешней части» («n'a pas de dehors»), по выражению Л. Альтюссера (A l t h u s s e r 1970, 32).

Таким образом — и это решительно продвинет наш анализ, — формула «идеология не имеет внешней части» выдвинута Л. Альтюссером в непосредственном и парадоксальном соседстве со второй формулой, которая ее переворачивает, говоря, что «идеология — это только внешняя часть». Уточним, каким образом эти две формулы связаны и прокомментированы двумя краткими отступлениями «Идеология *не имеет внешней части* (для себя), но в то же время [...] она *не что иное, как внешняя часть* (для науки и реальности)» (A l t h u s s e r 1970, 32).

Отсюда — вопрос, который отныне не может не ставиться, учитывая все, что было изложено, и который представляет собой то, что можно было бы назвать «общеизвестной истиной» (марксистско-ленинской) материалистической теории, — вопрос, который мы сформулируем следующим, намеренно «наивным» и провоцирующим образом

Поскольку идеология не имеет наружной части *для себя*, т е , если нас поняли, *для субъекта*, что равнозначно — для «любого человека», для «каждого из нас» и т д , то *как, почему, с какой точки зрения* и т д можно говорить, что идеология является только внешней частью? Элементарный вопрос, «пифагоровы штаны» марксизма-ленинизма, что не означает, что ответ будет легким (он даже, как мы увидим, довольно труден и предполагает трансформацию самого вопроса), но это значит, что *все зависит от него*, и прежде всего концепция революционной теории и практики с вытекающими из этого последствиями для таких вопросов, как «что значит бороться?», а также «что значит "производить" (и "воспроизводить") научные знания?».

Упомянем очень кратко, *для сведения*, два «решения», которые таковыми не являются, но которые упорно претендуют на урегулирование вопроса.

Первое «решение» состоит в том, чтобы представить *выход субъекта из идеологии* посредством (индивидуального или коллективного) акта «пересечения барьера», с тем чтобы «перейти на другую сторону», в *науку и в реальное*[60], другими словами, чтобы «достичь самих вещей» (ср у Гуссерля) вне субъективности дискурса Короче говоря, субъект «пойдет к соседям», и это «переходя через видимость», «разбивая зеркало» субъективности и т д Бесполезно продолжать дальше: это концепция субъективной десубъективизации, позиции, политически «героической» и эпистемологически теологической, в которой прерывистость наука / идеология функционирует как эпистемологический и политический фантазм платоновского происхождения (предшествование «науки» исторической выработке знаний, превосходство политики как «абсолютной науки») В общем, этот первый путь — это путь *метафизического реализма*, «всю подноготную» которого мы показали, как нам кажется, выше.

Мы будем еще более краткими, говоря о втором «решении», которое заключается в том, чтобы вообразить, что «наука» — это *самая удобная идеология*, в определенный момент и в определенных обстоятельствах (наиболее «практичная система представлений»), так что стать «на точку зрения науки и реальности» сводится на этом пути, в котором мы узнаем все черты *эмпиризма*, к прагматическому и субъективному построению этой точки зрения в *идеологии*, откуда эпистемологически вытекает закрепление непрерывности, через которую идеология сама постигает свое отношение к «науке», и политически — благословение соотношения противопоставленных друг другу сил, в той мере, в какой это соотношение в каждый момент определяет «удобство» той или иной позиции.

В конечном итоге отличительной чертой этих двух псевдорешений (которые, как можно было бы показать, соответствуют: второе — эмпирическому и оппортунистическому квиетизму II Интернационала, а первое — волюнтаризму сталинского уклона в III Интернационале) является стремление решить проблему там, где *ее решение совершенно невозможно*. Иными словами, приняв за отправную точку то, что мы назвали «формой-субъектом», мы показали, как нам кажется, что в действительности она является эффектом и результатом, т.е. как раз *всем, чем угодно, но не отправной точкой*

Принять форму-субъект за отправную точку было бы равносильным считать, что, с одной стороны, есть «точка зрения наук» на реальное, а с другой — «точка зрения идеологии» как результат эпистемологического разделения на два лагеря, борющихся на основании их соответствующих позиций. Фактически любая «точка зрения» является точкой зрения какого-то субъекта; следовательно, наука не может быть точкой зрения на реальное, представлением или конструкцией, которая представляла бы реальное (какую-то «модель» реального), наука — это реальное в форме мысли, которая необходима (nécessité-pensée), так что реальность, с которой имеют дело различные науки, — *это не что иное*, как реальное, создающее конкретно-образное, которое навязывается субъекту «слепой» необходимостью идеологии. Это значит, что *настоящей отправной точкой, исходя из которой мы можем понять, почему «идеология - это только внешняя сторона» для науки и реальности, является как раз отправная точка, которая*

привела нас к исследованию о форме-субъекте, в которой идеология не имеет внешней стороны.

Настоящая исходная точка, как известно, — это не человек, не субъект, не человеческая деятельность и т.д.[61], а, еще раз, *идеологические условия воспроизводства / трансформации отношений производства.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Помимо Н. Хомского, можно назвать имена, с одной стороны, Ч. Филмора, с другой — Дж. Лакоффа и Мак-Коли, а также советского лингвиста-формалиста С. К. Шаумяна.

2 Назовем М. Коэна, У. Вайнрайха, У. Лабова и, с точки зрения менее теоретической, Б. Бернстайна.

3 В частности, Р. Якобсон и Э. Бенвенист, О. Дюкро, Р. Барт, А. Греймас и Ю. Кристева.

4 В данном случае речь идет прежде всего об исследованиях Л. Блумфилда и об их влиянии на труды З. Харриса, которые будут неоднократно упомянуты в данной работе. См. по этому поводу: P ê c h e u x, F u c h s, 1975 [в наст. изд. — *Прим. перев.*].

5 Этот аспект в системном виде изложен в исследовании H e n r y 1975; см. также: F u c h s, M i l n e r 1974.

6 Напомним, что для Аристотеля риторика — это техника, позволяющая искусственно производить какой-либо эффект, существующий только в «потенции», иными словами, эффект, который может быть, а может и не быть, в отличие от «необходимых» свойств субстанции.

7 Несмотря на то что экспериментальная психология восприятия все еще обсуждает тезисы Дж. Беркли, то доказывая их, то опровергая. Особенно в США.

8 Мы обязаны Д. Лекуру (L e c o u r t 1973), который недавно осветил этот вопрос. В нашей работе его выводы будут широко использованы.

9 Мы дали нашей книге название «Les Vérités de La Palice» [«Прописные истины», буквально «Истины Ля Палиса». Ля Палис — французский полководец XV века, прославившийся своей храбростью и особенно своей наивностью, которая была увековечена в известной народной песенке, содержащей совершенно очевидные утверждения, как, например: «За полчаса до смерти он был еще живой». — *Прим. перев.*]. Этим названием мы хотели воздать

почести господину Ля Палису, которых он заслуживает как покровитель семантики. В песне поется:

Не угодно ли послушать
Песню славного Палиса,
Он вас сможет позабавить,
Если сможет рассмешить.
При рождении своем
Ля Палис был беден,
Но ни в чем он не нуждался,
Как богатым стал.
С самой колыбели
Хорошо воспитанный,
Не носил он шляпы,
Не покрыв главы.
Он был мягок и учтив,
Как покойный батюшка.
Никогда он не был в гневе,
Если был не в ярости

Он женился, говорят,
На достойной даме;
Если б был он холостяк,
Не был бы женат.
А жена его любила
И совсем не ревновала,
Как он стал ее супругом,
И она супругой стала

Вот колдун, за две монеты,
Предсказал довольно дерзко,
Что умрет он за горами,
Коль помрет в Италии.
Он там умер, наш герой,
В этом нет сомнения,
Как глаза его закрылись,
Так в нем жизни не осталось.

Он был ранен грустный жребий
Чьей-то злой рукою.
И мы верим, раз он умер,
Что была смертельна рана.
Умер в пятницу Палис
В день его последний жизни.
Кабы умер он в субботу,
То бы прожил на день дольше.

10 Например, вопрос, поднятый XX съездом КПСС, о «культе личности», а также вопрос о гуманизме или о союзе рабочего движения с марксистской теорией. [...]

11 Ля Палис, как известно, опирался на очевидность. Мюнхгаузен же специализируется в области абсурда, который, как мы увидим, странным образом соседствует с очевидностью: «В другой раз я собрался перепрыгнуть через болото, которое сначала показалось мне не таким широким, каким я увидел его уже во время прыжка. По-

тому в воздухе я повернул обратно к тому месту, откуда прыгнул, чтобы взять больший разбег. Тем не менее я и во второй раз плохо рассчитал дистанцию и провалился по шею в тину недалеко от противоположного берега. Мне суждена была неминуемая гибель, если бы не сила моих рук. Ухватившись за собственную косу, я вытащил из болота и самого себя, и коня, которого крепко стиснул коленями» (Б ю р г е р Г.А. Удивительные путешествия, походы и веселые приключения барона фон Мюнхгаузена на воде и на суше. Пер. с нем. В. Вальдмана. М.: Художественная литература, 1988, с 64—65).

12 Говоря о психологическом подходе к вопросам логики, Г. Фреге пишет: «Это неизбежно ведет к идеализму в теории познания (zum erkenntnistheoretischen Idealismus). Ибо в таком случае необходимо, чтобы элементы, выделяемые в мысли, как, например, субъект и предикаты, принадлежали к психологии, как и сама мысль. И поскольку каждое знание осуществляется через суждения, все мосты, ведущие к цели, будут разрушены. И всякое усилие достичь цели будет только попыткой вытащить самого себя за волосы из болота» (F r e g e 1973, 63—64).

13 Мы ставим это выражение в кавычки,чтобы напомнить идеологический характер его значения. «Тот факт, что пространство "проблемы знаний" является замкнутым пространством, иными словами, порочным кругом (тем же, что и зеркальное отражение идеологического распознавания), показан нам всей историей "теории познания" в западной философии, начиная со знаменитого "картезианского круга" и кончая телеологическим кругом гегелевского или гуссерлевского Разума» (A l t h u s s e r 1968 a, 63).

14 «Не все является представлением, иначе психология вместила бы в себя все науки» (F r e g e 1967, 359)

15 Ср. анекдот, рассказанный Фрейдом: «Это то самое место, где герцог Веллингтон произнес эти слова? — Да, это то самое место, но что касается слов, он их никогда не произносил» (F r e u d S. Paris: Gallimard, 1971, p. 87).

16 Мы отсылаем к работам П. Анри, который разработал этот решающий вопрос. См., в частности: H e n r y 1974.

17 Ср.: F r e g e 1967, 155: «Места, даты, периоды, взятые в логической перспективе, являются объектами, потому следует рассматривать как имя собственное обозначение лингвистическими средствами определенного места, момента или периода».

18 Эффект преконструкта возникает, таким образом, в чистом виде там, где соединяются позиция *единичного существования* и *универсальная истина*, которая касается суждений об этой единичности. как нам кажется, именно в этом смысле следует понимать концепцию логиков Пор-Рояля, согласно которой *единичное суждение*, такое,

как «Людовик XIII захватил Ля-Рошель», хотя и «отличающееся от универсального тем, что его субъект не является именем нарицательным» должно тем не менее относиться скорее к *универсальному суждению, чем к частному*, «поскольку его субъект, будучи единичным, тем самым непременно взят во всем его объеме, что и составляет суть универсального суждения и отличает его от частного [ ] и поэтому при аргументации единичные суждения заменяют универсальные» (A r n a u d e t N i c o l e (1662) 1970, 158)

19 И именно Фреге критикует это обобщение (ср Rezension von E G Husserl, Philosophie der Arithmetik — In «Kleine Schrifften», S 181—182, например)

20 Этот пример, использованный Лениным в статье «Объяснение закона о штрафах» (Lenin, op cit, t II, p 27 et s) [текст с точной цитатой Если один фабрикант причинит убыток другому «то фабрикант может требовать вознаграждение » (Л е н и н В И Полн собр соч, т 2, с 19) — *Прим ред*], недавно был процитирован и прокомментирован Б Эдельманом (E d e l m a n 1973, 10) Можно будет неоднократно видеть, каким образом наше исследование опирается на работу Б Эдельмана

21 Другими свидетелями этой скученности, которая сама по себе составляет объект изучения, являются слова *jugement* [во фр языке имеет два значения *приговор* и *суждение* — *Прим перев*], *доказательство, признаки, свидетельство*

22 Заметим, что с лингвистической точки зрения определения, которые вводят концепт, — это прежде всего неопределенный артикль единственного числа *un* и неопределенное прилагательное *tout* (всякий, любой), хотя это не значит, что определенный артикль единственного числа (l'homme) невозможен

23 Ср различие между «историей» и «дискурсом» у Бенвениста

24 «Это правда, я здесь или рабочий, или патрон, или солдат!» (A l t h u s s e r 1970, 33)

25 Мы затрагиваем здесь главный вопрос, который в настоящее время составляет объект важного исследования М Плона См, в частности P l o n 1972, P l o n, P r e t e c e i l l e 1972, P l o n 1976

26 Ср последнее изобретение в этой области, известное под названием «административная наука» Сопоставьте его с понятием «управление вещами», понимаемым как форма аполитичной социальной организации Дальше будет сказано о недавней дискуссии по этому вопросу, поднятому Э Балибаром (B a l i b a r E 1974)

27 См по этому поводу анализ реформизма в A l t h u s s e r 1973, 28—29

28 «Этот тезис [Идеология обращается к индивидам как к субъектам] разъясняет просто-напросто наше последнее предложение» (A l t h u s s e r 1970, 29)

[29] Одна из заслуг работы R o u d i n e s c o 1973 в том, что в ней показано, почему расположение рядом фрейдизма и марксизма не может быть выходом из положения

Можно было бы сказать, что именно *это отсутствие связи между идеологией и бессознательным* способствует сегодня исследованиям в психоанализе в самых различных и порой противоречивых формах Речь идет не о том, чтобы предвосхитить результаты этих исследований Скажем только, что идеалистическое переписывание работы Ж Лакана обязательно окажется под сомнением, и это будет прежде всего дело рук тех, кто работает сегодня в области психоанализа

[30] Пример был использован Альтюссером в работе A l t h u s s e r 1970, 30

[31] Отсюда — известные детские высказывания типа «У меня три брата Поль, Мишель и я» или «Папа родился в Страсбурге, мама — в Бресте, а я — в Париже странно, что мы все трое встретились»

[32] Подобные примеры можно было бы производить до бесконечности

— *об отношениях семья школа* история с плохим учеником, который звонит директору школы, чтобы добиться освобождения от уроков, и на вопрос «Кто у телефона?» отвечает «Это мой отец!»,

— *об идеологическом повторе* «В нашем краю больше нет каннибалов, вчера мы съели последнего»,

— *о культурном аппарате и о культе Великих Людей* шутка, приведенная Фрейдом, а также «произведения Шекспира были написаны не им, а неизвестным современником, носившим то же имя»,

— *о метафизике и религиозном аппарате* «Бог имеет все совершенства, кроме одного он не существует», «*X* не верил в духов, и, в конце концов, он их даже не боялся» и т д

[33] По поводу раздвоения и разъединения в противоречии можно привести следующую шутку «Какая жалость, что города построили не в деревне, там такой чистый воздух!»

[34] Эти юридическо-идеологические социальные отношения не являются вневременными у них есть своя история, которая связана с постепенным формированием в конце средних веков юридической идеологии Субъекта, соответствующей новой практике, при которой право отделяется от религии, прежде чем обернуться против нее Но это никоим образом не означает, что идеологический эффект обращения появляется лишь с новыми социальными отношениями они образуют только новую форму подчинения, *вполне видимую форму автономии*

[35] Так, то, что логики Пор-Рояля называли «духовной универсальностью» (l'universalite morale), согласно которой «французы — храбры, итальянцы — недоверчивы, немцы — высокого роста, восточные люди — сладострастны, потому что мы довольствуемся тем, что эти

определения относятся к большинству из них» (Arnaud, Nicole 1970, 203), предстает в действительности как одно из условий функционирования и реализации идеологии

36 Все, что касается этого вопроса, см. Idelman 1973

37 Например, «расхождение» (и глубокая связь) между нормой «*любой* французский солдат не отступит» (*un* soldat français ne recule pas) и констатацией факта «французский солдат — нытик» (*le* soldat français est râleur), помогающее обеспечить в специфических французских условиях обращение и идентификацию субъекта как французского солдата

38 Ср по этому поводу размышления Гуссерля о фразе «Любой воин должен быть храбрым», которые представляют собой автокомментарий очевидности

39 Мы не затрагиваем пока случай «научного дискурса» См Pêcheux 1975, 169 sqq

40 Мы не решим здесь проблему *природы* этого соответствия Скажем только, что не может идти речи ни о чистой равнозначности (идеология-дискурс), ни о простом распределении функции («дискурсная практика» / «недискурсная практика») Скорее следовало бы говорить о «сплетении» («intrication») дискурсных формаций с идеологическими формациями, сплетении, принцип которого заключался бы как раз в «обращении»

41 Само понятие «собственный смысл», которое идет рука об руку с понятием «переносного» смысла или производного вторичного и т д , теряет здесь всякое значение

42 Следствием этого пункта является то, что всякий *чисто лингвистический* критерий (т е морфосинтаксического типа) совершенно недостаточен для характеристики дискурсных процессов, присущих определенной дискурсной формации Можно было бы сослаться по этому поводу на статью M Pêcheux, C Fuchs — Linguistique et analyse du discours — *Langages*, 1975, № 37, в которой эти последствия рассмотрены и обсуждены более подробно, в ракурсе несубъективной теории чтения как базы теории дискурса

43 Снова не говорим здесь о «научном дискурсе», к которому вернемся позднее

44 «[ ] Субъект является субъектом, только будучи подчиненным полю Другого, субъект происходит из своего синхронного подчинения в поле Другого» (Lacan 1973, 172)

45 Выражение «форма-субъект» введено Л Альтюссером (*Ответ Джону Льюису, цит соч* , с 93) «Любой человеческий, т е общественный, индивид может быть исполнителем какой-то практики только тогда, когда он приобретает *форму субъекта* "Форма-субъект" является в действительности формой исторического существо-

вания любого индивида, исполнителя общественной практики (agent des pratiques sociales)»

[46] Слово «забвение» («oubli») означает здесь не потерю того, о чем когда-то знали, как в случае выражения «провалы в памяти», но сокрытие причины субъекта внутри его эффекта

[47] Мы понимаем под «синтагматизацией» двух элементов их вхождение в одно и то же «синтагматическое отношение» в том смысле, которое придавал этому выражению Ф де Соссюр в V главе «Курса общей лингвистики» « слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновременно» [Цит по рус пер С о с с ю р 1977, 155 — *Прим ред*]

[48] Отметим по этому поводу, что такая стыковка, если она функционирует на *сознательном* уровне в различных формах логической связи (отношения «причины», «уступки», «временная связь» и т д), не сводится к ней некоторые приложения и вводные предложения могут представлять собой вторжение в нить дискурса *бессознательного* процесса, как это уловил Фрейд относительно *Verneinung*

[49] Кореференция обозначает эффект совокупности, который обеспечивает в нити дискурса стабильную идентичность «референтов» — то, о чем идет речь *Анафора* составляет самый явный из лингвистических механизмов, с помощью которых реализуется этот эффект

[50] Мы заимствуем этот пример из работы F u c h s, M i l n e r, L e G o f f i c 1974, 166, где он отмечается как случай нейтрализации разницы между «объяснительной» и «определительной» интерпретациями

[51] В одном исследовании, посвященном идеологическому функционированию газеты *Монд* (G u e d j, G i r a u l t 1970, 146), говорится о «внедрении информации, характерном для романа»

[52] По этому вопросу см M a c h e r e y 1966, в частности главу «Творчество и творение», B a l i b a r, L a p o r t e 1974, B a l i b a r R 1974, B a l i b a r, M a c h e r e y 1974, 29—48

[53] Это соответствует фактически совмещению «способа подачи объекта» с «объектом»

[54] Читатель найдет в B a l i b a r R 1974 ряд конкретных исследований отношения между *реализмом* и *фиксацией* как галлюцинаторное творение реальности, скрывающее работу фикции

[55] A l t u s s e r 1970, 34 Материальные условия выращивания и воспитания животного «человеческого вида», включая специфическую материальность воображаемого (семейный аппарат как идеологический аппарат), представляют собой способ, каким, по выражению Л Альтюссера, Субъект становится неким субъектом, иными словами, способ, определения которого, подчиняя физиологический ин-

дивид идеологическому субъекту, обязательно реализуются в теле животного, принадлежащего «человеческому виду» в биологическом смысле слова

56 Комментируя топологические свойства *cross-cap* и *surface de Moebius*, «чья лицевая сторона продолжает ее изнанку», Ж Лакан вынужден был охарактеризовать *пересечение* (*intersection*) как «структурно определяемое [ ] через известное отношение поверхности к себе самой, в той мере, что, сводясь к самой себе, она пересекает себя через точку, которую, несомненно, надо определить Ну что ж! Для нас эта линия перехода — как раз то, что может символизировать функцию идентификации» (L a c a n 1973, 243)

57 «Мы производим не простую последовательность представлений, а *суждение*, особенную "единицу сознания", которая связывает представления И именно в этой связи формируется сознание состояния вещей *Произвести суждение и в этой «синтетической форме», заключающейся в накладывании чего-то одного на что-то другое, осознать состояние вещей — это одно и то же»* (H u s s e r l 1913, t II, p 284)

58 Эта символическая идентификация доминирует над воображаемыми идентификациями, посредством которых каждое вербальное представление, следовательно, каждое «слово», «выражение» или «высказывание», приобретает прямой смысл, который принадлежит ему «со всей очевидностью» Мы вернемся дальше к этому отношению между символической идентификацией и идентификацией воображаемой По этому вопросу и шире — о связи между дискурсностью и бессознательным см также уже упомянутую работу H e n r y 1973 [в наст изд — *Прим ред*]

59 Мы говорили выше, что разграничение язык / дискурс не было установлено *ne varietur*, но было подвергнуто исторической трансформации вследствие обратного воздействия дискурсных процессов на язык В этом смысле «теория дискурса», в каком бы зачаточном состоянии она ни находилась, открывает, как нам кажется, «новые сферы проблем» для лингвистов, хотя бы в отношении проблемы определения *границ объекта лингвистики*

60 Что касается нас, то здесь мы будем использовать скорее термин «*реальное*» (reel), чем «*реальность*» (réalité), принимая во внимание ту роль, которую играл последний термин в описании функционирования идеологии

61 Ср Маркс «Мой аналитический метод *исходит не из человека*, а из экономически определенного общественного периода [ ] *Общество не состоит из индивидов*» (цитировано Л Альтюссером в работе «Ответ Джону Льюису», цит соч , с 33)

М Пеше

ЧТО ЗНАЧИТ ЧИТАТЬ АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ СЕГОДНЯ?[1]

История деяний человека, отраженная в его собственных текстах, остается в значительной мере неизвестной

Мишель де Серто

Настоящий текст задуман как исследование современного состояния проблем, вызванных к жизни *анализом дискурсов, текстов* и *архивных документов*, путем изучения соотношения между их историко-психологической («речевой» в широком смысле) стороной, связанной с чтением архивных документов, информационно-математической стороной, связанной с обработкой текстовой документации, и прогрессом в исследованиях в сфере формальной лингвистики

В основе наших размышлений лежит эволюция, довольно быстрая, лингвистических исследований, касающихся этих проблем, но также и новая вспышка интереса к задачам обработки текста, особенно с уклоном — весьма проблематичным в культурном и политическом отношении — в сторону так называемых баз данных

Неразрешимые противоречия *чисто внутриязыковой семантики* (или *прагматики, глухой к особенностям языка*) и размышления над спецификой архивного документа заставляют думать, что междисциплинарные исследования являются совершенно необходимыми для выработки действительно плодотворного подхода

В самом деле, дискурс, представленный, как это принято в информатике, в виде «текстовых данных», не находится в таком же отношении к логико-математическим процедурам, как иной тип данных, имеющих количественную природу и используемых в экономике, демографии, истории и т д

---

[1] Michel P ê c h e u x Lire l'archive aujourd'hui - *Archives et documents de la societe d histoire et d epistemologie des sciences du langage* (S H E S L), 1982, № 2

Таким образом, эта сфера, которую мы договоримся в дальнейшем называть *дискурсно-текстуальной*, потенциально представляет собой пункт столкновения крайних противоречий: фигура Блеза Паскаля, размышляющего одновременно над философскими и богословскими вопросами и над физико-математическими задачами своего времени, охотно упоминается современными гуманистами, однако ссылки на этого двуликого предшественника недостаточно, чтобы преодолеть углубившуюся с эпохи классицизма пропасть между этими *двумя культурами*, которые школьно-университетская французская традиция именует «областью гуманитарных наук» и «областью естественных наук».

На всем протяжении истории развития общественной мысли с XVIII по XX век (через Огюста Конта — «Возраст науки» — и логический позитивизм к романтизму, философии истории и герменевтике) эти две культуры не переставали удаляться друг от друга, распространяя каждая свои надежды и иллюзии, но также свои стереотипы и табу и даже игнорируя (более или менее сознательно) самое существование друг друга.

По традиции профессионалы-архивисты являются «гуманитариями»* (историками, философами, литераторами) и привыкли избегать самого вопроса о характере чтения, регламентируя его заранее[2], потому что они занимаются своим собственным чтением (уникальным и одиночным), создавая свой мир архивных документов.

К тому же именно таким образом — зачастую вокруг имен основателей направлений — сложились имплицитные подходы к архивным текстам (групп, школ, даже кланов), которые сосуществуют в обоюдоостром взаимодействии, проявляющемся в конкуренции, частичных союзах и скрытых противоречиях. Громкие исторические, философские и литературоведческие дискуссии (в том виде, в каком они разворачивались в *идеологических и культурных кругах Франции*) реализовались чаще всего в столкновениях по вопросам тем, подходов и иногда методов работы. Но даже и в этом последнем случае *вопрос чтения* почти всегда оставался имплицитным; между тем есть серьезные основания полагать, что внешние конфликты неявно отсылают к глубинным расхождениям *между различными, даже противоположными способами чтения архива* (понимаемого в ши-

---

* В дальнейшем тексте статьи мы сочли возможным передать широко используемую М. Пешё оппозицию «le littéraire» — «le scientifique» словами «гуманитарий» и «технарь». — *Прим. перев.*

роком смысле как «совокупность документов, релевантных и могущих быть отнесенными к некоторой проблеме»).

Было бы чрезвычайно интересно реконструировать историю дифференциальной системы глубинных *актов чтения* в самом строении архива, в подходе к документам и способе их понимания, в молчаливо принимаемых навыках «спонтанного» чтения, поддающихся реконструкции уже благодаря их воздействию на стиль: речь шла бы о том, чтобы отметить практически значимые аксиомы, управляющие этим чтением, погружающие в «буквальное чтение» (как понимание документа), в *«чтение» интерпретирующее, которое уже представляет собой письмо.* Таким образом начало бы образовываться *полемическое пространство способов чтения*, описание архивной работы как соотнесения архивного документа с ним самим в определенной совокупности обстоятельств, работы исторической памяти в ее вечном столкновении с самой собой.

Другой уклон в чтении архивных документов, без которого первый, вероятно, не смог бы существовать как таковой, имеет совершенно другие исторические корни: речь идет об огромной анонимной работе, нудной, но необходимой, при помощи которой властные структуры общества управляют коллективной памятью. Начиная со средних веков среди служащих наметилось разделение на *немногих*, уполномоченных читать, говорить и писать от своего имени (т.е. наделенных собственным чтением и собственной творческой работой), и *всю остальную массу*, деятельность которой, без устали повторяемая (копирование, транскрипция, извлечения, классификация, индексирование, составление справочного аппарата и т.д.), тоже представляет собой *чтение*, но такое, которое заставляет субъекта чтения скрываться за использующим его социальным институтом: неисчислимое множество «секретаришек», «канцелярских крыс» и «мальчиков на побегушках» выросло и на частной, и на государственной службе с эпохи классицизма и до наших дней на этом отказе от малейшей претензии на «оригинальность», на этом самоустранении в молчаливом чтении, посвященном Церкви, Королю, Государству или Предприятию.

Социальное развитие таких *методов массовой обработки* архивных документов в государственных или коммерческих интересах обязательно требовало сделать их легко сообщаемыми, передаваемыми и воспроизводимыми: такие достоинства, как порядок и серьезность, аккуратность и хорошее ведение дел, поддержанные в XIX веке демокра-

тизацией образования («начального» и «высшего первой ступени»), нашли в этой сфере одно из своих применений проблема «объективности» процедур и результатов как раз приобретала столь важное значение, что апелляция к «Науке» (в виде математики, прежде всего статистики как «науки о больших числах» *и математической логики как теории однозначных языков*) постепенно утвердилась как нечто само собой разумеющееся.

Необходимость административного руководства всеми видами документов способствовала в конечном счете их историческому объединению в первой половине XX века с научными проектами, направленными на разработку искусственных логических языков (лейбницевское наследие Венского кружка) Первая волна информатизации 50 — 70-х годов закрепила это объединение

Разнообразные более или менее замысловатые методы анализа текста (от контент-анализа до современных систем обработки данных) являются плодом этого сближения, не прекратившегося с насыщением интереса «технарей» к дискурсно-текстовой проблематике.

Разумеется, указанное расхождение между «гуманитарием» и «технарем» относительно чтения архивных документов отнюдь не случайность; это противостояние, само по себе весьма подозрительное своей очевидностью, скрывает (искажая его) социальное разделение в процессиональном чтении, встраиваясь в отношение политической доминации одним — право на оригинальные прочтения, т.е. на «интерпретации», представляющие собой одновременно и политические ходы (поддерживающие или атакующие существующую власть); другим — подневольная работа по подготовке и поддержке с помощью анонимной «буквальной» обработки документов, заранее заданных «интерпретаций»...

Именно это социальное разделение в *чтении как работе* находится сейчас в стадии реорганизации снизу доверху, продолжая, однако, углубляться: понятно, что власти с разных сторон «интересуются» науками об обработке текстов Мы не сильно сгустим краски, если подчеркнем, каким образом их «объективные» процедуры достаточно легко встраиваются в ряд бюрократических средств воздействия. Логика классификации способствует повороту математической работы к административному управлению, т.е. к работе машин, память которых состоит исключительно из реестров, списков и таблиц: слово, скрытое за буквой «В» в знаменитой аббревиатуре IBM, присутствует там, чтобы напоминать нам: информатика возникла, будучи тесно связанной с ад-

министративной бюрократией. Этот факт не исключает того, что научные исследования могут вестись при помощи компьютеров, но лишь при *определенных условиях*, которые мы попытаемся эксплицировать ниже применительно к интересующей нас дискурсно-текстуальной сфере.

После этого напоминания, учитывая законную профессиональную гордость «технаря» (испытывающего отвращение при мысли о том, что его могут грубо уподобить бюрократу!), необходимо отметить, что подготовка для чтения архивных документов преимущественно специалистов с «гуманитарным» уклоном слишком часто служила «технарям» предлогом для того, чтобы еще немного углубить пролегающий между теми и другими ров взаимонепонимания. Есть серьезные основания полагать, что в контексте Европы 80-х годов традиции великих архивных работников вскоре окажутся под серьезной угрозой ввиду легко предсказуемого стремительного увеличения числа «методов обработки текстов», порожденных информационным взрывом, на пороге которого стоит наше общество. Патологическое высокомерие и снисходительность «гуманитариев» подвергают их опасности оказаться в жесткой культурной и политической изоляции[3] на фоне терпеливой и язвительной «утилитарной» скромности архивных «технарей», уверенно смотрящих в будущее[4]

Итак, мы стоим перед новым разделением ролей в профессиональном чтении, подлинной социальной реорганизацией умственного труда, последствия которой скажутся непосредственно на отношении нашего общества к его собственной исторической памяти.

Суть проблемы — в принципиальной двойственности насчитывающего более ста лет лозунга «учиться читать и писать», нацеленного одновременно и на *постижение однозначного смысла*, вписанного в школьные правила промывания мозгов (знаменитые семантико-прагматические «законы» коммуникации), и *на работу над множественностью смысла*[5].

Сегодня эта двойственность прямо связана с аналогичной двойственностью в информатике.

Конечно, массированное распространение информатики открывает — при определенных условиях, которых мы коснемся ниже, рассматривая анализ дискурса и текста, — возможности для *расширения* «гуманитарных» привилегий интерпретирующего чтения на обширные области, в которых (как это в изобилии демонстрируют примеры политических выступлений, с одной стороны, и рекламных объявлений —

с другой) практика «буквального чтения» оказывается совершенно недостаточной.

Однако как минимум столь же высока вероятность того, что мы станем свидетелями политического ограничения привилегий интерпретирующего чтения (в рамках «перепрофессионализации» умственной и культурной деятельности), особенно если учесть, что суть спора об информатике оказалась с этой точки зрения незамеченной: рассматривать процедуры обработки архивных документов исключительно как независимый и нейтральный инструмент (совершенствование технической документации) — значит закрывать глаза на политический и культурный эффект, который не может не произвести расширение сферы влияния *однозначных логических языков*, включенных в новые массовые формы интеллектуальной деятельности. Существует немало светлых умов, ставящих своей целью освободить дискурс от его неоднозначности с помощью своего рода «речевой терапии», которая установила бы наконец правильный смысл слов, выражений и высказываний. Одно из политических устремлений неопозитивистов — попытаться построить логическим путем, с благословения некоторых лингвистов, *универсальную семантику*, способную *регламентировать* порождение и интерпретацию высказываний — не только научных, технологических, административных... но также (в один прекрасный день — почему бы и нет?) — и политических.

В соответствии с этим опасность заключается всего-навсего в создании *полиции высказываний*, в *принудительной нормализации чтения и мысли* и в *выборочном стирании исторической памяти*. «Когда хотят уничтожить народ, — пишет Милан Кундера, — его сначала лишают памяти».

Эту тревогу разделяет Жорж Кангилем:

«Многие... задаются вопросами по поводу манифестов некоторых политических групп, некоторых методов так называемой психотерапии поведения, результатов деятельности некоторых информационных компаний. Им кажется, что они различают там возможность заранее запланированного распределения методов, в конечном счете ставящих своей целью *нормализацию мысли*» (C a n g u i l h e m 1980, 1).

Таким образом, выступать сегодня изнутри этой ситуации, взятой со всеми ее недоразумениями (продлеваемыми и используемыми в политических целях) из-за расхождения между «гуманитариями» и «технарями», и поднимать во-

прос о *чтении архивных документов* — это значит обращаться одновременно и к «гуманитариям» и к «технарям».

Прежде всего, это значит сказать «гуманитариям»: неужели вы думаете, что и дальше сможете держаться в стороне от беды, в глобальном масштабе угрожающей памяти и мысли? Неужели вы думаете, что вам еще долго удастся отсиживаться в укрытии, в вашем уютном мирке частного архива? И это значит сказать «технарям»: вы, кого считают производителями-потребителями инструментов, неужели вы думаете, что вам еще нескоро предстоит понять, чему вы служите и кто вас использует?

Следовательно, это значит попытаться вызвать по данной проблеме обсуждения и дискуссии, которые велись бы со знанием дела. Если учесть поразительную взаимную неосведомленность, которой каждая из сторон отгораживается от другой, это могло бы изменить нынешнее положение, из которого политики столь легко извлекают свою выгоду.

Однако такое обращение к одним и к другим, располагаясь как бы между ними, предполагает и обозначение собственной позиции: наши размышления основываются на *теоретическом факте*, состоящем в существовании языка как особой материальной сущности, постоянно избегаемой, игнорируемой или отбрасываемой двумя противоборствующими культурами, занятыми дележом территории[6].

Действительно:

— «гуманитарная» культура за счет самой своей близости к письменному тексту приносит с собой аксиомы чтения, прорезающие материальность текста, всегда полагаемого лингвистически прозрачным, особенно историками и философами. Положение с поэтами, прозаиками, вообще литераторами принципиально иное, поскольку они не имеют дела с чистым повествованием, чистым мышлением и чистым пересказом идей: они вынуждены «жить» в своем языке, не довольствуясь наблюдениями над появлением / исчезновением слов, служащих упоминаниями, ссылками или обозначениями. В силу этого часто именно поэты и прозаики «подают идеи» лингвистам. С другой стороны, распространение психоаналитических концепций (прежде всего лаканианских), бесспорно, благоприятствовало, по крайней мере в некоторых случаях, этому признанию материальности языка как необходимого элемента мысли;

— «естественнонаучная» культура в свою очередь из «методологической» предосторожности делает вид, что ей вообще неизвестен сам факт существования языка, и претендует на его трактовку как «любой» материальной сущ-

ности Тем не менее это не значит, что данная культура не приносит с собой теперь уже свои собственные очевидные приемы чтения, однако она встраивает их в другое место — в логико-математическое пространство, где материальность языка опять-таки игнорируется из-за иллюзий, связанных с универсальным метаязыком

Теоретическое положение, лежащее в основе отстаиваемой здесь позиции, состоит, следовательно, именно в *существовании лингвистики* как «промежуточной» дисциплины, не могущей безоговорочно встать ни на сторону «гуманитариев», ни на сторону «технарей»

Лингвистика — и прежде всего синтаксическая теория в противоположность семантике, рассматриваемой как дисциплина независимая, — действительно имеет дело с особой *материальной сущностью формальной природы* (и в этом смысле она «подбирается» к эталону естественных наук), но в то же время эта материальность *внутренне сопротивляется* аксиомам логики, независимо от того, называется эта логика «естественной» или «математической». Материальность синтаксиса, несомненно, поддается счету, и именно в такой мере языковые и дискурсные объекты подчиняются алгоритмам, принципиально представимым в виде компьютерных программ, — но одновременно она ускользает от него, в той мере, в какой подвижность, расплывчатость и неоднозначность являются неотъемлемыми атрибутами языка, и именно из-за этого в синтаксисе возникает проблема смысла.

Смысл, пишет Ж Кангилем, «ускользает от любой редукции, пытающейся втиснуть его в рамки какой-либо естественной или искусственной конструкции Так называемые умные машины — это машины для порождения отношений между предоставленными им данными, но они никак не *соотносятся* с тем, чего пользователь стремится достичь, исходя из построенных ими отношений. Поскольку смысл — это *отношение к*, человек может играть со смыслом, изменять его, изображать его, лгать, расставлять ловушки» (C a n g u i l h e m 1980, 16—17)

Из сказанного Кангилемом ясно, что если человек способен так играть со смыслом, то это, по сути дела, происходит потому, что сам язык таит в себе «игру», т е внутреннюю метафорическую энергию дискурсности, благодаря которой язык становится частью истории

Именно это отношение между *языком* как синтаксической системой, внутренне способной к игре, и *дискурсностью* как встраиванием явлений языковой природы в исто-

рию определяет основной нерв работы по чтению архивных документов

С этой точки зрения все или почти все еще только предстоит исследовать *фактор языка* при чтении архивов всегда кардинально недооценивался (и сейчас недооценивается) Да, «литературное» чтение архива полагало свой долг лингвистике уплаченным, перенося на область своих исследований то или иное лингвистическое понятие (например, понятие «структура», заимствованное у Соссюра, или понятие «трансформация», заимствованное у Хомского) Да, «технари» — специалисты по обработке текстов, напротив, ограничивались введением в свои процедуры некоторых элементов морфологического (или, еще реже, синтаксического) анализа, явно стремясь, однако, как можно быстрее проскочить сложности «естественного языка», чтобы избавиться от них в пользу статистических таблиц результатов или логических микроуниверсумов, способных воспринимать понятийные схемы, очищенные искусственным интеллектом

В обоих случаях — если оставить в стороне более или менее случайно возникающий в «литературных» исследованиях архива эффект *цитаты* — материальность языка исчезает Эта материальность рассматривается либо как прозрачная промежуточная среда (в лучшем случае), либо (в худшем случае) как грязное стекло, сквозь которое отчаянно пытаются подсматривать за «сутью вещей»

Именно к этой *материальности языка в архивном документе, понятом как дискурс*, необходимо срочно обратиться цель состоит в развитии различных методов работы над архивом при понимании забот историка, так же как лингвиста или математика, и отказе от попыток соединить несоединимое речь идет о том, чтобы выявить, несмотря на редукционистские опасности, связанные с компьютерным направлением — причем и в нем *тоже*, — исторические, политические и культурные интересы, которые заключает в себе работа над архивными документами

Итак не уступать легковесным заявлениям о тотальном гуманитарном отрицании «компьютера», но и не самоопределяться от противного на стороне информатики (что лишь усилило бы ее влияние), а занять ясную позицию, *на уровне понятий и процедур*, в этой мыслительной работе, борясь с собственной памятью, которая характеризует чтение-описание архива в разных идеологических и культурных условиях, вопреки всему, что направлено ныне на прекращение этой работы Это предполагает *среди прочего* построение

алгоритмических процедур, как можно точнее передающих множество *приемов чтения*, представленных в полемическом пространстве чтения архивных документов.

Такой ценой мы избежим замены безусловно трудных, но интересных и многообещающих проблем недолговечными «тактическими целями», относительно легко достижимыми, но достаточно малоинтересными, по крайней мере если речь действительно идет об *испытании* человеческого разума в противоборстве с архивными документами, а не об *обуздании* его деятельности с помощью механической работы (классификации, составления справочного аппарата и т.д.), связанной скорее с нуждами административного управления и логицистской мечтой об идеальном языке, нежели с фундаментальными научными исследованиями.

Париж, март 1981

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Текст этой статьи неоднократно обсуждался с Бернаром Коненом, Жан-Жаком Куртином, Франсуазой Гаде, Жаком Гийому, Клодин Арош, Полем Анри, Мирей Лагарриг, Жаклин Леон, Денизой Мальдидье и Жан-Мари Маранденом. — *Прим. авт.*

2. Ср. в этой связи замечания историка Режин Робен: «Для историков... дискурс не является объектом. Архивные тексты — это источник, который, будучи приведен в надлежащую форму, позволяет узнавать нечто о ситуации, о социальных структурах. Здесь нет речи о теории текста, о теории чтения. Расшифровка базируется на очевидности, на прозрачности смысла. Смысл уже там» (R o b i n 1979, 78).

3. Множество историков, философов и литераторов испытывают сейчас на себе горький опыт бессилия. С разных сторон их спешат объявить «неудобочитаемыми», слишком быстро закрывая поднятые ими вопросы (еще в XVII веке иезуиты отделывались от янсенистов, объявляя их «непонятными»). Однако это разрушение прежнего культурного статуса «гуманитариев» — одновременно повод для перемен в их работе, если они не хотят оказаться на голодном пайке, будучи вынужденными выбирать между производством «предметов роскоши» на экспорт и пустым славословием в адрес существующей власти.

4. Литературное отделение Высшей педагогической школы на улице Юльм в Париже (Ecole normale Supérieure — ENS) недавно (и запоздало) выразило свою тревогу по поводу этой ситуации следующими словами, вполне трезвыми при всей их «корпоративности»:

«Помимо своей главной функции обучения точным методам, математика приносит еще и прямую пользу в качестве инструмента для любого рода научной деятельности (для лингвистики, экономики, социологии, географии, истории и т.д.) и вообще для всех исследователей, сталкивающихся с проблемами анализа данных и автоматизированной обработки документов. Даже если некоторое разделение труда неизбежно, исследователи все равно должны будут отныне в достаточной степени овладевать математическим инструментарием, чтобы не оказаться в сфере обработки и организации данных полностью подчиненными посредникам — математикам или специалистам по информатике. В противном случае велика опасность выхода на ведущие позиции, в том числе и в областях, связанных с классическими гуманитарными дисциплинами, исследователей с чисто математическим образованием — со всеми неудобствами, которые это могло бы за собой повлечь» *(Bulletin de la Société des Amis de l'ENS*, 1980, № 147, p. 10).

5 Некоторые современные направления в психолингвистике, базирующиеся на доминирующей интерпретации хомскианства, уже записали эту двойственность себе в актив, рассматривая язык как «систему обработки и преобразования информации».

6 Это положение было развито и обосновано в недавней работе Франсуазы Гаде и Мишеля Пешё «Неуловимый язык» (Gadet, Pêcheux 1981).

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ И ТЕОРИЯ ДИСКУРСА

I. ЛИНГВИСТИКА И АНАЛИЗ ТЕКСТА: СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ?

Вплоть до последних этапов своего развития, ведущих начало от «Курса общей лингвистики» наука о языке изучала прежде всего *тексты* и ставила относительно них различные вопросы, связанные как с учебной практикой называемой также разбором текста[1], так и с деятельностью *грамматиста* в ее нормативном и описательном аспектах Одновременно необходимо было выяснить «О чем говорится в этом тексте?», «Каковы основные "идеи" этого текста?» и в то же время «Соответствует ли этот текст нормам языка, в рамках которого он существует?» или «Каковы собственные нормы этого текста?» Все эти вопросы задавались одновременно, потому что они были взаимосвязаны, точнее, вопросы, касающиеся семантических и синтаксических правил, выявленных в ходе анализа данного текста, помогали отвечать на вопросы, касающиеся его смысла (того, что автор «хотел сказать») Иными словами, классическая наука о языке стремилась быть одновременно *наукой о выражении* и *наукой о средствах выражения*, исследования же грамматики и семантики были средством, служившим определенной цели, а именно пониманию текста аналогично тому как в самом тексте «средства выражения» тоже служили определенной цели, которую преследовал его создатель (а именно быть понятым)

При таких условиях, если человек понимает то, что выражает ему подобный, это значит, что оба они в какой-то мере являются «грамматистами», тогда как языковед может заниматься научной деятельностью прежде всего потому, что он, как всякий человек, способен выражать свои мысли

Однако понятийный переворот, совершенный Ф де Соссюром, состоял именно в разрушении единства между языковой теорией и практикой как только язык начинает

Michel Pecheux Analyse automatique du discours Paris Dunod 1969

рассматриваться как *система*, он больше не воспринимается как нечто обладающее *функцией* выражения смысла, задачей науки становится описание его *функционирования* (Возвращаясь к сравнению с шахматной партией, которым воспользовался Соссюр говоря о предмете лингвистики, можно сказать, что необходимо выяснить не то, *что значит* какая-то шахматная партия, а то, каковы *правила, делающие возможной* любую партию, безразлично, состоявшуюся или нет.)

Следствием этого переворота стал, как известно, следующий вывод «текст» никоим образом не может быть для лингвистики подходящим объектом, поскольку он не функционирует, функционирует же *язык*, т е совокупность систем регулирующих правила парадигматики и синтагматики определенных единиц с помощью механизмов субтекстового уровня язык как объект науки противопоставляется речи как не относящемуся к науке остатку от анализа «Отделяя язык от речи, мы отделяем одновременно 1) социальное от индивидуального, 2) сущностное от приходящего и более или менее случайного» (S a u s s u r e 1962, 30)*

Таким образом, изучение языка, стремившееся поначалу обрести статус *науки о выражении и о его средствах*, обратившись к рассмотрению явлений большого масштаба, перешло на свои нынешние позиции Но, как всегда бывает в истории науки, этот переход, которым лингвистика утверждала себя как наука, оставил свободной покинутую ею область и вопрос, на который лингвистика была вынуждена отказаться отвечать, по-прежнему ставится, поддерживаемый интересами как теории, так и практики

«Что автор хотел сказать этим текстом?»

«Каково значение этого текста?»

«Чем смысл этого текста отличается от смысла другого текста?»

Таковы разные формы *одного и того же вопроса*, многочисленные ответы на который были предложены дис-

---

* Постоянное обсуждение на страницах книги М Пеше тех или иных положений из «Курса общей лингвистики» Ф де Соссюра и широкое использование автором соссюровской терминологии требовало единообразного перевода цитат из «Курса » и основного текста книги В связи с этим мы не могли воспользоваться классическим переводом А М Сухотина и А А Холодовича (в кн Ф де С о с с ю р Труды по языкознанию М Прогресс 1977) естественно передававших многие термины совершенно не так как того требовал контекст книги М Пеше Все встречающиеся у М Пеше высказывания Ф де Соссюра переведены нами заново и сверены с указанным переводом *Прим перев*

циплиной, называемой *контент-анализом*, а иногда также и *анализом текста*.

Мы хотели бы рассмотреть различные варианты ответов, предлагаемые современными методиками анализа; способ освоения области, которую лингвистика оставила свободной, в каждом случае послужит основанием для нашей классификации.

А) НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

Прежде всего, существуют методы анализа, которые, *по видимости*, не имеют отношения к лингвистике; они появились первыми и развивались примерно в то время, когда происходил вышеописанный переворот, которого они, в силу отсутствия временно́й дистанции, не заметили Этими методами пользуются, стремясь ответить на вопрос о смысле текста в его, если можно так выразиться, «дососсюровской» форме: они стоят вне современного языкознания, что не значит, будто они не опираются на понятия лингвистического происхождения, — просто эти понятия находятся за бортом современной лингвистической теории

1. МЕТОД ЧАСТОТНОГО АНАЛИЗА

Мы называем так операцию, заключающуюся в установлении числа употреблений одного и того же языкового знака (чаще всего словоформы или лексемы) в последовательности заданного объема и вычислении его частоты, которая может сопоставляться с частотой других знаков, что служит основанием для сравнения разных элементов одной последовательности или разных последовательностей с точки зрения встречаемости в них одного и того же элемента. Большая заслуга этой методики состоит в разработке статистического аппарата, пригодного для изучения информации (отношение ранг / частотность[2] — важнейший из полученных на этом пути результатов)

Связь с лингвистической проблематикой сведена в данной методике к минимуму: собственно, здесь используется только одно лингвистическое положение — о взаимооднозначном характере соответствия «означающее — означаемое», что позволяет констатировать наличие того же самого содержания каждый раз, когда появляется тот же самый знак. Однако это положение принадлежит к теоретическим представлениям дососсюровской эпохи, тогда как современная лингвистика в значительной степени основывается на идее о том, что слово имеет *значение* в языке только пото-

му, что оно имеет *много значений*, а это приводит к отрицанию взаимооднозначности соответствия между означающим и означаемым.

То же самое, по сути дела, возражение может быть сформулировано и иначе: даже увеличив количество статистических подсчетов, невозможно установить принципы организации текста, структуру отношений между его элементами: все происходит так, как если бы поверхность текста представляла собой совокупность объектов, подвергаемую различным формам учета; таким способом можно получить сколь угодно точное описание этой совокупности, но *эффекты значения*, составляющие содержание текста, игнорируются, объективность полученной информации оборачивается сложностью ее использования в намеченных целях[3]

2. АНАЛИЗ ПО ТЕМАТИЧЕСКИМ КАТЕГОРИЯМ

Методика, о которой мы говорили, находится на сублингвистическом уровне. в той мере, в какой она рассматривает в качестве объекта своего рода *демографию* текста, ее целью оказывается не функционирование системы единиц, но существование того или иного языкового материала как таковое, этим она, безусловно, оказывает важные услуги лингвистической теории, но не отвечает ни на вопрос о том, какой смысл выражается данным текстом, ни на вопрос об отличии смысла одного текста от смысла другого текста.

Классический контент-анализ — в том виде, в каком он описан, например, Д.П Картрайтом (в кн. F e s t i n g e r, K a t z 1963, 481), — напротив, стремится дать ответ на эти вопросы: объектом изучения в тексте становится именно набор *значений*, которые расшифровываются интерпретатором при помощи отсылающих к ним *указателей*; иначе говоря, функциональное соответствие «выражение смысла / средства этого выражения» вновь обретает здесь всю свою значимость. Итак, в данном случае анализ происходит на *супралингвистическом* уровне, поскольку цель его — дойти до *смысла* того или иного фрагмента текста, минуя его лингвистическую структуру; интерпретировать или охарактеризовать какой-либо фрагмент — это значит поместить его в один из классов эквивалентности, определенных на множестве смыслов при помощи таблиц анализа, в зависимости от *суждения интерпретатора* о наличии / отсутствии или о степени представленности рассматриваемого предиката.

Таким образом, выводы основываются на *указателях*, языковая природа которых не определена (слово, фраза, «тема»), что дополнительно требует от интерпретатора, стремящегося отметить все важное, таких психологических свойств, как тонкость, восприимчивость, гибкость, и только их (Festinger, Katz, op cit, p 529) Это значит, что данная методика изначально предполагает *адаптацию интерпретаторов к новой для них культурной ситуации, обучение их чтению* Даже если оставить в стороне проблему успешности взаимодействия интерпретаторов, важность которой хорошо известна, необходимо все же отметить то, что кажется нам главным такого рода анализ не может представлять собой последовательность объективно заданных операций, приводящих к однозначному результату (и интерпретатор, который хотел бы изображать эту объективность, делал бы лишь рутинную механическую работу, не имеющую ценности для анализа) В то же время, «если интерпретация должна осуществляться группой интерпретаторов, необходимо, чтобы все они использовали в своей работе одни и те же определения и одну и ту же систему исходных понятий» (ibid, p 530), а это предполагает наличие между интерпретаторами эксплицитного или имплицитного[4] соглашения относительно правил чтения; иначе говоря, текст может анализироваться лишь *внутри общей системы ценностных установок, которая имеет единый смысл для интерпретаторов и определяет их метод чтения*. Таким образом, рассматриваемая методика, восстанавливая в правах соответствие выражение / средства выражения, вынуждена учитывать и последствия этого шага, а именно пересечение между теоретической ролью исследователя и практической ролью говорящего (см. с 302). Крайний риск состоит в данном случае в том, что результаты анализа, ставшего возможным благодаря выбранному способу прочтения, воспроизводят ее исходные особенности (какова бы ни была при этом степень честности, восприимчивости и точности интерпретатора) в соответствии с феноменом отраженного взаимодействия между *объектом* и *методикой*, которая ставит своей целью его объявление[5]

Б) ОКОЛОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

Наряду с рассмотренными выше методиками — нелингвистическими, поскольку они не затрагивают собственно знаковый уровень и используют психологическую или социологическую методологию, — существуют и другие, воз-

никшие позднее, которые, напротив, *открыто* ссылаются на современную лингвистическую теорию[6] и предлагают иной ответ на вопрос о *смысле*, выражаемом данным текстом Здесь мы сталкиваемся с парадоксом, который нуждается в объяснении как, действительно, такие дисциплины, как этнология, литературная критика или изучение знаковых систем, используемых так называемой массовой культурой, могут обращаться к лингвистике для ответа на вопрос, относящийся к той самой области, которую лингвистика, формируясь, оставила?

Мы предлагаем для этого парадокса следующее решение различные вышеперечисленные дисциплины признают тот фундаментальный теоретический факт, который знаменовал собой рождение лингвистической науки, *а именно переход от функции к функционированию*, при этом они истолковали это событие не как запрет, делающий невозможным некоторые вопросы, а как знак возникновения новых возможностей, а именно возможности вторично осуществить тот же самый переход (от функции к функционированию), но теперь уже на уровне текста Другими словами, поскольку существуют синтаксические системы, выдвигается гипотеза о существовании мифологических систем, литературных систем и т д , т е о том, что *тексты, подобно языку, функционируют*, эпистемологическая однородность, предполагаемая, следовательно, между фактами языка и явлениями текстового уровня, обеспечивает таким образом единство понятийного аппарата Например, отношение парадигма — синтагма распространяется на разные уровни функционирования, а значит, и анализа это вызвано стремлением, используя лингвистический инструментарий, достичь идеала лингвистической научности Можно ли сказать, что этой цели удается достичь? Здесь проявляется сопротивление, вызванное уровнем и масштабом объекта расхождение между теорией языка и речевой практикой кажется несомненным, но различие между теорией мифа и практикой мифа остается проблематичным Можно даже спросить себя, мыслимо ли оно вообще, если учесть, что́ пишет на этот счет один из крупнейших специалистов

«Анализ мифа не имеет естественного предела, не имеет скрытого единства, которого можно было бы достичь в конце разбора Темы раздваиваются до бесконечности следовательно, целостность мифа всегда относительна и существует только как тенденция, она никогда не отражает какого-либо состояния или момента мифа Подобно ритуа-

лам, мифы бесконечны. И, желая имитировать спонтанное движение мифологической мысли, наше исследование, также слишком краткое и слишком длинное, должно приспосабливаться к его прихотливости и следовать за его ритмом. Поэтому книга о мифах сама есть своего рода миф» (Lévi-Strauss 1964, 13).

Весьма похоже на то, что мы вновь сталкиваемся здесь с «предустановленной гармонией» между *создателем мифа* и его *исследователем*, которую мы уже наблюдали (см. с. 302) между *человеком, который говорит*, и *грамматистом*; это значит, что «функционирование» текста еще соседствует с его функцией и переход от второго к первому осуществлен не до конца.

Необходимо извлечь все следствия из того факта, что анализируемый объект в общем случае существует *не по желанию ученого*, и прояснение этого обстоятельства кажется одним из условий существования практики семиологических исследований[7]. Методологические трудности, связанные с формированием корпуса изучаемых текстов и его замкнутостью, обусловлены именно этим; действительно, если объект исследования не задан жестко как элемент процесса исследования, этот объект остается *объектом желания*, из чего вытекают два следствия: во-первых, формирование объекта зависит от того, что́, в сознании исследователя, необходимо туда включить; во-вторых, исследователь делает вид, что имеет дело с природной данностью, и это освобождает его от ответственности.

Проблема, следовательно, заключается в характере подхода к изучаемому объекту, и именно это объединяет те концептуальные ориентиры, о которых мы будем говорить дальше (см. с. 310).

Поясним сказанное на контрпримере: мы только что показали, что исследователь мифа не располагает нормой, позволяющей определить, что́ является предметом исследования, а что́ нет; однако в случае с юридическим или научным текстом этой трудности как будто не возникает, поскольку существуют институты (юридические, экономические и т.д.), с которыми можно соотносить эти тексты. Необходимо, следовательно, подчеркнуть разницу между *анализом документов*, осуществляемым внутри конвенционализованной системы установлений, границы которых в основном совпадают с границами соответствующей области, и анализом, который мы будем называть «неконвенцио-

нальным» и примером которого может служить упомянутый анализ мифа: методологическая конвергенция, вследствие которой ряд приемов автоматического анализа документации используется при «неконвенциональном» анализе, может вызвать некоторое изумление. Действительно, анализ документов по сути своей предполагает, что *классы эквивалентности* будут a priori заданы самой конвенциональной нормой. Говоря об условиях помещения в память информации, необходимой для анализа документов, Ж.-К. Гарден пишет:

«Каково бы ни было принимаемое решение, неизменно необходимым остается установление рассматриваемых отношений, т.е. создание тем или иным способом "классификации", в которой место каждого ключевого слова отражало бы семантические отношения между ним и другими словами (например: "височная доля", часть "головного мозга") или сочетаниями слов (например: "атаксия", одна из форм "расстройства координации движений")» (G a r d i n, G r o s, L e v y 1964, 42).

Отсюда понятна важность того необходимого предварительного условия всякого анализа, на которое ясно указывает Ж. Мунен:

«[Исследователь] устанавливает для каждой разновидности объектов набор символов, показывающих наличие или отсутствие всех *различительных признаков* данного типа описываемых и классифицируемых объектов. Таким образом, интерпретация предваряется технологическим анализом, направленным на исчисление всех различительных признаков, необходимых для описания объектов этого типа, т.е. на создание исчерпывающей модели, в которую будет укладываться описание каждого объекта» (M o u n i n 1963, 114).

Исследователь может упорядочить систему семантических параметров, характеризующих данный объект, только потому, что уже существует *конвенционально заданный* способ говорить об этом объекте: система анализа будет в таком случае иметь тот же теоретический уровень развития, что и нормирующий ее институт, а это позволит определять положение того или иного конкретного смысла по отношению к этой норме: например, работы В. Аккермана (A c k e r m a n n 1956) бесспорно свидетельствуют о возможности измерять постепенное приспособление группы

студентов к научным нормам, внушаемым им через систему образования

В конце этого анализа возникает несколько вопросов, которые мы сформулируем следующим образом.

1) Если считать установленным, что ни одна наука о знаке не может сформироваться, не покинув область *функции* выражения и смысла, чтобы перейти к области их *функционирования, какой тип функционирования* можно приписать рассматриваемому здесь объекту?

2) В чем понятие социального института оказывается значимым для формирования представления об этом объекте?

3) Если понимать под *текстом* всякий организованный языковой объект, подвергаемый анализу, можно ли использовать то же понятие для характеристики объекта, практика анализа которого учитывает ответы на два предыдущих вопроса?

II. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ ТЕОРИИ ДИСКУРСА

А) ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ ИЗ НЕКОТОРЫХ СОССЮРОВСКИХ ПОНЯТИЙ

В «Курсе общей лингвистики», в главе III, можно найти *два определения* языка

Первое определение направлено на выявление собственных свойств определяемого объекта.

«Язык .. это социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, не могущему в одиночку ни создать, ни изменить его» (S a u s s u r e, op. cit., p 31)

Это определение служит противопоставлению языка как понятия, используемого в науке, речи как составляющей речевой деятельности, присущей индивиду, поскольку он может ее создать и изменить.

Второе определение состоит в характеризации объекта через его соотношение с другими объектами того же плана

«...Язык — это социальный институт; но он отличается многими своими чертами от других институтов — политических, юридических и т.д. Чтобы понять его особую природу, необходимо привлечь ряд новых фактов. Язык — это система знаков, выражающих идеи, и в этом плане он срав-

ним с письмом, с азбукой глухонемых, с символическими ритуалами, с формами вежливости, с военными сигналами и т д Он только наиболее важная из этих систем. Можно, следовательно, создать *науку, изучающую жизнь знаков в общественной жизни*, она составила бы отдельную отрасль социальной психологии, а следовательно, и общей психологии, мы будем называть эту науку семиологией» (Saussure, op cit, p 33)

В этом определении Соссюр пользуется двумя оппозициями он противопоставляет *одну* семиотическую систему («наиболее важную» язык) *совокупности* семиотических систем, которые мыслятся как обладающие потенциально равным научным статусом и входящие в область исследования теории означающего Однако с помощью понятия «институт» Соссюр напоминает и еще об одной оппозиции она позволяет ему отделить политические, юридические и т д. конвенциональные системы от группы семиотических конвенциональных систем и раз и навсегда исключить их из рассмотрения в рамках соответствующей теории.

Таким образом, язык мыслится Соссюром как однородный научный объект (принадлежащий к ведомству «семиологии»), специфичность которого базируется на двух отрицательных постулатах:

— исключение *речи* из сферы, доступной для науки о языке;

— исключение *«несемиотических» институтов* из области, релевантной для науки о языке

Рассмотрим теперь подробно следствия, вытекающие из двух приведенных определений.

1. ИМПЛИКАЦИИ ИЗ СОССЮРОВСКОЙ ОППОЗИЦИИ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Эта оппозиция принадлежит послесоссюровской лингвистической традиции·

«Между двумя понятиями — языком и речью — имеет место абсолютная антиномия. Речь — это *действие*, т е. *актуализованное* проявление способности к языковой деятельности. Она предполагает контекст, конкретную и определенную ситуацию. Язык, напротив, *виртуальная* система, которая актуализуется только в речи и речью Тем не менее две эти области взаимозависимы: язык не что иное, как остаток от бесконечного числа речевых актов, а эти последние — лишь применение, использование *средств выраже-*

ния [курсив наш. — *М.П.*], предоставляемых языком. Отсюда следует, что речь есть *индивидуальное* действие или деятельность, четко противопоставленная *общественной* сущности языка» (U l l m a n n 1952, 16).

Этот текст проясняет следствия из *отрицательных постулатов*, выдвинутых Соссюром: даже если это не было его сознательной целью, данная оппозиция способствует триумфальному возвращению говорящего субъекта как *субъективности в действии*, деятельной целостности замыслов, которые реализуются имеющимися в его распоряжении средствами, иными словами, научная лингвистика (имеющая своим объектом язык) как бы высвобождает остаток — философское понятие свободного субъекта, трактуемое как необходимая противоположность, обязательный коррелят системы. Речь как употребление языка предстает некой *дорогой человеческой свободы*; продвинуться вперед по этой странной дороге, которая ведет от фонем к дискурсу, — значит пройти *шаг за шагом* от предопределенности системы к случайности свободы, как о том свидетельствует следующее высказывание Якобсона, нуждающееся, правда, во многих поправках:

«Итак, в правилах сочетаемости лингвистических единиц существует ведущая вверх лестница свободы. В комбинировании различительных признаков фонем свобода отдельного говорящего равна нулю: языковой код уже установил все возможности, которые могут быть реализованы в данном языке. Свобода соположения фонем в словах очень ограничена, она проявляется лишь в маргинальной ситуации словотворчества. В конструировании предложений из слов ограничений, налагаемых на говорящего, уже значительно меньше. Наконец, при создании текста из предложений действие ограничивающих синтаксических правил прекращается, и свобода каждого отдельного говорящего достигает максимума, особенно если он не должен придерживаться множества языковых клише» (J a k o b s o n 1963, 47).

Следовательно, в той мере, в какой язык определяется совокупностью *правил, универсально представленных* в языковом «сообществе», можно понять, что характеризующие его механизмы были первоначально изучены на уровне элементарной парадигматики и синтагматики, без которых невозможна никакая речь, потому что они являются ее необходимыми средствами, т.е. *на нижней ступени лестницы*, во всяком случае, *на субфразовом уровне*. Однако последующее развитие ряда лингвистических направлений (и прежде всего появление порождающих грамматик), как кажется, преодолело этот порог и ведет к созданию *лингвис-*

тической теории предложения, причем в рамках языковой системы в то время как Соссюр полагал, что язык ничего не создаст, работа порождающей грамматики с очевидностью демонстрирует *некое надличностное творчество, заложенное именно в языке*

Следует ли думать, что наука о языке будет постепенно расширять сферу своего влияния вплоть до охвата всей «лестницы» благодаря использованию все более и более мощных методов комбинирования?

Как кажется, здесь имеет место одна принципиальная трудность, связанная с теоретическим кругозором лингвистики, даже в ее современном обличье Суть ее можно выразить так не очевидно, что теоретический объект, дающий возможность осмыслить *речевую деятельность*, является единым и однородным, но переход к рассмотрению явлений, относящихся к «верхним ступеням лестницы», возможно, требует смещения теоретической перспективы, «смены площадки», способствующей привлечению новых понятий, не входящих в обиход современной лингвистики. Проблема «нормальности высказывания», ставшая уже классической, представляет собой, на наш взгляд, характернейшее проявление этой трудности: современные правила работы порождающей грамматики предполагают тип говорящего, который мы бы назвали *нейтрализованным*, т.е. связанным с универсальной нормальностью «прототипических высказываний», в которых позиция классов эквивалентности (например, одушевленный субъект + неодушевленный объект) a priori задана *как неотъемлемое свойство* языка Именно через соотнесенность с этой предполагаемой в языке нормальностью определяется «аномальное высказывание». Этот тезис представляется крайне уязвимым во многих отношениях, что и показывает следующий пример: задаваясь вопросом, относится ли предложение к языку или к речи, Соссюр пишет:

«Надо отнести к языку, а не к речи, все типы регулярно построенных синтагм . то же верно и в отношении предложений и словосочетаний, образованных по регулярным моделям; такие сочетания, как *Земля вращается*, *Что он Вам сказал?* и т.д., соответствуют общим типам, которые в свою очередь имеют языковую поддержку в форме конкретных воспоминаний» (S a u s s u r e, op. cit., p. 173).

Рассмотрим теперь предложение «Земля вращается»: лингвист докоперниковской эпохи, чудесным образом знакомый с порождающими грамматиками и современными ра-

ботами по семантике, несомненно, укажет на несовместимость частей этой фразы и признает ее аномальным высказыванием.

Это значит, что то или иное высказывание не всегда может быть оценено как нормальное или аномальное исключительно путем соотнесения с универсальной *нормой*, приписанной *данному* языку, но что это высказывание должно быть соотнесено со специфическим *речевым механизмом*, сделавшим его возможным и необходимым в данном научном контексте. Другими словами, кажется необходимым поставить под сомнение имплицитно установленное Соссюром тождество между *универсальным* и *надличностным*, продемонстрировав возможность введения уровня, промежуточного между индивидуализированной единичностью и всеобщностью, а именно уровня *отличительных свойств*, определяющего языковые «договоры» в той или иной части системы, т.е. более или менее локально ограниченные наборы норм, не в одинаковой мере способные взаимодействовать друг с другом, ср. следующее высказывание Якобсона:

«Нет никаких сомнений, что для всякого языкового сообщества, для всякого говорящего субъекта существует языковое единство, но этот общий код представляет собой систему взаимодействующих субкодов; любой язык включает множество одновременно существующих систем, каждая из которых характеризуется своей особой функцией» (J a k o b s o n, op. cit., p. 213).

Конечно, понятие «семантического поля» представляет собой шаг именно в этом направлении, поскольку оно отражает семантические ограничения между морфологическими элементами, их соотношение *в данный момент времени* и *в данном пространстве* значений. Однако оно не учитывает синтагматические эффекты, характерные для *речевой* последовательности. Иначе говоря, понятие семантического поля хорошо отвечает одному из двух значений слова «риторика» (а именно пониманию риторики как науки о «выборе слов», их «взаимосвязи» и т.д.), но не отвечает второму (а именно пониманию риторики как науки о «расположении», «порядке и связи идей» и т.д.); употребляя логические термины, можно сказать, что локальная норма, управляющая порождением данного типа текста, связана не только *с природой предикатов, относящихся к подлежащему, но и с трансформациями, которые эти предикаты претерпевают в потоке*

речи и которые способствуют достижению его (своего завершения и своей (коммуникативной) цели

Мы предлагаем называть *процессом порождения* совокупность формальных механизмов, порождающих данный тип текста в данных «обстоятельствах».

Из всего сказанного выше следует, что изучение дискурсного процесса предполагает два направления исследований.

— изучение специфических вариаций (семантических, риторических и прагматических) «неизменяемой основы» языка (т.е., по сути дела, синтаксиса как источника универсальных ограничений), происходящих при порождении заданных единиц. Далее мы уточним используемые при этом понятия и методологические принципы (см. с. 325—326).

— изучение связей между «обстоятельствами» речи, которые мы будем в дальнейшем называть *условиями ее порождения* (см. с. 319), и собственно процессом порождения. Эта область представлена в современной лингвистической теории исследованием роли *контекста* или *ситуации* как особого глубинного уровня текстов, делающего возможным их создание и понимание, именно к этому аспекту проблемы мы хотели бы теперь перейти после критического анализа соссюровского понятия *института*

2. ИМПЛИКАЦИИ ИЗ СОССЮРОВСКОГО ПОНЯТИЯ ИНСТИТУТА

Согласно Соссюру, язык — это один из социальных институтов, из чего следует, что можно указать специфическое отличие, которое позволяет поместить его в ряд других институтов как отдельный вид внутри одного рода: все кажется ясным, коль скоро было уточнено, что это специфическое отличие заключается в *семиотичности* Однако в «Курсе общей лингвистики» речь идет и об отличии другого типа, также касающемся «прочих» институтов; его критическая оценка является для нас чрезвычайно важной.

Действительно, Соссюр пишет

«Все прочие человеческие институты — обычаи, законы и т.д. — в разной степени основаны на естественном порядке вещей; в них имеется необходимое соответствие между используемыми средствами и преследуемыми целями... Язык, напротив, ничем не ограничен в выборе своих средств» (S a u s s u r e, op cit., p 110)

Мы обнаруживаем здесь указание на тот переворот, который мы описали в начале работы и который призван продемонстрировать, что язык не может быть определен через

«необходимое соответствие» (телеологическую гармонию) между целями и средствами; однако, чтобы резче подчеркнуть новизну своих утверждений, Соссюр апеллирует к характерным свойствам других институтов как к *очевидной данности*, иначе говоря, поскольку Соссюр продолжает думать о социальных институтах вообще как о средствах, *приспособленных* к целям, он может выделить уникальный случай языка, для которого не существует средств, предначертанных природой

Разумеется, мы ни в коей мере не хотели бы упрекнуть Соссюра в незнании того, что социологи его времени только начинали понимать; отметим просто, что в «Большой французской энциклопедии» 1901 г Мосс и Фоконне определяли социологию как науку о социальных институтах, уточнив при этом

«Институты — это совокупности полностью установленных действий и понятий, с которыми сталкиваются индивиды и которые в той или иной мере навязываются им» (цит. по. G u r v i t s h 1958, 9)

С этим определением Соссюр мог бы согласиться для характеристики языка, «социального аспекта речевой деятельности»

В самом деле, невозможно отрицать, что одно из наиболее значительных достижений современной социологии состоит именно в умении за *внешней функцией* того или иного социального института распознавать его *внутреннее функционирование*; нормы социального поведения не более понятны для их «исполнителей», чем нормы языка — для говорящего, «объективный смысл их деятельности владеет ими, потому что они его лишены» (B o u r d i e u 1965, 20). Это значит, что с нынешних позиций нам представляется, что Соссюр разделял необходимую для несоциолога иллюзию, будто социальные институты в целом работают на достижение эксплицитно заданных целей[8]

Все это не может не иметь последствий для теории дискурсных процессов

И действительно, возьмем выступление депутата парламента Со строго соссюровской точки зрения, это выступление как таковое относится к сфере *речи*, где проявляется «свобода говорящего», и кроме того, разумеется, как всякая синтаксически правильная последовательность, зависит от *языка* Но это же самое выступление интерпретируется социологией как *часть* некоторого действующего механизма, т е как нечто принадлежащее системе норм, не сугубо ин-

дивидуальных, не общеуниверсальных, но зависящих от политико-идеологической структуры и, следовательно, соотнесенных с некоторым *местом* внутри данной общественной формации

Другими словами, выступление всегда имеет место в соответствии с заданными *условиями порождения* например, принадлежит ли депутат к правящей политической партии или к оппозиции, является ли он представителем той или иной группы, выражающей те или иные интересы, или «одиночкой» и т.д. Хочет он этого или нет, он находится внутри *силового взаимодействия*, существующего между противоборствующими элементами данного политического спектра, то, что он говорит, провозглашает, обещает или доказывает, имеет разный статус в зависимости от занимаемого им места, одно и то же заявление может быть опасным оружием или смешной комедией в зависимости от соотношения между оратором и представляемыми им силами и тем, что он говорит. Выступление может быть прямым политическим действием или пустым жестом, направленным только на то, чтобы «делать вид», — это тоже представляет собой одну из форм политической деятельности Здесь уместно сослаться на понятие «перформативного высказывания», введенное Дж Остином, чтобы подчеркнуть необходимую связь между высказыванием и его местом в *конвенционализованном* экстралингвистическом механизме

Если продолжать анализ политического текста (взятого здесь лишь в качестве примера различных типов дискурсных процессов), можно сделать вывод, что он должен быть помимо всего прочего соотнесен с теми *смысловыми взаимодействиями*, в рамках которых он создавался: так, этот текст отсылает к другому, на который он является прямым или завуалированным ответом, или «оркеструет» его основные положения, или уничтожает его аргументацию. Иначе говоря, речевой процесс, собственно, не имеет начала: дискурс всегда опирается на предшествующий дискурсный материал, играющий для него роль сырья, первичной материи, и оратор знает, что, *упоминая* некоторое событие, уже бывшее сюжетом выступления, он воскрешает в сознании слушателей то выступление, в котором речь шла об этом событии, с «искажениями», вызванными сложившейся на данный момент ситуацией, и может извлечь из этого пользу.

Отсюда следует, что оратор, выступая в этой роли, в каком-то смысле ставит себя на место слушателя: его способность вообразить, почувствовать слушателя часто играет решающую роль, если он умеет в нужный момент предугадать, где этот самый слушатель «его ждет»[9]. Это предвиде-

ние того, *что подумает другой*, кажется основополагающим для всякой речи, с учетом вариаций, ограниченных одновременно возможностями умственной патологии применительно к речевому поведению[10] и формами реакции, которые функционирование того или иного института предписывает слушающему: проповедь и ничего не значащая болтовня о том о сем «функционируют» в этом отношении по-разному. В некоторых случаях слушатель или аудитория могут *блокировать* речь или, наоборот, *поддерживать* ее путем прямого или косвенного, вербального или невербального вмешательства.

Например, депутат в парламенте может быть прерван своим противником, который, располагаясь в другом «месте» (т.е. в других условиях порождения речи), попытается перетянуть оратора на свою сторону, заставить его давать разъяснения по опасной для того теме и т.д. С другой стороны, существует система неязыковых знаков, таких, как (если речь идет о выступлении в парламенте) аплодисменты, смех, шум, свист, «движение в зале», которые дают возможность аудитории косвенно воздействовать на оратора, такое поведение обычно ограничивается *жестами* (действиями уровня символов), но может доходить и до прямого физического воздействия; к сожалению, теория *жеста как символического действия* при нынешнем состоянии теории означающего практически не разработана[11], что порождает множество нерешенных проблем: например, когда «анархисты» бросали бомбы на заседаниях парламента, был ли доминирующим в их поведении символический жест, обозначающий стремление *как можно более резко прервать заседание*, или *попытка физического уничтожения* той или иной политической фигуры, деятельность которой казалась им вредной?

Среди вопросов, которые мы упомянули, многие останутся без ответа. Действительно, наш замысел состоит не в том, чтобы приступить к созданию *социологии* условий порождения речи, а в том, чтобы определить теоретические понятия, позволяющие рассматривать дискурсные процессы в их общем виде: основное наше утверждение состоит в том, что *лингвистические явления сверхфразового уровня действительно могут рассматриваться в плане их функционирования*, но с тем необходимым добавлением, что это *функционирование не является всецело лингвистическим в современном смысле этого слова* и что определить его можно лишь в соотнесении с *механизмом включения в ситуацию* участников и объекта речи, механизмом, который мы назвали «условиями порождения» дискурса.

Мы предполагаем, что заданному состоянию условий порождения отвечает определенная структура процесса порождения дискурса, связанная с данным языком, это значит, что, если условия установлены, совокупность текстов, могущих быть помещенными в эти условия, манифестирует семантико-риторические инварианты, устойчивые для данной совокупности, и характеристики соответствующего процесса порождения. Отсюда следует гипотеза *о невозможности анализа дискурса как текста*, т е. лингвистической последовательности, замкнутой на саму себя, и о необходимости соотнесения ее с *совокупностью дискурсов, возможных* при заданном состоянии условий порождения, что мы и продемонстрируем в дальнейшем.

Таким образом, сначала мы предложим формальную схему, позволяющую приблизиться к операциональному определению *состояния условий порождения* дискурса, а затем опишем теоретический и методологический инструментарий, необходимый для представления *процесса порождения*, отвечающего заданному состоянию.

Б) УСЛОВИЯ ПОРОЖДЕНИЯ ДИСКУРСА

1. СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К УСЛОВИЯМ ПОРОЖДЕНИЯ

При *внешнем* описании языкового поведения в целом (противопоставленном *внутреннему* анализу речевой цепочки) наблюдается конкуренция двух типов моделей

— «реактивная» модель, опирающаяся на психофизические и психологические теории поведения (модель «стимул — ответ» или «стимул — организм — ответ»),

— «информационная» модель, опирающаяся на социологические и психосоциальные теории коммуникации (модель «адресант — сообщение — адресат»).

Первая модель, как кажется, является пока господствующей в современной науке. «...предпочтения большинства, — пишут С. Московичи и М. Плон, — направлены на постижение сущности языка через устройство нервной системы, составляющей его материальную основу, а не через коммуникацию, называемую его функцией. По этой причине мы утверждаем, что теоретический прогресс в психосоциальном аспекте недостаточен и что необходимо изменение нынешних взглядов, с тем чтобы поместить социальную психологию рядом с другими психологическими дисциплинами для постижения языка» (M o s c o v i c i, P l o n 1966. 720).

Рассмотрим приложение модели *S — O — R* к речевой деятельности.

S — (stimulus) — стимул

O — (organisme) — организм

R — (réponse) — ответ

дискурс 1 или дискурсный стимул (S)	→ СУБЪЕКТ → (O)	дискурс 2 или недискурсное поведение (R)

Это представление имеет то неудобство, что исключает позицию производителя (*S*) и адресата (*R*); такое исключение совершенно законно, если стимул имеет *физическую* природу (например, изменение интенсивности освещения), а ответ — *органическую* (например, изменение ЭЭГ); в этом случае исследователь действительно является лишь создателем схемы, функционирующей независимо от него, за исключением используемых в эксперименте артефактов. В опыте, связанном с «речевым поведением», наоборот, экспериментатор является *частью схемы*, независимо от того, *присутствует* ли он физически в условиях порождения ответной реплики или нет; иначе говоря, стимул является таковым лишь в соотнесении с ситуацией «речевой коммуникации», на которой базируется предварительный договор между экспериментатором и его объектом. Цитированные выше авторы пишут на этот счет:

«...точка зрения Скиннера сводится к тому, чтобы при изучении человеческого поведения вообще и языкового поведения в частности исключить из рассмотрения действие правил, норм и т.д., установленных между людьми. Таким способом достигается также уменьшение символической значимости, которую обретает язык через свою связь с этими правилами и ту роль, которую он играет в их установлении и с которой нельзя не считаться» (ibid., p. 718).

Это значит, что модель *S — O — R* «забывает» слишком много в интересующей нас теоретической области, чтобы быть сохраненной в неизменном виде.

«Информационная» модель, напротив, стремится вывести на авансцену участников дискурса, так же как и его «референт». Приводя перечень «факторов, определяющих всякий языковой процесс», Якобсон пишет:

«*Адресант посылает сообщение адресату*. Для своего осуществления сообщение требует прежде всего *контекста*, к которому оно отсылает (в иной, несколько двусмысленной терминологии, называемого также «референтом»), контекста, понятного адресату, либо вербального, либо поддающегося вербализации, далее, сообщение требует *кода*, целиком или хотя бы частично общего для адресанта и адресата (другими словами, для шифровальщика сообщения и его дешифровщика), наконец, сообщение требует *контакта*, физического канала или психологической связи между адресантом и адресатом, контакта, позволяющего установить и поддерживать коммуникацию» (J a k o b s o n, op. cit., p. 213—214).

Таким образом, модель приобретает следующий вид:

$$A \xrightarrow[R]{(L)\;D} B,$$

где соответственно:

A · «адресант»,
B «адресат»,
R «референт»,
L языковой код, общий для A и B,
$\rightarrow$ · «контакт», установленный между A и B,
D · речевая последовательность, переданная A для B.

Отметим, что, применительно к «D», теория информации, лежащая в основе этой модели, требует говорить о *сообщении* как о передаче информации: сказанное выше заставляет нас предпочесть здесь термин *дискурс*, показывающий, что речь не идет обязательно о передаче информации между A и B, но, в более общем случае, о «семантическом эффекте» между пунктами A и B.

Теперь мы можем перечислить различные структурные элементы условий порождения дискурса.

Прежде всего, совершенно ясно, что элементы A и B обозначают нечто иное, чем физическое присутствие отдельных человеческих организмов. Если сказанное нами выше имеет смысл, из этого следует, что A и B обозначают определенные позиции в структуре общественной формации, позиции, совокупность объективно заданных характеристических признаков которых может быть описана социологией: так, например, в сфере промышленного производства позиции «шефа» (директора, главы предприятия и т.д.), руководящего работника, бригадира, рабочего характеризуются вполне определенными свойствами, отличающими их друг от друга.

Наше предположение состоит в том, что эти позиции *представлены* в дискурсных процессах, в которых они задействованы. Тем не менее было бы наивным считать, что *позиция как пучок объективно заданных признаков* функционирует в дискурсном процессе как таковая; она *представлена* там, *но в измененном виде*; другими словами, в дискурсном процессе функционирует ряд воображаемых построений, представляющих позиции, которые *A* и *B* приписывают каждый *себе* и *другому*, — образ своей собственной позиции и позиции другого, созданный ими. Если это действительно так, то в механизмах, регулирующих деятельность любой общественной формации, имеются правила проекции, устанавливающие соответствия между *ситуациями* (объективно определимыми) и *положениями* (представлениями этих ситуаций). Добавим, что такое соответствие, весьма вероятно, не является взаимоднозначным, так что разные ситуации могут соотноситься с одним и тем же положением, а одна и та же ситуация — быть представленной разными положениями, и не случайным образом, а в соответствии с правилами, установить которые даст возможность только социологическое исследование.

Мы же можем только сказать, что всякий дискурсный процесс предполагает существование этих воображаемых построений, которые мы будем изображать следующим образом:

	Символ, обозначающий воображаемое построение	Значение символа	*Имплицитный вопрос, «ответ» на который лежит в основе соответствующего воображаемого построения*
A	$I_A(A)$	Образ позиции *A* для занимающего позицию *A*	«Кто я таков, чтобы ему это говорить?»
	$I_A(B)$	Образ позиции *B* для занимающего позицию *A*	«Кто он таков, что я ему это говорю?»
B	$I_B(B)$	Образ позиции *B* для занимающего позицию *B*	«Кто я таков, что он мне это говорит?»
	$I_B(A)$	Образ позиции *A* для занимающего позицию *B*	«Кто он таков, чтобы мне это говорить?»

Мы бегло очертили способ, с помощью которого положение главных действующих лиц дискурса включается в условия его порождения. Теперь уместно добавить, что «референт» (*R* в вышеприведенной модели, «контекст», «ситуация», в кото-

рой возникает дискурс) также относится к условиям порождения. Подчеркнем еще раз, что речь идет о *воображаемом объекте* (а именно о точке зрения одного из участников), а не о физической реальности.

Таким образом, получаем:

Символ, обозначающий воображаемое построение	*Значение символа*	*Имплицитный вопрос, «ответ» на который лежит в основе соответствующего воображаемого построения*
$A\ I_A(R)$	«Точка зрения» A на R	«О чем я ему это говорю?»
$B\ I_B(R)$	«Точка зрения» B на R	«О чем он мне это говорит?»

Наконец, мы указывали выше (см. с. 317), что всякий дискурсный процесс предполагает со стороны адресанта *предвосхищение представлений адресата*, на котором и базируется дискурсная стратегия.

Итак, можно составить выражения:

$$A \begin{cases} (I_B(A)) \\ I_A(I_B(B)) \\ I_A(I_B(R)) \end{cases} \qquad B \begin{cases} I_B(I_A(B)) \\ I_B(I_A(A)) \\ I_B(I_A(R)), \end{cases}$$

показывающие способ, которым A представляет себе представления B, и наоборот, в данный момент дискурса.

Необходимо отметить, что, поскольку в соответствии с нашей гипотезой речь идет о *предвосхищении*, эти элементы *предшествуют* возможным «ответам» B, формируя основанные на предвосхищении решения A: например, предвосхищения A относительно B должны в таком случае рассматриваться как производные от $I_A(A)$, $I_A(B)$ и $I_A(R)$.

Мы представим этот деривационный процесс при помощи следующих выражений, которые в настоящий момент нужны нам только для того, чтобы эксплицировать наши гипотезы относительно специфической природы этой производности в каждом случае:

$$I_A(I_B(A)) \quad f(I_A(B)) \;.\; (I_A(A))$$
$$I_A(I_B(B)) = g(I_A(A)) \;.\; (I_A(B))$$
$$I_A(I_B(R)) \quad h(I_A(R)) \;.\; (I_A(B))$$

Можно видеть, что в каждом случае предвосхищение B некоторым A зависит от «дистанции», которую A предполагает между A и B: по этому признаку формально противопоставляются дискурсы, в которых целью говорящего является *трансформация слушающего* (например, попытка

убеждения), и дискурсы, в ходе которых происходит *взаимная идентификация говорящего* и *слушающего* (феномен культурной сопричастности, быстрый взгляд, выражающий согласие, и т.д.).

Из вышесказанного следует, что *n*-е состояние условий порождения дискурса D_X, в ходе которого *A* обращается к *B* по поводу *R*, — мы будем обозначать его через $\Gamma_x^n(A, B)$ — может быть представлено следующим вектором[12]:

$$\Gamma_x^n(A, B) = \begin{Bmatrix} I_A^n(A) \\ I_A^n(B) \\ I_A^n(R) \\ I_A^n(I_B^n(A)) \\ I_A^n(I_B^n(B)) \\ I_A^n(I_B^n(R)) \end{Bmatrix}$$

Это требует нескольких пояснений.

Прежде всего, относительно *природы* элементов, входящих в данный вектор. Как уже указывалось, речь идет о *воображаемых представлениях* различных составных частей дискурсного процесса; теперь мы уточним наши гипотезы на этот счет, добавив, что разные построения сами являются результатом предшествующих дискурсных процессов (реализовавшихся в других условиях порождения), переставших функционировать, но способствовавших имплицитному «занятию позиций», делающих возможным рассматриваемый дискурсный процесс. В противоположность «феноменологическому» тезису, утверждающему *постижение* референта, другого и себя самого *через восприятие* как *додискурсное условие дискурса*, мы предполагаем, что восприятие всегда перебивается «уже услышанным» и «уже сказанным», и этим взаимодействием определяется суть вышеописанных воображаемых построений. Понятия *пресуппозиции* и *импликации*, введенные и использованные О. Дюкро (см., D u c r o t 1966), связаны с аналогичной гипотезой: по поводу ситуации, которая, как пишет этот автор, «не может больше рассматриваться в чисто хронологическом или чисто географическом аспекте, т.е. с точки зрения пространственно-временной локализации», он указывает: «“Ситуация дискурса”, к которой отсылают пресуппозиции, включает в качестве неотъемлемого компонента определенные знания, которые говорящий передает своему слушателю. Следовательно, она связана с представлением, которое участники диалога формируют друг о друге» (op. cit., p. 20—21).

С другой стороны, ясно, что в данном состоянии условий порождения дискурса элементы, определяющие это состояние, не просто соположены между ними существуют отношения, способные меняться в соответствии с природой представленных элементов, можно утверждать, что все элементы I_x^n не обязательно имеют одинаковую значимость и, согласно системе правил, которую еще предстоит установить, один из них может становиться доминирующим в данном состоянии условий I_x^n предстает в этом случае как жестко детерминированная последовательность, возможно векторного типа, одни члены которой обладают свойством определять природу, значимость и место других

Итак, рассмотрим, например, совокупность дискурсов, объединенных тем единственным свойством, что в них рассматривается проблема «свободы» в зависимости от того, идет ли речь о преподавателе философии, обращающемся к своим ученикам, о директоре тюрьмы, объясняющем заключенным правила их содержания, или о терапевте, разговаривающем со своим пациентом, мы наблюдаем *смещение доминирующего элемента* в условиях порождения дискурса Пусть *A* — говорящий, а *B* — слушающий в монологе терапевта, как он рассматривается в классической психиатрии, темой дискурса является образ пациента, имеющийся у него, т.е $I_B(B)$, в процессе обучения в этой роли выступает представление, создающееся у учеников о предмете, излагаемом преподавателем, т.е. $I_B(I_A(R))$ в его соотношении с $I_A(R)$; наконец, в случае с выступлением директора тюрьмы все обусловлено тем образом, который сложится у заключенных об излагающем правила на основании его речи, т е $I_B(A)$, поскольку одним необходимо знать, «на что с ним можно рассчитывать», а другому — дать им это понять

С учетом всего этого предметом социологии дискурса должно стать установление связей между *силовыми взаимодействиями* (внешними по отношению к ситуации дискурса) и *смысловыми взаимодействиями*, проявляющимися в ней путем систематического выявления случаев *изменения доминации*, о которых мы только что говорили

B) К АНАЛИЗУ ПРОЦЕССА ПОРОЖДЕНИЯ ДИСКУРСА

«Классическая структурная лингвистика, — пишет Цв Тодоров, — представляла себе характер своей деятельности примерно так: существует корпус языковых фактов; необходимо установить те понятия и отношения, которые позволи-

ли бы описать его непротиворечиво, исчерпывающе и просто. Теория порождающих грамматик меняет характер этого соотношения, она задается вопросом какие лингвистические правила используются сознательно или бессознательно для порождения правильных высказываний данного языка? Анализ уступает место синтезу, вместо системы элементов мы имеем теперь дело с системой правил» (Todorov 1966, 24)

Предположим, что результаты этой *«коперниканской» революции*, организующей весь язык вокруг говорящего субъекта, непосредственно приложимы в теории дискурса это означало бы, что ее основная цель состоит в создании системы правил, позволяющих порождать *дискурс*, и что можно без малейшего ущерба отказаться от анализа *эффектов поверхностного уровня дискурсной последовательности*, который превратился бы в отжившую *«птолемианскую»* деятельность Однако наша гипотеза, как можно было видеть, состоит в том, что такой перенос результатов, касающихся «субъекта говорения» (*нейтрализованного* по отношению к условиям порождения дискурса), на гипотетического «субъекта дискурса» незаконен действительно, из сказанного выше вытекает предположение, что не существует *универсального психологического субъекта*, осуществляющего процесс порождения всех возможных дискурсов в том же смысле, в каком субъект, вводимый порождающей грамматикой, способен породить все грамматически правильные высказывания данного языка. Другими словами, мы думаем, что *методологическая преемственность*, часто предполагаемая в этой области, кажется сейчас весьма подозрительной, поскольку при переходе от языкового субъекта к субъекту дискурса она влечет существование правил *выбора*, функционирующих на уровне «словаря терминальных символов», каковые правила в действительности возвращают к *анализу* морфологических элементов по *семантическим признакам*, крайняя проблематичность существования которых обычно признается всеми Это значит, что в конечном счете *здесь не удается избежать поворота к анализу*, который, однако, как правило, остается имплицитным и несистематическим Действительно, в целом он основывается на *атомарной концепции значения*, так что лексемы или морфемы произвольно анализируются как множества, разложимые на существующие сами по себе «семы»[13], а сочетаемостные свойства сводятся к правилам совместимости сем друг с другом, также устанавливаемым совершенно произвольно[14] С другой стороны, кажется, что в этой области

принцип «не элементы, но отношения и правила» оказался совершенно забыт

В таких условиях и поскольку, кроме того, возвращение к анализу кажется теперь неизбежным, мы считаем предпочтительным эксплицитно изложить его принципы будем говорить, что ряд *поверхностных* дискурсных структур $\mathcal{D}_{x1}$ представляет собой *след* процесса порождения Δ_x дискурса $\mathcal{D}_x$, т е «глубинной структуры», общей для $\mathcal{D}_{x1}$, Δ, $\mathcal{D}_{xn}$ Наша задача состоит, следовательно, в переходе от этих «явлений поверхностного уровня» к определяющей их невидимой структуре лишь после этого общая теория процесса порождения дискурса станет *осуществимой*, так же как и *теория вариативности, обусловленной «глубинными структурами»*.

1. МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ

Рассмотрим следующую проблему

Пусть имеются две единицы, *x* и *y*, принадлежащие к одной и той же грамматической категории в данном языке $\mathcal{L}$ Существует ли по крайней мере один дискурс, в рамках которого *x* и *y* могут замещать друг друга без изменения интерпретации этого дискурса?

Обозначим через $S(x,y)$ операцию замещения, учитывающую указанное ограничение, и через $\mathcal{D}_n$ последовательность элементов, порожденных Δ_n в языке $\mathcal{L}$, отвечающую состоянию Γ_n из множества возможных состояний.

Логически возможны три случая, а именно

$$1)\ \sim \exists\, \mathcal{D}_n, S_{(x,y)}$$

x и *y* никогда не взаимозаменимы.

$$2)\ \exists\, \mathcal{D}_n, S_{(x,y)} \text{ и } \sim \forall \mathcal{D}_n, S_{(x,y)}$$

x и *y* иногда взаимозаменимы, но не всегда

$$3)\ \forall\, \mathcal{D}_n, S_{(x,y)}$$

x и *y* всегда взаимозаменимы

Рассмотрим случаи 2) и 3), где замещение возможно· 2) представляет случай, когда *x* и *y* взаимозаменимы в некотором данном контексте

Например *x* = brillant ‘блестящий‘
y = remarquable ‘замечательный‘,
x и *y* взаимозаменимы в некоторых контекстах.

Например. ce mathématicien est (x / y) 'это (x y) математик'

или: la démonstration de ce mathématicien est (x / y) 'доказательство этого математика поистине (x / y)'.

Но существуют и другие контексты, в которых x и y не взаимозаменимы.

Например *блестящий* на солнце лед удивительно красив

или эта кривая содержит *замечательную* точку

В случае 3), напротив, x и y взаимозаменимы, *каков бы ни был контекст*; мы предлагаем в качестве примера:

x = réfréner 'сдерживать'

y = réprimer 'обуздывать' —

пару, применительно к которой существование контекста, препятствующего замещению, представляется проблематичным. Отметим, однако, что отнесение пары réfréner / réprimer к случаю 3), чтобы быть полностью надежным, должно опираться на исследование всех без исключения дискурсных контекстов, возможных в данном языке. Иначе говоря, если пара x / y относится к случаю 2), это можно установить *за конечное время*, что не верно для случая 3)

Мы будем называть случай 2) *локальной*, или *контекстно обусловленной, синонимией*, противопоставляя его случаю 3), который мы будем называть *неконтекстной синонимией*

Ясно, что при наличии конечной совокупности дискурсов, соответствующих одному и тому же Γ_n, мы должны из осторожности считать, что все случаи синонимии контекстно обусловлены, до тех пор, пока, возможно, не обнаружится, что некоторые из них сохраняются при всех *исследованных* вариациях Γ: неконтекстная синонимия будет тогда представлена как предел, к которому стремится синонимия контекстно обусловленная по мере ее верификации все более и более многочисленными условиями порождения, что отсылает нас к проблеме непустых *семантических пересечений* Мы, со своей стороны, выдвигаем гипотезу, что, если опираться на соссюровскую теорию значимости, контекстно обусловленная синонимия представляет собой правило, а неконтекстная — исключение:

«В любом языке все слова, выражающие смежные понятия, взаимно ограничивают друг друга, такие синонимы, как *опасаться, бояться, страшиться*, обладают собственной значимостью лишь в противопоставлении, если бы *опасаться* не существовало, все его значение перешло бы к его конкурентам» (S a u s s u r e 1962, 160).

Заметим, что в действительности можно рассматривать случаи контекстной синонимии между двумя группами слов

или выражений, производящих один и тот же эффект значения по отношению к данному контексту. Мы будем называть семантический феномен, вызываемый контекстно обусловленным замещением, *метафорическим эффектом*, чтобы подчеркнуть, что это «скольжение смысла» между x и y есть составная часть выражаемого ими «смысла», этот эффект свойствен «естественноязыковым» системам и отличает их от кодов и «искусственных языков», где смысл строго задан через соотнесенность с «естественным» метаязыком; иначе говоря, «естественная» система не содержит метаязыка, посредством которого могли бы быть определены ее элементы: она сама для себя метаязык.

Отсюда следует, что совершенно необходимо располагать рядом последовательностей, представляющих заданное Γx, чтобы обозначить *точки семантической устойчивости*, которые определяются через совпадение метафор.

Поясним сказанное на примере, *практическая неправдоподобность* которого не должна заслонять его теоретической значимости.

Пусть дано некоторое состояние Γx и корпус дискурсов, $\mathcal{T}$, строго представляющих это состояние, так что $\Gamma x = \mathcal{D}_{x1}$, $\mathcal{D}_{x2}, \ldots, \mathcal{D}_{xn}$.

Обозначим буквой каждое из слов, составляющих рассматриваемые дискурсы (разным словам соответствуют разные буквы, и наоборот).

Пусть разные n дискурсов имеют следующий вид:

$\mathcal{D}_{x1}$	a	g	d	b	h	y
	/					
$\mathcal{D}_{x2}$	j	g	d	b	h	y
		/				
$\mathcal{D}_{x3}$	j	k	d	b	h	y
			/			
$\mathcal{D}_{x4}$	j	k	m	b	h	y
				/		
$\mathcal{D}_{x5}$	j	k	m	x	h	y
					/	
$\mathcal{D}_{x6}$	j	k	m	x	w	y
.						
.						
.						
$\mathcal{D}_{xn-1}$	j	k	m	x	w	y
						/
$\mathcal{D}_{xn}$	j	k	m	x	w	z

Можно видеть, что каждый дискурс $\mathcal{D}_{xi}$ отличается от предшествующего ему дискурса $\mathcal{D}_{x(i-1)}$ *одним-единствен-*

ным замещением при полном сохранении всего контекста. Таким образом, имеет место серия *метафорических эффектов* (a/l, g/k, d/m и т.д.), назначение которых состоит в том, чтобы поддерживать семантическую устойчивость через поверхностную вариативность текста, поскольку в конце концов D_{xn} оказывается уже не содержащим *ни одного* элемента D_{x1} и тем не менее по определению ему семантически тождествен.

Этот пример, чисто условный и к тому же совершенно невозможный, приведен здесь с единственной целью — продемонстрировать, что́ мы понимаем под сохранением инварианта через морфологическую вариативность: одна и та же система представления элементов восстанавливается через более или менее повторяющие ее *варианты*. Именно это повторение, осуществляющееся через формы, с необходимостью различающиеся, и характеризует, на наш взгляд, процесс порождения; таким образом, «глубинная структура» предстает как цепочка взаимосвязанных элементов, устанавливающая и поддерживающая саму себя через метафорические эффекты, позволяющие порождать почти бесконечное количество «поверхностных представлений», ограничивая их лишь пределами функционирования, за рамками которых «глубинная структура» оказалась бы разорванной[15].

В такой ситуации взаимное сопоставление варьирующих форм поверхностного уровня позволяет, увеличивая представленность дискурса в нем самом, эксплицировать инвариантную структуру процесса порождения для данного состояния, структуру, характерным признаком которой и являются эти вариации.

Покажем теперь, каким образом это сопоставление может быть эффективно осуществлено. [...]

Мы думаем, что описание этого явления [«бесконечного порождения», «безграничной вариативности», составляющей отличительную особенность речи[16]] возможно без отказа от наших теоретических предпосылок, базирующихся на *детерминированности* дискурсного процесса условиями порождения и отказе от идеологемы «бесконечного порождения». Применительно к этому положению мы введем понятие *доминантности*, уточнив, что всякая ситуация порождения дискурса может быть охарактеризована через *доминирующий процесс порождения* Δx, который она индуцирует, но что *конкретные дискурсные последовательности*, манифестирующие Δx, с необходимостью являются результатом взаимодействия доминирующего процесса с *вторичными процессами*, а именно их переплетение создает видимость неясности, совершенной невозможности что-либо предви-

деть заранее ввиду нашей сохраняющейся и поныне полной неосведомленности во всех вопросах, касающихся механизмов этого взаимодействия.

Теперь мы можем более корректно сформулировать нашу нынешнюю цель, сказав: если дано доминирующее состояние условий порождения дискурса, ему соответствует доминирующий процесс порождения, который может быть выявлен путем сопоставления различных эмпирически данных дискурсных поверхностных структур, определяющихся доминирующим состоянием, точки совпадения, устанавливаемые метафорическими эффектами, позволяют, таким образом, выявить *семантические области*, детерминированные доминирующим процессом порождения, а также *отношения логико-риторической зависимости* между этими областями, причем остаток эмпирически представленного дискурсного материала оказывается вне сферы, релевантной для доминирующего процесса.

Повторим еще раз: сказанное предполагает, что *дискурс* как текстовая реальность *не представляет собой органического единства на каком-то одном уровне*, которое можно было бы установить, исходя из самого этого дискурса, но что всякая отдельная форма дискурса с необходимостью отсылает к ряду его возможных форм и что эти отсылки от поверхностной структуры каждого дискурса к поверхностным структурам, которые с ней (частично) сополагаются в ходе анализа, как раз и устанавливают *релевантные признаки* доминирующего процесса порождения, управляющего анализируемым дискурсом.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА

Представленный нами проект во многих отношениях неполон.

Действительно, с одной стороны, мы возложили на социологию ответственность за детальное определение признаков, специфически характерных для того или иного условия порождения дискурса в связи с *речевой ситуацией* и *положением* главных действующих лиц дискурса в данной социальной структуре; с другой стороны, мы оставили пока в стороне вопрос о *немонологических дискурсах*, в той мере, в какой решение этой проблемы оказалось зависящим от трактовки частного случая, которым мы здесь ограничи-

лись; равным образом мы многократно подчеркивали, что разработка *правил записи* поверхностной структуры дискурса требовала бы *лингвистической работы*, представленной здесь лишь в виде наброска; наконец, совершенно ясно, что *программа анализа*, в том виде, в каком она была нами представлена в целях ясности изложения, содержит значительное число повторов, которые должны быть устранены в ее окончательной редакции: здесь, чтобы определить минимальный набор алгоритмов, позволяющий эффективно осуществлять анализ, мы хотели бы обратиться к помощи математика.

С другой стороны, и это непосредственно касается нашей дальнейшей деятельности, мы уверены в существовании определенного количества трудностей, которые еще предстоит преодолеть: например, современный механизм анализа рассматривает *поэлементную эквивалентность* между двумя дискурсными поверхностными структурами, в той мере, в какой он сравнивает друг с другом два параллельно организованных высказывания; но если признавать возможность *глобальной семантической эквивалентности*, соотносящейся с разными деревьями зависимостей после трансформаций поверхностного уровня, видно, что эта проблема абсолютно не решена. Отметим только, что кажется возможным говорить о повторном применении результатов анализа к исходным поверхностным дискурсным структурам и о новом сопоставлении последовательностей в целом, исходя из этого нового состояния, так мы приходим к понятию рекурсивного процесса, состоящего из *циклов анализа*, таких, что результаты, полученные на «выходе» *n*-го цикла, подавались бы на «вход» (*n*+1)-го.

Рассматривая нынешний результат программы анализа, можно видеть, что доминирующий процесс порождения Δx представлен совокупностью «областей», между которыми имеются различного типа связи: мы думаем, что возможно также представление каждой области через одну или несколько *пропозиций* (в *логическом* значении этого термина) вида $g(x)$ или $m(x,y)$ в зависимости от того, какой случай имеет место, и индуктивно определить трансформации, с которыми соотнесены предикаты пропозициональных переменных, входящих в данный процесс порождения. Таким способом мы вывели бы логические правила, определяющие *семантические связи* и *их трансформацию*, т.е. *семантический эффект, производимый* Δx. В этом случае мы располагали бы инструментом, позволяющим различать разные типы процессов (например, структура *рассказа* отличается от структуры *доказательства*) и оперировать *теоретичес-*

кими фактами, могущими быть интегрированными в теорию дискурса как общую теорию порождения эффектов значения[17]

Замысел этого исследования состоит в конечном счете в осмыслении условий практики *чтения* как последовательного раскрытия характерных признаков эффектов значения внутри дискурсной поверхностной структуры. Прежде чем бегло перечислить возможные области применения такой практики, важно уточнить последний пункт, имеющий для нас принципиальное значение речь идет о том *принципе* этого чтения, который можно было бы назвать «принципом двойного различия» В этой работе мы показали, как осуществляемое по определенным правилам сопоставление дискурсных поверхностных структур, восходящих к одному и тому же состоянию условий порождения Γ_x, позволяет выявить *внутренние различия*, через которые проявляет себя *инвариант дискурса x*, который мы назвали процессом порождения Δ_x Таким путем мы получили представление о семантических эффектах, *присутствующих* в Δ_x Но то, что мы говорили ранее об «имплицитных дискурсах», к которым отсылает данная дискурсная поверхностная структура, заставляет нас думать, что *внешние различия между* Δ_x и одним или несколькими другими процессами, Δ_y, Δ_z, составляющими специфический внешний контекст Δ_x, тоже должны быть приняты во внимание. Другими словами, мы полагаем, что некоторый процесс Δ_x характеризуется не только реализованными в нем семантическими эффектами, *тем, что говорится в дискурсе x*, но и *отсутствием определенного количества эффектов*, которые представлены «в другом месте», а именно *в специфическом внешнем контексте* Δ_x. Из этого следует, что нельзя определить отсутствие того или иного семантического эффекта иначе, чем *специфическое отсутствие того, что представлено в другом месте*: «несказанное», имплицитно характеризующее Δ_x, представлено искривлением, возникающим из-за сопоставления Δ_x с Δ_y, Δ_z, ..., которые, следовательно, становятся *подлинной причиной отсутствия чего-либо* в Δ_x. Например, «ошибки» и «упущения», присущие научному дискурсу в некотором его состоянии, видны лишь в сопоставлении с дискурсом, сменившим и исправившим его.

Точно так же стилистическая фигура существует лишь в соотнесении с имплицитно представленным дискурсным

процессом, который характеризует создателя текста и на который опирается слушающий.

Способы применения практики анализа дискурса в разных сферах исследований порождают множество специфических проблем, преодоление которых не будет предметом нашего рассмотрения. Как и в других случаях, мы ограничимся указанием нескольких направлений в качестве примера.

ОБЛАСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В той мере, в какой социология ставит себе задачу изучения *связи между силовыми взаимодействиями и взаимодействиями смысла, присущими данной социальной структуре*, она рассматривает субъекта социологического дискурса как представителя этой связи между *его ситуацией* (социально-экономической) и *его положением* (идеологическим) в структуре. Все, что говорит субъект, должно быть соотнесено с тем, в каких условиях он это говорит: важно не столько «содержание» интервью, которое руководитель предприятия даст социологу, сколько сопоставление того, что́ он при этом говорит, *с тем, что́ он говорит и делает в других случаях*, т.е. с другими дискурсными ролями, эффекты которых могут проявляться в других ситуациях, ПЛЮС описание формы деятельности данного субъекта как представляющей определенную позицию в ряду аналогичных форм при помощи научного социологического дискурса.

Другими словами, применение «принципа двойного различия» даст возможность определить одновременно и доминирующий дискурсный процесс Δx, и таящиеся в нем лакуны через соотношение с другими процессами, отвечающими другим условиям порождения.

Целый ряд проблем — «культурного имплицитного», эксплицитных и имплицитных форм согласия и дифференциации, феномена предопределенности ответа формой заданного вопроса — мог бы получить освещение в этом ракурсе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] То есть, согласно Соссюру, филологией, в той мере, в какой она хочет прежде всего «нормализовать, интерпретировать, комментировать тексты» (S a u s s u r e 1962, 13).

2 Закон Эступа—Ципфа—Мандельброта [в русскоязычной литературе употребляется обычно название «закон Ципфа» — *Прим. перев.*]

3 Отметим, что методика анализа совместной встречаемости (contingency analysis) позволяет установить один специфический тип отношений между единицами (а именно их одновременное присутствие в одной и той же части текста) (de S o l a - P o o l 1959, 61 sq.).

4 В зависимости от того, достигнуто ли согласие путем коллективного обсуждения или методом анонимного опроса.

5 Переход от ремесленничества к промышленному производству ничего принципиально не меняет. методика «Дженерал Инкуайрер» (S t o n e, D u n p h y, S m i t h, O l g i v i e 1966) состоит в обнаружении в корпусе текстов случаев употребления слов и фраз, соответствующих категориям, заранее заданным в распознающей программе. Конечно, существует множество программ, из которых исследователь *выбирает* соответствующую его задачам, — т.е., как правило, в соответствии с теоретическими презумпциями, управляющими его чтением.

6 Точнее, либо на ее собственные понятия (например, на оппозицию парадигма / синтагма), либо на ее инструментарий (например, на порождающие или трансформационные грамматики).

7 Отношения между психоаналитиком и пациентом составляют в этом смысле исключение в той мере, в какой «анализируемый объект» существует не только сам по себе, но *также* для исследователя и по его желанию.

8 Следы противопоставления внешней функции и глубинного функционирования можно найти в работе: R K. M e r t o n. *Social Theory and Social Structure*

9 Робер Паже (P a g è s 1955) отмечает, что адресант «поправляет себя» в речи с помощью пресуппозиций, рассчитанных на «более или менее определенную публику». В некоторых случаях, добавляет он, адресант имеет информацию об отклике, который вызвали у слушателей его предыдущие выступления, и в той или иной мере модифицирует свои пресуппозиции.

10 См. на этот счет прежде всего работу I r i g u a r a y 1967, 84 sq.

11 Отметим, однако, что в недавнем номере, посвященном «жестовым обрядам и языкам» (L a n g a g e s, № 10, июнь 1968), наметился синтез ряда положений этой теории.

12 Отметим, что существует определенное количество риторических свойств (синтаксических и семантических), способных эксплицитно отсылать к тому или иному элементу или составной части, например:

$I^n_A(I^n_B(A))$ «Вы подумаете, что я нескромен».

$I^n_A(I^n_B(R))$: «“Какая странная вещь”, — скажете вы..»

Это не значит, однако, что всякий фрагмент дискурсной последовательности может быть однозначно соотнесен с определенной составной частью I^n_x

С другой стороны, мы оставляем сейчас в стороне вопрос о том, имеют ли значение для рассматриваемой проблемы выражения более высокого порядка.

13 Эту операцию часто называют «компонентным анализом»

14 Необходимо отметить, что в этом аспекте сам Хомский остается гораздо более сдержанным и осторожным, чем множество теоретиков, вдохновляющихся его идеей. С другой стороны, всегда имеется возможность создания нетаксономической семантики.

15 Слово «поверхность», введенное Хомским (поверхностная структура / глубинная структура), здесь должно пониматься в его исходном топологическом смысле, а именно: поверхность как сопоположение дискурсных последовательностей I_x, ..., I_{xn}. Таким образом, речь идет не столько о том, чтобы соотнести последовательность символов с глубинными операциями, следом которых она бы являлась, сколько о том, чтобы соотнести каждую дискурсную последовательность с совокупностью других последовательностей, ей параллельных, для данного состояния условий порождения. Глубинная структура, следовательно, будет находиться не под поверхностью, а в соотношении, которое каждая поверхность (в смысле Хомского) имеет со всеми своими вариациями, внутри поверхности (в указанном нами «топологическом» смысле).

16 Мы заимствуем эти термины у Э. Бенвениста, который таким способом прямо соотносит дискурс с речью (B e n v e n i s t e 1966).

17 Мы подчеркиваем еще раз, что теория дискурса никоим образом не может заменить ни теорию идеологии, ни теорию бессознательного, но может частично охватывать поле деятельности этих теорий.

РУССКИЙ ЯЗЫК И СОВЕТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: АНАЛИЗ НОМИНАЛИЗАЦИЙ*

Одна из постоянных задач французской школы анализа дискурса (А.Д.) заключалась, по нашему мнению, в подчеркивании того факта, что относительная автономия языка является *базой* дискурсных процессов и необходимым условием того, чтобы при определенных условиях производства и толкования мог возникнуть некий смысл (см. работы П. Анри, М. Пешё).

Продолжая работать в данном направлении, мы попытались сопоставить данную проблематику с новым материалом, а именно: советским политическим дискурсом на русском языке. От подобного сопоставления мы ожидали получить данные, релевантные для отношения А.Д. к лингвистике. Учитывая, что «присутствие» языка в дискурсе весьма значительно, мы попытались исследовать «то, что происходит в грамматике и за ее пределами, на дискурсной окраине языка» (P ê c h e u x 1981, 7)

Думается, что проверка процедур А.Д. на фактах только одного языка (в данном случае французского — родного языка исследователей) может привести к неконтролируемым артефактам: ср. главным образом исследования в области детерминации, основанные на определенном / неопределенном артиклях, анализ составляющих в оппозиции: именные синтагмы (ИС) и предложные синтагмы (ПС) или исследования обоих типов относительных придаточных предложений. Если исследовать все это в корпусе на фактах русского языка, то результаты *неизбежно* будут иными

Нам бы хотелось показать, что политический текст, переведенный на другой язык, не может не потерять частично свою эффективность, связанную с тем языком, который

Patrick S é r i o t. Langue russe et discours politique soviétique: analyse des nominalisations. — *Langages*. 1986. № 81, p. 11 – 41.

* Данная статья продолжает и частично подводит итоги работы S é r i o t 1985. — *Прим. авт.*

служит данному тексту опорой в формах, которые еще надлежит установить. Для этого необходимо определить, что именно переводится с русского языка на французский — явление языка или явление дискурса — и что теряется в результате того парафразирования особого рода, каким является перевод.

Благодаря этому можно будет учесть некоторые особенности того, как во Франции *читают* советский политический дискурс. А.Д. позволит нам провести исследование эксплицитных и имплицитных операций, задействованных в практике восприятия и узнавания (операций по *восстановлению* смысла, включая все возможные и необходимые выборы, сужения и смещения).

Материалом нашего исследования послужили два сопоставляемых текста: последний отчетный доклад Н.С. Хрущева на XXII съезде КПСС (17 октября 1961 г.) и первый доклад Л.И. Брежнева на XXIII съезде (29 марта 1966 г.).

Подобный выбор объясняется двумя причинами: во-первых, сопоставляемые тексты отражают поворотные моменты в политической жизни страны в течение короткого исторического периода, во-вторых, оба текста относятся к разряду аргументативных, т.е. таких, где специфичные текстовые моменты, внешние для данного текста (un extérieur spécifique au texte)[1], играют намного более заметную роль, чем, например, в таком литературном произведении кодифицированного характера, как сказка, где содержится абсолютный зачин[2].

Мы пытались посредством данного массива текстов определить, как прослеживается отношение текста к интердискурсу через формы иностранного языка. Таким образом, в основе данной статьи лежит исследование синтаксических отношений в конкретном А.Д. (об историческом и политическом аспектах анализируемого материала см.: S é r i o t 1985, гл. II).

ЧАСТЬ 1. ПОИСК СЛЕДОВ ПРЕДИКАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИМЕННЫХ СИНТАГМАХ

А. ВЫДЕЛЕНИЕ НОМИНАЛИЗАЦИЙ

1. «АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ЯЗЫКА»: ПОДСЧЕТ ФОРМ ИЛИ ПОДСЧЕТ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ?

Вначале компьютер использовался нами в лексико-статистических целях: мы подсчитывали частотность языковых фактов в обоих текстах. К моменту начала работы мы

не располагали какой бы то ни было морфосинтаксической автоматической индексацией форм русского языка. Ввиду этого программа лексического подсчета, предназначавшаяся для французского языка, реализовывалась нами не на леммах, а на формах («последовательностях буквенных символов между двумя пробелами», реализуемых в речевой цепи)

Такой способ подсчета, вполне подходящий для языков аналитического типа, в том числе французского, может привести к неожиданным и своеобразным результатам в отношении русского языка, принадлежащего к языкам синтетическим, где многочисленные синтаксические отношения формально реализуются с помощью *флексий*. Эта на первый взгляд «техническая» деталь дала пищу для размышлений относительно ИС в данном корпусе и их распределяемости на оси язык / дискурс

Действительно, после того как нам удалось перегруппировать формы и тем самым восстановить леммы[3], оказалось возможным установить некоторые константы в распределяемости различных форм одной и той же леммы.

Одна из таких констант состоит в чрезвычайно высокой частотности родительного падежа среди существительных и прилагательных. Место, занимаемое родительным падежом в наших текстах по отношению к другим падежам, является более важным, чем в таблицах средней частотности по языку: примерно 43% к 30%. Создается впечатление, что работы по лексической статистике на материале русского языка не ставили целью выяснить, является ли такая частотность родительного падежа фактом языка или фактом дискурса.

Почему, например, в речи Н. Хрущева (в дальнейшем «НХ») слово «коммунизм» из 60 случаев в 39 встречается в родительном падеже и только один раз в именительном (частотность родительного падежа: 65% против 36% для того же слова согласно таблицам средней частотности)? Или же почему, например, в докладе Л. Брежнева (в дальнейшем «ЛБ») невозможно найти слово «строительство» в именительном падеже, в то время как оно встречается 16 раз в родительном (частотность — 66% против 34% в таблицах)? Ввиду того что данное явление имеет тенденцию к повторению в большинстве существительных, мы попытаемся объяснить синтаксические причины такого употребления родительного падежа.

Компьютерные подсчеты позволили нам подтвердить интуитивное впечатление, возникшее при прочтении текста: синтагмы с $С^{род}$ (существительными в родительном падеже) составляют большинство именных синтагм:

Например: «*Рост производства*».

Эти ИС ($С_1С_2^{род}$) могут представлять собой рекурсивные структуры, и тогда мы имеем эффект «каскада» именных дополнений:

ЛБ346-05[4]: «*В этом многообразие и сложность работы первичных организаций и большого отряда активистов нашей партии секретарей первичных партийных организаций и партгрупоргов*».

Из десяти существительных два — в именительном падеже, а остальные восемь представляют собой $С^{род}$ — именное дополнение.

Очевиден также еще один факт: «вершина» ИС ($С_1С_2^{род}$), в сущности, состоит из номинализации: ИС типа «экономика нашей страны» встречается намного реже, чем ИС типа «развитие демократии». Приводимый ниже пример даст представление о такой высокой частотности номинализаций:

ЛБ313-09: «*Главным источником роста производительности труда должно быть повышение технического уровня производства на основе развития и внедрения новой техники и прогрессивных технологических процессов, широкого применения комплексной механизации и автоматизации, а также углубление специализации и улучшение производственного кооперирования предприятий*».

Наш интерес к номинализации (в дальнейшем Нмз), конечно же, не был обусловлен только простой синтаксической аномалией. Мы считаем, что это явление имеет какое-то (а какое именно — предстоит уточнить) отношение к анализу дискурса.

2. НОМИНАЛИЗАЦИЯ И «ДРУГОЕ» ТЕКСТА

Наша гипотеза состоит в том, что высокая частотность Нмз в исследуемых текстах является показателем особого типа отношений, связывающих текст как конечный замкнутый продукт с условиями его производства, с внешней, специфической для него средой.

Действительно, основная идея, вытекающая из большинства лингвистических теорий Нмз, заключается в том,

что Нмз «представляет», «является трансформированной формой» или просто имеет некоторое отношение к *чему-то другому, нежели она сама.* Значит, Нмз не есть нечто *начальное, первичное,* но *продукт, результат* определенных операций, осуществленных «до» материальной реализации текста.

Так, в тексте есть существительные, отличающиеся от прочих существительных тем, что они связаны с «другим» — тем самым, что в принципе представляет собой исходное глагольное высказывание.

Наша задача заключалась в том, чтобы узнать, каким образом текст может обладать, в качестве своих внутренних компонентов, элементами иными, привнесенными извне, какие отношения могут существовать между текстом и этим «иным», предшествующим *отличному от него самого* тексту.

Традиция А.Д. во Франции полностью основывается на гипотезах, рассматривающих именно такие отношения, которые связывают текст с «внешней специфической для него средой» (исходя из исследований определенных синтаксических структур, таких, как, например, относительные придаточные предложения во французском языке[5]).

Нам же хотелось подойти к данному вопросу, представив явление Нмз в лингвистическом освещении: если синтаксис в самом деле рассматривается как нейтральная замкнутая система, то как может текст заключать в себе, в собственной материальности, нечто такое, что является «иным» по отношению к нему самому?

При строго грамматическом подходе к данной проблеме следует учитывать правила трансформации глагольных высказываний в Нмз. Наш путь — полностью *противоположный* этому. Вначале в процессе восприятия мы попробуем определить, каким образом можно подняться от Нмз к этому «иному» высказыванию, которого в тексте нет. Затем мы попытаемся, уже в плане дискурса, определить возможное пространство этого «иного».

В самом деле, лингвистическое восстановление «первичного», исходного высказывания какой-либо Нмз отсылает нас за *пределы* текста — в трансформационную историю этой Нмз. Однако, насколько нам известно, случаи использования такой специфической разновидности *парафразирования* в терминах отношений к этому иному были крайне редки.

С другой стороны, в А.Д., проводимом во Франции, Нмз были:

1) либо только формами, в которые может облекаться высказывание и которые автоматически трансформировались обратно в глагольное высказывание (см Maldidier 1971, 38—39 по модели грамматической трансформации Харриса),

2) либо отсылали (и только) к иному дискурсному пространству (см Courtine 1981)

Но исследований, в которых Нмз изучались бы *сами по себе*, в А Д не было, вероятно потому, что ни один французский текст не обладает таким количеством Нмз, как наши русские тексты, а также потому, что Нмз никогда не рассматривались как нечто, представляющее особый интерес

3 МОЖНО ЛИ СОСЧИТАТЬ Нмз В ТЕКСТЕ?

Мы пользовались компьютерной программой морфосинтаксического анализа русского языка для исследования текстов и господствующего места в них Нмз, а также роли, которую играют Нмз Наша задача состояла в проверке основанной на языковом явлении дискурсной гипотезы

Однако выяснилось, что сосчитать Нмз в тексте совсем не просто

3 1 МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ Нмз

Понятию Нмз соответствуют два основных типа **морфо**логического словообразования

— «nomen actionis»

глагол → существительное *участвовать → участие*

— «nomen qualitatis»

прилагательное → существительное *верный → верность*

Так, например, программный алгоритм автоматически образует абстрактное существительное на *-ость* от соответствующего прилагательного, если таковое имеется Однако программа учитывает лишь морфемный уровень и не может принимать во внимание семантических последствий данного преобразования Так, например, слово *промышленность (industrie)* анализируется компьютером как образованное от *промышленный (industriel)*, что приводит к смысловому эффекту французского слова *industrialite (*индустриальность* — т е промышленный характер чего-либо), что для данного существительного невозможно Исключительно морфологический подход даст лишь приблизительную кар-

тину потенциальных возможностей языка, не давая никаких указаний на употребление слов в определенном дискурсе

3 2 СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ Нмз

Важно найти такой метод, который позволил бы отделить Нмз, связанные с глубинным высказыванием, от Нмз чисто номинального характера Но тогда нужно будет учитывать функционирование некоторых существительных, не являющихся отглагольными, но тем не менее выступающих в качестве таковых

Пример *авторитет партии*

Так или иначе, данная ИС может быть связана с полным предложением

партия пользуется авторитетом,

в то время как ни одно глагольное высказывание не может быть соотнесено с такой, например, ИС, как *член партии*

Однако очень быстро выясняется, что произвести такое разделение a priori, в автоматическом режиме, очень трудно

Общее процентное содержание Нмз среди существительных, подсчитанное компьютером с учетом данных замечаний, является чрезвычайно важным и, более того, в высшей степени однородным в обоих текстах около 41% Необходимо, однако, подчеркнуть, что данная цифра дает нам представление лишь о возможном функционировании Нмз, поскольку машина индексировала формы в морфологическом коде нам известно только количество существительных, способных к предикативному употреблению в позиции C_1 в ИС (C_1 C_2)

Нам, однако, пока ничего не известно о функционировании «в дискурсе» таких Нмз насколько точно можно установить, отсылает ли та или иная Нмз из текста за его пределы, «вовне», или она функционирует исключительно в номинальном аспекте?

Представим себе археолога, наткнувшегося на ровный и на первый взгляд однородный по составу фрагмент стены, в котором имеются замурованные оконные перемычки и рамы Но почему их замуровали? На что через них предназначалось смотреть? Как теперь пробиться через них и вновь увидеть то «другое место», которое они сейчас скрывают?

И как в таком случае «прочитать» Нмз, стоящую во главе ИС? Каким образом определить, является ли она «за-

мурованным окном» или всего лишь кирпичиком в стене, таким же, как и все остальные? Если судить по тени, отбрасываемой стеной, такая стена с замурованными окнами ничуть не отличается от стены без окон, точно так же как для представителей структурной лингвистики ИС (Нмз-C_2) совершенно идентична ИС (C_1C_2)[6].

Подобно археологу, пытающемуся восстановить историю стены, лингвист, работающий в области А.Д., исследует *память* текста. Если искать *подход*, дающий возможность «прочесть» отношение данного текста к экстралингвистической среде, обнаружить наличие многообразия в однообразном, то необходимо обратиться к некоторым существующим лингвистическим теориям Нмз. Нам бы хотелось через изучение одновременно теоретических и «технических» проблем, возникающих при переходе от Нмз к глубинному высказыванию, показать, что выбор той или иной лингвистической теории в данном парафрастическом отношении влечет за собой различные *эффекты прочтения* или же налагает определенные ограничения, в рамках которых возможно то или иное прочтение. Попытаемся определить не только то, что можно увидеть («прочитать») благодаря этим лингвистическим теориям, но и то, что они скрывают, делают невидимым, «нечитаемым». *Выбор той или иной лингвистической теории означает также выбор того или иного способа прочтения и интерпретации.*

Б. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА Нмз

1. ТРАНСФОРМАЦИОНАЛИСТСКАЯ ГИПОТЕЗА

Согласно этой гипотезе Нмз представляет собой последовательность составляющих, трансформированную в ИС, которая «далее» вставляется в матричную последовательность. В своей трансформированной форме она выступает в позиции ИС, «выполняя роль» (L y o n s 1968, 205; Л а й о н з 1978, 281) составляющей в матричной последовательности.

Однако, если рассматривать данную проблематику не с точки зрения порождения, а восприятия, она значительно усложняется из-за необходимости определения формы исходной фразы, «давшей» такую ИС с производной номинативной единицей. В самом деле, такая обратная трансформация влечет за собой постоянные двусмысленности при интерпретации из-за многочисленных *нейтрализаций*, которые претерпевает глагольное высказывание, становясь

именным: одна из главных особенностей «трансформации» Нмз заключается в том, что она не полностью обратима.

А) СХЕМА ДОПОЛНЕНИЙ

В системе языка возможно следующее

одобрение	*политики партии*	*народом*
	C_1 (объективное дополнение)	C_0 (субъективное дополнение)

Здесь схема дополнений глагольного высказывания полностью восстановима в номинализованной ИС, поскольку все позиции актантов заполнены.

Однако в наших текстах такая полная схема не встречается *никогда*. Как же интерпретировать следующую ИС, выделенную из текстового материала

одобрение народа,

представляющую собой классический пример двусмысленности «genitivus subjectivus vs. genetivus objectivus»? Можно, конечно, использовать текстовые фильтры для устранения двусмысленности. Действительно, в нашем корпусе практически никогда не встречается

* *N одобряет народ*,

но

народ одобряет N

Если учесть, что во всех глагольных высказываниях с *одобрять* реализуется одна и та же схема дополнений, то можно было бы сделать вывод, что номинализованные высказывания, в которых имеется слово *одобрение*, в границах исследуемого текста подкрепляются глагольными высказываниями *такой же* формы (с такой же схемой дополнений), что и имеющиеся глагольные высказывания

Подобный вывод, основанный на упрощенном понятии «текстовой связности» (см. грамматики текста), опирается на априорное положение, которое мы пытаемся подвергнуть сомнению, а именно: равенство Нмз и соответствующего глубинного глагольного высказывания, часто описываемых как две формы, которыми пользуется в равной степени говорящий для выражения аналогичного содержания. С точки зрения дискурса нам представляется небезразличным, выражается ли предикативное отношение посредством Нмз или автономным глагольным высказыванием

В русском языке большинство собственно глагольных признаков нейтрализуются в Нмз. лицо, число, время, наклонение, модальность, вид (почти во всех случаях) и диатеза. (Подобный перечень будет иным, к примеру, для французского языка, где отсутствует признак вида, или для чешского, где наблюдается сохранение диатезы в Нмз.)

Такая нейтрализация глагольных признаков ведет к значительным *двусмысленностям* и *неопределенностям*, которые с наших позиций интерпретации будет намного труднее устранить, чем двусмысленности и неопределенности, касающиеся схемы дополнений. Возьмем, к примеру, следующую именную синтагму

развитие сельского хозяйства.

Взятая вне контекста, она может «соответствовать», «отсылать к».

— *сельское хозяйство развивается / развивалось / должно развиваться...*

— *(кто-то) развивает / развивал / развил / будет развивать / должен развить сельское хозяйство...*

То, что не представляло проблемы при порождении, здесь кажется источником труднопреодолимых препятствий.

По гипотезе трансформационалистов, те нейтрализации, которые происходят в процессе номинализации, представляют собой всего лишь разновидность эллипсиса в отношении к глубинному глагольному высказыванию, эллипсиса, который якобы достаточно дополнить — и можно будет «вернуть» глубинное высказывание в его полную первичную форму. Подобное восстановление, на наш взгляд, есть не что иное, как спонтанный метод *прочтения* в качестве восполнения недостающего. Однако теории такого восстановления пока не создано.

Тем не менее трансформационалистская гипотеза ясно показывает механизм *вставления* одной структуры в другую. Нам кажется, что трудности происходят оттого, что такой вид функционирования, как вставление, существует только потенциально. Значит, необходимо попытаться определить, каким образом можно отграничить случаи вставления от других способов функционирования Нмз.

2. ЛЕКСИКАЛИСТСКАЯ ГИПОТЕЗА (C H O M S K Y 1970)

Эта гипотеза отвечает отрицательно на вопрос, нужно ли иметь условием объяснения Нмз предполагаемое нали-

чие глубинного высказывания. Существительные, образованные морфологическим способом от глаголов или прилагательных, рассматриваются как *«обычные» существительные*, имеющие, впрочем, единственное отличие от остальных существительных, которое заключается в присущих им *лексических* признаках, например способности или неспособности присоединять дополнение в форме инфинитива.

Следовательно, *на одном и том же уровне*, т.е. в качестве существительных с (различными по форме) дополнениями, и надлежит рассматривать совокупность самых разнообразных ИС нашего массива текстов, таких, как, например:

1) (Нмз, образованные от глаголов)

— ***забота*** *о счастье народа*

— ЛБ351-09: *Бдительно несут службу по разоблачению и пресечению происков империалистических разведок и их агентуры органы государственной безопасности, наши славные пограничники*;

2) (Нмз, не являющиеся морфологически образованными от глаголов)

— ***меры*** *по повышению оплаты труда*;

3) («настоящие существительные»?)

— *руководящие* ***посты*** *в государстве*;

т.е., согласно лексикалистской теории,

борьба за мир

будет базовой ИС, равно как и

делегаты съезда.

Никто так никогда и не узнает, на что открывали вид замурованные окна, ведь сделаны-то они из тех же камней, что и стена.

Однако лексикалистская гипотеза лишь на первый взгляд заводит в тупик исследование проблематики дискурса, поиска «иного» в тексте.

В самом деле, Хомский (1970) ставит проблему, могущую, на наш взгляд, привести к неожиданным последствиям в А.Д.: речь идет об *отношении между лексическими единицами и «грамматическими категориями»*.

Сам факт постановки вопроса, является ли Нмз «существительным, как и прочие» или чем-то иным, позволяет подвергнуть сомнению традиционные грамматические категории, зиждущиеся на критериях, которые смешивают морфологический, синтаксический и семантический планы и препятствуют рассмотрению отношений единиц к целой фразе, поддерживая одновременно базовые составляющие

фразы и поверхностные грамматические категории элементов, обозначаемых как С или Гл

Нам кажется, что Нмз является доказательством того, что морфологическое определение грамматических категорий (или «частей речи») есть маска, за которой скрывается функционирование некоторых лексических единиц. В самом деле, рассмотрев, как это сделано у Хомского (C h o m s k y 1970), лексические единицы в качестве *предшествующих* их поверхностной реализации в виде С или Гл, можно увидеть, что общим элементом номинализованной ИС и глагольным высказыванием (соответствующим этой ИС) является определенный тип *отношений* между членами. Мы полагаем лишь, что Нмз и глагольное высказывание, имеющие общие «понятия» (notions)[7] и определенное «отношение» между членами, не эквивалентны с точки зрения порождения высказывания, что приобретает смысл при постановке вопроса об источнике, происхождении дискурса, уровнях ответственности за него, а не о том, какие правила позволяют порождать и истолковывать грамматические фразы.

Вот почему мы считаем необходимым говорить о глубинном *глагольном* высказывании, или высказывании, связанном с той или иной Нмз, а не о глубинном предикативном высказывании, поскольку, по нашему мнению, *предикативное* отношение (в качестве «комментария темы») является общим для них обоих. По той же причине речь не пойдет и о «депредикативизации» Нмз.

3. «ЗАСТЫВШИЕ» Нмз

Нмз можно анализировать с помощью теории *трансляции* (T e s n i è r e 1959, 361 sq.; Т е н ь е р, 1988, 375 сл.), т.е. механизма, с помощью которого лексическая единица *меняет категорию*. При абсолютно «застывшей» трансляции транслированное высказывание приобретает все свойства управления конечной категории вместе с возможностями вставления. Так, при трансляции «Глагол → Существительное» получаем полностью номинальную форму. Зато незастывшая Нмз сохраняет полностью или частично свойства изначальной категории.

У Теньера форма, которую приобретает конечный результат трансляции, задается раз и навсегда, ее можно мгновенно распознать и истолковать. Подобный анализ Нмз в таком представлении с трудом применим в А.Д. Тем не менее нам кажется интересным сохранить представление об оппозиции между различными разновидностями Нмз, при условии учета того, что одна и та же поверхностная форма

Нмз может характеризоваться значительным числом способов функционирования.

Таким образом, можно наблюдать двойственное поведение Нмз в двух различных употреблениях *одной и той же* ИС (Нмз С2):

(1) НХ103-01: *Это было внутренней и моральной потребностью партии, ее руководства*

после восстановления анафоры:

***руководства** партии;*

(2) НХ103-42: *Советский народ своим трудом и героической борьбой под руководством партии добился больших успехов в социалистическом строительстве*

Меняя существительные, которые могут чередоваться с Нмз в одной и той же ИС (Нмз С2), но в разных контекстах, можно показать, что в (1) *руководство* является застывшей Нмз:

потребностью	***руководства***	*партии,*
	секретариата	
	руководящих органов	
	всех членов	

тогда как в (2) ту же Нмз *руководство* следует **истолковывать** как незастывшую:

под	***руководством***	*партии,*
	водительством	
	влиянием	
	покровительством	

В самом деле, такие конструкции, как:

* *под секретариатом партии,*

? *потребностью влияния партии,*

являются невозможными или стилистически неудачными.

Следовательно, если противопоставить друг другу два возможных варианта функционирования Нмз для одинакового окружения И2, то можно сказать, что И2 *партии*, в случае застывшей Нмз, определяется детерминантом *руководство*, и тогда это настоящий родительный падеж в глубинной структуре, или же, в случае незастывшей Нмз, это *глубинное подлежащее* глагольного высказывания, в котором имеется глагол *руководить*, а значит, в глубинной структуре — именительный падеж. Тогда одна и та же ИС (Нмз С2): *руководство партии* — не может быть интерпретирована однозначно вне условий вставления

Однако следующий пример показывает, с какими трудностями в интерпретации может столкнуться подобное деление Нмз на застывшие и незастывшие.

ЛБ342-16. *На основе решений октябрьского Пленума исправляются недостатки в области хозяйственного и культурного строительства.*

В зависимости от того, рассматривать ли *Пленум* в качестве одушевленного или неодушевленного существительного, он будет

— либо детерминантом (родительным падежом в глубинной структуре) настоящего существительного, при условии если оно неодушевленное. Тогда можно парафразировать ИС *решения октябрьского Пленума* на:

решения, которые были приняты ($С^{ТВ}$) *на октябрьском Пленуме*[8];

— либо глубинным подлежащим глагольного высказывания, содержащим *решить* или *принять решения*, если это существительное одушевленное. Тогда ИС можно заменить на:

решения, которые были приняты октябрьским Пленумом.

4. УСТРАНЕНИЕ ВОЗМОЖНОЙ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ С ПОМОЩЬЮ ВСТАВЛЕННОГО КОНТЕКСТА

4.1. П. АДАМЕЦ [9]

Согласно нашей концепции прочтения текстов очень важно то, что Адамцем (A d a m e c, 1973) предлагаются несколько интерпретаций для одной и той же номинализованной синтагмы в зависимости от вставленного контекста. Так, различаются две основные разновидности в интерпретации Нмз:

— «фактографическая»:

Пример: *Его разбудил стук в окно.*

Здесь Нмз представлена в качестве **«не подлежащего** сомнению факта, уже имевшего место **и *вполне схожего*** с высказыванием:

постучали в окно (с. 44);

— «идеографическая»:

Пример: *Его мог бы разбудить какой-нибудь стук в окно.*

Такая Нмз «представляет собой не реально имевший место факт, а абстрактную идею в отношении его» Речь идет о «потенциальности факта» (с. 44).

Адамец приводит критерии способности к трансформации[10] с тем, чтобы определиться относительно такого двойного прочтения: фактографические Нмз могут трансформироваться в придаточные, вводимые через *что*, *как* и т д.,

идеографические Нмз — в инфинитивы или придаточные, вводимые через *чтобы*, *когда* и т д.

Пример фактографические Нмз

— *Меня разбудил стук в окно* ⇔ *Меня разбудило то, что постучали в окно.*

Пример идеографические Нмз

— *Я попросил его о поддержке моего проекта*

⇔*Я попросил его поддержать мой проект,*

,чтобы он поддержал мой проект.

Открытая чешским лингвистом перспектива интересна тем, что она ставит в зависимость от вставленного контекста интерпретацию Нмз. Адамец дает многочисленные (синтаксические) правила трансформации, которые на первый взгляд кажутся вполне пригодными к использованию. Однако, коль скоро мы имеем дело с реальным текстом, а не с искусственно построенными высказываниями, подобные критерии тут же теряют свою надежность.

Система, предложенная Адамцем, представляется нам ненадежной в особенности из-за того, что она допускает возможность *двусмысленного прочтения* некоторых Нмз. Мы имеем в виду позиции фактографичность / идеографичность.

ЛБ269-39. *Поэтому* ***развитие мировой системы социализма*** *требует творческого подхода к возникающим вопросам на испытанной основе марксизма-ленинизма.*

С точки зрения синтаксиса возможно получить две различные трансформации:

– с помощью инфинитива

развивать мировую систему социализма требует...

— с помощью придаточного предложения, вводимого *то, как*:

то, как мировая система социализма развивается, требует..

В первом случае перед нами, по всей видимости, идеографическая интерпретация: имеется лишь некая абстрактная репрезентация факта *развивать мировую систему социализма*, тогда как во втором случае прочтение должно быть фактографическим: *мировая система социализма действительно развивается, и данный факт требует...*

И все же если обе трансформации возможны в *синтаксическом* отношении, то какими должны быть критерии, заставляющие нас принять одну версию, отвергнув другую? Мы полагаем, что данная система, ввиду своей простоты, покоится на некоем артефакте: она заставляет предположить, что интерпретация Нмз *заранее* известна, и на основе ее *затем* предлагается соответствующая синтаксическая

трансформация. Отсюда следует, что трансформирование представляет собой не процедуру открытия, а обоснование a posteriori. Проблема «принятия решения», отсутствующая в искусственных примерах Адамца, встречается в наших текстах очень часто. Таким образом, система Адамца представляет эффекты прочтения и интерпретации как первопричину в языке.

4.2. Н.Д. АРУТЮНОВА

Советский лингвист Н.Д. Арутюнова переложила для русского языка результаты исследования, проведенного З. Вендлером на материале английского: речь идет о критериях, позволяющих охарактеризовать формы Нмз, вставленные контексты и правила, их связывающие. Так, фразу Вендлера (V e n d l e r 1967, 140)

John's singing of the Marseillaise surprised me

Н.Д. Арутюнова переводит буквально как

пение Джоном Марсельезы поразило меня (А р у т ю - н о в а 1976, 66)[11],

что можно «прочитать» двояко:

(1) *Тот факт, что Джон пел Марсельезу, поразил меня*;

(2) *То, как Джон пел Марсельезу, поразило меня*[12].

Прогресс по сравнению с моделью Адамца мы усматриваем в том, что здесь допускаются *двусмысленности прочтения*: трансформация рассматривается здесь как одна из возможных интерпретаций, а не как обоснование a posteriori правильности таковой.

В нашем материале одним из самых веских доказательств в пользу роли вставленного контекста в интерпретации Нмз является систематическая двусмысленность, проявляющаяся именно в отсутствии какого бы то ни было вставляющего контекста. Это касается в полной мере многочисленных *заголовков*, где содержится только Нмз.

ЛБ327-15: ***Рост** материального уровня жизни народа*

Двойное прочтение здесь обязательно: ни один формальный критерий не позволяет решить в пользу «фактографической» интерпретации:

как (поднимать) материальный уровень жизни народа?
или «идеографической»:

материальный уровень жизни народа растет
должен расти
будет расти

В условиях отсутствия формальных критериев для устранения двусмысленностей действенной может стать *дискурсная* гипотеза (касающаяся условий производства дискурса) — ко-

торая делает возможной «фактографическую» интерпретацию следующего высказывания (заголовка):

ЛБ273-31. *Углубление противоречий капиталистической системы.*

Ничто не препятствует, на наш взгляд, «идеографической» интерпретации «в языке» приводимого ниже высказывания — вся проблема в интерпретации высказывания «в дискурсе»:

как углублять противоречия капиталистической системы?

В самом деле, идеографическое прочтение возможно. Оно предполагает интерпретацию вполне «в духе Макиавелли» довольно неблаговидного глубинного высказывания с восстановлением глубинного субъекта *мы*

как (мы должны / можем) углублять / углубить противоречия..

Любопытен тот факт, что заголовки разделов и глав в НХ и ЛБ почти сплошь состоят из Нмз: 13 из 16 в ЛБ, 15 из 26 в НХ.

Дискуссию о способах устранения двусмысленностей в Нмз можно завершить, обратившись к другому аспекту работы Н.Д. Арутюновой, касающейся проблемы интерпретации *вставленных* высказываний в зависимости от *связного текста.* Н.Д. Арутюнова (1976, с. 68) отсылает пресуппозицию истинности того или иного высказывания (см. ниже) к «актуальному членению» фразы на тему / рему. Таким образом пресуппозиция истинности высказывания может оказаться всего лишь «тематическим» напоминанием *уже* введенного в текст высказывания в форме ремы. Особенно очевидно это в случае с Нмз, которая выступает в качестве *анафоры* уже реализованного в левом контексте высказывания.

Тем не менее нам кажется необходимым рассмотреть один вопрос, не затронутый Н.Д. Арутюновой: *анафорой чего может быть Нмз еще НЕ введенного в текст высказывания?* Мы полагаем, что исследование Н.Д. Арутюновой[13] не дает средств для ответа на данный вопрос, поскольку зависит от логистической перспективы («пропозиционального содержания»), не учитывающей участников акта коммуникации, диалогического измерения и менее всего — того, чтобы участники акта коммуникации определялись чем-то иным, нежели их «коммуникативными намерениями».

Как мы видели, в большинстве случаев отношение между Нмз и глагольным высказыванием, как двумя поверхностными формами одной и той же глубинной структуры, нельзя считать однозначным, как только в расчет принимается цельное и реальное высказывание. Сюда следует включить также случай, когда трансформационалистская гипотеза, действуя достаточно эффективно, не позволяет тем не менее устранить множество двусмысленностей и неопределенностей, возникающих вследствие нейтрализаций.

Таким образом пучок двусмысленностей, обусловленный наличием в тексте Нмз, может оказаться чрезвычайно важным. Двусмысленность и не-спецификация представляют собой естественные явления, необходимые языковой системе: каждый язык имеет в своем распоряжении ограниченное количество элементов для описания экстралингвистической ситуации, неограниченной в своей сложности и многообразии. Следовательно, *обязательная* не-спецификация в данной синтаксической конструкции (в нашем случае — Нмз) будет соответствовать различию, обязательно выражающемуся в другой конструкции — глагольном высказывании.

Если Нмз двусмысленна по отношению к глагольным формам, обладающим соответствующими маркерами, которых у Нмз, по определению, быть не может, то необходимо подчеркнуть, что языковая система в любом случае позволяет решить проблему спецификации (см.: Benveniste 1966, 63; Бенвенист 1974, 104): «Мы можем сказать все, что угодно» (в любом языке).

Речь не идет о структурах языка (в данном случае русского), поскольку последствия не-спецификации всегда можно смягчить другими синтаксическими конструкциями. Значит, необходимо учитывать создание (вольное или невольное) двусмысленностей не в языке, а в особом дискурсе (т.е. в том случае, когда высказывание, соединенное получателем сообщения со знанием ситуации, не позволяет специфицировать элемент, релевантный с точки зрения рассматриваемого процесса коммуникации). В таком случае можно говорить о *выборе* (*осознанный* или *неосознанный* характер которого на данном этапе уточнить невозможно) *не-спецификации* при Нмз, поскольку система языка позволяет иными способами устранить двусмысленность.

Итак, вопрос ставится следующим образом: как используются ресурсы системы в конкретном дискурсе и каковы эффекты смысла, произведенные таким «выбором»? Другим аспектом двусмысленности в Нмз является трудность ее интерпретации, в качестве *следа* глубинного высказывания или как настоящего *существительного*.

Выясняется, что в любом случае лингвистического исследования, затрагивающего уровень фразы, а не реализованного высказывания, недостаточно для решения проблем интерпретации высказывания относительно автономная система языка является лишь потенциальной основой для *функционирования* своих форм.

Ввиду этого всякая попытка переделки текста с целью практического его представления (например, для конструирования «эквивалентных классов») при помощи трансформаций (предположительно парафрастического характера) обречена, по нашему мнению, на неудачу при столкновении с проблемой Нмз и их изъятия из вставленной позиции.

Нмз — феномен, не поддающийся какому-либо механистическому определению парафразы, является признаком проблемы, выходящей за рамки той лингвистики, которая, по-видимому, предназначена для описания системы: язык или компетенция идеального говорящего. Проблема эта — разнородность языковой поверхности. Мы попытаемся убедиться в этом на примере проблематики акта производства высказывания, иначе говоря, вопросов, связанных с *субъектом / субъектами*.

В. ПРОБЛЕМАТИКА АКТА ПРОИЗВОДСТВА ВЫСКАЗЫВАНИЯ (ENONCIATION)

Представить себе проблему, являющуюся, на наш взгляд, ключевой, когда речь не идет более об изолированной фразе, но о последовательном дискурсе, не помогут ни постулат сохранения смысла при трансформации глагольного высказывания в Нмз, ни правила вставки нейтральной лексической единицы на место С или Гл: проблема эта заключается в разном *статусе утверждения* в таких высказываниях, как

производство растет и *рост производства.*

В самом деле, если перейти, например, от высказывания *верность наших положений* к высказыванию *наши по-*

ложения верны, что является само собой разумеющимся в трудах трансформационалистов, то мы имеем дело фактически с переходом на другой уровень *актуализации* предикативного отношения. Иными словами, мы осуществляем переход с уровня *имплицитного* на уровень *ассертива* (утвержденного), т.е. *субъект [акта производства высказывания] берет на себя ответственность за высказывание*. Следовательно, налицо *смещение* статуса утверждения между Нмз и глагольным высказыванием.

Лингвистические теории Нмз не затрагивают проблему такого смещения. Так, трансформационалистская теория рассматривает матричную фразу и фразу-составляющую как одинаково произведенные в предыдущий абстрактный отрезок времени[14], поскольку ее объект — только «конечный продукт»: грамматическая фраза, а не процесс, акт производства некоего высказывания. Она, конечно же, не может ни создать теории «внешнего характера» одной такой «фразы» по отношению к другой, ни определить иерархию в этом внешнем характере и предшествовании. Следует особо отметить — если Нмз есть продукт трансформации глагольного высказывания в ИС, то нужно очертить *теоретическое пространство, откуда данное высказывание будто бы извлечено и вновь вставлено* в конечное высказывание.

1. ПРЕКОНСТРУКТ

Понятие «преконструкт» вслед за Кюлиоли (1970) развивалось в работах М. Пешё (1975) и П. Анри (1975). Речь идет о простых высказываниях, либо взятых из предыдущих дискурсов, либо представленных таковыми. Данные высказывания, внешние по отношению к акту текущего высказывания, вносятся в него в качестве предикативных отношений, где в каждом элементе *уже* наличествуют ассертивные операции, либо реализованные, либо принимаемые за реализованные в течение предыдущего акта производства высказывания, независимо от того, является ли данный акт внутренним или внешним по отношению к рассматриваемому речевому произведению[15].

Важным здесь является то, что номинализованное высказывание есть *преконструкт*, т.е. субъект акта производства высказывания не берет на себя ответственность за него, оно является как бы само по себе частью уже существующей данности, предшествующей дискурсу, с помощью

которой заполняется одно из мест в предикативном отношении: ведь условия производства высказывания отныне *стерты*.

Анализом функционирования Нмз — этой особой формы преконструкта — мы и попробуем заняться на материале наших текстов.

Начнем со статистических данных. Так, например, в ЛБ встречается:

развитие	74 раза	
развивать	9 «	22 раза
развить	1 «	
развиваться	11 «	
развиться	1 «	

Факт того, что номинализованные формы преобладают в количественном отношении над вербальными *в одной и той же лемме*, может привести к мысли об имеющем место *смещении* на ассертивном уровне, которое происходит при некоторых типах глаголов. Разберем следующий пример высказывания со вставленным преконструктом.

НХ111-05: ***Развитие*** *внутрипартийной демократии,* ***расширение*** *прав и* ***повышение*** *роли местных партийных органов,* ***соблюдение*** *принципа коллективности руководства сделали партию еще более боеспособной, упрочили ее связи с массами.*

Высказывание-преконструкт, функционирующее в Нмз *развитие* и других Нмз, производит эффект очевидности, «уже совершенного» конструкта, существующего не в дискурсе и через него, а во внеязыковой действительности. Этим эффектом субъект акта производства высказывания пользуется для заполнения места того единственного предикативного отношения, за которое он несет ответственность *(сделали)*, а также для обоснования собственной аргументации на чем-то, что называет некий отрезок действительности, содержит упоминание о нем:

{ *внутрипартийная демократия развивается / развилась*
{ *Х развивает / развил внутрипартийную демократию.*

Проблема, однако, предстает в ином свете, когда *оба* пункта предикативного отношения — исходный и конечный — заполняются Нмз.

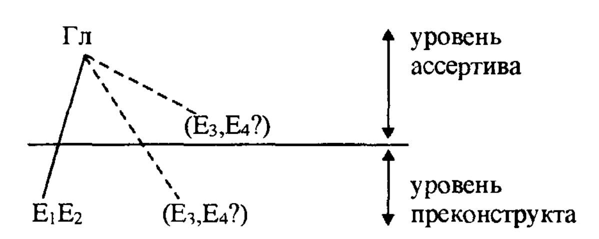
ЛБ342-06: *Политическая и организаторская **работа** партии в массах, самоотверженный труд советского народа обеспечили дальнейший **рост** экономики страны и повышение благосостояния советских людей.*

Здесь мы имеем дело с четырьмя высказываниями-преконструктами, распределяемыми согласно схеме:
B_1 B_2 Гл B_3 B_4:

B_1 *партия — работать (в массах)*
B_2 *советский народ — трудиться*
B_3 *экономика страны расти / вырасти*
B_4 *благосостояние советских людей повышаться / повыситься.*

В данном случае настоящая ответственность субъекта за производимое им высказывание имеет место лишь в отношении Гл: *обеспечить*. B_1 и B_2 суть преконструкты (преассертивы): они представлены уже как результат ассертивных операций, но операций, произведенных в процессе построения высказывания, внешнем по отношению к процессу, реализуемому субъектом высказывания. Что же касается B_3 и B_4 (находящихся на поверхности «справа» от глагола), то неясно, принимает ли субъект высказывания на себя ответственность за них или нет.

Представим данное *смещение* высказывания следующим образом:

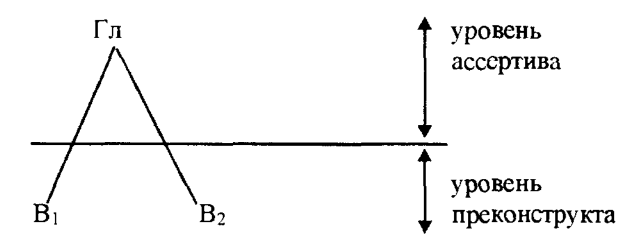

А теперь рассмотрим ту же схему, но с другим стержневым элементом, глаголом, который можно назвать «аргументативным»[16].

НХ126-14: ***Разработка** программы свидетельствует не только об исторических победах в области хозяйственного и культурного строительства, но и показывает большую и разностороннюю **работу** партии.*

Высказывания-преконструкты:
E_1 *программа — разрабатывать*
(с неопределенным первым актантом)

E2 *партия — работать (много? разносторонне?)*

Ответственность субъекта высказывания в данном случае еще более ограничена: с помощью таких глаголов, как *показывать, свидетельствовать*, субъект высказывания лишь *устанавливает нечто вроде связи* между обоими преконструктами, *констатирует связь* между «объектами действительности», которые являются на самом деле высказываниями-преассертивами, находящимися вне данного дискурса. Иначе говоря, вся «работа» субъекта высказывания сводится в данном случае к установлению связи знак — предмет между элементами, относительно которых он не выступает как субъект высказывания. Представить это можно так:

Теперь разберем, какие именно глаголы оказались номинализованными в данных высказываниях-преконструктах.

Поверхностная ИС ($Нмз+С_1+С_n$), основа высказываний-преконструктов B_1 и B_2 в общей схеме, показанной выше, может быть в пределах наших текстов представлена таким образом (в порядке убывания частотности) — условно обозначим

Гл=*ся* — возвратный глагол

X_0 — подлежащее

X_1 — дополнение:

1) X_0 + непер. Гл.

Пример: *рост рядов партии* → ***ряды партии расти*** / *вырасти*

2) X_0 + Гл -*ся*

Пример: *улучшение благосостояния советских людей* → *благосостояние советских людей улучшаться / -иться*

3) ∅ + пер. Гл + X_1

Пример: *одобрение политики партии* → *одобрять / -ить политику.*

Примечание. Пример 2 является, в сущности, двусмысленным с точки зрения актантной схемы: он сводим либо к 1) со стертым субъектом, либо к 3). Особо отметим, что полной схемы X_0 + пер. Гл + X_1 *никогда* не встречается, иными словами, невозможно найти полностью насыщенную актантную схему из глубинной структуры Нмз. Так, можно встретить

(∅) Гл X_1: *руководство страной*

X_0 Гл(∅): *руководство партии*,

но никогда

X_0 Гл X_1: *руководство страной партией.*

Похоже, что подобная ненасыщенность проявляется так же, как уже установленные нами признаки имплицитного: *ни в одном переходном процессе нет явного субъекта.* Единственные явные субъекты суть субъекты при непереходных глаголах. Такое сокрытие Деятеля или Причины вновь возвращает нас в рамки уже известного явления — констатации существования неких устоявшихся фактов, вещей, предшествующих акту порождения высказывания.

И наконец, единственными глаголами в личной форме, то есть единственными глаголами, поддерживающими ассертивную операцию, глаголами, связывающими высказывания-преконструкты, являются глаголы, выражающие отношение «означаемое — означающее»:

отражает

нашло свое выражение

свидетельствует

подтверждает

является выражением

показывает.

В данной группе глаголов превосходно выражен эффект двойного преконструкта: субъект высказывания *констатирует* некие события реального мира, мира референтов, знания о котором он разделяет с получателем сообщения. Ему остается установить некое отношение «означаемое — означающее»:

Предмет А «является знаком» предмета Б.

В высказываниях такого рода, бессубъектных и беспричинных, субъект высказывания всего лишь свидетель: он «видит» предметы, процессы, Деятелем которых не является. Его «говорение» заслоняется его «ви́дением».

Все эти замечания, вызванные особым поведением Нмз в позиции справа от аргументативных глаголов при изучении эффектов преконструкта, показывают, что советский политический дискурс, в пределах рассматриваемых текс-

тов, не является замкнутым образованием, что он обладает собственной формой гетерогенности. Это — не замкнутая речь, создающая какой-то дискурсный мир из ничего, некий «адамов» язык, с помощью которого Адам описывает окружающии мир, причем превратно. Действительно, высказывание может быть расчлененным, разделенным, оно несет в себе остатки, следы акта высказывания, соотносимые с иным субъектным пространством, рассматривать которое нужно как предшествующее и внешнее по отношению к пространству данного дискурса. Нить этого дискурса проходит через уже озвученные высказывания, за которые говорящий принимает на себя ответственность и которые характеризуются личными глагольными формами в простых предложениях или главных частях сложного.

Такое *смещение* нескольких планов высказывания не следует смешивать с полифонией в бахтинском смысле: различные источники высказывания — совсем не то, что общающиеся в диалогическом пространстве *равные* «голоса». Если высказывание, будучи гетерогенным, носит в себе отпечаток «Другого»[17], то это «Другое» всегда бывает вытесненным на имплицитный уровень. Вот почему мы здесь будем говорить не о «полифонии», или «многоголосии», а скорее о «политопии», или «разноместности»[18]. Термины эти позволяют в точности представить иерархическую стратификацию многочисленных планов высказывания.

2. ПРЕКОНСТРУКТ И СИНТАКСИЧЕСКИЙ ФОРМАЛИЗМ

Важно отметить, что анализ советского политического дискурса не может ограничиться формальным поиском Нмз и определением их синтаксических позиций. Отсюда следует, что нужно рассматривать не какую-то синтаксическую схему (например, $Нмз_1$ — Гл — $Нмз_2$), а эффекты преконструкта, которые такая схема может вызвать.

В самом деле, если придерживаться только схемы $Нмз_1$ — Гл — $Нмз_2$, то можно обнаружить примеры совершенно отличного ее функционирования, например в «научном» дискурсе (или в том, что интуитивно можно назвать «научным»):

Отклонение стрелки гальванометра
указывает на прохождение электрического тока.

В данном примере, заимствованном у М. Пешё (Pêcheux 1975, 150; см. наст. изд., с. 270), извлечение соответствующих Нмз глубинных высказываний может осуществляться двумя способами.

— Нмз либо являет собой анафору, но тогда левый контекст высказывания непременно должен содержать ассертивное предикативное отношение, показывающее, что *стрелка отклоняется*;

— либо Нмз должна читаться как импликация.

(Если) стрелка гальванометра отклоняется,

(то) (это) указывает

(на то, что) проходит электрический ток

Здесь мы имеем дело с определением: несмотря на то что глагол *указывает* формально соответствует аргументативному глаголу (в нашем смысле), оба глубинных высказывания *предассертивами не являются*. Они лежат на уровне простого отношения между термами, отношения *не-ассертивного*[19]

То, что позволяет говорить об имплицитном по поводу структур Нмз1 — Гл — Нмз2 нашего исследуемого материала, есть результат действия двойной псевдоанафоры. Суть ее состоит в формальном представлении в качестве интрадискурсного (т.е. принадлежащего дискурсу, порожденного им и в нем) того, что в действительности порождено ассертивными актами, внешними дискурсу, но не признанными таковыми и представляемыми как развертывающиеся сами по себе в вечной *очевидности*.

ЧАСТЬ 2. ПРОЧТЕНИЕ НЕВЫСКАЗАННОГО

А. СУБЪЕКТ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ЕГО ПОЗИЦИИ

1. ИМПЛИЦИТНОЕ И ЭКСПЛИЦИТНОЕ

Все ранее сказанное по поводу *смещения* пока только частично позволяет усомниться в центральной позиции *субъекта* высказывания, который, если в его высказывании присутствует его «Другой», тем не менее как будто вообще является единственным источником собственных слов. Субъект высказывания, правда, опирается на определенные элементы преконструкта, но в его распоряжении, по-видимому, всегда есть *свобода выбора* элементов, которые он соответственно включает в систему отношений, хотя и зыбких, но являющихся тем не менее результатом сознательного, полностью *контролируемого* процесса.

Если предикативные пре- и / или не-ассертивные отношения (см. предыдущую главу) действительно поддаются синтаксическому описанию и вычленению, остается задаться вопросом, каковы условия их функционирования в рассматриваемых текстах. В самом деле, показ количественной

значимости имплицитных предикативных отношений в конкретном дискурсе может привести к принятию концепции дискурса как словесной игры, в которой субъект высказывания «решает», как ему представить то или иное утверждение с тем, чтобы предотвратить возможное сомнение со стороны партнера по диалогу. Так считает О. Дюкро, который пишет: «. часто возникает необходимость сказать что-то так, будто бы ты этого и не говорил, так, чтобы не принимать ответственность за свои собственные слова» (D u c r o t 1972, 5).

Он рассматривает *использование* имплицитных приемов выражения как средство, с помощью которого люди избегают говорить открыто о некоторых «табу», — эффективность данного средства заключается в «самом факте того, что всякое эксплицитное утверждение становится при этом темой для возможных дискуссий. все высказанное можно оспорить» (там же, 6).

А посему можно обвинить говорящего в «лукавстве» или «речевой недобросовестности», определяемой как «злоупотребление» языковыми средствами, предназначенными для имплицитного выражения некоторых сторон содержания высказывания» (K e r b r a t — O r e c c h i o n i 1984, 213), в соответствии с тем, в какой степени говорящий владеет искусством облекать свои утверждения в формы, рисующие некий объект, влиять на который невозможно, ибо он — бесспорен.

Нам хотелось бы показать, что взгляд на имплицитное как на сознательный процесс «в духе Макиавелли» неспособен в достаточной степени учесть соответствующую позицию разноуровневых источников актов высказывания, равно как и смещенные временны́е и пространственные координаты принятия ответственности за высказанное в рамках нашего корпуса текстов

2. ОБЪЕКТЫ ДИСКУРСА И ЭФФЕКТЫ РЕАЛЬНОГО

Мы не будем задерживаться на проблемах экстралингвистической *проверки* «реального» существования того или иного референта и соответствия какого-либо преассертивного предикативного отношения истинному «положению вещей»[20] Напротив, нашей целью будет изучение формы, в которой задается предикативное отношение: формы ассертива или предассертива. Мы полагаем, что изучение форм проявления имен существительных и предикативных отношений есть один из подходов к пониманию *дискурсной материальности*.

Начнем с одного важного замечания. на уровне высказывания, представляющего собой конечный, конкретный и единственный непосредственно «данный» продукт. смешаны друг с другом (по причине формулирования и того и другого в *одном и том же акте высказывания*) то, что́ сказано, и то. о чем сказано Но то. что́ сказано, и то. о чем сказано. различаются между собой своими метаязыковыми моментом и местом *построения* некоторые элементы. обозначенные нами как преконструкты. производятся до и вовне акта высказывания. акта. следы которого обнаруживаются лингвистически в формальных маркерах (главным образом глагольных, но также в равной степени для русского языка и номинальных[21]) принятия ответственности субъектом высказывания.

Такое предшествование (смещение) в построении некоторых элементов *представляет объект дискурса как нечто, внешнее по отношению к дискурсу*: преконструкты «уже тут», в наличии, поскольку предшествуют операциям по принятию ответственности за высказывание. Они относятся к *миру вещей*, являются «предметами», которыми субъект высказывания может завладеть

Как и имя предмета. глубинное предикативное отношение, лежащее в основе какой-либо Нмз, лишь *указывается*, но не *высказывается*: предыдущее выражение, обозначенное номинализацией, смещается на другой уровень по отношению к плану производства высказывания, в котором находится Нмз (или. шире, ИС), создавая тем самым *эффект реального*.

Следовательно. имплицитное интересует нас лишь в той мере. в какой речь идет о *«явленном» невысказанном*, находимые следы которого позволяют восстановить, в соответствии с дискурсными гипотезами, полностью или частично то, что лишь только упоминается, указывается, другими словами, тот аспект имплицитного, который можно описать *синтаксически* (в отличие от, например, «лексических» пресуппозиций).

Важно знать, в какой мере в таком дискурсе, как наши тексты НХ и ЛБ, говорящий имеет возможность — и «желание» — «трансформировать» предикативные отношения в преконструкты или же он сталкивается с «миром дискурса» через готовые референты, существование которых так же невозможно подвергнуть сомнению, как референцию *имен*, составляющих бытовую речь.

В противоположность аксиоматическому дискурсу, который занимается подсчетами «любых объектов» («any ob-

jects»), дискурс естественного языка имеет дело с объектами, уже являющимися продуктом подбора и построения. Однако в высказывании можно найти лишь *следы* таких операций: говорящий не может «сказать всего», эксплицировать все в каждом новом высказывании. Вот как говорит Фреге (1971): «Если попытаться ничего не опускать в речи, она станет невыносимо многословной». Существительные (вообще ИС) функционируют, таким образом, как аббревиатуры.

Однако эти существительные и ИС принадлежат к конкретному *языку*. Важным для нас здесь является то, что *формы*, которые могут принять данные аббревиатуры, т.е. элементы, отобранные в различных реализациях ИС, могут отличаться в разных языках. Следовательно, если «предметы являются не первичными инвариантами, но точками стабилизации процесса» (Pêcheux, Fuchs 1975, 73), то необходимо хотя бы поставить вопрос о том, что́ принадлежит собственно естественному языку, на котором составлен тот или иной текст, и что́ может рассматриваться в качестве дискурсного процесса, пусть даже ответ на этот вопрос в настоящее время имеет лишь гипотетический характер (см. ниже часть 6-1).

3. ИНТРАДИСКУРС И ИНТЕРДИСКУРС

Нмз может быть переформулированием высказывания-ассертива, действительно ранее реализованного в тексте. В этом случае преконструкт, выражаемый ею, представляет собой *анафору*, а сам факт переформулирования высказывания в номинализованную ИС можно рассматривать как стилистическую проблему экономии средств.

Преконструкт в данном случае строится внутри дискурса. Речь идет о внутридискурсной трансформации, *иной возможной формулировке* ассертированного где-то в другом месте высказывания. В этом случае субъект акта высказывания перемещается по пространству высказывания и может представить приблизительно в форме преассертива высказывание, уже взятое на ответственность, высказывание, о котором он напоминает.

«Внешнее» текста здесь присутствует в самом тексте: оно является интрадискурсным.

Пример Нмз-анафоры:

ЛБ343-34: *Коммунистическая партия Советского Союза насчитывает ныне 12 миллионов 471 тысячу членов*

*и кандидатов партии. **Ее ряды** за отчетный период **выросли** на 2 миллиона 755 тысяч человек **Рост рядов КПСС** отражает высокий авторитет партии и безграничное доверие к ней советского народа*

Интересно отметить, что «официальный» перевод на французский язык — в «Cahiers du communisme» (supplément au n.7, juil 1966) — воспроизводит данную анафору настолько, что используется анафорическое номинальное выражение / комментарий:

*Le parti Communiste de l'Union Soviétique compte actuellement 12 471 000 membres et stagiaires, **ce qui représente un accroissement d'effectifs**, pour la période embrassée dans ce rapport, de 2 755 000. **Une telle évolution** témoigne de la grande autorité et de la confiance absolue dont le Parti jouit auprès du peuple soviétique*

В оригинале имеется насыщенная схема повтора: актантная схема повторяется в своих членах один за другим (те же лексические единицы), тогда как в текст из «Cahiers du communisme» вставляется новое предикативное отношение: *такой рост есть развитие* (в оригинале: *такой рост есть рост*).

Наряду с соответствующим высказыванием-ассертивом в тексте может находиться также Нмз, не покрывающая преконструкта («идеографическое» прочтение), и тогда возникает проблема связности всего отрывка:

НХ 51-30: *Неуклонно **повышается благосостояние** советского народа.*

= высказывание-ассертив.

НХ128-07: *Внимание партии должно быть обращено на выполнение семилетнего плана, на неуклонный рост производительности труда и **повышение благосостояния** трудящихся.*

= не-ассертив (простое «отношение).

В данном случае, если только не считать, что *повышение благосостояния трудящихся* не совпадает с *повышением благосостояния народа*, мы имеем дело одновременно с утверждением отношения *благосостояние улучшаться* и тем же заданным отношением с гипотетической модальностью.

Следовательно, здесь действительно происходит возможное перемещение субъекта высказывания внутри рамок переформулируемого пространства: невысказанное или уже высказано, или может быть высказано, не-ассертив может превратиться в ассертив. Это идеальное пространство для

лингвистики в понимании Соссюра или Хомского, равно как и объект для «дискурсных стратегий», оспаривать которые мы здесь не будем

И все же анафоры недостаточно для объяснения функционирования преконструкта в реальном тексте. Сведение преконструкта к анафоре уже сказанного или катафоре того, что может быть сказано, приводит, по нашему мнению, к тому, что М. Пешё характеризовал как «идеалистический миф интериоризации, для которого "не-ассертив" — не что иное, как либо уже утвержденное, либо нечто, способное стать утвержденным, нечто такое, что субъект может отыскать путем саморефлексии» (1975, с. 158).

В самом деле, есть такие *псевдоанафоры*, преконструкты, которые формально отсылают к предыдущему дискурсу, но бывает очень часто, что этот «предыдущий дискурс» так *никогда* конкретно и *не существовал* Невысказанное в данном случае становится невозможным-для-высказывания, невозможным-для-принятия-на-себя-ответственности, становится *невыразимым* (или неприемлемым) Сформулировать его нельзя, его эксплицитные следы можно обнаружить только в дискурсе опровержения или, иначе говоря, в *интердискурсе* как «месте, где реализуется нечто внешнее по отношению к тому, что может быть выражено субъектом высказывания» (Courtine — Lecomte 1978, 489). Элементы, определенные нами как «аргументативные глаголы», могут, по нашему мнению, обеспечить заметные точки соприкосновения с интердискурсом.

Однако «нечто внешнее» по отношению к тексту, та специфическая реальность, внешняя по отношению к заданному дискурсу, также может оказаться *абсолютно неопределимой*. В некоторых случаях все, что можно найти на поверхности текста, является формой не-ассертива (или по крайней мере ассертивного варианта не удается обнаружить нигде в тексте, но этого недостаточно для утверждения, что его там не могло бы быть вообще).

Именно здесь проходит граница между языком и дискурсом, чего лингвистика не в состоянии объяснить: *одна и та же* синтаксическая схема, одна и та же поверхность текста (например, схема Нмз1 — Гл — Нмз2) может отсылать к двум совершенно различным формам «другого»: интрадискурсу или экстрадискурсу, и вопрос о том, что их связывает и разъединяет, не опирается только на формальные маркеры

Иначе говоря, «переход» глагола в существительное, или, точнее, предикативного высказывания-ассертива (глагольного или именного со связкой) в номинализованную ИС, есть совершенно абстрактная, металингвистическая операция, не позволяющая учесть задействованный в реальном тексте дискурсный процесс и являющаяся одновременно участвующей в нем стороной: форм дискурса вне форм языка не существует, поскольку последние материализуют дискурсные формы.

Можно, следовательно, говорить о множественности потенциальных функционирований «в дискурсе» высказывания, куда входит имя, Нмз или вообще любое вставленное высказывание, там, где «в языке» возможно не более одного описания заданной цепочки. Такая множественность полностью стирается в случае Нмз, тогда как в других формах вставления (например, придаточных относительных) встречаются, по крайней мере, такие случаи, когда формальные критерии позволяют сделать выбор (см.: Henry 1975, 97, сноска 1). На начальном этапе возможно лишь указать на *амбивалентность*, являющуюся следствием некоторых синтаксических явлений, таких, как вставление. Внешние по отношению к дискурсу объекты, о которых дискурс говорит, формируются в каждой фразе путем стыковки определенных синтаксических позиций и лексических единиц: так становится возможной постановка в позицию «темы» существительных или номинализованных высказываний, которые прежде нигде в дискурсе не были образованы и *никогда* не использовались в качестве «ремы». «Актуальное членение», столь полезное в русском языке для различения «темы» и «ремы», неспособно учесть оппозицию между отсылкой к интрадискурсу и отсылкой к интердискурсу.

Таким образом, можно различать «поперечное», или «вертикальное», соотношение (articulation) текста с его внешней специфической стороной, соединение высказываний, произнесенных в различных местах и в различные смещенные «моменты», и «горизонтальное» смещение линейного развертывания высказываний текста (см.: Lecomte 1978, 84; Courtine 1981; Borel 1975, 65).

Что касается конкретного случая Нмз, то двойное функционирование можно схематически представить так:

— *«горизонтальное» соотношение*

——→—— В ———————————— 22

↘

———— Нмз ————————→

— *«вертикальное соотношение»*

В

Нмз

Мы полагаем, что любой случай синтаксического вставления, а Нмз — лишь частный случай его проявления, потенциально способствует тому, чтобы текст, в соответствии с определенными формами естественного языка, на основе которых он составляется, превратился в *гетерогенную* поверхность, где происходят смешение и «соединение» различных по происхождению элементов дискурса.

4. ПОДЧИНЕНИЕ (АДСУБЪЕКТИВАЦИЯ) И ФОРМА-СУБЪЕКТ

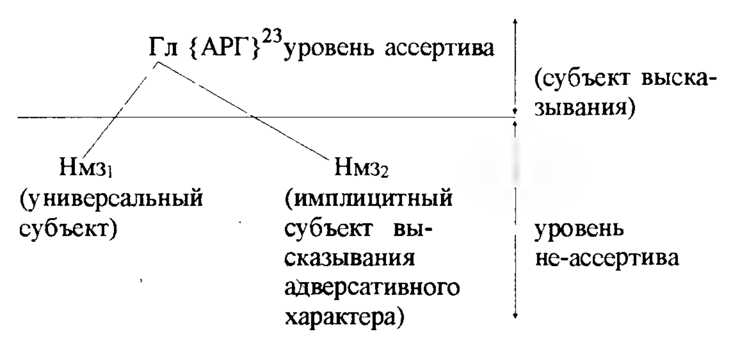
Смещение уровней ассерции, происходящее в результате синтаксического вставления, приводит к тому, что *в одном и том же говорящем присутствуют несколько субъектов высказывания*. В таком случае можно говорить об «асимметрии между двумя уровнями» (L e G o f f i c 1978, 241), «расхождении уровней» (L e c o m t e 1978), «стратификации», «седиментарном процессе» (H e n r y 1977), «смещенном функционировании дискурсных сетей» (K u e n t z 1972) или о «многослойном субъекте» (A.D.E.L.A., приложение 3).

Такая стратификация мест производства высказывания в одном и том же высказывании приводит к тому, что П. Анри называет «расщеплением», или «дроблением», формы-субъекта. *Формы-субъекта*, а не субъекта, поскольку и субъект высказывания тоже есть форма, и значит, его позиция может быть заполнена всеми возможными его *идентификациями*: не только «реальным» говорящим-индивидом, но и любым говорящим, способным к самоидентификации в данной позиции. В то же самое время такая форма-субъект существует только в акте высказывания и благодаря ему.

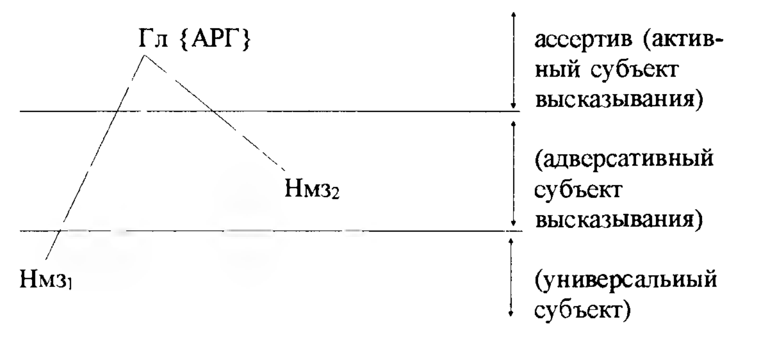
Форма-субъект, кумулирующая, концентрирующая и соединяющая в себе различные «источники высказывания», распадается на две позиции ту, где произносится «я», где берется ответственность, hic et nunc, за высказывание, и ту, где находится «универсальный субъект» и занять которую может «кто угодно», «любой». Так может осуществляться *подчинение субъекта* высказывания универсальному субъ-

екту, имплицированному преконструкцией термов, из которых строится высказывание: субъект высказывания *идентифицирует* названное в дискурсе как нечто уже известное ему, как элемент его «знания», или его «памяти», откуда исходит эффект *очевидности* того, что является преконструктом.

Однако подобное дробление не обязательно представляет собой бинарное разложение, поскольку мы уже наблюдали на примере «аргументативных глаголов», что иногда бывает необходимо ввести имплицитный субъект высказывания *адверсативного* характера, что можно представить следующим образом:

или, чтобы учесть стратификацию такой множественности формы-субъекта,

Мы убеждены, что предикативное отношение не-ассертивного характера (а от такого отношения на поверхности текста остается лишь название: Нмз) может оказаться двусмысленным не только по форме, но и по тому, позволяет ли оно распознать возможное предшествование / внешний характер такого отношения. Иначе говоря, распознание условий соединения и разграничения между разными сторона-

ми распада формы-субъекта (в какое место определить источник(и) высказывания) представляет собой проблему не только синтаксического анализа. Такое распознание зависит от гипотез по поводу рассматриваемого дискурса, создаваемых при его *прочтении*.

Б. МАТЕРИАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО

1. ПЕРЕВОД, ПАРАФРАЗИРОВАНИЕ И МЕТАЯЗЫК

**СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА Нмз В СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*

Исследователями отмечалось обилие номинальных глагольных форм в официальном советском стиле.

Грамматики русского языка, изданные в Чехословакии (H a v r á n e k 1966; Б а р н е т о в а 1979), особо подчеркивают многочисленность Нмз в «официальной речи» (jednací řeč), считая, однако, эту проблему *стилистической*: каскады родительных падежей с Нмз в чешском языке «не проходят». Авторы, соответственно, предлагают переводить их с помощью иной синтаксической структуры: если в русском языке имеется единственное предложение со вставленной Нмз, чехи разбивают его на два простых, соединенных подчинительной или сочинительной связью.

Пример (H a v r á n e k 1966, t. 2, p. 167):

русский язык: *Эти события вызвали* ***утрату*** *высшим сословием своего привилегированного положения*

чешский язык: *Tyto události způsobili, ze nejvyšší vrstva* ***ztratila*** *své privilegované postavení*

букв.: Эти события привели к тому, что высшее сословие ***утратило*** *свое привилегированное положение.*

Таким образом, налицо подход с точки зрения «присущего каждому языку духа»: если в каком-то языке определенные конструкции возможны, то в другом они недопустимы — проблема лежит в сфере *сравнительной стилистики*.

Получается, что чешские грамматисты, разбивая на части русское предложение со вставленной Нмз, не показывают тем самым потенциальную *непрозрачность* конструкции с Нмз, довольствуясь лишь снятием двусмысленности через один-единственный однозначный вариант *перевода*.

Отсюда следует, что перевод представляет собой проблему, обойти которую невозможно. Перевод функционирует в точности как *парафраза*, и при попытке разобраться в двусмысленности, причиной которой является Нмз, неиз-

бежно оказываешься перед дилеммой, поскольку перевести означает *сделать выбор*, а значит, потерять *ту особую информацию*, которую представляет собой *двусмысленность*

*ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ И ДВОЙСТВЕННОСТЬ

Мы наблюдали за имплицитным как характеристикой способа функционирования естественного языка (все сказать нельзя) Однако имплицитное порождает *двусмысленности* «восстановление» невысказанного — процесс далеко не единственный и однозначный, главным образом по причинам строго *лингвистическим*, т е лежащим целиком в системе языка

Существует, следовательно, феномен *непрозрачности* — результат синтаксического вставления, что и порождает двусмысленности прочтения

Но двусмысленность происходит не только от трудностей интерпретации Можно задаться на законном основании вопросом если преконструкт действительно предшествует актуальному акту высказывания, что же тогда было «вначале», при «закодировании», в процессе производства высказывания, в «коммуникативном намерении» говорящего?

Думается, что синтаксическая проблематика *вставления*, исследованная нами, позволяет выделить различные ступени двусмысленности преконструкта в зависимости от форм вставления, начиная с простого предварения высказывания оборотом *тот факт, что* («неполной Нмз», по терминологии Вендлера и Арутюновой) и кончая полной Нмз, которая в русском языке содержит в себе максимум двусмысленности

Однако в отличие от языковой проблематики наша точка зрения заключается в том, что двусмысленность толкования вставленной структуры не требует непременно одного-единственного решения, исключающего прочие, что различные варианты толкования, хотя одни из них исключают другие, могут все же *сосуществовать* как на стадии приема, так и на стадии передачи высказывания Вот почему мы говорим преимущественно о двойственности, а не о *двусмысленности*, не отвергая при этом не-исключенного третьего

*ПЕРЕВОД И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Исследование массива текстов, написанных на иностранном языке, наводит на размышления о том специфи-

ческом типе парафразирования, каким является перевод Перевод (например, с русского языка на французский) одновременно есть

— *выбор интерпретации в пучке двусмысленностей*

ЛБ350-01 *Улучшение деятельности Советов должно осуществляться на основе их дальнейшей демократизации*

Буквальный перевод

L amelioration de l'activite des Soviets doit se realiser sur la base de leur democratisation continue / de la poursuite de leur democratisation

Перевод из «Cahiers du Communisme»

Les Soviets doivent ameliorer leur activite sur la base de leur démocratisation continue

Буквальный перевод

'Советы должны улучшать свою деятельность на основе своей дальнейшей демократизации'

Оба французских варианта русского текста различаются, по нашему мнению, очень значительно распределяемостью имплицитных и эксплицитных элементов Перевод из «Cahiers du Communisme» утверждает по поводу Советов, что они *должны улучшить свою деятельность* (через деноминализацию), тогда как буквальный перевод, менее приемлемый по-французски «стилистически», вызывает неуверенность относительно построения отношения

Советы — улучшать — деятельность

Является ли это чем-то уже существующим, способы реализации которого здесь обсуждаются (см «фактографическое» прочтение), т е является ли это объектом дискурса, или же это построенное в дискурсе отношение (для «идеографического» прочтения), вводящее, соответственно, в качестве *пресуппозиции* то, что в точности *заложено* во втором варианте, а именно

'Советы должны улучшать свою деятельность'?

Это *генератор двусмысленностей* во французском языке сравнительно с русским (при всем том, что французская фраза не двусмысленна, если учитывать ее обязательные составляющие) Так, русский инфинитив обладает маркером вида, а переводится французским инфинитивом без такового Если попытаться *перевести его обратно*, то возникнет проблема *выбора* вида в русском

НХ125-24 *Теперь, когда с нами нет гениальных основоположников научного коммунизма, а жизнь выдвигает все новые и новые вопросы, ответ на них должны* ***давать*** *ученики и последователи Маркса и Ленина*

Maintenant que les géniaux fondateurs du communisme scientifique ne sont plus parmi nous et que la vie pose des problèmes toujours nouveaux, ce sont les disciples et les continuateurs de Marx et de Lénine qui doivent y ***donner*** *une réponse*

Обратный перевод этой фразы на русский язык потребует выбора, специфицирующего вид *давать* или *дать* Следовательно, перевод как операция не нейтрален, поскольку он не всегда *обратим*

Проблема перевода очень важна, особенно в тексте *политического* характера Перевод нарушает равновесие двусмысленностей он устраняет некоторые из них (речь, однако, идет о *выборе* среди разнообразных решений, а не о единственном *решении*, что не одно и то же) и создает другие — оба явления связаны между собой соответствующими формами языка источника и языка перевода

И здесь мы подошли вплотную к самой сути «несводимости» параметров языка, о которой нами было заявлено во введении если метаязык — в процессе устранения двусмысленности — язык парафразы — является конечным языком перевода (на естественный язык), то двусмысленность частично становится соотносимой с обязательными формами каждого языка (ср «непереводимая игра слов»)

И наконец, в русском языке существует двусмысленность ИС фундаментального характера по сравнению с французским заключается она в отсутствии артикля Во французском выбор одного из двух артиклей обязателен в позиции детерминатива (Дет) в такой, например, схеме

Дет + C_1 + de + (Дет) + C_2

Интерпретация детерминатива такой схемы во французском языке может иметь особые последствия в политическом тексте

НХ 129-04 *Наша партия будет развивать братские связи со всеми коммунистическими и рабочими партиями*

Notre parti développera des / les / ses liens fraternels avec tous les partis communistes et ouvriers

От выбора детерминатива будет зависеть толкование «в определенной дескрипции» (а стало быть, и эффект преконструкта)

ses liens (их связи)   *les liens qui sont les siens* 'связи — их'

с пресуппозицией *Notre parti a des liens fraternels avec* *'Наша партия имеет братские связи с...'* —
или в простой ИС

des liens fraternels 'братские связи',

а дополнение *avec tous les partis communistes et ouvriers 'со всеми коммунистическими и рабочими партиями'* нужно будет привязать непосредственно к глаголу Перевод из «Cahiers du Communisme»

developpera **les** *liens* - *'будет развивать связи'* —
направляет эффект преконструкта на *les liens 'связи'*, несмотря на то что детерминативное отношение ***ses liens*** здесь не эксплицировано

Если же представляется более естественным ориентироваться на детерминативную интерпретацию, то «в языке» ничто не препятствует переводу с неопределенным артиклем Однако если перевести таким образом, то *будет ли это ошибкой языковой или же сбоем в интерпретации дискурса?*

Следовательно, выбор в пользу того или иного толкования в пучке двусмысленностей может быть определен через формы языка (необходимость сохранить грамматические структуры в языке перевода) и через формы дискурса (что и должно быть истолковано и что не может быть истолковано в дискурсе) Рамки языка ограничивают интерпретирующего так же, как и рамки дискурса, находящиеся в распоряжении интерпретирующего

Советский политический дискурс характеризуется в дискурсном отношении возможностью русского языка представить номинализированные формы Можно, следовательно, говорить о дискурсном процессе, «обретающем плоть» в языковом явлении. Важным для нас является то, что *расстановка субъектов* путем смещения уровней утверждения принимает в нем форму, которая неизбежно отличается от французских форм

2. ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ ЯЗЫКА И ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ ДИСКУРСА

Было бы заманчивым на данном этапе работы рассмотреть количественную сторону проблемы, отделить ассертив от не-ассертива, эксплицитные отношения от имплицитных в нашем массиве текстов и сравнить НХ и ЛБ

Однако поставленные нами цели делают подобную процедуру проблематичной

В самом деле, мы убедились, что Нмз порождает двусмысленность на многих уровнях.

— она может функционировать предикативно или сугубо номинально;

— в случае «соотносимости» ее с глубинным глагольным высказыванием формы, которые может принимать последнее, многочисленны, и не только из-за того, что происходит нейтрализация чисто глагольных черт, но также и потому, что имеется возможность толкования Нмз как *факта* или простого *имени действия*.

А теперь нам хотелось бы показать, что *интерпретация* Нмз в виде предикативного высказывания-преконструкта или имени действия не является прерогативой исключительно лингвистического анализа форм, несмотря на всю его точность, но должна также учитывать условия производства и интерпретации, иначе говоря, то, что можно назвать «прочтением».

Действительно, если бы толкование различных случаев Нмз представляло собой проблему «подсчета», то достаточно было бы составить список Нмз в разных синтаксических позициях, которые Нмз могут занять, а также в различных глагольных контекстах, где они обнаруживаются, и разграничить, таким образом, их функциональные формы. Частотный подсчет Нмз в тексте с учетом этих контекстуальных условий позволил бы определить *степень* ответственности за данный текст, принимаемой на себя говорящим. Таким образом стало бы возможным построение типологий дискурса, основанных на выделении языкового элемента.

Мы видели (ч. 1, А, 3.2), что отношение Нмз к общему количеству существительных массива было порядка 42%. Мы видели также (ч. 1, С, 1), что отношение Нмз и соответствующих глаголов (все формы без различия) также складывается в пользу Нмз на большом количестве лексических единиц.

Мы считаем, что такой подсчет, каким бы интересным он ни был, является артефактом, поскольку может создавать эффекты *помех*.

В самом деле, зачем подсчитывать *борьба* как не-ассертив и *бороться* как ассертив, если можно воспользоваться аналитическим предикатом типа *вести борьбу*, где Нмз не может быть ничем иным, кроме номинальной части

глагольного оборота? А если все же располагать полным списком схем Гл — Нмз или Нмз — Гл, то вывести из них какое-либо заключение относительно отношения «Нмз — ассерция» в дискурсе также будет практически невозможно.

Ведь в ИС (C_1C_2) в позиции C_1 Нмз может функционировать с ярко выраженной двойственностью Напомним, что синтаксическое определение номинализации допускает отсутствие отношения морфологической деривации с глаголом: так, для «***воля** партии* + инф.» можно предложить глагольную парафразу «*партия **хочет*** + инф.».

А теперь распространим процедуру на все ИС (C_1C_2). Мы полагаем, что ИС

HX107-26: *...**попытки** бывшего **министра** обороны Жукова стать на путь авантюризма...*
может отсылать как к глагольному высказыванию, содержащему Гл, который находится в отношениях деривации с *попытки*:

— *бывший министр обороны Жуков **пытался** стать на путь авантюризма*,
так и к глагольному высказыванию, содержащему ту же Нмз внутри глагольного оборота:

— *бывший министр обороны Жуков **делал попытки** стать на путь авантюризма*

Далее возьмем ИС *подвиг молодежи*:
существительное *подвиг* не находится в отношениях деривации с глаголом (как французское слово exploit), однако ИС *подвиг молодежи* можно толковать как Нмз предложения *молодежь совершает / совершила подвиг.*

Нейтрализация признаков глубинного глагольного высказывания здесь направлена также на саму лексическую глагольную опору. Потребовалось, однако, реконструировать глагол-опору, которого в самой ИС не было. Насколько нам известно, теории такой реконструкции до сих пор не создано.

Как же в самом деле выяснить, можно ли восстанавливать глагол в ИС (C_1C_2), и если да, то где следует «остановиться»? Отыскивать глагол в любой Нмз подобным образом означает, по нашему мнению, слишком строгий трансформационалистский подход[24]. Рассмотрим следующий пример из нашего массива текстов:

HX131-39: *народы Советского Союза*

Можно ли «подняться» от данной ИС к такому глагольному высказыванию, как

? народы Советского Союза
или
? Советский Союз имеет народы?

Мы полагаем, что найти здесь можно не отношение предикации между C_1 и C_2, т е автономное высказывание, подвергающееся девербализации при ее трансформации в ИС, но отношение детерминации, из-за чего в глубинную структуру следует поместить не автономное высказывание, а именно ИС следующей формы

народы, находящиеся в Советском Союзе
принадлежащие к Советскому Союзу

'les peuples qui se trouvent en Union Soviétique
qui appartiennent à l'Union Soviétique'

или же другую возможную во французском языке (но не в русском) парафразу

les peuples qui sont de l'Union Soviétique

В этом втором типе ИС нет различия с относительным прилагательным:

народы Советского Союза — советские народы

Такое различение двух возможных функционирований ИС (C_1C_2), как предикатива или детерминатива, приобретает особую важность при обращении к проблеме референции и имплицитного ИС (C_1C_2), следовательно, является «определенной дескрипцией», но может иметь ряд прочтений:

— это настоящее существительное — следовательно, налицо *идентификация* с отсутствием или наличием пресуппозиции существования референта,

— это Нмз, следовательно, налицо *предикация* с наличием или отсутствием пресуппозиции истинности вставленной фразы.

Итак, мы ставим проблему следующим образом что такое «ИС» формы C_1C_2, или, скорее, в какой мере схема C_1C_2 является Нмз?

И ответ будет таким схема C_1C_2, являясь последовательностью составляющих, образует ИС лишь в абстрактной синтагматической модели, вряд ли могущей учесть *двойственное* функционирование вершины C_1 данной ИС. И с этой точки зрения сама Нмз представляет собой лишь частный случай более общей проблемы: проблемы *предикативного функционирования существительных*, или, что более точно, *безглагольных предикативных отношений,* с учетом *неассертивного*, а стало быть, *имплицитного*, характера таких отношений

В конечном счете мысль эту можно сформулировать так если предикат есть то, что говорится об имени существительном-субъекте в течение акта высказывания (а существительное предположительно имеет уже существующую до предикативного отношения референцию), то становится возможным *создавать предикаты при помощи существительных*, т е обеспечивать *предикацию имплицитно*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы далеки от того, чтобы считать «деревянный язык» *ложным*, особенность его заключается, скорее, в ассерции простых *отношений* между предметами-преконструктами. В этом смысле можно говорить о пародии на научный дискурс, констатирующий *наблюдаемые факты* Ответственность за утверждение этих фактов возлагается в широком смысле на некоего «универсального субъекта», пустующая позиция которого может быть занята «кем угодно»

Но действительно важным для нашего исследования является то, что формы языка легко поддаются перемещениям, сдвигам, подвержены колебаниям ассертивного статуса, содержащегося во включенном предложении

Как показывает весь рассмотренный массив текстов, советский политический дискурс не содержит никаких *эксплицитных* признаков неоднородности, анализируемых, например, в работе Ж Отье (1984), если не считать редких уже упоминавшихся высказываний, вводимых союзом *будто* (который указывает на то, что производитель высказывания не берет на себя ответственность за соответствующее высказывание, например *они говорят, будто*)

Выраженное номинализацией «внетекстовое» не проявляется на эксплицитном уровне, оно не «*показано*», а лишь «*указано*», использовано, «*введено под именем*» некоторого объекта реальности, поскольку имеет форму существительного Таким образом, признак усиления единства отсутствует, и в этом наш вывод противоречит заключениям авторов работ (H e l l e r 1979) или (L a b b e 1977), стремящихся представить дискурс КПСС или ФКП в качестве «монолитной», полностью замкнутой на себе самой системы Однородность дискурса разрывается в своих слабых местах, а именно там, где происходит смещение различных планов производства высказывания.

Исследованный нами материал напоминает узор или ткань, сплетенные из отношений-нитей с чем-то внешним,

лежащим за пределами текста, что придает ему крайне неоднородный характер с точки зрения места и времени (в металингвистическом понимании) образования референта определенных выражений ИС (C_1C_2).

Однородный, монолитный, единый в первом приближении материал является на самом деле продуктом «деятельности», внешней по отношению к нему, имевшей место вне дискурса. Мы имеем дело с дискурсом, стремящимся дать наименования всем объектам реального мира, охватить его во всей полноте, но фактически неспособным обойтись без Другого, чему в то же время невозможно дать имени (отсюда неразрешимая дилемма: высказать невыразимое, говорить о том, что в дискурсе не может иметь референции, или позволить этому Другому занять место в собственной речи, хотя любое эксплицитное референциальное существование этого Другого отрицается).

В такой стремящейся быть совершенной конструкции происходят *сбои* дискурса в его притязаниях на однородность: дело в том, что *внутри дискурса постоянно присутствует его Другое*, а ложная постоянность очевидного есть не что иное, как маска полемики самооправдания.

Субъект акта высказывания становится субъектом не потому, что претендует на истинное освещение действительности благодаря дискурсу, который он пытается сделать гомоморфным действительности («карта есть территория»), а потому, что он *выдает* собственную потребность в Другом (хотя это «Другое» отрицается), чтобы говорить о себе самом (возможность другой карты для этой же территории, а через это — вынужденное признание Другого, формальные маркеры появления которого в дискурсе можно обнаружить). И все же карта — *не* территория, иначе она *не* была бы картой...

Можно говорить о настоящем изгнании (прогрессирующем от НХ к ЛБ) конфликтных субъектов акта высказывания с ассертируемой поверхности, отныне появляющихся только в *имплицитных* высказываниях, от которых не остается ничего, кроме следов, «маркеров напоминания»: Нмз и ИС (C_1C_2).

Постулат единства партии (X съезд партии: запрет фракций) и однородности народа (Программа партии 1961 г.: всенародное государство) исключает всякую *эксплицитную* позицию для субъектов-противников, находящихся внутри советской общественной формации[25]. Они,

однако, не могут не появляться в имплицитном виде, они оказывают сопротивление в том «поперечном» дискурсе, или интердискурсе, который пронизывает наш массив.

Мы далеки от того, чтобы считать Генерального секретаря гениальным или безумным Макиавелли наших дней, мастерски манипулирующим синтаксическими структурами, — в его дискурсе можно обнаружить лишь *форму-субъект*, состоящую из явно преобладающих предикативных отношений-преассертивов, системы псевдоочевидных фактов, принятых значений, имплицитных опровержений, направленных не только на адресата, но и на говорящего, как элементов, *внешних* дискурсу и *вставленных* в дискурс

Таким образом, прослеживается тенденция к связи между употреблением номинализированных форм и *подчинением* путем *идентификации* субъекта универсальному субъекту (стирание условий производства референции), при невозможности установления a priori механической связи между Нмз и преконструктом. Именно поэтому мы не предлагаем типологию дискурсов, основанную на выделении частотности Нмз, что представило бы проблемы приема и толкования текстов и отношения синтаксис / семантика как решенные.

В заключение отметим, что советский политический дискурс характеризуется двумя противоположными тенденциями (по крайней мере в пределах исследованного массива): декларируемыми гомогенностью, единством и монолитностью, с одной стороны, и лежащей в основе его неоднородностью — с другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Речь идет не только о референте существительных, но также о совокупности всего того, что было и могло быть сказано до собственно текста, в ином, чем данный текст, месте, того, что составляет «память» этого текста, см ниже ч 1, гл В

2 А.Д. в СССР, похоже, совершенно неизвестен Вместо него существует грамматика текста, изучающая внутритекстовые отношения вне какого бы то ни было указания на условия производства и толкования текстов

3 Относительно компьютерной обработки данного материала см: S é r i o t 1985, 127 и далее

4 ЛБ346-05 означает «речь Брежнева, с 346, строчка 5».

[5] См Pêcheux 1975, Henry 1974, 1975, 1977, Borel 1975, Lecomte 1978, Courtine 1981

[6] Данной метафорой мы обязаны Жану Брейяру, за что мы его, пользуясь случаем, и благодарим

[7] В терминах А Кюлиоли см теорию «лексиса»

[8] $С^{ТВ}$ — существительное в творительном падеже

[9] Чешский лингвист, работающий в Пражском университете

[10] Речь идет о возможности трансформации одной поверхностной структуры в другую, что напоминает скорее школу Харриса, чем Хомского

[11] Данная фраза в буквальном смысле непереводима на французский язык, ее можно перевести лишь двумя вариантами, представляющими собой результат различного *выбора* по устранению двусмысленности

[12] Оппозиция здесь проходит не между фактографической и идеографической модальностями, а между двумя аспектами одного и того же действия

[13] Речь идет о бурно развивающейся в последние пятнадцать лет в СССР «пропозициональной семантике» — течении в рамках «лингвистики речи», кроме работ Арутюновой см Звегинцев 1976, Степанов 1981

[14] «Абстрактное время» есть термин метаязыка, см Fuchs 1980, 432

[15] Следует отличать дискурсное понятие преконструкта («дискурсные следы, составляющие пространство памяти определенной последовательности» (Pécheux 1983, 4)) от логического понятия пресуппозиции, реконструируемой на основе внутренних логических операций и являющейся частью личностной сферы психологического субъекта

[16] Глагол, который со следующей за ним Нмз функционирует в качестве *опровержения* предыдущего имплицитного высказывания, высказывание с таким глаголом помещается в некий мнимый диалог, в котором собеседник подвергает сомнению содержание помещенной справа от этого глагола номинализированной ИС, см Seriot 1985, 241 sqq

[17] Данный термин не имеет ничего общего с лакановской оппозицией «Другое» — «другой»

[18] Что предпочтительнее «полидромии» (Kuentz 1972, 28)

19 Напомним, что Кюлиоли понимает под ассерцией операцию акта высказывания, преобразующую лексис в высказывание, речь идет, иными словами, о выборе позиции субъектом акта высказывания по поводу предикативного отношения См C u l i o l i, 1968 112 sqq

20 Отметим, что советский политический дискурс во Франции часто описывается как «деревянный язык» Считается, что говорит он о «том, чего на самом деле не существует» Критику этих взглядов см в S é r i o t 1985, chap 1

21 Ср с фразой-ассертивом без связки в настоящем времени Пример *Советский народ - народ-победитель*

22 В означает высказывание-ассертив

23 {АРГ} — аргументированный глагол

24 Для Дюбуа (D u b o i s, 1969, 65), например, *Le chapeau de Pierre* 'шляпа Петра' является Нмз предложения Le chapeau est de Pierre ('шляпа есть Петра') со стертой связкой Но также можно было бы в равной степени воссоздать предложение *Pierre a un chapeau (Пьер имеет шляпу)* (ср D u b o i s 1969, 50, 54)

25 В этом отношении сталинский дискурс, эксплицитно говорящий *троцкистско-гитлеровские предатели* или *агенты Тито*, совершенно иначе представлял конфликтных субъектов акта высказывания

КОММЕНТАРИИ

ЖАН-ЖАК КУРТИН
ШАПКА КЛЕМЕНТИСА (ЗАМЕТКИ О ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ)

Эта работа имеет двоякое происхождение. Прежде всего, она написана в русле традиции анализа дискурса, активно развивавшейся во французской лингвистике с конца 60-х по 80-е гг. Этот анализ, осуществлявшийся на стыке истории, марксизма, психоанализа и наук о языке, имел своей целью установление условий создания и функционирования текстов в плане идеологии. Особое внимание эта традиция уделяла описанию текстов, входивших в сферу французского политического дискурса: так, рассматриваемая статья представляет собой часть более обширного исторического исследования, посвященного обращениям французской коммунистической партии к христианам с 1936 по 1976 г. (см.: Jean-Jacques Courtine. Quelques problèmes théoriques et méthodologiques en analyse du discours, à propos du discours communiste adressé au chrétiens — *Langage*s, 62, juin 1981).

Второй источник этой работы — стопроцентно политический: оставаясь в рамках исследований в области языка, вдохновлявшихся в то время марксизмом, она внесла свою лепту в развертывание левой антисталинистской критики. Именно этим объясняется настойчивое обращение к теме памяти и забвения в коммунистическом дискурсе: автор стремился установить в этом плане связь между различными формами затушевывания реальности, которые были тогда характерны для французских коммунистов, и привычкой к переписыванию истории, присущей тоталитарным режимам советского типа.

ПОЛЬ АНРИ
ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СВЯЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДИСКУРСА

Эта работа была опубликована в 1975 г. в номере журнала *Langages*, полностью посвященном проблемам анализа дискурса. В ней П. Анри рассматривает сквозь призму детерминации проблему дискурсного статуса референтов. Эта

проблема является фундаментальной для анализа дискурса, поскольку от нее зависит анализ именных групп. Понятие референциальной автономности подвергается критическому рассмотрению, в ходе которого П. Анри показывает, что имеется постоянное колебание между *порядком вещей и идей* и *порядком дискурса* (здесь он использует термины грамматик XVIII в.), колебание, одновременно устанавливающее и уничтожающее вечное несовпадение между «идеей» и «грамматической формой», проявляющееся, в частности, в том факте, что лексические единицы могут менять синтаксическую категорию. Так П. Анри приходит к изучению *лингвистических* трудностей, с которыми сталкиваются «теория ограничения выбора» и референциальный анализ; он подвергает тщательному разбору различные решения, которые были предложены в рамках порождающей грамматики для описания функционирования относительных конструкций. В плане терминологии существенно отметить, что оппозиция между тем, что часто называют *ограничительным* и *объяснительным* (или *описательным*), здесь обозначается терминами *определительный* и *аппозитивный* соответственно. Цель данной замены — избежать прямолинейной «теоретико-множественной» интерпретации, при которой ограничительная относительная конструкция понимается как выбирающая из всего множества элементов N элементы N', т.е. такие N, что..., а аппозитивная относительная конструкция — как описывающая или поясняющая какое-либо свойство, присущее рассматриваемым элементам N. Критические размышления П. Анри направлены на логицистические презумпции этой концепции, которой он противопоставляет процесс *насыщения*, благодаря которому осуществляется установление референта в дискурсе. Иначе говоря, в случае с французскими относительными конструкциями различия в их интерпретации имеют место не на уровне языка: существует одна и та же структура, лежащая в основе двух *различных дискурсных употреблений*

Чтобы быть понятым русскими читателями, добавим, что относительные конструкции, употребляемые во французском языке, гораздо более многозначны, чем в русском Так, по-русски могут быть противопоставлены две фразы:

1) Профсоюзы, которые защищают (защищающие) трудящихся, демократичны.

2) Те профсоюзы, которые защищают трудящихся, демократичны.

Первая фраза двузначна, поскольку ей можно приписать как определительную, так и аппозитивную интерпрета-

цию, а вторая — нет. наличие указательного местоимения ТО перед антецедентом с необходимостью требует интерпретировать ее как определительную.

Между тем эти две фразы имеют один и тот же французский перевод: *Les syndicats qui défendent les travailleurs sont démocratiques*. Так неустранимая специфика языка в очередной раз накладывается на утверждения относительно дискурса.

Жан-Клод Мильнер — преподаватель общей лингвистики в университете Париж-VII. Генеративист по образованию, он одновременно входит в число французских лингвистов, наиболее близких к лакановскому психоанализу. Двумя его самыми значительными работами являются L'amour de la langue (Paris: Seuil, 1978) и Les noms indistincts (Paris: Seuil, 1983).

Эффекты значения: это употребительное во французской лингвистике выражение, идущее от Гюстава Гийома, необходимо для разграничения понятий «значение» и «обозначение референта». Здесь оно показывает, что «значение» — не феномен. внутренний по отношению к системе языка, но нечто, индуцируемое особенностями конкретного дискурса.

РЕЖИН РОБЕН
АНАЛИЗ ДИСКУРСА НА СТЫКЕ ЛИНГВИСТИКИ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ВЕЧНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

В этой работе историк Режин Робен ставит эпистемологическую проблему, неизменно волнующую интеллектуальную общественность Франции с конца 60-х годов: что является объектом науки о языке? Полемика со структурной лингвистикой (Р. Робен подчеркивает ее сходство с критикой В. Волошиновым «абстрактного объективизма» уже в 1929 году) направлена на обнаружение *необходимой* связи между языком и его использованием (социолингвистическим и прагматическим) в социуме. В то же время статья Р. Робен, напротив, утверждает неустранимость «языковой материи», невозможность говорить что угодно, поскольку всякий говорящий субъект связан определенным количеством правил, существование которых доказывается самим тем фактом, что с ними можно *играть*, правил, совокупность которых не однородна и не поддается полной формализации. вопреки тому, к чему стремятся все формализованные представления языка. Эта статья позволяет говорить о комплексном соответствии языка и дискурса.

ЭНИ ПУЛЬЧИНЕЛЛИ ОРЛАНДИ
ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ АНАЛИЗА ДИСКУРСА

Работа посвящена анализу процессов обозначения, применявшихся в дискурсах о Бразилии, созданных европейцами с XVI в. и до наших дней. Эти дискурсные процессы помещают Бразилию в рамки определенной национальной идеи, определенной концепции национального языка, определенного типа исторического развития, что имеет немаловажные последствия для бразильского общества. В книге Э. Орланди делается попытка понять эти процессы, лежащие в основе взаимоотношений между Бразилией и Европой. Основываясь на анализе дискурса, автор демонстрирует своеобразный подход к истории науки, связывая воедино лингвистику, антропологию и историю.

МИШЕЛЬ ПЕШЁ
ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ (ОТРЫВКИ)

Книга была опубликована в 1975 г. в издательстве «Масперо» и почти сразу распродана. Переведена на английский и португальский (в Бразилии) языки.

В настоящий сборник вошли наиболее важные фрагменты работы, касающиеся проблемы *значения*, а также те главы, в которых через критическое прочтение трудов Г. Фреге анализируются понятия *преконструкта* и *стыковки высказываний*, ключевые для определения места языка в теории дискурса.

МИШЕЛЬ ПЕШЁ
ЧТО ЗНАЧИТ ЧИТАТЬ АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ СЕГОДНЯ?

Эта работа, опубликованная в журнале с очень небольшим тиражом, давно уже стала библиографической редкостью. Посвященная критике внутриязыковой семантики, статья показывает, что любая методика чтения одновременно представляет собой письмо, изменение смысла в зависимости от условий его интерпретации. Вопреки всем позитивистским опытам «речевой терапии» в духе Венского кружка, она, напротив, утверждает *необходимость неоднозначностей в любом тексте*.

МИШЕЛЬ ПЕШЁ
КОНТЕНТ-АНАЛИЗ И ТЕОРИЯ ДИСКУРСА

Эта книга — первая книга М. Пешё — вышла в 1969 г. в издательстве «Дюно» и давно полностью распродана. Переведена на английский, испанский и португальский (в

Бразилии) языки В настоящий сборник вошли фрагменты, посвященные проблеме условий порождения дискурса Опираясь на «информационную» схему коммуникативного акта, близкую к схеме Р Якобсона, М Пеше предпринимает попытку дать новые определения элементам А и В, выполняющим роли говорящего и слушающего Он использует сдвиг, который сам же и критикует, от понятия «место», определяющего «объективное» положение индивида внутри социальной структуры, к понятию «образ места» (приписываемого себе и другому) Его исследование касается *воображаемых построений*, присутствующих в коммуникации

ПАТРИК СЕРИО
РУССКИЙ ЯЗЫК И СОВЕТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: АНАЛИЗ НОМИНАЛИЗАЦИИ

Работа П Серио, которая легла в основу этой статьи, была опубликована в 1985 г и преследовала одновременно две цели Ближайшая цель состояла в опровержении поверхностного взгляда на советский политический дискурс как на «ничего не сообщающий», «говорящий о несуществующих вещах», как на «дискурс, полностью замкнутый сам на себя» В работе было, напротив, показано, что Другой всегда присутствует в этом дискурсе благодаря риторике, направленной на имплицитное опровержение его слов

Но поскольку это имплицитное опровержение базировалось на таком специфическом синтаксическом явлении, как номинализация, то второй целью было продемонстрировать, что между именем и предложением существует постепенный, градуальный переход, позволяющий вводить в текст текстовую память в виде имен, напоминающих о предложениях, которые были или могли быть произнесены до текста, вне текста или даже независимо от него

Так удалось продемонстрировать, что чтение русского текста в оригинале и во французском переводе — это два типа чтения, два различных типа интерпретации

П Серио

БИБЛИОГРАФИЯ

Адамец 1973 — Адамец П О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных — *Научные доклады высшей школы (Филологические науки)* 1973, № 4

Арутюнова 1976 — Арутюнова Н Д Предложение и его смысл М Наука, 1976

Барнетова 1979 — Барнетова В и др Русская грамматика Прага Академия, 1979

Барт 1989 — Барт Р Смерть автора — В сб Барт Р Избранные работы Семиотика Поэтика Пер с фр М Прогресс, 1989, с 384—391

Бахтин 1929 — Бахтин М Проблемы творчества Достоевского Л, 1929

Бахтин 1963 — Бахтин М Проблемы поэтики Достоевского (2-е, измен изд, 1929) М, 1963 (Tr fr La poetique de Dostoievski P Seuil, 1970, et Problèmes de la poetique de Dostoievski Lausanne Ed de l'Age d'homme, 1970)

Бахтин 1965 — Бахтин М Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса М, 1990 (по изд М, 1965) (Tr fr L'oeuvre de François Rabelais et la culture populaire au Moyen Age et sous la Renaissance Paris Gallimard, 1970)

Бахтин 1975 — Бахтин М Вопросы литературы и эстетики (гл «Слово в романе») М, 1975 (Tr fr Esthetique et theorie du roman Paris Gallimard, 1978)

Бахтин 1979 — Бахтин М Эстетика словесного творчества (ст «К переработке книги о Достоевском» «Из записей 1970—1971» «Ответ на вопрос редакции "Нового мира"» «К методологии гуманитарных наук» «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках») М, 1979

Волошинов 1929 — Волошинов В Н Марксизм и философия языка Л, 1929 (Tr fr Bakthine M (Voloshinov V) Marxisme et philosophie du langage Paris Minuit, 1977, переизд в DRLAV, 1982, № 26

Звегинцев 1976 — Звегинцев В А Предложение и его отношение к языку и речи М , 1976

Ленин 1947 — Ленин В И Собр соч , т 2, т 14

Мандельштам 1980 — Мандельштам О Слово и культура М Сов писатель, 1980

Медведев 1928 — Медведев П Н Формальный метод в литературоведении Л , 1928

Петров В В , Переверзев В Н Обработка языка и логика предикатов Новосибирск Изд Новосиб унив , 1993

Серио 1995 — Серио П Лингвистика и биология У истоков структурализма биологическая дискуссия в России — В сб Язык и наука конца 20 века Под ред акад Ю С Степанова М Изд-во РГГУ, 1995

Соссюр 1977 — Соссюр Ф де Труды по языкознанию М Прогресс, 1977

Степанов 1981 — Степанов Ю С Имена, предикаты, предложения М Наука, 1981

Степанов Ю С В поисках прагматики (Проблема субъекта) — М Изв АН СССР Серия литер и яз Т 40, № 4, 1981

Структурализм за и против М Прогресс, 1975

Хинтикка 1980 — Хинтикка Я Логико-эпистемологические исследования Пер с англ М Прогресс, 1980

Хомский 1965 — Хомский Н Аспекты теории синтаксиса М , 1965

Якобсон 1972 — Якобсон Р О Шифтеры, глагольные категории и русский глагол — В сб Принципы типологического анализа языков различного строя М Наука, 1972

A D E L A (Projet de R C P Analyse de Discours et Lecture d'Archive), Annexe 3 Recherches linguistiques sur la discursivité (F Gadet, J -M Marandin, M Pêcheux)

Ackermann 1956 — Ackermann W Représentation et assimilation des connaissances Paris CERP, 1956

Althusser 1964 — Althusser L Freud et Lacan (переизд в Positions Paris Ed Sociales, 1976)

Althusser 1968 — Althusser L Marxisme et humanisme — In Pour Marx Paris Maspéro, 1968

A l t h u s s e r 1968 a — A l t h u s s e r L Lire Le Capital Paris Petite Collection Maspero, 1968

A l l t h u s s e r 1968 — A l t h u s s e r L La philosophie comme arme de la revolution — *La Pensee*, 1968. № 138 (перепеч в Positions Paris Ed Sociales, 1976)

A l t h u s s e r 1970 — A l t h u s s e r L Ideologie et Appareils idéologiques d'Etat — *La Pensee*, 1970, № 151

A l t h u s s e r 1972 — A l t h u s s e r L Lenine et la Philosophie Paris Maspero, 1972

A l t h u s s e r 1973 — A l t h u s s e r L Reponse a John Lewis Paris Maspéro, 1973

A l t h u s s e r 1974 — A l t h u s s e r L Elements d'autocritique Paris Hachette, 1974

A l t h u s s e r 1975a — A l t h u s s e r L Lire le Capital Paris Maspéro, 1975

A l t h u s s e r 1975 — A l t h u s s e r L Positions Paris Hachette, 1975

A n n e a r - T h o m p s o n 1971 — A n n e a r - T h o m p s o n S The deep structure of relative clauses in Y Fillmore and D T Langendoen (eds) Studies in syntax and semantics New York Holt-Rinehart, 1971

A r m a n d 1949 — A r m a n d G A la façon de Léon Paul Fargue Paris Masson, 1949

A r n a u l d, L a n c e l o t 1969 — A r n a u l d A, L a n c e l o t C Grammaire génerale et raisonnee (1660) Republications Paulet, Paris, 1969, XXVIII 157 p (рус пер А А р н о, Кл Л а н с л о Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля М Прогресс, 1990, 1998 (2-е изд))

A r n a u l d, N i c o l e 1970 — A r n a u l d A, N i c o l e P La logique et l'art de penser (1662—1683) Paris Flammarion, 1970 (рус пер А А р н о и П Н и к о л ь Логика, или Искусство мыслить М Наука, 1991)

A r r i v é, G a d e t, G a l m i c h e 1986 — A r r i v é M, G a d e t F, G a l m i c h e M La grammaire d'aujourd'hui guide alphabetique de linguistique française Article "Discours" Paris Flammarion, 1986

A u l a g n i e r 1967 — A u l a g n i e r P La féminité — In Le desir et la perversion Paris Seuil-Points, 1967

A u r o u x 1981 — A u r o u x S Introduction a «La langue des calculs» de Condillac Presses Universitaires de Lille, 1981, p 17

A u t h i e r 1978 — A u t h i e r J. Les formes du discours rapporté. Remarques syntaxiques et sémantiques à partir des traitements proposés. — In: DRLAV, 1978, № 17.

A u t h i e r 1979 — A u t h i e r J. Parler avec des signes de ponctuation (ou de la typographie à l'énonciation). — In: DRLAV, 1979, № 21.

A u t h i e r 1980 — A u t h i e r J. Paroles tenues à distance. — Comm. au Colloque «Matérialités Discursives» 1980, 24—26 avril. Université de Paris 10. Nanterre, Actes publiés aux P.U. Lille (1981).

A u t h i e r 1982 — A u t h i e r J. La mise en scène de la communication dans des discours de vulgarisation scientifique. — *Langue Française*, 1982, № 53.

A u t h i e r - R e v u z 1982 — A u t h i e r - R e v u z J. Hétérogénéité montrée et hétérogénéité constitutive: éléments pour une approche de l'autre dans le discours. — In: DRLAV, 1982, № 26 (рус. пер. в наст. сб.).

A u t h i e r 1984 — A u t h i e r J. Hétérogénéités énonciatives. — *Langages*, 1984, № 73.

B a c h e l a r d 1938 — B a c h e l a r d G. La formation de l'esprit scientifique. Paris: Vrin, 1938.

B a c h e l a r d 1940 — B a c h e l a r d G. La philosophie du non. Paris: PUF, 1940.

B a c h e l a r d 1949 — B a c h e l a r d G. Le rationalisme appliqué. Paris: PUF, 1949.

B a k h t i n e 1977 — B a k h t i n e M. Le Marxisme et la philosophie du langage. Paris: Ed. de Minuit, 1977 (переизд. в DRLAV, 1982, № 26).

B a l i b a r E. 1974 — B a l i b a r E. La Rectification du Manifeste communiste. — In: Cinq études du matérialisme historique. Paris: Maspéro, 1974.

B a l i b a r R. 1974 — B a l i b a r R. Les Français fictifs. Paris: Hachette, 1974.

B a l i b a r 1985 — B a l i b a r R. L'institution du français, essai sur le colinguisme des Carolingiens à la République. Paris: PUF, 1985.

B a l i b a r, L a p o r t e 1974 — B a l i b a r R., L a p o r t e D. Le français national, politique et pratique de la langue nationale sous la Révolution. Paris: Hachette Littérature, 1974.

Balibar, Macherey 1974 — Balibar E., Macherey P. Sur la littérature comme forme idéologique. Quelques hypothèses marxistes. — *Littérature*, 1974, № 13

Banfield 1973 — Banfield A. Narrative style and direct and indirect speech. — *Foundations of language*, 1973, № 10. Version française: Le style narratif et la grammaire des discours direct et indirect. — *Change*, 1973, № 16/17.

Barbault, Desclés 1972 — Barbault M.C., Desclés Y.P. Transformations formelles et théories linguistiques. — In: Documents de linguistique quantitative. Paris: Dunod, 1972.

Barthes 1975 — Barthes R. Le second degré et les autres — et le frisson du sens. — In: Ecrivains de toujours. Paris: Seuil, 1975

Barthes 1978 — Barthes R. Préface à F. Flahault. «La parole intermédiaire». Paris Seuil, 1978.

Barthes 1978a — Barthes R. Lecon. Paris: Seuil, 1978

Baudelot, Establet 1971 — Baudelot, Establet. L'Ecole capitaliste en France. Paris: Maspéro, «Cahiers libres», 1971.

Benveniste 1970 — Benveniste E. L'appareil formel d'énonciation. — *Langages*, Paris, 1970, № 17 (рус. пер.: Формальный аппарат лингвистики. — В сб.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974, с. 311—319)

Benveniste 1966—1974 — Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. Paris Gallimard, t. 1: «L'homme dans la langue», 1974, t. 2: chap. 5.

Benveniste 1966 — Benveniste E. Chap. 10: Les niveaux de l'analyse linguistique

Benveniste 1974 — Benveniste E. Chap. 3: Sémiologie de la langue.

Berelson 1952 — Berelson B. Content analysis in communication research. Glencoe: The Free Press, 1952.

Besche-Commenge 1977 — Besche-Commenge B. Le savoir des bergers de Casabède. Université de Toulouse Le Mirail, 2 vol., 1977.

Bonnet 1987 — Bonnet J.-Cl. La mort de Marat. Paris: Flammarion, 1987.

Borel 1969—1970 — Borel M J Pour definir l'argumentation — In Travaux du Centre de recherches sémiologiques Neuchâtel, 1969—1970

Borel 1975 — Borel M J Schematisation discursive et énonciation — In Travaux du Centre de Recherches Sémiologiques Neuchâtel, 1975, № 23

Bourdieu 1965 — Bourdieu P Un art moyen Paris Minuit, 1965

Bourdieu 1975 — Bourdieu P, Boltanski L Le Fétichisme de la langue et l'illusion du communisme linguistique — *Actes de la recherche en sciences sociales*, 1975, № 4, p 2—32

Bourdieu 1977 — Bourdieu P L'Economie des échanges linguistique — *Langue française*, 1977, № 34

Bourdieu 1979 — Bourdieu P La distinction Paris Minuit, 1979

Britton 1974 — Britton C The dialogic text and the text pluriel, occasional papers Univ of Essex, 1974, № 14

Bulletin de la Société des Amis de l'ENS 1980, № 147

Butor 1982 — Butor M Le langue de l'exil — *Le Monde*, 5 2 1982

Calvet 1975 — Calvet J L Pour ou contre Saussure Paris Payot, 1975

Calvet 1979 — Calvet J L Langue, corps, societé Paris Payot, 1979

Canguilhem 1980 — Canguilhem G Le cerveau et la pensée — Cours publics du MURS, 20 février, 1980

Chabrol 1984 — Chabrol Cl Psycho-socio-sémiotique définitions et propositions — *Langage et société*, 1984, № 28

Charaudeau 1983 — Charaudeau P Langage et discours éléments de sémiolinguistique Paris Hachette, 1983

Chomsky 1970 — Chomsky N Remarks on nominalization — In Questions de sémantique Paris Seuil, 1975

Clement 1972 — Clement C «Le moi et la deconstruction du sujet» article «Moi» Encyclopedia Universalis, ed 2, 1972, t 11

Clément 1978 — Clement C Les fils de Freud fatigués Paris Grasset, 1978

Conein 1985 — Conein B L'Enquête sociologique et l'analyse du langage les formes linguistiques de la connaissance sociale — In Arguments ethnométhodologiques Paris, Centre d'études des mouvements sociaux, 1985, p 5—9

Conein et al 1981 — Conein B, Courtine J-J, Gadet F, Marandin JM, Pêcheux M Matérialités Discursives — In Actes du colloque des 24—26 avril 1980 Paris 10 Nanterre, P Univ Lille, 1981

Corbul 1981 — Corbul V Tempête sur Byrance Paris Stock, 1981

Courtine 1981 — Courtine J-J Quelques problèmes théoriques et méthodologiques en analyse du discours — *Langages*, 1981, № 62

Courtine 1981a — Courtine J-J La toque de Clémentis — *La discours psychanalytique*, janvier 1981, № 2 (рус пер в наст сб)

Courtine 1981b — Courtine J-J Analyse du discours politique — *Langages*, juin 1981, № 62

Courtine 1982 — Courtine J-J Définition d'Orientations Théoriques et Méthodes Logiques en Analyse de Discours — *Philosophiques*, 1982, vol IX, № 1982 (Paris)

Courtine 1986 — Courtine J-J Chroniques de l'Oubli Ordinaires — *Sediments*, 1986, № 1 (Montréal)

Courtine, Lecomte 1978 — Courtine J-J, Lecomte A Formation discursive et énonciation — In Actes du Congrès, Université de Rouen, 1980

Courtine, Marandin 1981 — Courtine J-J et Marandin J-M Quel objet pour l'analyse du discours? — In Matérialités discursives Presses Universitaires de Lille, 1981

Coward, Ellis 1977 — Coward R, Ellis J Language and Materialism Developments in semiology and the theory of the subject London—Boston—Henley Routledge, 1977

Culioli 1968 — Culioli A La formalisation en linguistique — *Cahiers pour l'analyse*, 1968. № 9

Culioli, Fuchs, Pêcheux 1970 — Culioli A, Fuchs C, Pêcheux M Considerations theoriques a propos du traitement formel du langage Paris Dunod, 1970

Debray 1978 — Debray R Modeste contribution aux discours et ceremonies officielles du dixieme anniversaire Paris Maspéro, 1978

Delesalle et al 1980 — Delesalle S et al La Règle et le monstre — In Theories linguistiques et traditions grammaticales Lille Presses universitaires de Lille, 1980

Drubig 1972 — Drubig H B Untersuchungen zur Syntax und Semantik der Relativsatze im Englischen Ronéo, 1972

Dubois 1969 — Dubois J Grammaire structurale du français la phrase et les transformations Paris Larousse, 1969

Dubois 1977 — Dubois Ph L'italique et la ruse de l'oblique — In L'espace et la lettre, Cahier Jussieu 3, coll 10—18, 1977

Dubois, Dubois-Charlier 1970 — Dubois J, Dubois-Charlier F Eléments de linguistique française — In Syntaxe Paris Larousse, 1970

Ducrot 1966 — Ducrot O Logique et linguistique — *Langages*. 1966, № 2

Ducrot 1972 — Ducrot O Dire et ne pas dire (Principes de semantique linguistique) Paris Hermann, 1972

Ducrot 1984 — Ducrot O Le Dire et le dit Paris Minuit, 1984

Edelman 1973 — Edelman B Le Droit saisi par la photographie Paris Maspéro, 1973

Elias 1973 — Elias N La civilisation des mœurs Paris Calmann-Lévy, 1973

Etienne 1979 — Etienne L L'art du contrepet Paris J C Simoen, 1979

Faye 1972 — Faye J-P Langages totalitaires Paris Hermann, 1972

Fennetaux 1981 — Fennetaux M Un trou dans notre generation — *Le Discours Psychanalytique*, oct 1981, № 1

Festinger, Katz 1963 — Festinger L, Katz D Les méthodes de recherches dans les sciences sociales Tr fr Paris PUF, 1963

Fiala, Ridoux 1973 — Fiala P, Ridoux C Essai de pratique semiotique Travaux du Centre de recherches sémiologiques Neuchâtel, 1973

Fisher, Veron 1973 — Fisher S, Veron E Baranne est une creme Paris Communications, 1973

Flahault 1978 — Flahault F La parole intermediaire Paris Seuil, 1978

Foucault 1969 — Foucault M L'Archéologie du savoir Paris Gallimard, 1969 (рус пер М Фуко Археология знания Киев Ника-Центр, 1996)

Fouquier 1981 — Fouquier E Approche de la distance — In Thèse de 3eme cycle EHESS, 1981

Frege 1971 — Frege G Ecrits logiques et philosophiques Paris Seuil, 1971

Frege 1973 — Frege G Schriften zur Logik — In Logik Berlin Akademie-Verlag, 1973

Freud 1971 — Freud S Le Mot d'esprit et ses rapports avec l'inconscient Paris Gallimard, 1971

Fuchs 1980 — Fuchs C Paraphrase et théorie du langage — In Thèse d'Etat, Paris-VII, 1980

Fuchs, Milner, Le Goffic 1974 — Fuchs C, Milner J, Le Goffic P A propos des relatives Roneotype

Gadet 1977 — Gadet F La sociolinguistique n'existe pas je l'ai rencontrée — *Dialectique*, 1977, № 20

Gadet 1981 — Gadet F Tricher la langue — In Matérialités discursives Lille Presses universitaires de Lille, 1981

Gadet 1990 — Gadet F Prefácio a Uma Introdução à Obra de M Pêcheux Campinas, UNICAMP, 1990

Gadet, Léon, Pêcheux 1984 — Gadet F, Léon J, Pêcheux M Remarques sur la stabilité d'une construction linguistique la complétive — In LINX, 1984, № 10

Gadet, Pêcheux 1981 — Gadet F, Pêcheux M La Langue introuvable Paris Maspéro, 1981.

G a r d ı n, G r o s, L e v y 1964 — G a r d ı n J-C G r o s R-C, L e v y F L'Automatısatıon des recherches documentaıres Gauthıer-Vıllars, 1964

G o d e l 1957 — G o d e l R Les Sources manuscrıtes du «Cours de lınguıstıque generale» de Ferdınand de Saussure Geneve, Droz et Parıs Mınard, 1957

G o d ı n 1978 — G o d ı n B Volochınov ou Bakhtıne — *La Pensee*, 1978, № 197

G r e s ı l l o n 1975 — G r e s ı l l o n A Les relatıves dans l'analyse de la surface textuelle un cas de regıon-frontıere — *Langages*, 1975, № 37

G r e s ı l l o n 1985 — G r e s ı l l o n A Le Mot-valıse un «monstre de langue»? — In La Lınguıstıque fantastıque Parıs Denoel, 1985

G r u n ı g 1979 — G r u n ı g B Pıeges et ıllusıons de la pragmatıque lınguıstıque — *Modeles lınguıstıques*, 1979, № 1

G u e d j, G ı r a u l t 1970 — G u e d j A, G ı r a u l t J «Le Monde» humanısme, objectıvıte et polıtıque — *Le Monde* Parıs Edıtıons socıales, 1970

G u e s p ı n 1971 — G u e s p ı n L Problématıque des travaux sur le dıscours polıtıque — *Langages*, 1971, № 23, p 10

G u ı l h a u m o u 1983 — G u ı l h a u m o u J Corpus co-texte, hıstorıcıte l'evenement 31 maı 1973 — In Rapport d'actıvıte et perspectıves de recherche, rapport d'actıvıte de la RCP «Analyse de dıscours et lectures d'archıves (ADELA)», 1983

G u ı l h a u m o u 1984a — G u ı l h a u m o u J Itıneraıre d'un hıstorıen du dıscours (1974—1984) — In Hıstoıre et lınguıstıque (Colloque de la rue d'Ulm, avrıl 1983), Parıs MSH, 1984a Subsıstance(s) et dıscours publıcs dans la France d'Ancıen Regıme (1709—1785) — *Mots*, № 9, 1984b

G u ı l h a u m o u 1984 b — G u ı l h a u m o u J Subsıstance(s) et dıscours publıcs dans la France d'Ancıen Regıme (1709—1785) — In *Mots* Parıs Presses de la Fondatıon natıonale des Scıences polıtıques, № 9, 1984

G u ı l h a u m o u 1987 — G u ı l h a u m o u J Enonces et recıts sur la mort de Marat (juıllet 1793), la materıalıte de la langue dans la descrıptıon socıale de l'archıve — In Lexıque, 5 Presses Unıversıtaıres de Lılle, 1987

Guilhaumou, Maldidier 1979 — Guilhaumou J, Maldidier D Courte Critique pour une longue histoire l'analyse de discours ou les mal(leures) de l'analogie — *Dialectiques*, 1979, № 26

Guilhaumou, Maldidier 1984 — Guilhaumou J, Maldidier D Coordination et discours du pain et X — In LINX, № 10, 1984

Guilhaumou, Maldidier 1986 — Guilhaumou J, Maldidier D Effets de l'archive, l'analyse de discours du coté de l'histoire — *Langages*, 1986, № 81

Guilhaumou, Maldidier 1990 — Guilhaumou J, Maldidier D De nouveaux gestes de lecture ou le point de vue de l'analyse de discours sur le sens — In La quadrature du sens Paris PUF, 1990

Gurvitsh 1958 — Gurvitsh G Traité de sociologie Paris PUF, 1958

Haroche 1974 — Haroche C Grammaire, implicité et ambiguite A propos des fondements de l'ambiguite inherente au discours Laboratoire de psycho-sociale, ronéo 1974

Haroche, Henry, Pêcheux 1971 — Haroche C, Henry P, Pêcheux M La sémantique et la coupure saussurienne langue, langage, discours — *Langages*, 1971, № 24, (рус пер в наст сб)

Haroche, Pêcheux 1972 — Haroche Cl, Pêcheux M Manuel pour l'utilisation de la méthode d'analyse automatique du discours (AAD) T A Informations, 1972, 13(1)

Harris 1952, 1969 — Harris Z S Discourse analysis — *Language*, vol 28, 1952, tr fr «Analyse du discours» — *Langages*, 1969, № 13

Havránek 1966 — Havranek B et al Příručni mluvnice ruštiny Praha Státní Pedagogické Nakladatelstvi, 1966

Heller 1979 — Heller M Langue russe et langue soviétique — *Le Monde*, 5—7—1979

Henry 1974 — Henry P On Processing of Reference in Context In E A Carswell and R Rommetveit (ed) Social Context of Messages London Academic Press, 1971, De l'enoncé au discours, presuppositions et processus discursifs Roneotype, CNRS-EPHE, 1974

H e n r y 1975 — H e n r y P. Constructions relatives et articulations discursives. — *Langages*, 1975, № 37.

H e n r y 1977 — H e n r y P. Le mauvais outil. Langue, sujet et discours. Paris: Klincksieck, 1977.

H e n r y 1985 — H e n r y P. Sens, Sujet, Origine, (xerox), 1985.

H e n r y 1990 — H e n r y P. Fundamentos Teóricos da AD de M. Pêcheux. — In: Uma Introdução à Obra de Michel Pêcheux. Campinas, UNICAMP, 1990.

H e n r y, M o s c o v i c i 1968 — H e n r y P, M o s c o v i c i S. Problèmes de l'analyse de contenu. — *Langages*, 1968, № 11, p. 37.

H e r b e r t 1968 — H e r b e r t T. Pour une théorie générale des idéologies. — *Cahiers pour l'analyse*, 1968, № 9.

H e r b e r t 1973 — H e r b e r t T Remarques à Propos d'Une Théorie Générale de l'Idéologie. Paris, 1973.

H i r s c h 1980 — H i r s c h M. Le style indirect libre. — In: La psychomécanique et les théories de l'énonciation. P. Univ. Lille, 1980.

H i r s b r u n n e r, F i a l a 1972 — H i r s b r u n n e r M., F i a l a P. Les limites d'une théorie saussurienne du discours et leurs effets dans la recherche sur l'argumentation Travaux du Centre de recherches sémiologiques. Neuchâtel, 1972, № 13.

H j e l m s l e v, U l l d a l l 1957 — H j e l m s l e v L., U l l d a l l H.J. An Outline of Glossematics. Copenhague: Munsgaard, 1957.

H o u d e b i n e 1977 — H o u d e b i n e J.L. Langage et Marxisme. Paris: Klincksieck, 1977.

H u s s e r l 1913 — H u s s e r l E. Recherches logiques, t. II. 1913.

I r i g u a r a y 1967 — I r i g u a r a y L. Négation et transformation négative dans le langage des schizophrènes. — *Langages*, 1967, № 5.

J a c q u e s 1979 — J a c q u e s F. Dialogiques. Recherches logiques sur le dialogue. Paris: PUF, 1979.

J a k o b s o n 1963 — J a k o b s o n R. Essais de linguistique générale. Paris: Minuit, 1963.

K a t z 1972 — K a t z J.J. Semantic Theory. New York: Harper and Row, 1972.

Kerbrat-Orecchioni 1977 — Kerbrat-Orecchioni C. La connotation. P. Univ. Lyon, 1977.

Kerbrat-Orecchioni 1978 — Kerbrat-Orecchioni C. Problèmes de l'ironie — «L'ironie, Linguistique et Sémiologie». P. Univ. Lyon, 1978, № 2.

Kerbrat-Orecchioni 1982 — Kerbrat-Orecchioni C. Discours politique et manipulation: du bon usage des contenus implicites. — In: Le discours politique. Kerbrat-Orecchioni C. et Mouillaud (éd.), Presses Univ. de Lyon-II. 1984.

Kerleroux 1984 — Kerleroux F. La langue passée aux profits et pertes. — In: L'Empire du sociologue. Paris: Maspéro, 1984.

Kress G., Hodge R. Language as Ideology. London: Routledge and Kegan Paul, 1979.

Kristeva 1969 — Kristeva J. Semiotike, recherches pour une sémanalyse. Paris: Seuil, 1969.

Kuentz 1972 — Kuentz P. Parole / Discours. — *Langue française*, 1972, № 15.

Labbe 1977 — Labbe C. Le discours communiste. — In: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques. Paris, 1977.

Labov 1976 — Labov W. Sociolinguistique. Paris: Munuit, 1976.

Lacan 1953 — Lacan J. Fonction et champ de la parole et du langage en psychanalyse. — In. Ecrits 1, Paris: Seuil, (coll. Points), 1953.

Lacan 1973 — Lacan J. Les Quatre Concepts fondamentaux de la psychanalyse. Paris: Seuil, 1973.

Lacan 1977 — Lacan J. Préface à Lemaire A. Jacques Lacan. Bruxelles: Mardaga, 1977.

Lacan 1982 — Lacan J. Le séminaire. — livre 3, Les Psychoses. Paris: Seuil, 1982.

Laplanche, Pontalis 1968 — Laplanche J., Pontalis J.-B. Vocabulaire de la psychanalyse. Paris: PUF, 1968.

Le Goffic 1978 — Le Goffic P. L'assertion dans la grammaire et la logique de Port-Royal. — In: Stratégies discursives, Presses Universitaires de Lyon, 1978.

Lecomte 1978 — Lecomte A Paraphrase et thematisation Essai d'analyse logique — In Travaux du Centre de Recherches semiologiques Neuchâtel, 1978, № 32

Lecourt 1973 — Lecourt D Une crise et son enjeu Paris Maspéro, 1973

Leibniz 1961 — Leibniz G W Nouveaux essais sur l'entendement humain (1703) Paris PUF, 1961

Leiris 1939 — Leiris M Glossaire, j'y serre mes gloses — In Mots sans memoire Paris Gallimard, 1939

Lénine 1962 — Lénine V I Matérialisme et empiriocriticisme 2uvres complètes, t XIV, Éditions sociales, 1962

Lévi-Strauss 1964 — Lévi-Strauss C Le Cru et le Cuit Paris Plon, 1964

Lyons 1968, 1970 — Lyons J Linguistique générale introduction à la linguistique théorique Trad franç F Dubois-Charlier et D Robinson, Paris Larousse, 1970 (рус пер Джон Лайонз Введение в теоретическую лингвистику М Прогресс, 1978)

Macherey 1966 — Macherey P Pour une théorie de la production littéraire Paris Maspéro, 1966

Maingueneau 1984 — Maingueneau D Genèses du discours Bruxelles Pierre Mardaga, 1984

Maingueneau 1991 — Maingueneau D L'analyse du discours Introduction aux lectures de l'archive Paris Hachette, 1991

Maldidier 1971 — Maldidier D Analyse linguistique du vocabulaire de la guerre d'Algérie d'après six quotidiens parisiens — In Thèse de 3e cycle, Paris-X, 1971

Maldidier 1990 — Maldidier D (Re)lire Michel Pêcheux aujourd'hui — In L'inquétude du discours Paris Editions des Cendres, 1990

Malmberg 1966 — Malmberg B Les nouvelles tendances de la linguistique Paris PUF, 1966

Mannoni 1984 — Mannoni O éd Le Travail de la métaphore Paris Denoel, 1984

Marandin 1979 — Marandin J-M Problemes d'analyse du discours essais de description du discours français sur la Chine — *Langages*, 1979, № 55

Marcellesi, Gardin 1974 — Marcellesi J-B, Gardin B Introduction a la sociolinguistique Paris Larousse, 1974

Marmontel 1819 — Marmontel J F Grammaire et Logique (1806) — In Œuvres complètes, t XVI, Paris Vendrière, 1819

Merton 1957 — Merton R K Social theory and social structure Glencoe The Free Press, 1957 (tr fr Eléments de theorie et de methodologie sociologique Paris Plon, 1965)

Meschonnic 1973 — Meschonnic H La poétique d'histoire chez Bakhtine — In Pour la poétique, 2 Paris Gallimard, 1973

Miller 1975 — Miller J-A Theorie de la langue (rudiment) — *Ornicar*, 1975, № 1

Milner 1973 — Milner J-C Arguments linguistiques Paris Mame, 1973

Milner 1976 — Milner J-C Langage et langue, ou de quoi rient les locuteurs? — *Change*, 1976, № 29

Milner 1977 — Milner J-C Frontières de langue de quoi rient les locuteurs? (2) — *Change*, 1977, № 32, 33

Milner 1978 — Milner J-C L'Amour de la langue Paris Seuil, 1978

Milner 1982 — Milner J-C Les Monstres de langue — In DRLAV, 1982, № 27

Milner 1983 — Milner J-C Les Noms indistincts Paris Seuil, 1983

Mortureux 1982 — Mortureux M F Paraphrase et métalangage dans le dialogue de vulgarisation — *Langue Française*, 1982, № 53

Moscovici, Plon 1966 — Moscovici S, Plon M Les situations colloques observations theoriques et experimentales — In Bulletin de psychologie, XIX, 1966, № 8—12

Mounin 1963 — Mounin G Les Problèmes théoriques de la traduction Paris Gallimard, 1963

Mounin 1967 — Mounin G Histoire de la linguistique Paris PUF, 1967

Normand 1970 — Normand C Propositions et notes en vue d'une lecture de F de Saussure — *La Pensee*, 1970, № 154, p 34—51

Orlandı 1987 — Orlandı E La Danse des Grammaires Colóquıo de Nice, 1987 (Contact des Langues Quels Modèles?)

Orlandı 1989 — Orlandı E Sımulacro na Fılosofia de Deleuse — *34 Letras*, set 1989, № 5—6, Rıo de Janeıro

Pagès 1955 — Pagès R Image de l'émetteur et du récepteur dans la communicatıon — In Bulletın de psychologıe de l'unıversıté de Parıs, 1955

Pêcheux 1969 a — Pêcheux M Analyse automatıque du dıscours Parıs Dunod, 1969

Pêcheux 1969 b — Pêcheux M Idéologıe et hıstoıre des scıences les effets de la coupure galıléenne en physıque et en bıologıe — In Pêcheux M, Fıchant M Sur l'hıstoıre des scıences Parıs Maspéro, 1969

Pêcheux 1969 c — Pêcheux M Les scıences humaınes et le «moment actuel» — *La Pensée*, 1969, № 143, p 62—79

Pêcheux 1975 — Pêcheux M Les vérıtés de la Palıce Lınguıstıque, sémantıque, phılosophıe Parıs Maspero, 1975 (рус пер в наст сб)

Pêcheux 1981 — Pêcheux M L'étrange mıroır de l'analyse de dıscours — *Langages*, 1981, № 62

Pêcheux 1982 — Pêcheux M Lıre l'archıve aujourd'huı — In Archıves et Documents de la Socıéte d'hıstoıre et d'épıstémologıe des scıences du langage, (S H E S L), 1982, № 2 (рус пер в наст сб)

Fuchs, Pêcheux 1975 — Fuchs C, Pêcheux M Mıses au poınt et perspectıves à propos de l'analyse automatıque du dıscours — *Langages*, 1975, № 37 (рус пер в наст сб)

Peytard 1980 — Peytard J Sur quelques relatıons de la lınguıstıque à la sémıotıque lıttéraıre — *La Pensée*, 1980, № 215

Plon 1972 — Plon M Sur quelques aspects de la rencontre entre la psychologıe socıale et la théorıe des jeux — *La Pensee*, 1972, № 161

Plon, Préteceılle 1972 — Plon M, Préteceılle E La Théorıe des jeux et le Jeu de l'ıdeologıe *La Pensee*, 1972, № 166

Pulcınellı 1990 — Pulcınellı Orlandı E Observações sobre análıse de dıscurso — In Terra a vista

Dıscurso do confronto velho e novo mundo São Paulo Cortez ed , 1990 (рус пер в наст сб)

Rancıère 1976 — Rancıère J Les maillons de la Chaıne — *Revoltes logıques*, 1976, № 2

Rancıère 1992 — Rancıère J Les mots de l'hıstoire Parıs 1992

Récanatı 1979 — Récanatı F La transparence et l'enonciatıon Parıs Seuıl, 1979

Récanatı 1980 — Récanatı F Qu'est-ce qu'un acte locutıonnaire — *Communıcatıons*, 1980, № 32

Rey-Debove 1971 — Rey-Debove J Notes sur une ınterprétatıon autonymıque de la lıttérarıté Le mode du «comme je dıs» — *Lıttérature*, 1971, № 4

Rey-Debove 1978 — Rey-Debove J Le Metalangage, Ed le Robert, coll l'ordre des mots, 1978

Robın 1973 — Robın R Hıstoıre et lınguıstıque Parıs Armand Colın, 1973, chap 3

Robın 1979 — Robın R Le hors-texte dans le dıscours polıtıque — *Recherches et théorıes*, 1979, № 19

Robın 1986 — Robın R L'Analyse du dıscours entre la lınguıstıque et les scıences humaınes l'éterne malentendu — *Langages*, 1986, № 81 (рус пер см в наст сб)

Roudınesco 1973 — Roudınesco E Un dıscours du réel Parıs Mame, 1973

Rousseau-Dujardın 1980 — Rousseau-Dujardın J Couché par écrıt Galılée, 1980

Roustand 1980 — Roustand F Du style de Freud — In Elle ne me lache plus Parıs Mınuıt, 1980

Russell 1969 — Russell B Sıgnıficatıon et Vérıté Parıs Flammarıon, 1969

Ruwet 1963 — Ruwet N Lınguıstıque et scıences de l'homme — *Esprıt*, 1963, № 11

Safouan 1968 — Safouan M De la structure en psychanalyse Qu'est ce que le structuralısme Parıs Seuıl, 1968

Saussure 1965 — Saussure F de Cours de lınguıstıque générale Parıs Payot, 1965 (рус пер Ф де Соссюр Труды по языкознанию М Прогресс, 1977)

Schatzman, Strauss 1954 — Schatzman L, Strauss A Socıal Classes and Modes of Communıcatıon — *Amerıcan Journal of Socıology*, 1954, № 60

Sériot 1982 — Sériot P. La socio-linguistique soviétique est-elle néo-marxiste? — In: «Archives et documents de la société d'histoire et d'épistémologie des sciences du langage», 1982, № 2.

Sériot 1984 — Sériot P. L'Irréductibilité de la langue. Paris: Armand Colin, 1973.

Sériot 1985 — Sériot P. Analyse du discours politique Soviétique. Institut d'Études slaves, Paris, 1985.

Sériot 1986 — Sériot P. — Langue russe et discours politique Soviétique: analyse des nominalisations. — *Langages*, 1986, № 81 (рус. пер. см. в наст. сб.).

Simonin-Grumbach 1975 — Simonin-Grumbach J. Pour une typologie des discours. — In: Kristeva, Milner J.-Cl. et Ruwet N (eds.). Langue, discours et société. Pour Emile Benveniste. Paris: Seuil, 1975.

Sola-Pool 1959 — Sola-Pool I. de. Trends in content analysis. Urbana: Univ. Illinois Press, 1959

Stockwell, Schachter, Partee 1973 — Stockwell R.P., Schachter P., Partee B. The mayor syntactic structure of English. New York: Rinehart, Winston and Holt, 1973.

Stone, Dunphy, Smith, Olgivie 1966 — Stone P.J., Dunphy D.C., Smith M.S., Olgivie D.M. General Inquirer. A computer approach to content analysis. Cambridge Mass.: M.I.T. Press, 1966.

Tesnière 1959 — Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. Paris: Klincksieck, 1959 (рус. пер.: Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988).

Todorov 1965 — Todorov Ts. Théorie de la littérature. Paris: Seuil, 1965.

Todorov 1966 — Todorov T. Recherches sémantiques. — *Langages*, 1966, № 1.

Todorov 1981 — Todorov T. Mikhail Bakhtine, le principe dialogique, suivi de Ecrits du cercle de Bakhtine. Paris: Seuil, 1981.

Trognon 1972 — Trognon A. Analyse automatique du discours en psychologie et théorie des artefacts expérimentaux: vers une psycholinguistique de la situation expérimentale? — In: Bulletin de psychologie, 1972.

Ullmann 1952 — Ullmann S. Précis de sémantique française. Berne: A. Francke, 1952.

V a x 1970 — V a x L. L'empirisme logique, le Bertrand Russell à Nelson Goodman. Paris: PUF, 1970

V e n d l e r 1967 — V e n d l e r Z. Linguistics in Philosophy New York, Ithaka, 1967.

V i n o g r a d o v 1969 — V i n o g r a d o v V. Triompher des conséquences du culte de la personnalité dans la linguistique soviétique. — *Langages*, 1969, № 15, p. 67—84.

W e l k e 1980 — W e l k e D. Séquentialité et succés des actes de langage. — DRLAV, 1980, № 22 / 23.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Жаклин Отье-Ревю (р. 1940), доктор филологических наук, преподает французскую лингвистику в университете Новой Сорбонны (Париж-III). Работала в области структурного анализа французского языка (прежде всего синтаксиса и семантики пассивного залога). С 1977 г. исследует включение говорящего субъекта в речевую деятельность с точки зрения тех форм языка или дискурса, в которых оно осуществляется (косвенный дискурс, модальности, употребления кавычек, автопрезентация речи, различные формы автокомментария, т.е. слова, возвращающиеся к себе самим), а также и его психических аспектов. Целью г-жи Отье-Ревю были теоретические описания и соединение при анализе речевых фактов собственно лингвистики в духе структурализма Бенвениста, изучающей систему языка, и двух внешних по отношению к лингвистике теорий. С одной стороны, это концепции дискурса и смысла, восходящие к «диалогизму» Бахтина и анализу дискурса М. Пешё, а с другой — постфрейдовские подходы к изучению субъекта — прежде всего теория Лакана, — утверждающие неподвластность субъекту того, что им говорится. Ж. Отье-Ревю — автор многочисленных статей, переведенных на разные языки, и важной работы «Ces mots qui ne vont pas de soi: Boucles réflexives et non-coïncidences du dire» (1995), удостоенной премии Пьера Ларусса.

Мишель Пешё (1938—1983), получил философское образование в Высшей педагогической школе (Эколь Нормаль) на улице Юльм в Париже. Будучи в начале своей деятельности близок к Сартру, познакомился с философом Л. Альтюссером. Эта встреча оказала определяющее воздействие на создание теории, давшей всему поколению возможность думать о марксизме вне рамок механистической догмы. Он становится активным членом парижского Эпистемологического кружка, издававшего журнал *Cahiers pour l'analyse*. Именно в этом журнале в 1966 г. была опубликована его первая статья. В Эколь Нормаль он познакомился также с философом Ж. Кангилемом, пробудившим в нем интерес к истории науки и эпистемологии. В 1966 г.

М. Пешё поступил на работу в Национальный центр научных исследований (CNRS) в лабораторию социальной психологии. В 1969 г. выходит его работа *Analyse automatique du discours*, а в 1975-м — *Les Vérités de La Palice*. С начала 70-х гг. и вплоть до своей смерти в 1983 г. он был душой все более расширявшейся группы исследователей, занимавшихся анализом дискурса.

Жак Гийому получил два высших образования: историка и лингвиста. Он специализируется на истории Великой французской революции, рассмотренной через призму анализа дискурса. В настоящее время занимается исследованиями в области наук о языке и является ответственным редактором «Словаря французского послереволюционного социально-политического узуса» (Национальный институт французского языка / Эколь Нормаль, Сен-Клу). Он собрал и подготовил к печати (в соавторстве) следующие работы:

Sur la Révolution française. — *Bulletin du Centre d'analyse du discours de Lille*, 1975, III, № 2.

Peuple et pouvoir. — Essais de lexicologie. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1981.

La rhétorique du discours, objet d'histoire. — *Bulletin du Centre d'analyse du discours de Lille*, 1981, III, № 5.

Désignants socio-politiques sous la Révolution française. Paris: Klincksieck, 1985.

Notions-concepts sous la Révolution française. Paris: Klincksieck, 1987.

Langue et révolution. — LINX, Paris-X-Nanterre, № 15, 1987.

Les langages de la Révolution française. — MOTS, № 16, mars 1988.

Дениз Мальдидье (1931—1992) по образованию лингвист, была доцентом кафедры языкознания в университете Париж-X-Нантерр. Ее исследования, начиная с диссертации «Лингвистический анализ словаря алжирской войны» (1970), были посвящены преимущественно анализу дискурса. Она часто работала в соавторстве с историками, прежде всего Жаком Гийому и Режин Робен.

В 1990 г. Дениз Мальдидье опубликовала антологию работ Мишеля Пешё: Michel Pêcheux: L'inquiétude du discours. Paris: Editions des Cendres.

Эни Пульчинелли Орланди была преподавателем романской филологии и лингвистики в Университете Сан-

Паулу в 1967—1979 гг С 1979 г — профессор лингвистики по специальности «анализ дискурса» в Университете Кампинас, штат Сан-Паулу, Бразилия После защиты докторской диссертации стажировалась в Париже, Ланкастере (Англия) и Лозанне (Швейцария) Ее научная деятельность лежит в русле французской школы анализа дискурса, а объектом исследования служит Бразилия и, шире, Латинская Америка К числу ее основных работ относятся A linguagem e seu funcionamento (1983), Palavra, fé, poder (1987), A politica linguistica na America Latina (1989), Discurso e leitura (1988), Terra a vista (1990), Discurso fundador (1993) и As formas do silencio (премия в области гуманитарных наук за 1993 г) Ее перу принадлежит также введение в языкознание O que é linguistica?, опубликованное в 1986 г (в настоящее время вышло 7-е издание)

Режин Робен (р 1939) по образованию историк, но ее работы касаются преимущественно лингвистических проблем В 1970 г защитила кандидатскую диссертацию на тему «Cahiers de doléance à la veille de la Révolution française», посвященную исследованию новых способов чтения, которые позволили бы ввести в оборот огромный массив документов, где можно было бы распознать повторения, варианты, сближения и т д В 1973 г опубликовала новаторскую работу Histoire et linguistique, содержащую ряд новых и весьма плодотворных идей относительно связей между анализом дискурса и историей

В настоящее время Р Робен является преподавателем социологии в Университете Монреаля, где она основала центр по изучению 30-х годов Ее великолепное знание России и Советского Союза дало ей возможность опубликовать много важных работ Le cheval blanc de Lénine ou l'histoire autre (1979), Le réalisme socialiste Une esthétique impossible (1986) и сборник Masses et culture de masse dans les années trente (1991)

Жан-Жак Куртин преподавал общую лингвистику и анализ дискурса в Гренобльском университете С 1985 г — преподаватель французской лингвистики и истории культуры в Калифорнийском университете (Санта-Барбара) Его работы посвящены в первую очередь истории тела, а также анализу политического дискурса и истории ментальности К числу его основных работ относятся

Analyse du discours politique Larousse, 1981 (Langages, № 62)

Histoire du visage, XVIème — début du XIXème siècles Paris Rivages, 1988 (в соавт с К Арош)

Le théâtre des monstres Savants, voyageurs et curieux, XVIIIème — XXème siècles Paris Seuil, 1996

Готовится к печати работа

Histoire du corps en Occident, XVIème — XXème siècles Paris Seuil, 1997 (в 3-х тт) (в соавт с А Корбеном и Г Вигарелло)

Поль Анри, математик по образованию, специалист по философии и истории науки Сотрудник Национального центра научных исследований Руководитель программы научных исследований в Международном философском колледже в 1989—1995 гг , президент этого колледжа в 1992—1995 гг Опубликовал множество статей в специализированных научных журналах, принимал участие в коллективных работах, посвященных истории и эпистемологии лингвистики, теории дискурса, математики, психоанализа и психологии, а также автор работы «Le Mauvais outil sujet, langue, discours» Paris Klincksieck, 1978

К числу последних публикаций Поля Анри относятся

Wittgenstein and contemporary linguistics — In Wittgenstein and contemporary theories of language P Henry and U Utaker (eds), Working papers from the Wittgenstein archive at the University of Bergen, 1992, № 5

Mathematical machine — In The Machine as Metaphor and Tool H Haken, A Karlqvist, U Svedin (eds), Berlin—Heidelberg Spring Verlag, 1993

On Mathematics at the time of the Enlightenment and related topics — In Skill and technology on Diderot, education and the third culture M J Cook and Goranson (eds), Berlin—Heidelberg Spring Verlag, 1994

Патрик Серио (р 1949) — лингвист и специалист по России Неоднократно бывал в СССР Работал в Гренобльском университете, затем в течение двух лет в CNRS, с 1987 г — преподаватель русского языкознания в Университете Лозанны (Швейцария) Около десяти лет сотрудничал в гренобльском журнале *Essais sur le discours soviétique* Его исследования по анализу дискурса применительно к советским реалиям (и к феномену так называемого «langue de bois» во Франции) получили свое отражение в книге Analyse du discours politique soviétique Paris Institut d'Etudes Slaves, 1985 Уже много лет областью его научных интересов являются история и эпистемология русской и советской

лингвистики и культурная основа «представления о языке» в России (особенно «евразийская лингвистика» и российские истоки европейского структурализма) В последнее время специализируется на сравнительном анализе гуманитарных наук во Франции и России

СОДЕРЖАНИЕ

Квадратура смысла:

Французская школа анализа дискурса

Редактор *В.Д. Мазо*

Художественный редактор *А.Ю. Никулин*

Компьютерная верстка *А.Ф. Нестеров*

Корректор *А.В. Максименко*

ИБ № 20008
ЛР № 060775 от 07.03.97
Подписано в печать 28.01.99. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Усл. кр.-отт 22,25. Уч.-изд. л. 24,99. Тираж 5000 экз.
Заказ № 27 Изд. № 49391

ОАО Издательская группа «Прогресс»
119857, Москва, Зубовский бульвар, 17

ОАО Издательская группа «Прогресс»
Отпечатано в цехе оперативной полиграфии
119857, Москва, Зубовский бульвар, 17